

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ
РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИИ

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В МАРТЕ
1957 ГОДА

ВЫХОДИТ
6 РАЗ
В ГОД

НАУКА
МОСКВА

В НОМЕРЕ:

К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 г.

Г. К. Жуков: к портрету полководца

Героические символы: реальность и мифология войны

Послевоенное общество: голод и преступность. 1946—1947 гг.

Министерство народного просвещения и печать. 60-е годы XIX в.

Страховой закон 1912 г. и его практическое применение

Белая разведка и контрразведка на Юге России в годы Гражданской войны

Плеханов, утопизм и русская революция

Повесть временных лет: замысел и название

Общественный строй средневекового Полоцка

Публикации:

Триумф большевизма: революция или реакция?
С. Р. Томпкинс.

сентябрь
октябрь

1995 * **5**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

К. Ф. ШАЦИЛЛО (*и. о. главного редактора*),
Б. В. АНАНЬИЧ, В. И. БОВЫКИН, Г. А. ГЕРАСИМЕНКО, В. Я. ГРОСУЛ,
В. П. ДМИТРЕНКО, А. П. КОРЕЛИН, Ю. С. КУКУШКИН,
В. С. ЛЕЛЬЧУК, Б. Г. ЛИТВАК, Л. В. МИЛОВ, Л. Н. НЕЖИНСКИЙ,
А. П. НЕНАРОКОВ, Е. И. ПИВОВАР (*зам. главного редактора*),
Ю. А. ПОЛЯКОВ, М. А. РАХМАТУЛЛИН (*зам. главного редактора*),
А. Н. САХАРОВ, С. В. ТЮТЮКИН, В. А. ФЕДОРОВ, Я. Н. ЩАПОВ

Адрес редакции:

117036, Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 123-90-10; 123-90-41

Ответственный секретарь Ю. В. Мочалова, тел. 123-90-10

EDITORIAL BOARD

K. F. SHATSILLO (*Editor-in chief ad interim*),
B. V. ANAN'ICH, V. L. BOVYKIN, G. A. GERASIMENKO, V. Ia. GROSUL, V. P. DMITRENKO,
A. P. KORELIN, Iu. S. KUKUSHKIN, V. S. LEL'CHOUK, B. G. LITVAK, L. V. MILOV,
L. N. NEZHINSKII, A. P. NENAROKOV, E. I. PIVOVAR (*Assistant editor-in chief*),
Iu. A. POLYAKOV, M. A. RAKHMATULLIN (*Assistant editor-in chief*),
A. N. SAKHAROV, S. V. TIUTIUKIN, V. A. FEDOROV, Ia. N. SCHAPOV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 123-90-10; 123-90-41

Managing Editor Ju. V. Mochalova, tel. 123-90-10

*Редакция журнала благодарит Российский фонд
фундаментальных исследований за финансовую поддержку
по проекту № 95-06-95012*

К 50-летию окончания Второй мировой войны

© 1995 г. П. Н. БОБЫЛЕВ*

К КАКОЙ ВОЙНЕ ГОТОВИЛСЯ ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ШТАБ РККА В 1941 ГОДУ?

Публикация в журнале «Новая и новейшая история» статьи Ю. А. Горькова «Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.»¹, а в журнале «Отечественная история» — статьи М. И. Мельтюхова «Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии»² может, по нашему мнению, дать ощутимый импульс в изучении событий кануна и начала Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. С того времени прошло уже более полувека, однако многое до сих пор остается неизвестным, некоторые сюжеты, проблемы и вовсе не затрагивались. Так, до последнего времени трудно было даже представить, что в открытой печати кто-то из историков в нашей стране поставит вопрос в такой плоскости: а не готовился ли СССР сам напасть на Германию? Попытка поставить такой вопрос дорого обошлась бы любому автору или участнику устной дискуссии. И вряд ли стоит удивляться тому, что утверждение В. Суворова, автора ставшей широко известной у нас книги «Ледокол»³, о подготовке Советским Союзом нападения на Германию в 1941 г. встретило столь решительный отпор в публикациях отечественных историков: сама мысль об этом в свете трагических для СССР событий начала войны представляется кощунственной.

Однако мы полностью разделяем мнение редакции журнала «Отечественная история», предпосланное статье М. И. Мельтюхова: «Подвиг народа в войне был и навсегда останется символом нашей патриотической гордости, но деяния вождей, полководцев, офицеров и солдат должны стать предметом научного исследования, свободного от каких-либо соображений, кроме поиска истины»⁴.

Верно замечено и показано многими авторами, что книга В. Суворова изобилует спорными, слабыми и совершенно неубедительными положениями⁵. Ее броский подзаголовок — «Кто начал Вторую мировую войну?» — делает полемику с автором книги изначально бессмысленной, поскольку виновник развязывания этой войны — фашистская Германия — давно назван и неизвестен разве что только В. Суворову. Но принципиальное значение имеют не слабые места книги, а авторская концепция о подготовке Советским Союзом нападения на Германию в 1941 г.

Подступы к этой проблеме, занимающей центральное место в книге В. Суворова и в статьях Ю. А. Горькова и М. И. Мельтюхова, длительное время были надежно перекрыты баррикадами из постулатов официальной пропаганды и истории, согласно которым СССР готовился только к обороне, а то, что после такой усиленной подготовки Красная Армия в начальный период войны потерпела катастрофическое поражение, объяснялось просчетами Сталина, внезапностью нападения противника, его превосходством в силах и средствах, а также рядом других причин. Поэтому дружную критику основной концепции книги В. Суворова можно, как нам кажется, объяснить не только «классовой позицией» критиков или их отношением (вполне понятным и объяснимым) к личности самого В. Суво-

* Бобылев Павел Никитич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации.

рова, но и неисследованностью поставленной им проблемы, закрытостью многих документов, которые могли бы приподнять завесу над тайной подготовки СССР к возможной войне с Германией в 1941 г.

К числу таких документов относились и материалы двух крупных оперативно-стратегических игр на картах с высшим командным составом Красной Армии, состоявшихся в Генеральном штабе РККА за полгода до войны. До недавнего времени почти никакой информации о них в открытой печати не встречалось. Даже многотомная «История Второй мировой войны. 1939—1945» ограничилась лишь констатацией факта, что «под руководством наркома обороны была проведена большая стратегическая игра, разбор которой состоялся в Кремле в присутствии И. В. Сталина и других членов Политбюро ЦК ВКП(б)»⁶. В этом бы не было ничего необычного (мало ли военных игр проводилось и до, и после января 1941 г., материалы которых, хранящиеся в архивах, не привлекли общественного интереса), если бы не одно чрезвычайно важное обстоятельство: в тех редких случаях, когда возникал разговор об оперативно-стратегических играх января 1941 г., почти все сказанное о них мемуаристами и историками было «вмонтировано» в систему доказательств оборонительного характера подготовки страны и армии к возможной войне, всячески подчеркивалась практическая значимость этих игр для проверки планов Генерального штаба на случай войны.

Так, в интервью от 20 августа 1965 г. (оно опубликовано лишь в 1992 г.) Маршал Советского Союза А. М. Василевский, стоявший у истоков планирования игр, отмечал: «В январе 1941 г., когда близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо, основные моменты оперативного плана были проверены на стратегической военной игре с участием высшего командного состава вооруженных сил»⁷. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, исполнявший в играх ключевые роли, утверждал то же самое: «Военно-стратегическая игра в основном преследовала цель проверить реальность и целесообразность основных положений плана прикрытия и действий войск в начальный период войны»⁸. Опираясь на такие авторитетные свидетельства, аналогичным образом трактовали цель игр и другие авторы. Маршал Советского Союза М. В. Захаров (впервые опубликовавший сведения об участниках, обстановке и замыслах операций сторон в играх) подчеркивал, что игры проводились для «отработки некоторых вопросов, связанных с действиями войск в начальный период войны»⁹. Отдельные авторы даже обрисовали общую канву событий в играх, правда, почти у каждого из них отличающуюся немаловажными деталями.

М. В. Захаров, например, констатировал, что «западным» в первой игре «удалось создать крупную группировку на своем левом фланге для нанесения удара в направлении Рига — Двинск, удачно решить эту задачу и выиграть операцию»¹⁰. Военный историк В. А. Анфилов иначе описывает эти же события: в его версии, по замыслу игры восточная сторона должна была «упорной обороной в укрепленных районах отразить наступление „западных“ севернее Припяти и создать условия для перехода в решительное наступление. Однако, вопреки замыслу, „западные“, нанеся три мощных удара по сходящимся направлениям, прорвали укрепленные районы, „разгромили“ гродненскую и белостокскую группировки „восточных“ и вышли в район Лиды»¹¹. В книге Н. Н. Яковлева о Г. К. Жукове (из серии «Жизнь замечательных людей») эта версия повторяется: «Проигрывался начальный период войны. За „западных“ (немцы) играл Жуков. По плану игры предполагалось убедительно показать — „восточные“ смогут отразить наступление „западных“ севернее Припяти, а затем перейти в решительное наступление. Получилось иное — „западные“ тремя мощными ударами прорвали укрепленные районы „восточных“, „разгромили“ их силы и вырвались в район Лиды»¹². Оригинальную интерпретацию игр в своей книге о Г. К. Жукове изложил В. В. Карпов¹³, но она тоже оказалась настолько далекой от истины, что нет смысла приводить соответствующие цитаты. Отметим только, что, по В. В. Карпову, во второй игре «Жуков командовал „западной“ стороной, а Павлов — „восточной“»¹⁴, между тем все было строго наоборот и то, за что В. В. Карпов похвалил Г. К. Жукова¹⁵, просто не имело места в этой игре.

Однако наиболее распространенной и привлекательной стала версия К. Симонова, который, вспоминая о своих беседах с Г. К. Жуковым, привел такие слова маршала: «...я, командуя „синими“, развил операцию именно на тех направлениях, на которых потом развивали операции немцы. Наносил свои главные удары там, где они их потом наносили. Группировки сложились примерно так, как потом они сложились во время войны. Конфигурация наших границ, местность, обстановка — все это подсказывало мне именно такие решения, которые они потом подсказали и немцам. Игра длилась около 8 суток. Руководство игрой искусственно замедляло темп продвижения „синих“, придерживало его. Но „синие“ на восьмые сутки продвинулись до района Барановичей...»¹⁶. Впервые такое утверждение было приведено М. Бабак и И. Ицковым в 1986 г. в «Огоньке»¹⁷, затем оно повторено в публикации «Военно-исторического журнала»¹⁸, в книге «Маршал Жуков. Каким мы его помним»¹⁹, Д. А. Волкогоновым в его известной книге о Сталине²⁰, в статье «Новой и новейшей истории»²¹ и даже обыграно в одном из кинофильмов о начале войны, где Г. К. Жуков по ходу разговора укоряет командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова за то, что тот не сделал никаких выводов из оперативно-стратегической игры, в которой-де Г. К. Жуков показал Д. Г. Павлову, как его будут бить немцы в случае войны.

Между прочим, такое подчеркивание (очевидно, из самых лучших побуждений) столь точного предвидения Г. К. Жуковым, как и на каких направлениях будут действовать немцы при нападении на СССР, ничего не добавляет к действительным заслугам маршала, а, наоборот, свидетельствует не в его пользу, поскольку невольно приводит к мысли, что назначенный сразу после игр начальником Генерального штаба Красной Армии Г. К. Жуков за оставшееся до войны время не сделал ничего, чтобы, исходя из опыта игр, внести коррективы в группировку войск Западного Особого военного округа и избежать неблагоприятного развития событий здесь в случае войны.

Как бы то ни было, это зафиксированное К. Симоновым свидетельство Г. К. Жукова об оборонительном характере действий «восточных» в играх могло бы служить одним из весомых аргументов для опровержения версии В. Суворова о подготовке СССР к нападению на Германию в 1941 г., если бы не обилие сомнительных высказываний, авторство на которые писатель закрепил за Г. К. Жуковым: игра якобы состоялась в декабре 1940 г., (на самом деле — в январе 1941 г.), что Д. Г. Павлов в игре командовал Западным фронтом (на самом деле — Северо-Западным), что на Юго-Западном фронте (который в первой игре даже не обозначался) Д. Г. Павлову «подыгрывал» Г. М. Штерн (являвшийся в действительности подчиненным самого Г. К. Жукова в игре: он командовал 8-й армией «западных», оборонявшейся на кенигсбергском направлении), что основной доклад на разборе игр в Кремле делал Г. К. Жуков (в действительности итоги игр подвел К. А. Мерецков) и т. д.²² Поневоле приходится думать, что здесь мы имеем иллюстрацию того, о чем пишет известный историк Н. Г. Павленко, анализируя указанные записи бесед с Г. К. Жуковым: «К сожалению, при записи мыслей и высказываний полководца был допущен ряд неточностей и сомнительных суждений, которые оказались во „Фрагментах“ (имеется в виду публикация в „Огоньке“. — П. Б.), а затем и в публикациях „Военно-исторического журнала“»²³. Сам Г. К. Жуков в своих мемуарах подобных утверждений не приводит, ограничившись в описании первой игры двумя фразами: «Игра изобиловала драматическими моментами для восточной стороны. Они оказались во многом схожими с теми, которые возникли после 22 июня 1941 года, когда на Советский Союз напала фашистская Германия...»²⁴. Из этих фраз даже при очень большом желании трудно прийти к заключению, которое сделали авторы «Огонька», ориентируясь на записи К. Симонова: «...как ни трагически это звучит, синие стрелы на карте Жукова, нанесенные им в дни „игры“, совпали с тремя главными направлениями ударов, которые были обрушены на нас на рассвете 22 июня...»²⁵. Единственное, в чем воспоминания Г. К. Жукова и записи К. Симонова одинаковы, — утверждение, что в игре превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, отдавалось «западным»²⁶.

Но самое главное сомнение в отношении всех перечисленных версий игр состояло в другом. Известно, что через полгода после игр советские войска именно в начальный период войны потерпели катастрофическое поражение. И это обстоятельство совершенно не вяжется с вышеприведенными утверждениями, что в играх проверялся план прикрытия западных рубежей страны и рассматривались действия войск в начальный период войны. В самом деле: не мог же в играх прорабатываться именно тот вариант действий Красной Армии, который осуществился в начале войны, ибо потерпеть столь жестокое поражение можно было бы и без всяких предварительных игр. Трудно также допустить, что, несмотря на неудачу «восточных», в оперативный план не было внесено никаких изменений, а это и привело 22 июня к повторению результата игр. Оставалось только предположить, что в играх рассматривались какие-то другие варианты действий Красной Армии в начале войны, с иными результатами. Нельзя было оставить без внимания и такой факт: М. И. Казаков, который тоже был участником игр (в первой игре он командовал конно-механизированной армией «восточных»), в своих мемуарах утверждает, что превосходство в силах и средствах изначально отдавалось «восточным», которых он к тому же почему-то называет «наступающей стороной»²⁷. А это, согласимся, в корне противоречит вышеприведенным утверждениям других авторов и «работает» на версию В. Суворова.

Снятие с материалов игр грифа «совершенно секретно» позволило восстановить общую картину замысла, хода и итогов игр²⁸, первая из которых состоялась 2—6 января 1941 г. и проводилась на северо-западном направлении, а вторая — 8—11 января на юго-западном направлении. Эти игры действительно были необычными по уровню и масштабу. К ним привлекалось все высшее военное руководство: нарком обороны СССР Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко (он руководил играми) и начальник Генерального штаба РККА генерал армии К. А. Мерецков, их заместители, генерал-инспекторы родов войск, командующие войсками и начальники штабов военных округов, командующие армиями и другие командиры и начальники высшего звена. Игры охватывали территорию СССР, примыкающую к его границе на западе от Балтийского до Черного морей, а также территории сопредельных стран от Германии до Румынии. Со стороны «восточных» (под которыми подразумевался СССР), как и со стороны «западных» (Германия) и их союзников, действовали фронтовые и армейские объединения, крупные формирования танковых войск и кавалерии, выполнявшие свои задачи в соответствии с рекомендациями декабрьского (1940 г.) совещания высшего командного состава РККА и с учетом опыта операций Второй мировой войны. Размах игр не уступал, а по некоторым показателям и превосходил размах операций в Западной Европе в 1939—1940 гг.: в первой игре в полосе 660 км с обеих сторон были введены в действие 92 стрелковые (пехотные) дивизии, 4 кавалерийские, 6 механизированных и 12 танковых дивизий, 26 танковых и механизированных бригад, свыше 17,8 тыс. орудий и минометов, более 12,3 тыс. танков, около 9 тыс. самолетов; во второй игре в полосе около 1500 км в операциях участвовали 181 стрелковая (пехотная) дивизия, 10 кавалерийских, 7 механизированных и 15 танковых дивизий, 22 танковые и механизированные бригады, около 29 тыс. орудий и минометов, свыше 12,1 тыс. танков, более 10,2 тыс. самолетов²⁹.

В первой игре Северо-Западный фронт «восточных» возглавлял командующий войсками Западного Особого военного округа генерал-полковник танковых войск Д. Г. Павлов, а противостоявший ему Северо-Восточный фронт «западных» — командующий войсками Киевского Особого военного округа генерал армии Г. К. Жуков. Во второй игре их поменяли сторонами: Юго-Западным фронтом «восточных» командовал Г. К. Жуков, с противоположной стороны Юго-Восточным фронтом — Д. Г. Павлов, а Южным — командующий войсками Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант Ф. И. Кузнецов.

Что же выяснилось в результате анализа документов игр?

Прежде всего то, что разработчики сценария игр из Генерального штаба, как оказалось, не намного ошиблись с датой возможного начала войны: согласно

заданиям на игры, «западные» совместно с их союзниками, не завершив развертывания, осуществили нападение на «восточных» 15 июля 1941 г.³⁰ Это — исключительно важный факт для дискуссии о событиях 1941 г.: даже в надежно укрытых от постороннего взгляда документах игр «восточные» (т. е. СССР) рассматривались не как нападающая сторона, а как объект агрессии западных соседей. Таким образом, за полгода до 22 июня вопрос о нападении на Германию не прорабатывался, поскольку и не ставился. М. И. Мельтюхов считает, что решение о войне с Германией и план такой войны были приняты 14 октября 1940 г.^{30а} Но в «Соображениях об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы», которые имеет в виду М. И. Мельтюхов, рассматривались все возможные противники СССР как на Западе, так и на Востоке. И хотя основным, наиболее сильным противником считалась Германия, документ не содержит даже намека на то, что СССР может развязать войну против нее. В случае же нападения Германии в «Соображениях...» в качестве первоочередной задачи значилось: «1. Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск»³¹.

Совершенно иначе рассматривалось начало войны с СССР в Германии. Генеральный штаб сухопутных войск вермахта 29 ноября — 7 декабря 1940 г. (т. е. на месяц раньше, чем это сделали советские военачальники) тоже провел военную игру на картах под руководством первого обер-квартирмейстера (начальника оперативного управления) генерал-майора Ф. Паулюса. Но в этой игре проверялась реальность уже сложившихся наметок по плану агрессии против СССР: 29 ноября разыгрывалось вторжение германских войск в приграничную полосу СССР и сражение в ней, проводилось «обсуждение оперативных возможностей после достижения первой оперативной цели»³². 3 декабря отрабатывались действия германских войск при их наступлении до рубежа Минск, Киев, а 7 декабря разыгрывались возможные варианты действий за этим рубежом³³. По итогам каждого этапа игры уточнялись группировка германских войск, распределение сил по направлениям, оперативные задачи объединений и другие вопросы. Результаты игры были обсуждены с командующими группами армий и учтены в оперативных документах по плану «Барбаросса», утвержденному Гитлером 18 декабря 1940 г.

Таким образом, в играх были четко обозначены намерения сторон: вермахт собирался нападать, Красная Армия планировала отразить нападение и затем перейти в наступление. Однако, если германский генералитет, рассматривал действия своих войск после нападения шаг за шагом, то в играх, проведенных Генеральным штабом РККА, никаких задач, связанных с действиями «восточных» по отражению агрессии, не решалось, поскольку именно начальный период войны полностью исключался из розыгрыша. О нем скороговоркой было сказано в заданиях на игры как об этапе, им предшествовавшем. Так, по заданию на первую игру «западные», осуществив 15 июля 1941 г. нападение на «восточных», к 23—25 июля продвинулись по территории Белоруссии и Литвы на 70—120 км на восток от границы, достигнув рубежа Осовец, Скидель, Лида, Каунас, Шяуляй. Однако в результате ответных ударов «восточных» к 1 августа «западные» были отброшены в исходное положение, к границе. С этого положения и начиналась собственно первая игра³⁴. По заданию на вторую игру Юго-Восточный фронт «западных» и их союзников начал боевые действия 1 августа 1941 г. против львовско-тернопольской группировки «восточных» и вторгся на территорию Украины на глубину 50—70 км, однако на рубеже Львов, Ковель был встречен сильным контрударом Юго-Западного фронта «восточных» и, потеряв до 20 пехотных дивизий, к исходу 8 августа отошел на заранее подготовленный рубеж. При этом Юго-Западный фронт не только отбросил противника к границе, но и перенес военные действия западнее ее на глубину 90—120 км, достигнув армиями правого крыла фронта рек Висла и Дунаец. Только Южный фронт «южных» начинал игру с захваченной им небольшой части территории Молдавии и Украины³⁵.

Подчеркнем: в том, что именно так, согласно исходной обстановке для игр, сложился начальный период войны, нет никакой заслуги ни Г. К. Жукова, ни

Д. Г. Павлова, ни Ф. И. Кузнецова как командующих фронтами. За них эту задачу решили работники Оперативного управления Генерального штаба, составлявшие задания на игры. А вот каким же образом «восточным» удалось так быстро и результативно отразить нападение — об этом в заданиях не говорилось ничего. Вопреки приведенным выше утверждениям военных деятелей и историков, в играх не было даже попытки рассмотреть действия «восточных» (т. е. Красной Армии) в случае нападения реального противника, хотя возможность разыграть эту ситуацию (оказавшаяся, к сожалению, последней) представлялась. Ее реализация была бы весьма своевременной и полезной, особенно в условиях, когда, по приведенному выше свидетельству А. М. Василевского, «близость войны уже чувствовалась вполне отчетливо».

Следовательно, каким бы ни был на то время план прикрытия государственных границ — хорошим или плохим, для игр это не имело ровно никакого значения: план этот в соответствии с исходной обстановкой для игр был успешно выполнен, причем в считанные дни. Очевидно, такой исход начального периода войны считался разработчиками игр (т. е. Генеральным штабом) само собой разумеющимся, тем более в условиях, когда общее превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, было на стороне «восточных». Так, по условиям первой игры Северо-Западный фронт «восточных» (Д. Г. Павлов) имел превосходство над Северо-Восточным фронтом «западных» (Г. К. Жуков) по всем показателям (кроме противотанковых орудий), причем по танкам это превосходство выражалось соотношением 2,5 : 1, а по самолетам — 1,7 : 1³⁶. И во второй игре Юго-Западный фронт «восточных» (Г. К. Жуков) превосходил вместе взятые Юго-Восточный (Д. Г. Павлов) и Южный (Ф. И. Кузнецов) фронты противника по количеству танков (3 : 1) и самолетов (1,3 : 1), а по общему количеству соединений и артиллерии соотношение сил было примерно равным³⁷. Следовательно, Г. К. Жуков в своих воспоминаниях ошибся, утверждая, что превосходство в силах и средствах, особенно в танках и авиации, имела западная сторона.

И, наконец, еще одна немаловажная особенность игр: «восточные» отрабатывали в основном только наступательные задачи. В первой игре по теме «Наступательная операция фронта с прорывом УР» «восточные» (Д. Г. Павлов) выполняли задачу разгромить «западных» в Восточной Пруссии и к 3 сентября 1941 г. выйти на р. Висла от Влоцлавек до устья³⁸; «западные» (Г. К. Жуков) в течение почти всей игры были обороняющейся стороной. И во второй игре «восточные» (Г. К. Жуков) отрабатывали в основном вопросы наступления на юго-западном направлении; оборонительные задачи, как уже отмечалось, им пришлось решать главным образом на флангах, причем на правом крыле Юго-Западного фронта оборона велась уже глубоко на территории Польши (район Бяла Подляска, Любартов, Демблин), а на левом крыле — на небольшой части территории Украины и Молдавии (район Черновицы, Городок, Могилев-Подольский, Костешти), где противнику по исходной обстановке давался временный «успех».

Итак, оказывается, прав был М. И. Казаков, охарактеризовавший «восточных» как наступающую сторону в играх. Но в таком случае уместен вопрос: если в них отрабатывались для «восточных» наступательные задачи, то имели ли они отношение к оперативным планам Генерального штаба на случай войны на Западе? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, однозначен: да, имели.

Во-первых, созданные в играх группировки войск сторон соответствовали утвердившимся осенью 1940 г. взглядам советского военного руководства, изложенным в уже упомянутых «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г. В этом документе в качестве основного рассматривался вариант сосредоточения Германией ее главных сил (110—120 пехотных дивизий, основной массы танков и самолетов) на юге, в районе Седлец, Люблин, «для нанесения главного удара в общем направлении на Киев» с целью захвата Украины; из Восточной Пруссии ожидался вспомогательный удар силами 50—60 дивизий³⁹. Именно эта ситуация была создана в играх: до 60 пехотных дивизий «западных» предприняли 15 июля 1941 г. наступление севернее Бреста (первая игра) «в интересах главной операции», которая началась несколько позже (1—2 августа) к югу от Бреста, где

действовали главные силы «западных» — до 120 пехотных дивизий, а вместе с союзниками — до 150 пехотных дивизий⁴⁰ (вторая игра).

Что касается группировки советских войск на Западе, то в «Соображениях...» намечалось развернуть здесь три фронта: Северо-Западный, Западный и Юго-Западный; для ведения операций на Западе назначалось 149 стрелковых и мотострелковых дивизий, 16 танковых и 10 кавалерийских дивизий, 15 танковых бригад, 159 авиapolков, причем главные силы должны были быть развернутыми южнее Полесья⁴¹. В играх на стороне «восточных» действовали те же фронты (правда, несколько иного, чем в «Соображениях...», состава) почти с тем же общим количеством дивизий (182), но с большим процентом соединений и частей танковых войск и ВВС, с большим числом танков и самолетов; этим учитывалась тенденция увеличения доли этих средств вооруженной борьбы в составе Красной Армии.

Во-вторых, в каждой из оперативно-стратегических игр прорабатывались наступательные задачи по каждому из вариантов стратегического развертывания Красной Армии, указанному в «Соображениях...». При развертывании Красной Армии по основному варианту, т. е. ее главные силы сосредоточены к югу от Бреста, в «Соображениях...» намечалось «мощным ударом в направлениях Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне»⁴². Конкретно перед Юго-Западным фронтом ставилась задача: «прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на Вислу. В дальнейшем нанести удар в направлениях на Кельце, Петркув и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер»⁴³. Эти задачи и составили содержание второй игры. Первая их часть (выход на р. Висла), как уже отмечалось, по исходной обстановке считалась успешно решенной. Дальнейшая задача отрабатывалась в ходе игры: в соответствии с директивой Ставки «восточных» Юго-Западный фронт (Г. К. Жуков) должен был, прочно удерживая рубеж р. Висла, овладеть районом Краков, Мысленице, а затем к 16 сентября 1941 г. выйти на рубеж Краков, Будапешт, Тимишоара, Крайова⁴⁴. В игре наступление Юго-Западного фронта на направлении главного удара достигло рубежа Краков, Катовице, Новы Тарг, Поппрад, Прешов, Кошице, Ужгород, а последующие удары намечались из района Краков, Катовице на Ченстохова (южнее Петркув) и из района Ньиредь-хаза, Кишварда, Матесалька — на Будапешт⁴⁵.

При развертывании главных сил Красной Армии к северу от Бреста их задача в «Соображениях...» определялась так: «нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней»⁴⁶. Именно эта задача и была поставлена перед Д. Г. Павловым в первой игре. Необходимо заметить, что при ее выполнении он не выглядел столь беспомощным и легкомысленным, каким его иногда изображают. Так, в статье П. А. Пальчикова и А. А. Гончарова «Что произошло с командующим Западным фронтом генералом Д. Г. Павловым в 1941 г.?» утверждается, что немцы «учили уроки той командно-штабной игры», в которой Д. Г. Павлов делал «довольно робкие ответные шаги» и которую проиграл «с улыбкой»⁴⁷. Но для немцев результаты этой игры в плане подготовки к нападению на СССР были бесполезны, поскольку, как отмечалось выше, немцы еще в ноябре — декабре 1940 г. определились, где и какие удары они будут наносить. Характеристика же Д. Г. Павлову дается, наверное, уже с учетом того, как развивались события в начале Великой Отечественной войны, и исходя из получившей широкое распространение версии, согласно которой и в игре Д. Г. Павлов оборонялся столь же неудачно, как и во время войны. Но Д. Г. Павлов в игре был, повторим, не оборонявшейся, а наступавшей стороной, причем наступавшей небезуспешно. Игра и началась с того, что возглавляемый Д. Г. Павловым Северо-Западный фронт «восточных» 1 августа 1941 г. перешел в наступление и в ходе первых операций до 7 августа правым крылом форсировал р. Неман, выйдя на подступы к Инстербургу (ныне Черняховск), в центре — окружил в сувалкском

выступе группировку 9-й армии Северо-Восточного фронта «западных» (Г. К. Жуков) и вышел на рубеж Шиткемен, Филипув, Рачки (кстати, этот рубеж указан и в «Соображениях...»), а на левом крыле — направлении главного удара — войска фронта достигли р. Нарев южнее г. Остроленка. На этом же направлении 11 августа Д. Г. Павловым в прорыв была введена конно-механизированная армия, которая 13 августа вышла в район Любава, Мрочно, Гильгенбург (110—120 км западнее границы СССР)⁴⁸. Однако к этому времени Г. К. Жуков, сосредоточив за счет резервов сильную (в основном танковую) группировку в районе Мазурских озер, нанес внезапный фланговый удар в общем направлении на Ломжа, под основание выступа, образованного выдвинувшейся далеко на запад группировкой «восточных»⁴⁹. Посредники «подыграли» Г. К. Жукову, обозначив еще один — встречный — удар Восточного фронта «западных» с противоположной стороны выступа из района Коссов, Малкия Гурна в общем направлении на Замбрув⁵⁰. Тем самым была создана угроза окружения до 20 стрелковых дивизий «восточных»⁵¹. Это была, конечно, драматическая ситуация. Д. Г. Павлову пришлось приостановить успешное наступление на левом крыле фронта и срочно перебрасывать отсюда к местам прорыва противника несколько стрелковых дивизий, большую часть артиллерии и все танковые бригады, оставив на достигнутом рубеже Мышинец, Грудуск, Пултуск, Сероцк только 4 стрелковых корпуса⁵². Ход событий по этой обстановке и принятым решениям не разыгрывался, однако шансов на успех стало заметно больше у «западных», чем у «восточных». Но все это, заметим, происходило не в районе Барановичей или Лиды (как утверждалось в некоторых публикациях), а у самой границы и за ее пределами. И, следовательно, версия, что Г. К. Жуков «разгромил» Д. Г. Павлова там же и так же, как это через полгода сделали немцы, лишена всяких оснований.

Итак, в результате проверки оперативного плана в ходе игр выяснилось, что наступление в Восточной Пруссии оказалось трудновыполнимой задачей в связи с наличием в этом районе мощных укреплений; наступление Д. Г. Павлова в направлениях на Кёнигсберг и Раценбург не принесло ожидавшегося успеха. Наступление же Юго-Западного фронта (Г. К. Жуков) во второй игре оказалось успешным и сулило более благоприятные перспективы. Отчетливо заметна прямая связь между результатами игр и теми положениями, которые были внесены в составленный 11 марта 1941 г. «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке»⁵³. Этот план заслуживает особого внимания, поскольку именно он в связи с заложенными в нем ошибками привел, по нашему мнению, к тяжелым последствиям в деле подготовки к войне, до которой, как потом выяснилось, оставалось всего три месяца.

Во-первых, в «Уточненном плане...» уже почти без тени сомнений считалось, что «Германия вероятнее всего развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину»⁵⁴.

Во-вторых, отмечалось, что «наиболее выгодным (Подчеркнуто нами.— П. Б.) является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас...»⁵⁵.

Следовательно, в «Уточненном плане...» окончательно закреплялся приоритет направления к югу от Полесья и для противника, и для Красной Армии. Какими бы доводами данное положение плана ни обосновывалось тогда (о главном из доводов подробнее будет сказано ниже), действительность показала, что это была серьезная ошибка Генерального штаба Красной Армии. Как известно, 22 июня Германия нанесла главный удар севернее Полесья. Таким образом, в январе 1941 г. оперативно-стратегическое звено командного состава РККА разыграло на картах такой вариант начала

военных действий, который реальными «западными» (Германией) не намечался, а в марте этот же ошибочный вариант остался без изменений и в «Уточненном плане...».

Правда, по плану не исключалось развертывание основной группировки немцев в Восточной Пруссии и на варшавском направлении. Логично предположить, что в плане предусмотрен соответствующий такой ситуации вариант развертывания сил Красной Армии. Так было сделано, например, в проекте оперативного плана, составленном еще при начальнике Генерального штаба Маршале Советского Союза Б. М. Шапошникове (до августа 1940 г.), где резонно указывалось: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии (Подчеркнуто нами.— П. Б.) иметь развернутыми к северу от Полесья»⁵⁶. Но ничего подобного в «Уточненном плане...» нет. Более того, в нем (очевидно, не без влияния результатов первой игры) содержится следующее положение: «Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»⁵⁷ (Подчеркнуто нами.— П. Б.). Следовательно, авторы «Уточненного плана...» (он, как и предыдущий, исполнен А. М. Василевским), не исключая для Германии развертывания ее главной группировки к северу от Полесья, одновременно отрицали целесообразность развертывания на этом же направлении главных сил Красной Армии. Вдумаемся в это настораживающее положение плана той стороны, которая рассчитывала отразить потенциальную агрессию, но не считала необходимым создавать соответствующую группировку на одном из вероятных направлений главного удара противника. Ссылки на сложные природные условия местности и наличие в Восточной Пруссии сильно укрепленных районов, которые привел Ю. А. Горьков⁵⁸, справедливы, но они вряд ли объясняют этот парадокс. При Б. М. Шапошникове все условия были те же, но решение, как отмечалось выше, предлагалось другое, поскольку для отражения удара агрессора с этого направления не столь уж важно, какие укрепления есть в тылу у самого агрессора.

Ключ к пониманию такого странного положения находится в той же фразе плана: оказывается, весной 1941 г. опасение у Генерального штаба вызывали вовсе не удары противника из Восточной Пруссии и на варшавском направлении, а возможные здесь «затяжные бои». Но для обороняющегося затяжные бои не худший вариант: если бы с началом Великой Отечественной войны на этих направлениях действительно развернулись такие бои, то немцы за три недели не продвинулись бы здесь на глубину 450—600 км.

Все дело, по нашему мнению, в том, что авторы «Уточненного плана...», как и составители заданий на оперативно-стратегические игры, исходили из презумпции безусловно успешного отражения нападения противника в начальный период войны, после чего должно было развернуться наступление Красной Армии. А для успеха такого наступления на чужой территории затяжные бои были ни к чему. Поэтому Восточная Пруссия и оценивалась как неперспективное направление для возможных наступательных действий Красной Армии. Юго-западное же направление характеризовалось как «наиболее выгодное» именно потому, что наступление на этом направлении проходило бы по слабо подготовленной в оборонительном отношении территории, допускающей, к тому же, применение крупных соединений механизированных войск и кавалерии.

Таким образом, в «Уточненном плане...», как и в оперативно-стратегических играх, во главу угла поставили не оборону, а наступление, но опять-таки после успешного отражения агрессии.

И, наконец, в-третьих, еще одна особенность этого плана, о которой самокритично свидетельствовал Г. К. Жуков, назначенный 1 февраля 1941 г. начальником Генерального штаба (он и ставил задачу начальнику Оперативного управления генерал-лейтенанту Г. К. Маландину на уточнение плана): «При переработке оперативных планов весной 1941 года практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начать-

ся по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений. Фашистская Германия в отношении сроков сосредоточения и развертывания ставилась в одинаковые условия с нами»⁵⁹.

В предыдущих оперативных планах на 1940 и 1941 гг. неизменно указывалось: Германия может развернуть свою группировку на западной границе СССР через 10—15 дней после начала сосредоточения⁶⁰. Напомним, что и в оперативно-стратегических играх «западные» напали на «восточных», не завершив развертывания. Однако уже было известно, что Германия в 1939 г. напала на Польшу, имея свои вооруженные силы полностью развернутыми. Эта особенность развязывания войны не осталась незамеченной советской военной теорией; в частности, она заняла центральное место в книге комбрига Г. С. Иссерсона «Новые формы борьбы»⁶¹. Вопрос о начальном периоде войны возник и на декабрьском (1940 г.) совещании высшего командного состава Красной Армии. Начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал-лейтенант П. С. Кленов в своем выступлении подверг резкой критике книгу Г. С. Иссерсона. «Там,— говорил П. С. Кленов,— даются поспешные выводы, базируясь на войне немцев с Польшей, что начального периода войны не будет, что война на сегодня разрешается просто — вторжением готовых сил, как это было проделано немцами в Польше, развернувшими полтора миллиона людей. Я считаю подобный вывод преждевременным»⁶². Он предложил поставить вопрос об организации особого рода наступательных операций начального периода войны, «когда армии противника не закончили еще сосредоточение и не готовы для развертывания»⁶³ с целью воздействия на отмотилизование, сосредоточение и развертывание войск противника для срыва этих мероприятий⁶⁴. Таким образом, речь шла об упреждающем ударе по противнику, оборонительной же операции начального периода войны П. С. Кленов не касался.

Это выступление на совещании с упоминанием о начальном периоде войны оказалось единственным. Никто больше не затрагивал данную тему, никто не возразил П. С. Кленову, никто и не поддержал его, включая и наркома обороны, выступившего с заключительной речью. Более того, С. К. Тимошенко высказал в ней следующее мнение: «В смысле стратегического творчества опыт войны в Европе, пожалуй, не дает ничего нового»⁶⁵. Такой вывод, безусловно, ослаблял внимание к проблемам начального периода войны. Поскольку заключительная речь С. К. Тимошенко была направлена в войска в качестве директивного документа, можно утверждать, что она в этой своей части имела негативные последствия для формирования взглядов командного состава Красной Армии на возможное начало войны в случае ее развязывания против СССР.

Во всяком случае, Генеральный штаб и в «Уточненном плане...» оставил прежнюю схему начала войны: активной обороной части прикрытия обеспечиваются отмотилизование, сосредоточение и развертывание главных сил Красной Армии, которые затем переходят в решительное наступление с переносом военных действий на территорию противника. Срок развертывания германских армий предполагался прежний — 10—15 суток от начала сосредоточения⁶⁶; этот же срок, как свидетельствовал Г. К. Жуков, отводился и для советских войск⁶⁷. Следовательно, опыт нападения Германии на другие страны Генеральный штаб РККА полностью проигнорировал, сознательно намечая мероприятия по отмотилизованию, сосредоточению и развертыванию войск на период после начала приграничных сражений. Это была вторая крупнейшая ошибка Генерального штаба, требовавшая для ее устранения колоссальных усилий не только армии, но и страны, а также значительного времени. Исправлять эту ошибку пришлось очень скоро, но, как оказалось, времени для этого почти не осталось...

Уже через несколько недель ситуация на западных границах СССР настолько осложнилась, что Генеральный штаб вынужден был срочно вносить в «Уточненный план...» существенные коррективы. Об этом свидетельствуют «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Гер-

маний и ее союзниками»⁶⁸, датируемые по содержанию 15 мая 1941 г. Как минимум две особенности данного документа привлекают к нему пристальное внимание.

Во-первых, в отличие от других оперативных планов такого рода эти «Соображения по плану...» составлены только на случай войны с Германией и ее союзниками; разделы, которые касались развертывания Вооруженных Сил СССР на случай войны с другими потенциальными противниками, в документе отсутствуют. А это говорит о том, что Генеральный штаб, анализируя складывающуюся на границах СССР обстановку, пришел к выводу о непосредственной опасности войны с Германией в ближайшее время.

Во-вторых, если в предшествующих планах и в оперативно-стратегических играх была заложена концепция перехода Красной Армии в наступление после отражения нападения противника, то в «Соображениях по плану...» впервые выдвигалась идея «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»⁶⁹. По существу, предлагался упреждающий удар по германской армии. И для такого предложения, противоречившего ранее принятой концепции войны, у Генерального штаба появились веские основания. Приведенные в «Соображениях по плану...» сведения о состоянии германской армии показывали, что развертывание и действия Красной Армии по старой схеме — главные силы вступают в сражение через 10—15 дней после начала приграничных сражений, а сроки развертывания главных сил у стран примерно одинаковы — уже не соответствовали обстановке: выяснилось, что Германия «в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар»⁷⁰. Хотя и поздно — всего, как оказалось, за пять недель до войны — Генеральный штаб вынужден был признать свою ошибку в игнорировании опыта Второй мировой войны, говорившего о возможности внезапного перехода противника в наступление «всеми имеющимися силами, притом заранее развернутыми на всех стратегических направлениях»⁷¹.

Учитывая сложившуюся обстановку, Генеральный штаб предлагал заблаговременно провести такие же мероприятия, которые Германией уже были проделаны и без которых «невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле»⁷²: скрытое отобилизование (под видом учебных сборов) и сосредоточение войск (под видом выхода в лагерь) к западной границе, скрытое сосредоточение авиации на полевые аэродромы, развертывание тыла и госпитальной базы⁷³. По завершении этих мероприятий — нанести по германской армии внезапный упреждающий удар с целью разгромить ее главные силы, развертываемые южнее линии Брест, Демблин, и выйти к 30-му дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. В качестве ближайшей задачи намечалось разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на краковском направлении, выйти на рр. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, после чего, наступая в северном или северо-западном направлении, «разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии»⁷⁴. Заметим: это фактически те же задачи, решение которых отработывалось в оперативно-стратегических играх.

Безусловно, положение об упреждающем ударе Красной Армии, совершенно недвусмысленно сформулированное в «Соображениях по плану...», — это принципиально новый факт для изучающих предысторию Великой Отечественной войны. Он совершенно не вписывается в уже сложившуюся концепцию этой войны и потому, наверное, с таким усердием отрицается. Даже Ю. А. Горьков, сам впервые полностью опубликовавший этот документ, в котором вещи названы своими именами, тут же попытался доказать, что в «Соображениях по плану...» речь якобы идет скорее об обороне, чем о наступлении, а если и о наступлении, то не упреждающем и не в 1941 г. В частности, Ю. А. Горьков трактует общую стратегическую идею майского плана так, что по нему якобы «предусматривалась оборона на 90% протяженности фронта в течение почти месяца, и только затем в

зависимости от условий предполагались наступательные действия»⁷⁵. Но в плане рукой Н. Ф. Ватутина четко дописан обобщающий абзац: «Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижев, Лютовиска силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона»⁷⁶. Из этого следует, что упреждающий удар планировалось нанести основными силами Красной Армии (свыше 70% дивизий, входивших в состав намеченных к развертыванию на западной границе СССР фронтов⁷⁷). А полоса этого удара от Чижева (65 км западнее Белостока) до Лютовиска (60 км южнее Перемышля) достигала 650—700 км, т. е. почти треть протяженности западной границы от Мемеля (Клайпеды) до устья Дуная.

Далее в статье Ю. А. Горькова заявляется, что «план 15 мая 1941 г. не предусматривал нанесение упреждающего удара именно в 1941 г.»⁷⁸ Подчеркивания, сделанные Ю. А. Горьковым при публикации плана⁷⁹, должны, очевидно, свидетельствовать в пользу такого утверждения. Но распоряжение о полном завершении разработки планов обороны госграницы и ПВО к 1 июня 1941 г. имело целью, как это видно из документа, «обеспечить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и подготовку их к переходу в наступление»⁸⁰ и никак не снимало вопроса об упреждающем ударе. Да и относится рассматриваемое распоряжение к разделу, название которого говорит само за себя: «VI. Прикрытие сосредоточения и развертывания»⁸¹. Приведенные в плане сведения о небоеспособности 115 авиаполков, «на полную готовность которых можно рассчитывать к 1.I.42 г.»⁸², говорят только об одном: на какие дополнительные силы авиации и когда можно рассчитывать, ибо война, безусловно, не представлялась Генеральному штабу скоротечным делом. Под этим же углом зрения следует рассматривать и дописанный Н. Ф. Ватутиным абзац о необходимости строительства и вооружения укрепленных районов, в том числе и на границе с Венгрией в 1942 г.⁸³, а также пункт с просьбой утвердить предложение о строительстве новых укрепрайонов⁸⁴; к тому же, на границе с Венгрией по плану от 15 мая 1941 г. предусматривалась активная оборона.

Самое главное свидетельство в пользу подготовки упреждающего удара именно в 1941 г. заключается в том, что все сказанное в «Соображениях по плану...» о германской армии оценивалось с позиций «политической обстановки сегодняшнего дня»⁸⁵. (Подчеркнуто нами — Л. Б.). И понятно, что откладывать выполнение предложенных в плане мероприятий до 1942 г. было бессмысленно, поскольку обстановка на западной границе СССР менялась не в его пользу с каждым днем. Генеральный штаб считал, что Германии, войска которой полностью отмобилизованы, и 120 из 180 дивизий, которые она может выставить против СССР, уже сосредоточены на его западной границе, осталось сделать лишь шаг перед началом боевых действий, а именно — развернуть свои группировки в соответствии с планом войны против СССР. Надо было, во-первых, срочно ликвидировать это преимущество Германии (поэтому в «Соображениях по плану...» и предлагались в качестве первоочередных мероприятий по скрытому отмобилизованию и сосредоточению войск), а во-вторых, — ни в коем случае не отдать инициативу действий в руки германского командования и самим атаковать германскую армию в стадии ее развертывания⁸⁶.

Таким образом, «Соображения по плану...» являются ценным и убедительным свидетельством реакции Генерального штаба РККА на действия Германии в то время. Подчеркиваем это особо в связи с попытками рассматривать этот документ в качестве подтверждения подготовки советской стороны к осуществлению давнего замысла «мировой революции»⁸⁷. Он не был также плодом чьих-то досужих упражнений на стратегическую тему, ибо руку к нему приложили лица, имевшие непосредственное отношение к составлению предшествующих планов стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР: заместитель начальника Оперативного управления Генерального штаба генерал-майор А. М. Василевский и заместитель начальника Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин⁸⁸. Таким образом, документ представлял собой ясно выраженную позицию Генерального штаба по

вопросу войны с Германией. И позиция эта заключалась в том, что нападение Германии на СССР может произойти в ближайшее время, т. е. летом 1941 г.

Из плана от 15 мая 1941 г. отчетливо видно: Генеральный штаб рассматривал упреждающий удар как способ сорвать ставшее по многим сведениям ⁸⁹ неизбежным нападение Германии на СССР. Здесь уместно заметить, что в директиве по плану «Барбаросса» особо подчеркивалось: «Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть (Подчеркнуто нами.— П. Б.) не были распознаны» ⁹⁰. Однако в подписанном начальником генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковником Ф. Гальдером 12 февраля 1941 г. плане перебросок войск к границам СССР довольно точно прогнозировалось, что в период с 25 апреля по 15 мая наступательные намерения вермахта станут более ясными и «скрыть развертывание войск для ведения наступательных операций не представляется возможным», а с 6 мая уже не будет «никаких сомнений относительно наступательных намерений» германских войск. Действительно, к началу мая тайное окончательно стало явным ⁹¹, в результате чего и появился на свет советский план от 15 мая 1941 г. Генеральный штаб РККА предложил разумное с военной точки зрения решение проблемы, оставив в стороне все ее политические, дипломатические и иные нюансы, ибо нельзя было не учитывать, что немцам за истекшие 20 месяцев Второй мировой войны четырежды удалось предупредить в стратегическом развертывании вооруженные силы государств, подвергшихся агрессии со стороны Германии ⁹². «Доказательств того, что Германия изготовилась для военного нападения на нашу страну, имелось достаточно — в наш век их скрыть трудно,— вспоминал А. М. Василевский.— Опасения, что на Западе поднимется шум по поводу якобы агрессивных устремлений СССР, нужно было отбросить. Мы подошли волей обстоятельств, не зависящих от нас, к рубикону войны, и нужно было твердо сделать шаг вперед» ⁹³.

Итак, предлагался упреждающий удар по Германии. Но в таком случае нельзя оставить без внимания реанимированную В. Суворовым версию гитлеровского руководства о «превентивной войне» Германии против СССР. Эта версия давно разоблачена, но В. Суворов в очередной раз пытается переложить вину за развязывание войны с Германией на СССР. При этом спор о «превентивности» вовсе не так уж и бесплоден, как считает М. И. Мельтюхов, поскольку предметом спора фактически является утверждение, что СССР сам же и инициировал собственную трагедию 1941 г. И не надо идти в глубину веков, чтобы найти «точку отсчета взаимных претензий» ⁹⁴, приведших к войне: важно определить момент перевода этих претензий в конкретные военно-стратегические решения.

Казалось бы, из этого исходит и В. Суворов. «Историки,— заявляет он,— до сих пор не ответили нам на вопрос: кто же начал советско-германскую войну 1941 года? При решении этой проблемы историки-коммунисты предлагают следующий критерий: кто первым выстрелил, тот и виновник. А почему бы не использовать другой критерий? Почему бы не обратить внимание на то, кто первым начал мобилизацию, сосредоточение и оперативное развертывание, т. е. кто все-таки первым потянулся к пистолету?» ⁹⁵ Но В. Суворов сознательно уходит от фактов, которые не вписываются в защищаемую им версию. Иначе легко заметить, что и по его «другому критерию» первой «потянулась к пистолету» Германия. Даже план советского командования от 15 мая 1941 г., несмотря на содержащееся в нем предложение об упреждающем ударе по германской армии, не добавляет никаких аргументов в пользу гитлеровской версии о «превентивной войне». Для Гитлера и его сообщников этот советский план, как и предыдущие, не играл никакой роли в принятии решения о нападении на СССР. Такое решение было принято еще в июле 1940 г., после чего началось детальное планирование войны. Основные наметки германского плана агрессии против СССР были, как уже отмечалось, проверены на оперативно-стратегической игре в генеральном штабе сухопутных войск в ноябре — декабре 1940 г., директива по плану нападения на СССР (план «Барбаросса») подписана Гитлером 18 декабря 1940 г., директива ОКХ по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск издана 31 января 1941 г., а

выполнение ее началось уже в феврале 1941 г. Даже первоначальный срок готовности к действиям по плану «Барбаросса» — 15 мая 1941 г. — определен в декабре 1940 г. в вышеупомянутой директиве Гитлера. История распорядилась так, что дата 15 мая 1941 г. совпала с датой анализируемого нами плана советского командования. И уже поэтому данный план никак не может фигурировать в качестве оправдания гитлеровской агрессии. Все же предыдущие планы советского командования и оперативно-стратегические игры января 1941 г. исходили из того, что СССР не будет нападающей стороной.

Но тогда о чем свидетельствуют проведенные советской стороной в мае — июне 1941 г. мероприятия (скрытое частичное от мобилизации военнообязанных запасов под видом учебных сборов, скрытое выдвижение к западным границам ряда объединений и соединений, в том числе и из внутренних округов, и др. ⁹⁶), которые во многом соответствовали предлагавшимся в плане от 15 мая 1941 г.? По нашему мнению (совпадающему с мнением В. Н. Киселева, М. И. Мельтюхова и др.), только об одном: план был доложен И. В. Сталину и в принципе был одобрен им. Скажем больше: этот план не мог оставаться черновой запиской Оперативного управления, не мог не быть доложенным И. В. Сталину в силу своего чрезвычайного характера. Нет сомнений в том, что Сталин, какими бы мотивами он при этом ни руководствовался, всячески стремился в то время избежать войны с Германией (в чем не сомневались и сами немцы, оценивавшие шаги Кремля с целью не допустить войны как «невроз на почве страха» ⁹⁷). Однако майский план Генерального штаба был документом особого рода: он требовал немедленных решений, которые не соответствовали вышеуказанной позиции Сталина, поскольку Генеральный штаб предлагал нанести упреждающий удар, т. е. возложить на СССР инициативу в развязывании войны с Германией. Просто отбросить это предложение как неприемлемое было невозможно, ибо в этом же документе четко говорилось о том, что Германия фактически готова в ближайшее время напасть на СССР в выгодных для вермахта и крайне невыгодных для Красной Армии условиях.

Как верно заметил А. С. Орлов, никто не знает, о чем в действительности тогда думал Сталин ⁹⁸. Но совокупность фактов того времени дает основание предположить, что Сталин, согласившись (правда, не полностью) с предложениями Генштаба, потребовал строжайше соблюдать меры скрытности, предосторожности, чтобы не дать Германии повод начать войну, по крайней мере, раньше, чем завершатся предложенные Генштабом мероприятия по стратегическому развертыванию Красной Армии.

Сторонникам версии о «превентивной войне» Германии против СССР остается только заявить, что сами эти мероприятия и явились причиной нападения вермахта 22 июня 1941 г. Это и делает В. Суворов, когда утверждает: «13 июня 1941 г. — это момент, когда 77 советских дивизий внутренних округов „под видом учебных сборов“ устремились к западным границам. В этой ситуации Адольф Гитлер... и нанес удар первым» ⁹⁹. Но для такого утверждения нужно быть уверенным, что Гитлер знал о содержании советского плана или имел представление о характере проводимых советской стороной мероприятий. Однако В. Суворов таких данных не приводит. «Не знаю, — признается он, — что было известно в первой половине июня германской военной разведке и что ей было неизвестно» ¹⁰⁰. По данному поводу заметим, что любое из проводившихся Генштабом мероприятий в мае — июне 1941 г. могло быть отнесено разведкой к подготовке не только наступления, но и обороны. Об этом, в частности, свидетельствует разведсводка № 5 отдела по изучению иностранных армий Востока генерального штаба ОКХ за период с 20 мая по 13 июня (т. е. как раз к дате, которую усердно эксплуатирует В. Суворов!). В ней отмечается, что численность Красной Армии в европейской части СССР увеличилась на 5 стрелковых, 2 танковых дивизии и 1 танковую (мотомеханизированную) бригаду и составляет: стрелковых дивизий — 150, кавалерийских — 25,5, танковых — 7, танковых (мотомеханизированных) бригад — 38 ¹⁰¹. Далее в разведсводке констатировалось, что положение с призывом в Красную Армию в основном не изменилось, что продолжающиеся перевозки

советских войск в западном направлении служат «только для пополнения соединений военнослужащими запаса до штатов военного времени и обучения их в летних лагерях»¹⁰², что перегруппировки внутри отдельных групп войск связаны с обменом соединениями, что возможны местные наступательные удары русских в Южной Бессарабии и в районе Черновиц. И, наконец, общий вывод германской разведки: «...в основном же, как и прежде, ожидаются оборонительные действия»¹⁰³ (Подчеркнуто нами. — Л. Б.).

Таким образом, германское руководство не имело в своем распоряжении убедительных данных для предъявления Советскому Союзу обвинения в подготовке агрессии против Германии. Если бы гитлеровцы располагали такой информацией, они не преминули бы ее использовать в официальных документах с началом войны. Но никаких фактов для этих документов они так и не собрали. И не случайно в ноте МИД Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 г. после обвинений в адрес СССР в шпионаже, пропагандистской деятельности, антигерманской направленности советской внешней политики в качестве свидетельства «интенсивности военных приготовлений Советского Союза» приводится... отчет югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 г. (!). Из этого отчета цитируется в ноте следующее место: «По данным, полученным из советских кругов, полным ходом идет перевооружение ВВС, танковых войск и артиллерии с учетом опыта современной войны, которое в основном будет закончено к 1 августа 1941 г. Этот срок, очевидно, является и крайним (временным) пунктом, до которого не следует ожидать ощутимых изменений в советской внешней политике»¹⁰⁴. Думается, нет необходимости доказывать, что на таких основаниях можно объявлять войну в любой момент любому государству, которое имеет армию и модернизирует ее.

Далее в этом же меморандуме отмечается: все сомнения германского руководства в отношении намерений Красной Армии «были полностью развеяны сообщениями, полученными Верховным главнокомандованием вермахта в последние дни. После проведения всеобщей мобилизации в России против Германии развернуто не менее 160 дивизий», а «созданная группировка русских войск, в особенности моторизованных и танковых соединений, позволяет Верховному Главнокомандованию России в любое время начать агрессию на различных участках германской границы», где соединения Красной Армии «сосредоточены и развернуты в готовности к нападению»¹⁰⁵. Но хорошо известно, что к 22 июня в СССР не было ни «всеобщей мобилизации», ни тем более сосредоточенных и развернутых «в готовности к нападению» советских войск. И хотя мероприятия по майскому плану Генерального штаба начали частично осуществляться, к началу войны Красная Армия в силу ряда причин (в том числе и названных выше) оказалась не готовой ни к наступлению, ни к обороне и даже не была приведена в боевую готовность. А руководство Германии, наоборот, в июне завершало начатую в 1940 г. подготовку к нападению на СССР. Еще 30 апреля 1941 г., т. е. до появления у советского командования соображений о нанесении Красной Армией упреждающего удара и уж тем более до начала проведения каких бы то ни было соответствующих практических мероприятий, была окончательно установлена дата нападения на СССР — 22 июня. С 22 мая для германских железных дорог был введен график ускоренного движения, по которому к границе СССР уже фактически открыто сосредоточивались и разворачивались основные силы вермахта. 5 июня начальник штаба верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель направил для исполнителей утвержденный Гитлером расчет времени к операции по плану «Барбаросса»¹⁰⁶. 8 июня группам армий и армиям были доведены окончательно задачи по этому плану, а 10 июня командование действующей армии получило распоряжение о дне начала операций против СССР — 22 июня 1941 г.¹⁰⁷. Отметим, что все это гитлеровцы проделали до 13 июня, в связи с чем вся система «аргументации» В. Суворова, привязанная к этой дате, рушится из-за отсутствия основания. А 14 июня на совещании у Гитлера в Берлине были заслушаны доклады командующих войсками на Востоке о готовности к операциям.

22 июня 1941 г. фашистская Германия совершила, как установил Международный военный трибунал на Нюрнбергском процессе, тщательно подготовленное нападение на Советский Союз «без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия»¹⁰⁸. Об этом же свидетельствуют и все документы (в том числе и упоминавшиеся выше), опубликованные уже после Нюрнбергского процесса. Рассуждения же В. Суворова о том, что было бы, если бы Гитлер не напал на Сталина 22 июня, а, к примеру, решил осуществить захват Гибралтара и в связи с этим «операцию „Барбаросса“ отложил на два месяца»¹⁰⁹, — такие рассуждения относятся уже к области бесплодных гаданий, возникающих на почве отсутствия фактов для доказательства недоказуемого.

Конечно, все сказанное не может быть утешением в свете той беды, которую принес нашему народу день 22 июня 1941 г. Причины ее многообразны, разноплановы. Думается, что свою негативную роль сыграли и те выводы, которые были сделаны по итогам оперативно-стратегических игр в январе 1941 г.: 22 июня отпор врагу организовывали те же командиры, которые из упомянутых игр не могли не вынести стойких убеждений, что начальный период войны будет для Красной Армии безусловно успешным, что советским войскам придется в основном наступать, что наступление развернется на территории напавшего врага и т. п. Неоспоримыми фактами массового героизма бойцов и командиров Красной Армии, проявленного в первые дни войны, в исторических трудах нередко (и не безуспешно) прикрывались крупные недостатки и даже провалы, допущенные на самом высоком военном уровне в планировании первых операций войны, в подготовке войск и штабов и в решении многих других вопросов, от которых, в конечном счете, зависела обороноспособность страны, боеготовность и боеспособность Красной Армии. Документы, опубликованные в последнее время, дают основание утверждать, что срок вероятного нападения на СССР фашистской Германии — лето 1941 г. — был определен Генеральным штабом Красной Армии верно, но слишком поздно. Основной же просчет Генеральный штаб сделал, как уже отмечалось, в марте 1941 г., когда в «Уточненный план стратегического развертывания...» были внесены ошибочные положения, уже давно не соответствовавшие опыту Второй мировой войны и реально складывавшейся обстановке. Думается также, что нет достаточных оснований считать главной ошибкой того времени просчет Сталина в определении сроков нападения на нас Германии (которые он якобы относил к 1942 г.), а из этого выводить недочеты в планировании военных действий и в осуществлении мероприятий по подготовке Красной Армии к отражению агрессии. Но, безусловно, на Сталине лежит персональная ответственность за отказ дать разрешение на приведение войск западных приграничных округов в полную боевую готовность, что могло бы существенно повлиять на результаты боевых действий Красной Армии в начале войны, даже несмотря на незавершенность сосредоточения и развертывания ее частей и соединений.

Эти и другие ошибки обернулись величайшей трагедией для нашего народа и его армии. Как известно, наиболее тяжелая ситуация в начале войны возникла в полосе Западного фронта. Именно его командование и обвинил Сталин в первых неудачах Красной Армии. В проект приказа наркома обороны № 0250 от 28 июля 1941 г. с объявлением приговора по делу генералов Д. Г. Павлова, В. Е. Климовских, А. Т. Григорьева и А. А. Коробкова вождь своей рукой вписал строки обвинения «за трусость, самовольное оставление стратегических пунктов без разрешения высшего командования, развал управления войсками, бездействие власти», он же самолично вставил в текст приказа слова «и этим дали врагу возможность прорвать фронт»¹¹⁰.

Но 22 июня рухнул не только Западный фронт: рухнула вся концепция войны, разработанная Генеральным штабом и одобренная на самом высоком уровне. Несправедливо обвиненные Д. Г. Павлов и его ближайшие помощники были лишь первыми ответчиками за все, в том числе и за ошибки Сталина и руководителей Наркомата обороны и Генерального штаба. Последние тоже очень скоро под разными предлогами были освобождены от занимаемых должностей, сам же Сталин, как всегда, не отвечал ни перед кем. Кровью советских людей пришлось расплачиваться за допущенные перед войной ошибки. «Историкам, исследующим

причины неудач вооруженной борьбы с Германией в первом периоде войны, — заметил Г. К. Жуков, — придется тщательно разобраться в этих вопросах, чтобы правдиво объяснить истинные причины, вследствие которых советский народ и страна понесли столь тяжелые жертвы»¹¹¹. Упомянутые нами статьи в периодической печати на эту тему являются серьезным шагом в исследовании указанных причин. Но актуальность самой задачи отнюдь не снята. Рассекречивание и публикация пока еще скрытых от историков документов может пролить дополнительный свет на истинную подоплеку событий весны и лета 1941 г.

Примечания

- ¹ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 29—45.
- ² Отечественная история. 1994. № 3. С. 4—22.
- ³ Суворов В. Ледокол. М., 1992.
- ⁴ Отечественная история. 1994. № 3. С. 3.
- ⁵ Анфилов В. За «Ледоколом» ледоход // Красная Звезда. 1993. 13 ноября; Волкогонов Д. Эту версию уже опровергла история // Известия. 1993. 16 января; Воробьев И. Н. Фальсификация высшей пробы // Военная мысль. 1994. № 1. С. 74—78; Орлов А. С. Так кто же начал войну? // Армия. 1993. № 8. С. 16—20.
- ⁶ История Второй мировой войны 1939—1945: В 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 310.
- ⁷ Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 9.
- ⁸ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 1. С. 307.
- ⁹ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 239.
- ¹⁰ Там же. С. 250.
- ¹¹ Анфилов В. А. Провал блицкрига. М., 1971. С. 58.
- ¹² Яковлев Н. Н. Жуков. М., 1992. С. 93.
- ¹³ Карпов В. В. Маршал Жуков. Его соратники и противники в годы войны и мира. Кн. 1. М., 1992. С. 190—191.
- ¹⁴ Там же. С. 191.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Симонов К. М. Заметки к биографии Г. К. Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.
- ¹⁷ Огонек. 1986. № 49. С. 7.
- ¹⁸ Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.
- ¹⁹ Маршал Жуков. Каким мы его помним. М., 1988. С. 99.
- ²⁰ Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Кн. II. Ч. 1. М., 1989. С. 61.
- ²¹ Пальчиков П. А., Гончаров А. А. Что произошло с командующим Западным фронтом генералом Д. Г. Павловым в 1941 г.? // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 125.
- ²² Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.
- ²³ Павленко Н. Г. Размышления о судьбе полководца // Военно-исторический журнал. 1988. № 10. С. 15.
- ²⁴ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 307.
- ²⁵ Огонек. 1986. № 49. С. 7.
- ²⁶ Жуков Г. К. Указ. соч. С. 307, 308; Военно-исторический журнал. 1987. № 9. С. 50.
- ²⁷ Казаков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 57, 58.
- ²⁸ Бобылев П. Н. Репетиция катастрофы // Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 10—16; № 7. С. 14—21; № 8. С. 28—35; его же. В январе сорок первого Красная Армия наступала на Кёнигсберг // Известия. 1993. 22 июня.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Российский государственный военный архив (далее — РГВА), ф. 37977, оп. 5, д. 564, л. 32, 34; д. 565, л. 13.
- ^{30а} Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 283.
- ³¹ Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 27.
- ³² Раулис. «Ich stehe hier auf Befehl!». Frankfurt a/M., 1960. S. 199.
- ³³ Op. cit.; см. также: Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1969. Т. 2. С. 267, 271, 287.
- ³⁴ Военно-исторический журнал. 1993. № 7. С. 16.
- ³⁵ Там же. № 8. С. 28, 34.
- ³⁶ Там же. № 7. С. 15.
- ³⁷ Там же. № 8. С. 29.
- ³⁸ Там же. № 7. С. 16.
- ³⁹ Там же. 1992. № 1. С. 25.
- ⁴⁰ РГВА, ф. 37977, оп. 5, д. 564, л. 32, 34.
- ⁴¹ Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 27.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же, С. 28.
- ⁴⁴ РГВА, ф. 37977, оп. 5, д. 570, брошюра 1, л. 13; д. 577, л. 9, 10.
- ⁴⁵ Там же, д. 570, брошюра 9, л. 1—11.

- 46 Военно-исторический журнал. 1992. № 1. С. 27.
- 47 Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 125.
- 48 РГВА, ф. 37977, оп. 5, д. 569, брошюра 5, л. 159; д. 565, л. 132, 135.
- 49 Там же, д. 565, л. 124, 138; д. 569, брошюра 5, л. 148.
- 50 Там же, д. 565, л. 124.
- 51 Там же, д. 568, карта инв. № 229.
- 52 Там же, д. 569, брошюра 5, л. 177—180, 187.
- 53 Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 18—22.
- 54 Там же. С. 20.
- 55 Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г.//Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 35.
- 56 Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 19—20.
- 57 Там же. 1992. № 2. С. 22.
- 58 Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 35.
- 59 Жуков Г. К. Указ. соч. С. 354—355.
- 60 Военно-исторический журнал. 1991. № 12. С. 19; 1992. № 1. С. 26.
- 61 Иссерсон Г. С. Новые формы борьбы. М., 1940.
- 62 Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М., 1993. С. 153.
- 63 Там же.
- 64 Там же.
- 65 Там же. С. 339.
- 66 Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 20.
- 67 Жуков Г. К. Указ. соч. С. 355.
- 68 Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 41—45.
- 69 Там же. С. 41.
- 70 Там же.
- 71 Жуков Г. К. Указ. соч. С. 340.
- 72 Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 43.
- 73 Там же. С. 43—44.
- 74 Там же. С. 41.
- 75 Там же. С. 37.
- 76 Там же. С. 41.
- 77 Там же. С. 41—43.
- 78 Там же. С. 37.
- 79 Там же. С. 42, 44.
- 80 Там же. С. 44.
- 81 Там же.
- 82 Там же. С. 42.
- 83 Там же. С. 44.
- 84 Там же. С. 45.
- 85 Там же. С. 40.
- 86 Там же. С. 41.
- 87 Данилов В. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии?//Сегодня. 1993. 28 сентября; Капустин М. Начало войны: опыт освещения темных страниц//Там же. 22 июня; Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 283.
- 88 Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 40.
- 89 Павлов А. Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны//Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 49—60.
- 90 Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М., 1973. С. 86.
- 91 Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 40; Павлов А. Г. Указ. соч. С. 54—57.
- 92 Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1972. С. 222.
- 93 Василевский А. М. В те суровые годы//Военно-исторический журнал. 1978. № 2. С. 68.
- 94 Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 17.
- 95 Суворов В. Указ. соч. С. 257.
- 96 Киселев В. Н. Указ. соч. С. 15.
- 97 Вишнев О. В. Почему медлил И. В. Сталин в 1941 г.//Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 96.
- 98 Орлов А. С. Указ. соч. С. 19.
- 99 Суворов В. Указ. соч. С. 248.
- 100 Там же. С. 239.
- 101 Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 30.
- 102 Там же. С. 32.
- 103 Там же.
- 104 Там же. 1991. № 6. С. 37.
- 105 Там же. С. 40.
- 106 Дашичев В. И. Указ. соч. 123—124.
- 107 Там же. С. 128.
- 108 Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. Т. 2. М., 1955. С. 265.
- 109 Суворов В. Указ. соч. С. 259.
- 110 РГВА, ф. 4, оп. 11, д. 65, л. 192.
- 111 Жуков Г. К. Указ. соч. С. 366.

Г. К. ЖУКОВ И ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В российской исторической литературе вопрос об отношении Г. К. Жукова к партизанской борьбе еще не освещался. Изучение и оценка взглядов маршала на проблему рационального использования партизанских сил в минувшей войне представляют большой интерес как с точки зрения более глубокого и всестороннего осмысления всех граней военного таланта этого полководца, так и определения его практического вклада в разработку теории и тактики ведения партизанской борьбы.

Накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны среди советских военачальников не было единого понимания природы и сущности партизанского движения, его места и роли в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Одни не видели в нем сколько-нибудь значительной силы, достойной внимания и способной в современной войне оказать существенную помощь Красной Армии. Другие, наоборот, ратовали за создание на оккупированной территории крупных партизанских соединений и даже целых армий, которые должны были взорвать вражеский тыл изнутри. Третьи воспринимали партизанские формирования лишь как дополнительный боевой резерв для усиления наиболее опасных и слабых участков линии фронта.

Неподготовленность военного командования к умелому и правильному использованию партизанских сил наблюдалась даже среди некоторых руководителей Генерального штаба Красной Армии. Об этом свидетельствуют докладные записки заместителя народного комиссара обороны армейского комиссара 1-го ранга Е. А. Щаденко о создании «1-й конной партизанской армии народных мстителей» численностью 33 тыс. человек и «1-й стрелковой партизанской армии народных мстителей» (26 465 человек) с последующей переброской их в тыл противника ¹. Подготовленные проекты постановлений о создании партизанских армий 7 декабря 1941 г. были представлены И. В. Сталину, но сразу были отвергнуты, как совершенно не отвечающие сути партизанского движения.

Отсутствие заблаговременно разработанной теории и практики ведения партизанской борьбы привело к тому, что все организационные вопросы по развертыванию народного движения в тылу врага пришлось решать в ходе войны, быстро, в условиях тяжелого отступления Красной Армии. Принятые ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановления от 29 июня и 18 июля 1941 г. об организации борьбы в тылу вражеских войск, несомненно, сыграли огромную мобилизующую и направляющую роль в развертывании народного движения. Однако поставленные в них задачи сводились к слишком общим установкам и ориентирам. Не было ясности в вопросах системы управления народным движением, материально-технического обеспечения партизанских формирований, подготовки командиров отрядов, подрывников, разведчиков, радистов и т. д. В перечне военных объектов, на которые нацеливались удары партизан, не выделялись главные — коммуникации противника. Нерешенным оставался вопрос о роли и месте военного командования в организации и руководстве партизанской борьбой, которая развертывалась с целью непосредственной и широкой поддержки войск Красной Армии.

С проблемой поиска форм и способов участия вооруженных сил в организации партизанского движения Г. К. Жуков впервые столкнулся в начале войны, находясь на посту начальника Генерального штаба Красной Армии. Он цепко подметил в нем «фактор большого военно-политического значения, который надо было умело использовать для ослабления и уничтожения врага» ². Быстро и

* Пережогин Виталий Афанасьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

правильно оценив возможности партизанских формирований, эффективность тесного взаимодействия с ними регулярных войск, Г. К. Жуков нацелил командование фронтов на широкое развертывание народной борьбы в тылу врага. В директиве начальникам штабов фронтов от 27 июля 1941 г. он потребовал: «Немедленно приступить к формированию и заброске на территорию, занятую противником, большого количества мелких диверсионно-партизанских групп и отрядов из храбрейших людей личного состава войск и из лучших элементов гражданского населения.

Задача: разрушение вражеского тыла, средств связи, подвоза, убийство офицерского состава и разведка сил противника.

Вооружение — лучшее. Воинские отряды — нашим оружием. Отряды из местных людей — иностранным оружием. Больше дать зажигательных патронов и ручных гранат... Задание выполнить в самые короткие дни. Проводить его широко и смело»³.

Примечательно, что директива Г. К. Жукова не дублировала и даже близко не пересказывала тексты постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 29 июня и 18 июля 1941 г., как это обычно тогда делалось. Он излагал собственное видение роли и места партизанских действий в борьбе с захватчиками, указывал наиболее эффективные способы оказания помощи войскам Красной Армии. По четкости поставленных задач и пути их решения директива начальника Генштаба выигрышно отличалась от названных постановлений. Главные силы партизан в ней нацеливались на срыв перевозок и маневрирование войск противника, ведение разведки в интересах Красной Армии, разрушение средств связи.

События войны сложились так, что менее чем через два месяца Г. К. Жукову пришлось непосредственно заниматься вопросами развития и использования партизанских сил на посту командующего войсками Ленинградского фронта. Одним из результатов этой деятельности явился «План организации связи и руководства партизанскими отрядами в Ленинградской области», утвержденный им 29 сентября 1941 г.⁴ Этот документ интересен тем, что раскрывает взгляды Г. К. Жукова на решение многих вопросов руководства партизанским движением. Прежде всего в нем отмечалось ослабление связи с партизанскими отрядами области, что привело к снижению их численности и боевой активности. Планом предусматривалась немедленная засылка в тыл противника восьми оперативных групп из работников обкома партии и сотрудников НКВД. В состав каждой группы включался радист с рацией, а также два-три связника-маршрутника для возвращения с донесениями через линию фронта пешим порядком.

Коренные изменения по предложению командующего фронтом вносились в боевые действия партизанских формирований. Перед отрядами, расположенными в прифронтовой полосе немецко-фашистских войск, была поставлена задача вывода из строя батарей тяжелых орудий, обстреливавших город; разгром штабов противника с захватом пленных и оперативных документов; уничтожение баз горючего, боеприпасов и продовольствия; осуществление ночных налетов на места расквартирования вражеских войск.

Отряды, находившиеся в глубоком тылу противника, где он не располагал значительными силами, нацеливались на усиление диверсий по разрушению путей сообщения, уничтожение аэродромов, разгром вражеских гарнизонов и местных органов управления. Для расширения диверсионной деятельности предусматривалась заброска в тыл противника десяти отрядов общей численностью 360 человек.

При каждом действующем отряде предлагалось организовать специальные разведывательные группы для сбора информации не только «на себя», но и в интересах командования фронта.

Тщательно и детально разработанный план взаимодействия партизан с регулярными войсками свидетельствует о том, что Г. К. Жуков придавал большое значение боевым действиям партизан, способным при умелом использовании оказать существенную помощь в ослаблении противника. Уместно отметить, что

в результате принятых мер только в тылу 18-й немецкой армии для охраны коммуникаций и важнейших военных объектов, а также для подавления партизанского движения было привлечено осенью и зимой 1941/42 г. помимо охранных частей не менее четырех дивизий регулярных войск, которые гитлеровцы могли бы использовать на фронте ⁵.

Выполнение намеченных планом мероприятий возлагалось на политический и разведывательный отделы штаба фронта и Ленинградский штаб партизанского движения, созданный постановлением Военного совета фронта от 27 сентября 1941 г. ⁶ Руководителем штаба был назначен секретарь Ленинградского обкома партии М. Н. Никитин, а членами штаба — заведующий военным отделом обкома М. Ф. Алексеев, начальник разведывательного отдела Ленинградского фронта П. П. Евстигнеев и начальник областного управления НКВД П. Н. Кубаткин. Включение в состав штаба представителей различных ведомств позволило объединить усилия партийных органов, военного командования и руководства НКВД по расширению партизанского движения. Интересно, что этот принцип комплектования штабов партизанского движения был применен и Государственным Комитетом Обороны при создании в мае 1942 г. Центрального и фронтовых штабов партизанского движения.

Особенно заметный вклад в развитие партизанского движения Г. К. Жуков внес на посту командующего войсками Западного фронта. Этому благоприятствовало более чем 10-месячное руководство важнейшим направлением советско-германского фронта, где фактически решалась судьба страны, а также наличие в тылу группы армий «Центр» значительного количества партизанских формирований. Сохранившиеся архивные документы свидетельствуют, что характерными чертами Георгия Константиновича в решении вопросов партизанского движения являлись высокий профессионализм, глубокое и правильное понимание природы и сущности народной борьбы, стремление максимально использовать партизанские силы в соответствии с присущими им особенностями ведения боевых действий. Это проявилось прежде всего в четкой и грамотной постановке задач, нацеливании главных ударов партизан на наиболее важные тыловые объекты противника, заботливым отношением к материальному обеспечению отрядов, особенно минноподрывными средствами.

Сложность руководства партизанскими силами в этот период состояла в том, что единого органа управления ими не было. Централизовать управление отрядами по типу Ленинградской области не представлялось возможным, так как в полосе Западного фронта действовали московские, тульские, смоленские, орловские и белорусские партизаны, которые подчинялись соответствующим областным партийным комитетам и ЦК КП(б) Белоруссии. Действовали они не всегда согласованно, что приводило к дублированию в работе и распылению сил.

По приказанию Г. К. Жукова группа офицеров разведывательного отдела, занимавшаяся организацией партизанского движения в полосе Западного фронта, была реорганизована в специальное отделение во главе с подполковником А. А. Прохоровым. Командующий фронтом поставил перед ним задачу: объединить усилия обкомов ВКП(б) и ЦК Компартии Белоруссии по расширению народной борьбы в тылу врага, установить надежную связь с отрядами, увязать и подчинить их боевую деятельность оперативным замыслам командования фронта ⁷.

Для согласования боевых действий партизан с операциями войск в штаб Западного фронта выезжали руководитель Московского областного штаба партизанского движения С. Я. Яковлев, секретарь МК ВКП(б) Б. Н. Черноусов, начальник управления НКВД Московской области М. И. Журавлев. Секретарь Смоленского обкома партии Д. М. Попов вошел в состав Военного совета фронта.

Для решения многих вопросов на месте непосредственно при личном контакте с командирами партизанских отрядов в январе 1942 г. в тыл противника были направлены представители штаба фронта офицеры А. И. Разговоров, М. И. Чазов, Ананьев, Зубов и др. с рациями и опытными радистами. Большая организаторская и политическая работа, проведенная ими совместно с подпольными партийными

органами среди партизан и местного населения, позволила из разрозненных и малочисленных отрядов создать крупные, стойкие и хорошо вооруженные формирования. Наиболее боеспособные отряды были обеспечены радиоаппаратурой. Остальные поддерживали радиосвязь со штабами фронта и армий через радиостанции частей 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

В ходе начавшейся Ржевско-Вяземской наступательной операции (8 января — 20 апреля 1942 г.) командование Западного фронта имело связь с 51 партизанским формированием общей численностью около 19 тыс. человек. Для улучшения руководства отрядами в тылу противника были созданы штабы: полковника М. Э. Москалика, объединившего партизанские полки им. 24-й годовщины РККА и им. С. Лазо; капитана Г. И. Орлова, осуществлявшего координацию боевых действий отрядов Дятьковского района; капитана А. Н. Галюги, руководившего отрядами Кировского района⁸.

Г. К. Жуков знал месторасположение каждого крупного партизанского отряда, его численность, боеспособность, командный состав. В ряде случаев посланные им радиogramмы были адресованы непосредственно командирам партизанских формирований. Впервые в Великой Отечественной войне взаимодействие войск с партизанами достигло большого размаха и осуществлялось непосредственно командованием фронта. Перед партизанами были поставлены задачи оперативно-стратегического значения: совместно с регулярными войсками дезорганизовать коммуникации врага и замкнуть кольцо окружения крупной группировки гитлеровцев в районе Вязьмы.

Осуществляя замысел советского командования, партизаны подготовили в районе Знаменка — Желанье посадочные площадки, на которых в период с 18 по 22 января приземлились два парашютно-десантных батальона 201-й воздушно-десантной бригады и 250-й стрелковый полк (всего более 1600 человек). Под прикрытием партизан высадка и сбор десанта прошли организованно и без потерь. В тесном взаимодействии с десантниками партизаны нанесли удары по ближайшим вражеским гарнизонам и очистили от фашистов около ста населенных пунктов.

С прорывом в тыл противника в конце января войск 1-го гвардейского кавкорпуса партизаны выполняли поставленные задачи вместе с ними нередко буквально в одном строю. Приказом Г. К. Жукова все отряды, действовавшие южнее Вязьмы, были подчинены генералу П. А. Белову. Штаб корпуса определял им районы боевых действий, уточнял задачи, вопросы взаимодействия, состав сил и средств в совместно проводимых операциях. Партизаны подрывали мосты и вражеские эшелоны, вели разведку, громили воинские штабы и гарнизоны, удерживали в тылу врага обширные районы освобожденной территории.

Приказы и распоряжения командующего войсками Западного фронта дают возможность проследить, как Г. К. Жуков обогащался опытом и знаниями ведения партизанской борьбы. Через все его указания четко просматривается стремление направить главные силы партизан на дезорганизацию путей сообщения противника, разрушение средств связи, ведение разведки в интересах войск фронта. Необходимость таких напоминаний вызывалась тем, что многие отряды увлекались ведением боевых действий местного, весьма ограниченного характера: разгром полицейских участков, небольших вражеских гарнизонов, уничтожение чиновников оккупационной администрации, захват складов и баз противника для самообеспечения вооружением, продовольствием и т. д. Тактика «мелких уколов» хоть и наносила врагу определенный урон, но не решала главной задачи — вывод из строя вражеских коммуникаций, по которым гитлеровцы осуществляли снабжение и маневрирование войсками.

Несравнимо больший эффект достигался путем организации диверсий на железных дорогах противника. Во-первых, они являлись наименее защищенным и самым уязвимым объектом в тылу врага; во-вторых, минирование и разрушение мостов, дорог, уничтожение вражеских эшелонов было по силам даже небольшим партизанским группам; в-третьих, при совершении диверсий партизаны не всту-

пали в вооруженное столкновение с противником и почти не имели потерь, нанося в то же время самый большой урон врагу в живой силе и технике.

В радиограмме от 15 марта 1942 г. генералу П. А. Белову, войска которого взаимодействовали с партизанами, Г. К. Жуков напоминал: «Не забудьте систематически рвать железную дорогу Вязьма — Смоленск»⁹. В приказе Главкома от 27 марта командирам отрядов смоленских и брянских партизан предписывалось: «Главнейшей задачей всех крупных и мелких партизанских отрядов является не дать врагу подвозить к фронту горючее, продовольствие, боеприпасы. П р и к а з ы в а ю:

а) Прекратить временно, кроме города Ельни, борьбу за населенные пункты и все силы отрядов сосредоточить на железных, шоссейных, грунтовых дорогах, для того чтобы не дать врагу производить перевозку всех грузов и пополнения к фронту.

Действовать главным образом засадами и смелыми налетами. Дороги минировать. На железных дорогах устраивать крушения поездов.

б) Главнейшими дорогами считать: Смоленск — Вязьма, Смоленск — Рославль, Рославль — Чипляево, Рославль — Брянск, Брянск — Зикеево.

в) Персональную ответственность за недопущение движения по дорогам возлагаю: за дорогу Рославль — Брянск — на Жуковский отряд; за дорогу Брянск — Зикеево, Брянск — Людиново — на Дятьковский отряд Орлова; за дорогу Почеп — Брянск, Навля — Брянск — на полк Корицкого»¹⁰.

О результатах диверсионных действий партизан и войск генерала П. А. Белова на коммуникациях противника можно судить по донесению обер-квартирмейстера 9-й немецкой армии в штаб группы армий «Центр» от 28 марта 1942 г.: «Автострада Смоленск — Вязьма закрыта по распоряжению коменданта дороги из-за воздействия со стороны противника. В настоящее время — 28.03, 11.00 — никакое движение невозможно. Продолжительные нарушения вызвали значительную, едва ли восполнимую задержку в создании необходимых запасов для обеспечения оперативных планов армии. Они ставят под угрозу материально-техническое обеспечение операций и затрудняют ведение теперешних оборонительных боев.

Прошу принять меры для обеспечения жизненно важной артерии — автострады, а также выделить прикрытие для прохода транспорта ночью»¹¹.

Помимо автострады было полностью прервано на четыре месяца — с первых чисел февраля до конца мая — железнодорожное сообщение между станцией Занозная и Вязьмой. Участок железной дороги между Занозной и Смоленском также часто выводился из строя, отчего эксплуатировался с большими перебоями. Только партизаны Дятьковского объединенного отряда под командованием Г. И. Орлова за апрель — сентябрь 1942 г. пустили под откос 52 воинских эшелона, взорвали 3 железнодорожных и 6 шоссейных мостов, разбили около 100 автомашин¹².

Вместе с тем зимой и весной 1942 г. Г. К. Жуков не возражал против отвлечения значительной части партизанских сил для разгрома гарнизонов противника. Более того, по его личным приказам был освобожден ряд городов и крупных населенных пунктов. Так, 15 февраля отряды «Ураган» (командир Ф. Н. Деменков), «Дедушка» (командир В. И. Воронченко) и «Дед» (командир В. А. Киселев) совместным ударом овладели городом Дорогобуж¹³. 21 марта за его подписью была послана радиограмма: «Отрядам „Лазо“ и „ФД“ * активизировать свои действия и не позднее 1 апреля захватить Ельню»¹⁴. Для координации боевых действий партизан в тыл противника был направлен представитель штаба фронта капитан М. М. Осташев с двумя офицерами связи и радистом¹⁵.

Бои за город продолжались с 22 по 27 марта. Партизаны ворвались в Ельню, захватили железнодорожную станцию, кирпичный завод, МТС, здания военкомата, больницы и другие объекты. К концу третьего дня боев город был в основном занят. Гарнизон противника находился на грани полного разгрома. Потеряв

* В это время отряд им. С. Лазо (командир В. В. Казубский) именовался уже партизанским полком, а отряд «ФД» — полком им. 24-й годовщины РККА (командир Ф. Д. Гнездилов).

убитыми и ранеными около 1300 солдат и офицеров, гитлеровцы оборонялись в нескольких кирпичных домах в центре города, превратив их в сильно укрепленные огневые точки. Однако удержать Ельню партизаны не смогли — кончились боеприпасы. Кроме того, оккупанты, сбив партизанские заслоны, перебросили на помощь гарнизону 30 танков с десантом пехоты. Отряды вынуждены были оставить город ¹⁶.

1 апреля партизанский полк под командованием майора В. В. Жабо совместно с десантниками и кавалеристами генерала П. А. Белова разгромили гарнизон железнодорожной станции Угра ¹⁷.

Однако опыт борьбы показал, что использование партизанских формирований в качестве регулярных частей, участие их в открытых боевых действиях с противником приводили к значительным потерям среди партизан. Партизанский налет, альфой и омегой которого являлись скрытность и внезапность нападения, открытие огня в упор, существенным образом отличался от классической атаки регулярных частей, которая, как правило, предварялась артиллерийско-минометным огнем. Отмечая специфику партизанских действий, генерал П. А. Белов в донесении командующему Западным фронтом от 23 марта сообщал, что партизаны «показали полную неспособность к регулярным действиям» ¹⁸.

Встречи и беседы Г. К. Жукова с командирами и комиссарами партизанских отрядов Г. С. Амировым, Ф. Д. Гнездиловым, М. П. Зиненковым, Г. И. Орловым и др., состоявшимися в апреле — мае 1942 г., позволили ему глубже разобраться в обстановке на оккупированной территории. По воспоминаниям участников этих бесед, Георгий Константинович детально ознакомился с каждым из них: где и когда кто родился, в какой части служил, где воевал. Интересовался составом, численностью, вооружением отрядов, морально-политическим состоянием партизан, условиями жизни. Особенно подробно выяснял причины неудачного исхода боев за неселенные пункты, в частности при захвате г. Ельни ¹⁹.

Взгляды Г. К. Жукова на использование партизанских сил приобрели еще более четкое и выразительное очертание. Применение партизанами тактики общевойскового боя, в том числе и с целью разгрома гарнизонов противника, он считал возможным только в исключительных случаях. В распоряжении, переданном 9 июня 1942 г. командирам партизанских отрядов Дятьковского района Орловской области, в частности, говорилось: «На основании указаний Главкома т. Жукова вам надлежит коренным образом изменить тактику ведения боя в тылу противника. Главком приказал: прекратить открытые действия партизан против регулярных частей противника, действовать главным образом по коммуникациям врага, взрывать воинские эшелоны, железнодорожное полотно и мосты, подбивать автомашины, танки на шоссе на дорогах, уничтожать склады с боеприпасами, продовольствием и другим военным имуществом.

Уничтожать мелкие подразделения и штабы противника, а при хорошей подготовке и отдельные гарнизоны с небольшим количеством солдат. Рвать, резать связь между штабами и от штабов к частям. Усиленно вести разведку всеми доступными средствами. Доставать „языков“» ²⁰.

Таким образом, если в марте 1942 г. Г. К. Жуков приказывал лишь временно прекратить борьбу за населенные пункты, то в данном распоряжении считал необходимым вообще отказаться, за редким исключением, от таких действий и главные усилия партизан сосредоточить на дезорганизации путей сообщения противника, разрушении средств связи, ведении разведки в интересах Красной Армии. Факты убедительно свидетельствуют о том, что Георгий Константинович постоянно и внимательно изучал и обобщал опыт партизанской борьбы, накапливал до полного выяснения сложных вопросов, делал соответствующие выводы и наставления.

Эффективность боевых действий партизан во многом зависела от структуры партизанских формирований. Зимой 1941/42 г. основной организационной и боевой единицей партизан являлся отряд численностью до 150—200 человек. Находясь на полном самообеспечении, он действовал самостоятельно, обладал боль-

шой мобильностью и подвижностью, наносил молниеносные и внезапные удары по заранее выбранным объектам. При необходимости умел быстро рассредоточиваться на мелкие группы или, наоборот, объединяться для совместных действий с другими отрядами.

Весной 1942 г. в связи с бурным ростом численности партизанских сил многие руководители народного движения «заразились» вирусом гигантомании. По армейскому образцу в тылу противника стали создаваться партизанские полки, дивизии и даже корпуса численностью до шести и более тысяч человек. Казалось бы, Г. К. Жуков как сугубо военный человек и приверженец жесткой регламентации воинской службы, должен был поддержать внедрение армейских порядков в организацию и управление партизанским движением. Однако Георгий Константинович придерживался иной точки зрения и усматривал в «военизации» партизанских формирований искоренение их самобытности и неповторимости, вытравливание уже сложившихся традиций, внутренней спайки и боевого товарищества. Кроме того, создание крупных соединений за счет стягивания отрядов из других районов лишало их обжитой и хорошо знакомой территории, приводило к утере связи с населением и ослаблению помощи с его стороны.

Когда в середине марта 1942 г. командование 1-го гвардейского кавкорпуса запросило разрешения командующего Западным фронтом объединить партизанские отряды в две дивизии, он ответил: «Создавать партизанские дивизии нецелесообразно»²¹. В следующей телеграмме Г. К. Жуков более подробно разъяснил свою позицию: «Все отряды стягивать в один район — что значит дать возможность их легко отрезать, окружить и уничтожить. Для партизан нужно широкое поле маневра вблизи знакомых мест, где они знают хорошо местность. При стягивании в одно место они на 50 процентов развалятся. Партизаны действуют во всех районах. Содействуйте широкому развертыванию движения вокруг существующих отрядов»²².

Практика партизанской борьбы полностью подтвердила правильность и обоснованность указаний полководца. В мае 1942 г. при поддержке партийных органов все же были созданы две дивизии смоленских партизан, однако через полтора месяца они вновь распались на отдельные отряды. Сведенные в крупные соединения, отряды потеряли свои основные преимущества — инициативу и самостоятельность, маневренность и внезапность нападения.

Сохранившиеся пометки и резолюции Г. К. Жукова на разведывательных донесениях партизан позволяют заключить, что он внимательно их изучал и учитывал при оценке сил, возможностей и замыслов противника. Партизанская разведка имела определенные преимущества перед агентурной и войсковой. Помимо партизан в ней участвовало практически все население оккупированной территории. Велась она не эпизодически, а непрерывно, везде и всюду, всеми возможными путями и средствами: визуальным наблюдением из засад и дозорных пунктов, захватом пленных и документов, опросом местных жителей, сотрудничеством с подпольем, изучением прессы врага и подслушиванием разговоров.

«Партизаны проникали всюду, — говорится в журнале боевых действий 1-го гвардейского кавкорпуса за март 1942 г. — Переправлялись через Днепр, проникали в Издешкова, Ярцево и вплоть до Смоленска, выявляли дислокацию и группировку войск противника»²³. Их сообщения отличались разносторонностью, обстоятельностью и большой оперативной значимостью. Вот одно из таких донесений, полученных Г. К. Жуковым 18 сентября 1942 г.: «По железной дороге Брянск на Рославль с 1 по 8 сентября 1942 г. прошло 54 эшелона в количестве 2126 вагонов, из них с войсками — 164, с автомашинами — 198, горючим — 50 цистерн, углем — 17 вагонов, платформ с орудиями — 9, пустых вагонов — 1123, со строительными материалами — 39 платформ, санитарных вагонов — 16, с неустановленным грузом — 510.

Рославль на Брянск прошло 49 эшелонов в количестве 1518 вагонов, из них: войсками — 95, танками — 9 платформ, автомашинами — 191 платформа, горючим — 85 цистерн, углем — 110 вагонов, боеприпасами — 33, мотоциклами —

4 платформы, с орудиями — 9 платформ, с тракторами — 28, пустых вагонов — 78, со стройматериалами — 20, пустых платформ — 156, санитарных вагонов — 45 и с неустановленным грузом — 655 вагонов»²⁴.

Некоторые из разведдонесений партизан, учитывая их особую важность, Г. К. Жуков доводил до сведения Ставки Верховного Главнокомандования полным текстом, без комментариев.

Москва, Сталину

Докладываем донесение командира партизанского отряда*.

12 июля 1942 г.

Жуков, Булганин

«8 июля из Орджоникидзеград через Дятьково на Жиздра прошло свыше тысячи автомашин с пехотой и свыше ста мотоциклов. Орлов»²⁵.

На следующий день Г. К. Жуков передал И. В. Сталину агентурное сообщение, поступившее по тому же району, но из другого источника.

Москва, Сталину

Передаем агентурное донесение.

13 июля 1942 г.

Жуков, Булганин

«7 июля из Рославль через Брянск на Жиздра прошло 400 автомашин, свыше 50 орудий на прицепах, до 40 танков. Движение продолжалось до 9 июля.

С Брянск-II усилилось движение поездов на Жиздра. С 3 по 9 июля прошло 15—18 эшелонов с солдатами, автомашинами, пушками и 20—30 танков. 7 июля с Брянск на Жиздра отправлены зенитные орудия среднего калибра. Орлов»²⁶.

Количество разведывательных донесений партизан увеличивалось по мере роста численности отрядов и обеспеченности их средствами радиосвязи. Если летом 1942 г. на связи с Западным штабом партизанского движения находилось 12 корреспондентов, то к концу года их увеличилось до 62, т. е. более чем в пять раз²⁷.

Признавая большой вклад партизан и подпольщиков в победу советских войск под Курском, Орлом и Харьковом, Г. К. Жуков писал, что они «снабжали советское командование разведывательными данными, которые помогли правильно оценить обстановку и замыслы вражеского командования на лето 1943 г.»²⁸

Известно, что, организуя и развертывая партизанское движение, ЦК ВКП(б) и местные партийные органы ориентировали партизанские отряды на полное самообеспечение за счет трофеев противника и местных ресурсов. В сложной и тяжелой обстановке первых месяцев войны такая установка была понятна и оправдана. Оружия и боеприпасов не хватало даже регулярным частям. Однако не все необходимое для осуществления эффективной деятельности партизаны могли достать путем захвата трофеев. Особенно большую нужду они испытывали в минноподрывной технике, медикаментах и средствах радиосвязи.

Характерно, что вопросы материально-технического обеспечения партизан Г. К. Жуков решал быстро, стремился к максимально полному удовлетворению их заявок²⁹. Показателен в этом плане рассказ о встрече с Георгием Константиновичем корреспондента газеты «Правда» М. А. Сиволобова. Весной 1942 г., после полуторамесячного пребывания среди партизан Дятьковского района, он вернулся в Москву и по рекомендации А. С. Щербакова был принят командующим фронтом. Когда корреспондент обстоятельно доложил об обстановке в районе и нуждах партизан, «Жуков взял блокнот, карандаш и спросил:

— Что вам нужно?

— Бесшумки.

* Имеется в виду командир Дятьковского партизанского отряда Орловской области капитан Г. И. Орлов.

Жуков звонит кому-то по телефону и спрашивает, сколько у фронта бесшумок(бесшумное оружие).

— Всего семнадцать? Отдать надо, тут приехал такой Сиволобов, надо ему отдать. Что? Да, все отдать!

— Еще что надо?

— Хорошо бы плащ-палатки, незаменимая штука.

Жуков опять звонит:

— Сколько у нас плащ-палаток? Отдайте сотни две.

— Хорошо бы еще противотанковых ружей. Из него ударишь по паровозу, котел летит... Нужны медикаменты... Как насчет курева? Лучше махорки...

Командующий записывает все в блокнот и тут же отдает распоряжения. Добра набралось порядочно»³⁰.

Для доставки полученных грузов Г. К. Жуков выделил самолет «Дуглас» на котором М. А. Сиволобов вернулся в партизанский край.

Всего в 1942 г. партизанам, действовавшим в полосе Западного фронта, было переброшено винтовок — 3693, автоматов — 1636, ручных пулеметов — 112, противотанковых ружей — 192, мин различных систем — 3658, тола — 10667 кг и другое имущество³¹.

Взаимодействие партизан с войсками Западного фронта раскрыло огромные потенциальные возможности использования партизанских сил в интересах регулярных войск. За шесть с половиной месяцев напряженных боев под Москвой партизаны Калининской, Смоленской, Московской, Тульской, Орловской и Курской (частично) областей истребили более 30 тыс. вражеских солдат и офицеров, уничтожили свыше двух тыс. автомашин с военными грузами, более 200 танков и бронемашин, около 70 орудий, 66 самолетов, подорвали 170 складов с оружием, боеприпасами и продовольствием, более 400 мостов на путях сообщения противника, пустили под откос 40 вражеских эшелонов с живой силой и боевой техникой³².

Г. К. Жуков был первым командующим фронтом, который так широко и активно использовал партизанские силы для взаимодействия с регулярными войсками в ходе проведения стратегической операции. Опыт совместных действий показал, что прямое подчинение партизанских отрядов командирам воинских частей и использование их в качестве регулярных подразделений не всегда себя оправдывает. Партизанские отряды утрачивали в этом случае свои характерные черты и не могли сразу перестроиться на не свойственную им тактику ведения боя. Практика доказала, что наибольший эффект от взаимодействия достигался тогда, когда при выполнении общей задачи партизанские отряды действовали самостоятельно, применяя присущие им приемы и способы борьбы.

Определились в ходе продолжительного взаимодействия и наиболее эффективные направления использования партизанских сил — дезорганизация вражеских коммуникаций на всей протяженности тыла противника, ведение систематической разведки в интересах Красной Армии, разрушение и уничтожение средств связи, воинских штабов, складов и баз немецко-фашистских войск. Подчеркивая важность этой стороны боевой деятельности партизан, Г. К. Жуков писал: «Война с партизанами приносила врагу большие потери, подавляла его моральное состояние, срывала перевозки и маневрирование войсками, что особенно губительно отражалось на проводимых немецко-фашистским командованием операциях»³³.

Правильное понимание Г. К. Жуковым природы и сущности народного движения, верная точка зрения на использование партизанских сил оказали большое влияние на формирование организационных основ партизанского движения, развитие военного искусства партизан.

* Генерал Н. Д. Псурцев являлся в этот период начальником связи Западного фронта.

Примечания

- ¹ ЦАМО РФ, ф. 15, оп. 178359, д. 1, л. 114—116.
- ² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3 т. Т. 2. М., 1990. С. 98.
- ³ ЦАМО РФ, ф. 48, оп. 1, д. 15, л. 3.
- ⁴ Там же, ф. 217, оп. 1258, д. 14, л. 17—25.
- ⁵ Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области. 1941—1944. Л., 1973. С. 139.
- ⁶ ЦАМО РФ, ф. 217, оп. 1258, д. 6, л. 66.
- ⁷ Уходили в поход партизаны. Смоленск, 1973. С. 201.
- ⁸ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2513, д. 213, л. 4.
- ⁹ Там же, ф. 3465, оп. 1, д. 894, л. 76.
- ¹⁰ Военно-исторический журнал. 1987. № 2. С. 30.
- ¹¹ ЦАМО РФ, ф. 500, оп. 12454, д. 215, л. 22.
- ¹² РЦХИДНИ, ф. 69, оп. 1, д. 300, л. 52.
- ¹³ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1027, л. 96.
- ¹⁴ Там же, л. 99.
- ¹⁵ Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». М., 1980. С. 275.
- ¹⁶ Война народная. Очерки истории всенародной борьбы на оккупированной территории Смоленщины 1941—1943 гг. М., 1985. С. 121.
- ¹⁷ Смоленская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы. М., 1977. С. 149.
- ¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 3465, оп. 1, д. 105, л. 84.
- ¹⁹ Амиров Г. С. Непокоренная земля. Алма-Ата, 1975. С. 137.
- ²⁰ ЦАМО РФ, ф. 353, оп. 5879, д. 99, л. 285.
- ²¹ Там же, ф. 3465, оп. 1, д. 894, л. 129.
- ²² Там же, л. 141.
- ²³ Там же, д. 84, л. 79.
- ²⁴ Там же, ф. 208, оп. 2524, д. 88, л. 306.
- ²⁵ Там же, оп. 2513, д. 219, л. 116.
- ²⁶ Там же, л. 130.
- ²⁷ РЦХИДНИ, ф. 69, оп. 1, д. 65, л. 22.
- ²⁸ Жуков Г. К. На Курской дуге // Военно-исторический журнал. 1967. № 9. С. 97.
- ²⁹ См.: ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2552, д. 219, л. 122; 183, 279, 280, 627.
- ³⁰ Гершберг С. Р. Завтра газета выходит. М., 1966. С. 97, 98.
- ³¹ РЦХИДНИ, ф. 69, оп. 1, д. 155, л. 55, 56.
- ³² Военно-исторический журнал. 1982. № 2. С. 32.
- ³³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. С. 99.

© 1995 г. Е. С. СЕНЯВСКАЯ*

ГЕРОИЧЕСКИЕ СИМВОЛЫ: РЕАЛЬНОСТЬ И МИФОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Общество не может существовать без определенных идеализированных (и идеологизированных!) представлений о себе самом. Особенно эта потребность проявляется в условиях войн — как стремление «облагородить» не самое человеческое из человеческих занятий и создать образцы для подражания. Ответом на эту потребность бывает своего рода мифотворчество — как стихийное, возникающее «снизу», так и организованное «сверху», инициированное или напрямую порожденное государством. В данный круг идеологических и психологических феноменов войны входят и героические символы, причем вопрос о механизмах их формирования относится к числу наименее изученных в исторической науке.

Массовое сознание — явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, нравственные и мировоззренческие установки. При этом оно представляет собой синтез явлений, уходящих

* Сениявская Елена Спартаковна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН.

корнями в национальные традиции, в обыденную жизнь людей с идеологическими установками, целенаправленно формируемыми структурами власти. Особое значение эта вторая составляющая приобретает в тоталитарном обществе, разновидностью которого был сталинский режим. В полной мере это относится и к сознанию советских людей в период Великой Отечественной войны, в том числе участников непосредственной вооруженной борьбы с врагом.

В условиях войны особое значение имеет моральный дух армии, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь. «Высокое моральное состояние войск,— отмечает английский военный психолог Норман Коупленд,— это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение — это заключение ума, а не физическое состояние»¹. Не случайным после тяжелых поражений начала войны было обращение Сталина и его окружения к национальным чувствам русского народа, ранее попиравшимся идеологическими догматами: духовные силы были призваны спасти положение там, где оказались недостаточными силы материальные.

Важным моментом в поддержании духа войск является обращение к героическим примерам, целенаправленно представляемым как образец для массового подражания. Это общепринятое, широко распространенное в истории явление. Однако особенностью его в годы Великой Отечественной войны было то, что беспрецедентную роль в формировании символов играло государство, обладавшее монополией на средства массовой информации. Поэтому созданные в то время символы представляли собой причудливое сочетание реальных фактов и вымысла, подлинных событий и пропагандистских штампов.

Проблема символов несет в себе изначальное противоречие. С одной стороны, символы — порождение пропагандистской машины, с другой — феномен массового сознания, в котором находят отражение процессы, происходящие в обществе, в том числе и «культовые» настроения масс. В обстановке «культа личности» и культ отдельных героев становился естественным. Разумеется, он ни в малейшей степени не соперничал с «главным культом», а лишь служил ему, находясь под полным контролем системы, следившей за тем, чтобы «культ героев» не выходил за рамки дозволенного. Она отбирала и шлифовала факты, которые ее устраивали, создавая СИМВОЛЫ — отвлеченно-обобщенные примеры для подражания, когда в конкретную форму (например, имя героя) вкладывалось особое содержание: реальному человеку приписывались черты идеальной, с точки зрения Системы, личности, по которой должен был «равняться» каждый гражданин страны. «Когда страна будет прикажет героем, у нас героем становится любой...» И народ с готовностью впитывал в себя преподносимые ему символы, искренне веря, что именно такими были его герои, плоть от плоти его. Так просты и типичны были их судьбы, что каждый мог представить себя на их месте. Так легко казалось стать героем! И становились — миллионы, чьи безымянные могилы затерялись по всей России. Их подвиги ничуть не меньше, чем у героев известных. Но слава к ним не пришла: стать символом могли лишь единицы.

Герои-символы служили опорой Системе, потому что первым и главным качеством, которым наделяла их пропаганда, являлась беззаветная преданность все той же Системе. И именно это качество должны они были воспитать в миллионах сограждан. Превращенные в символы, герои уже не принадлежат себе. Они становятся частью породившей их идеологической машины. Живые или мертвые — они призваны выполнять отведенные им функции, а Система позаботится о том, чтобы никто не докопался до истины: до того, как она прошла через ножницы цензуры и плакатную кисть пропаганды. Любая попытка «развенчивания легенды» объявляется очернительством и дегероизацией. Как будто реальные черты характера и «нетрадиционные» факты из биографии могут умалить значение

подвига, или благодарная память об одном герое — принизить славу другого! Для пропагандистской машины подобных доводов не существовало: для нее не важны были герои как таковые, а имели значение лишь символы, ею же самой и созданные.

Как и в других областях, Система творила символы и в области военной героики. Из многих героических событий и фактов отбирались и возводились в обобщающий пример только те, которые были необходимы в данный момент Системе. Механизмов такого отбора было множество.

Какого рода подвиги чаще всего превращались в символы; почему и каким образом происходило вычленение одного героя из ряда многих других, совершивших аналогичный подвиг; какие социальные институты (армейское командование, политорганы, средства массовой информации, литература, искусство и т. д.) участвовали в формировании символа и в какой степени; имел ли данный символ значение для повторения, «тиражирования» аналогичного подвига; насколько символ отражал реальность события и что привносилось в него искусственно пропагандистской машиной, вплоть до элементов фальсификации; какие герои были нужны сталинской идеологии и как живых людей «подгоняли» под рамки стереотипов; на каких этапах войны какого рода символы создавались и имели наибольшее распространение, в чем причина этого? Ответы на эти и другие вопросы должны прояснить более общую проблему: какое значение героические символы-стереотипы имели для создания системы сталинских идеологических мифологем; в чем заключалось противоречие между объективной необходимостью поддержания боевого духа армии и народа при помощи героической символики и ее ролью в укреплении мифологического сознания общества в условиях сталинизма. Рассмотрим для начала некоторые общие тенденции.

Символами могли стать реальные факты, соответствующие нужным Системе требованиям, и факты, прошедшие обработку, чтобы этим требованиям соответствовать. Умолчание об одном, вымысел о другом, особое внимание третьему — и событие приобретало нужное звучание. Порой прибегали и к прямым фальсификациям, но, как правило, в случаях менее значительных. Необходимость отрапортовать к очередной памятной дате, система разрядок на награды, «социалистическое соревнование» между подразделениями — все это вело к припискам в донесениях и, что гораздо страшнее, к бессмысленным жертвам, когда штурм какой-нибудь высоты был вызван не требованиями боевой обстановки, а днем рождения Верховного Главнокомандующего. Показательно в этом отношении донесение политотдела 19 армии от 24 октября 1942 г.: «...Докладываю, что в частях „Пилот“ продолжается работа по подготовке к проведению 25-летия Октябрьской социалистической революции... Вся работа по подготовке к праздникам проходит под лозунгом практического выполнения приказа товарища Сталина № 227 — укрепление железной воинской дисциплины и наведение порядка в подразделениях, усиление боевой активизации частей и боевой выучки личного состава. Среди личного состава, между подразделениями заключены договоры социалистического соревнования на большее истребление немецких оккупантов, повышение дисциплины, улучшение качества боевой учебы... Политработниками и командирами организована в целом ряде подразделений проверка хода соцсоревнования, об итогах которого по отделениям и взводам проводятся беседы и политинформации. 7 ноября в частях будут подведены итоги предпраздничного соревнования на предмет выявления лучших отделений, взводов и частей, о чем будет отмечено специальными приказами по частям и соединениям»². В таких ситуациях многие политработники считали своим долгом отличиться, зачастую не считаясь при этом с людскими потерями.

Отбрасывались или замалчивались подвиги, расходившиеся с официальной версией событий. Так, например, случилось с бойцами 2-й Ударной армии, когда тень от предательства генерала Власова легла на тысячи солдат и офицеров, до конца выполнивших свой долг и оставшихся лежать в лесах и болотах под Новгородом³. Действовал такой критерий, как недоверие к окруженцам, отнесение всех пленных к числу предателей. Не потому ли так долго оставались

бездельными защитники Брестской крепости, тысячи других героев первых дней и недель войны? Их мужество вступало в противоречие с политическими установками, с объяснением поражений в начале войны не предвоенными преступлениями и стратегическими просчетами высшего руководства, а происками «врагов народа», предательством командиров, нестойкостью бойцов. Система в который раз стремилась переложить всю ответственность на других, приписав свои ошибки тем, кто расплачивался за них кровью. И уж, конечно, не могла она признать и обнародовать подвиги тех, к чьей помощи вынуждена была прибегнуть в самый тяжелый момент, когда и для нее не нашлось иного выхода. Как, например, в случае с Полярной дивизией, целиком, включая и комсостав, сформированной из заключенных⁴. В 1941 г. она отстояла Мурманск. Здесь погибли те, кто взамен шпал и ромбов носил тогда номерные знаки воркутинских лагерей. До сих пор они в основном остаются безымянными.

Держа под своим контролем процесс награждений, Система могла «отсеять» и негодную ей личность. Существовали разного рода ограничения, которые не позволяли тому, кто совершил подвиг, но в силу ряда причин не устраивал Систему, подняться до высшей ступени — звания героя. Например, принадлежность к репрессированной национальности, родственные связи с «врагами народа», собственная судимость по политической статье, неподходящее социальное происхождение и т. п. Хотя бывали и исключения: в значительной степени это зависело от мужества командира, представившего подчиненного к награде и сумевшего отстоять свою точку зрения перед вышестоящим начальством. Показательна в этом отношении судьба бывшего разведчика, ныне известного писателя Владимира Карпова, получившего звание Героя Советского Союза, невзирая на «пятно» в биографии: хотя в его случае сопротивление Системе было довольно сильным, но командование настояло⁵. Примером другого рода является судьба легендарного подводника А. И. Маринеско. 31 января 1941 г. подводная лодка под его командованием потопила крупнейший немецкий лайнер «Вильгельм Густлоф», на борту которого находилось более 6000 гитлеровцев, в том числе около 3700 подводников. Гитлер объявил Маринеско личным врагом, оценив заслуги советского моряка выше, чем сделала это Система. Представление Маринеско к званию Героя Советского Союза не было одобрено командованием: помешал его «проступок» перед походом в январе 1945 г. — связь с иностранной подданной, за что он едва не попал под трибунал⁶. Справедливость восторжествовала только накануне 45-летия победы. А. И. Маринеско стал Героем Советского Союза, но — увы! — уже посмертно. А сколько было похожих судеб, когда неуживчивый характер, неумение наладить отношения с начальством или какие-то иные обстоятельства являлись для Системы более веским доводом, чем совершенный подвиг, и герой не получал признания и заслуженной награды, а порой и лишался и награды, уже полученной⁷. Уже после войны все попытки восстановить справедливость наталкивались на чиновное безразличие и решение высших советских и партийных органов от 1965 г. прекратить награждения за подвиги и боевые отличия в период Великой Отечественной войны, что, однако, не мешало осыпать наградами тех же партийных чинуш ко всевозможным юбилеям за несуществующие заслуги.

Итак, Система жестко отбирала героев, чаще обращая внимание на формальные признаки, чем на суть вещей. В сомнительных (для нее) случаях она не утруждала себя поиском истины. Ошибки, клевета, поспешные выводы, второпях приклеенные ярлыки ломали и калечили судьбы, лишая и живых, и павших достойного места в строю. Бывшие советские военнопленные, участники движения Сопротивления, многие из которых стали национальными героями тех стран, в партизанских отрядах которых они воевали, на Родине числились предателями согласно приказу Сталина № 270.

Трагичной оказалась судьба и многих подпольщиков, разведчиков, «бойцов невидимого фронта». Строго законспирированные в условиях оккупации, они порой становились жертвами этой конспирации, когда после прихода наших войск

некому было подтвердить «особистам», что они работали по заданию партизан, а не являлись пособниками врага. Иногда обвинения против патриотов были провокацией самих гитлеровцев и полицаев, а Система с ее подозрительностью ко всем и каждому шла у них на поводу. Так, на долгие годы была брошена тень на доброе имя молодогвардейца Виктора Третьякевича⁸. Кстати, криминалистическая экспертиза документов подпольной организации, проведенная по инициативе работников Центрального архива ВЛКСМ, подтвердила, что именно он был комиссаром «Молодой гвардии». Но споры об этом на страницах печати до сих пор продолжают. Любая попытка взглянуть на символ, утвердившийся в сознании нескольких поколений, воспринимается болезненно и остро, и всегда найдутся силы, для которых сохранение легенды важнее установления истины.

Система творила символы, в которых она нуждалась. Каждому этапу войны соответствовали символы, несущие определенную смысловую нагрузку, отвечающие очередным на данный момент задачам пропаганды. Иначе и быть не могло. Подвиги начала войны — это подвиги обороняющейся, с боями отступающей армии. Главной задачей было выстоять, остановить врага любой ценой. И весьма своевременными оказались для символа слова политрука Клочкова: «Велика Россия, да отступить некуда — позади Москва!» А прозвучали ли они на самом деле или были вложены в уста героя журналистом, не имело никакого значения.

Перелом в войне, освобождение оккупированных районов страны несли войскам качественно иное психологическое состояние, ставили перед ними иные задачи: воспитание наступательного порыва, чувства беспощадной мести врагу. Здесь и подвиги были «наступательными». И символы, естественно, тоже. Мученики — молодогвардейцы и рядовой Юрий Смирнов, участник танкового десанта в тыл врага, раненым взятый в плен и распятый немцами на стене блиндажа, — наиболее известные из символов 1943—1944 гг., призывающие отомстить гитлеровцам за их злодеяния, освободить родных и близких от ужасов фашистской оккупации, до конца быть верными гражданскому и воинскому долгу.

Когда под лозунгом «Вперед, на Запад!» Советская Армия вступила на территорию европейских стран, пропагандистская машина откликнулась на это событие новыми символами, например, плакатом «Освободим Европу от цепей фашистского рабства!», на котором изображен советский солдат, рвущий цепи со свастикой. Ведь и произведения искусства тоже порой выполняли роль символа. Самым известным из них была песня «Священная война». А после победы символом стал памятник Воину-Освободителю скульптора Е. Вучетича.

Символом, имевшим одинаковую значимость на всем протяжении войны, являлся лозунг «За Родину! За Сталина!» До сих пор он остается одним из главных аргументов приверженцев «отца народов»: «С этим именем мы ходили в бой, с этим именем умирали!» Вряд ли можно усомниться в искренности их слов. Но необходимо понять, как именно это происходило, откуда возник лозунг, кто и почему выкрикивал в бою ставшую легендарной формулу? Ответ на эти вопросы мы находим в политдонесениях: «Среди коммунистов и комсомольцев были распределены боевые лозунги, которые должны были выкрикиваться в момент атаки. Выйдя скрытно в район сосредоточения, подразделения охватили дугой расположения противника. По сигналу атаки роты стремительным броском с возгласами „За Сталина“, „За Родину“, „Смерть немецким оккупантам“, преодолевая проволочные заграждения и минные поля, ворвались в окопы противника... При выполнении боевой задачи личный состав проявил беззаветную храбрость, мужество и отвагу»⁹. Выкрикивание лозунгов в бою являлось одной из форм партийно-политической работы в войсках. В качестве недостатков такой работы отмечались «случаи, когда коммунисты, находившиеся около агитаторов, провозглашавших лозунги, не подхватывали их и не делали достоянием своих соседей»¹⁰.

Пропагандистское происхождение мифа, в соответствии с которым оценка военной, полководческой роли Сталина воплотилась в призыве «За Родину, за Сталина!», подчеркивает писатель Василь Быков: «Фронтовичка Юлия Друнина правильно замечает, — пишет он, — что в атаках сплошь и рядом звучали иные

восклицания. Хотя, как это было заведено, провозглашатели лозунгов и выкриков обычно назначались накануне, на комсомольских и партийных собраниях, откуда эти лозунги и перекочевывали во фронтовую печать. Но выкрикивали ли их на деле, того установить не представляется возможным, так как невозможно было расслышать»¹¹. Солидарен с ним и Вячеслав Кондратьев, утверждая, что на фронте крики «За Родину, за Сталина!», которыми подбадривали бойцов политруки, парторги и комсорги, принимали за обычные, знакомые еще с довоенных времен политические лозунги, а потому, «повторяя первую часть, не всегда и не все тянули вторую, заменяя ее простым „ура“, понимая, что два эти понятия несоизмеримы, что идти на смерть можно лишь за Родину, но не за какого-то одного человека, кем бы он ни являлся»¹². Впрочем, не будем обобщать: культовые настроения во время войны усилились, и многие люди были предельно искренними, выкрикивая эти слова. Но ясно одно: знаменитая формула возникла не «по инициативе снизу», а целенаправленно насаждалась идеологическими структурами.

Но вернемся к собственно героическим символам. Какими же критериями руководствовалась пропагандистская машина, поднимая отдельный подвиг до уровня символа? Вновь обратимся к мнению Вячеслава Кондратьева: «Вся война являлась беспримерным и подлинным подвигом всего народа. Одно нахождение на передовой, один шаг на поле боя — все это великое преодоление себя, все это подвиг. Однако политотделам нужны были „особые“ подвиги: единоборство солдат с одной гранатой или бутылкой с зажигательной смесью против танка, или бросание грудью на амбразуру дотов, или подбитие выстрелом из родимой, образца 1891/30 трехлинейки самолета и так далее, и тому подобное. Особо понравилось политотделам бросание на амбразуры»¹³.

Почему-то не воинское мастерство, находчивость, храбрость, которые в первую очередь определяли исход боев и сражений, в основном пропагандировались Системой, а самопожертвование, часто граничившее с самоубийством¹⁴. «Апология жертвенности, идеи сугубо языческой», по определению историка А. Н. Мерцалова, или тиражирование опыта советских «камикадзе», по словам В. Кондратьева, наглядно характеризует жестокие методы, которые были свойственны сталинизму. «Режим, который не жалел людей и в мирное время, не мог жалеть их тем более в войну, спасая собственное существование»¹⁵. Весьма показательны в этом смысле и условные обозначения солдат в шифрованных донесениях и телефонных переговорах на фронте — «спички», «карандаши» и прочая «мелочь», очень напоминающие знаменитые сталинские «винтики». Сколько «спичек» сгорело? Спичек не жалко...

Вразрез с этой официальной традицией выступает ставший символом литературный персонаж, близкий к подлинно народному пониманию героизма, — Василий Теркин:

Богатырь не тот, кто в сказке —
Беззаботный великан,
А в походной запояске,
Человек простой закваски,
Что в бою не чужд опаски,
Коль не пьян. А он не пьян¹⁶.

Смелый и находчивый, чуждый необдуманному риску, но разящий врага расчетливо и умело, чтобы не только его одолеть, но и остаться при этом в живых, вернуться домой с победой, — таков русский солдат у Александра Твардовского. Его невозможно представить в роли смертника, он сам ведет поединок со смертью и побеждает ее. Но образ Теркина — редкое исключение в советской литературе военных лет. В целом же создание символов являлось исключительной прерогативой Системы. От нее зависели все награждения, средства массовой информации находились в ее руках. Если же «по недосмотру» герой превращался в символ сам (встречались и такие, народные символы), ему срочно присваивали

официальный статус Героя с соответствующими атрибутами и регалиями: Система не терпела самодеятельности. «Дом Павлова» и «редут Таракуля» в Сталинграде, «сопка Тюрпека» в Карелии служат тому подтверждением. Возникшие в солдатской среде как дань уважения героям, не сдавшим своих позиций, названия эти перебрались на военные планы и карты, были взяты Системой на вооружение и использованы как средства пропаганды. Старшему лейтенанту Я. Ф. Павлову впоследствии присвоили звание Героя Советского Союза. А высота, которую в сентябре 1942 г. захватил со своим взводом старший сержант С. Т. Тюрпека и пал смертью храбрых, отбив все атаки врага, официально, решением Военного совета Карельского фронта от 6 ноября 1942 г. была названа его именем ¹⁷.

Звание Героя Советского Союза существовало как высшая степень отличия в СССР. Однако это еще не символ. Звание являлось необходимым, но вовсе не достаточным условием для перехода в новое качество. Героев слишком много, всех не запомнишь. Это до войны орденосцы были наперечет и могли входить с передней площадки в вагон трамвая. Героев Советского Союза свыше одиннадцати тысяч — только за войну. Символов — от силы два десятка. «Народ должен знать своих героев». Символы — это как раз те, о которых все знают, — но только то, что положено.

Из многих тысяч героев известность получили лишь те, над образами которых усердно потрудились пропаганда и которые запомнились с детства из школьных учебников, фильмов и книг. Возможности человеческой памяти ограничены. Это тоже нужно учитывать. В этом, наверное, одна из причин персонификации подвигов.

Но когда героический поступок, имевший в годы войны массовое распространение, связывают с именем одного человека, невольно задаешься вопросом: почему именно это имя стало общеизвестным, каким образом произошло выделение одного героя из ряда многих других, совершивших аналогичный подвиг? Так, воздушный таран связывают почти исключительно с именем В. Талалихина, огненный таран — с именем Н. Гастелло, спасение товарищей ценой собственной жизни, закрытие своим телом огневой точки врага — с именем А. Матросова, хотя таких случаев были сотни ¹⁸. Видимо, каждый из этих и многих других примеров имеет свое объяснение. В случае с летчиками оно довольно простое: подобные подвиги совершались и раньше, но в силу объективных причин первыми узнали именно об этих героях. О том, что воздушные и огненные тараны были совершены уже в первый час войны 22 июня, стало известно значительно позже, спустя годы после Победы. Талалихин же применил ночной таран в воздушном бою над Москвой, и не заметить его подвиг было просто невозможно.

Что же представляет собой воздушный таран, который одни называют «эталонным ратного подвига», а другие считают фатальным актом самопожертвования, характерным для японских летчиков-камикадзе? Прославленный советский ас Иван Кожедуб утверждает, что воздушный таран применялся как активный, атакующий прием воздушного боя, требующий не только отваги и бесстрашия, но и точного расчета, крепких нервов, быстрой реакции, отличной техники пилотирования, знания уязвимых мест вражеской машины и т. п., при этом гибель пилота не представлялась неизбежной, хотя степень риска, безусловно, была велика ¹⁹. Интересна точка зрения на таран Константина Симонова. Мы приведем здесь отрывок из его интервью Василию Пескову, считая нужным обратить внимание не только на ответ, но и на форму поставленного вопроса:

«В.: В рассказах о первых годах войны, в воспоминаниях, в стихах, в старых подшивках газет часто встречается слово „таран“. Все понимают, что это героический акт — ударить своим самолетом машину врага. Но такой способ борьбы явно нерационален — гибнет и свой самолет. Почему тараны были частыми в сорок первом? И почему позже сбивали самолеты из пушек и пулеметов, а не винтом и крылом?

О.: Я думаю так. На первом этапе войны авиационная наша техника была

слабее немецкой. К тому же у летчиков опыта не доставало: нерасчетливо растратил боезапас, а противник уходит, злость заставляет ударить его хоть чем-нибудь — винтом, крылом. Чаще всего так бил бомбардировщик — в нем четыре человека, и машина более дорогая, чем истребитель. Эта подспудная арифметика, несомненно, имела значение. Надо иметь в виду: у нападавшего все же имелись шансы остаться живым, и даже машину иногда удавалось сажать. Много писали о таранах, потому что в этом акте проявлялась готовность жертвовать жизнью во имя Родины. И об этой готовности тогда, в сорок первом, важно было рассказывать. Ну и, естественно, действовал закон: чем чаще о чем-то пишут, тем чаще это находит отклик и в жизни... Позже, когда качество наших и немецких самолетов уравнилось и когда летчики поднабрались опыта, к таранам стали прибегать редко»²⁰.

Этот взгляд писателя полностью подтверждается фактами. В самом деле, во время Великой Отечественной войны динамика таранов в небе тесно соотносится с ее периодами. Если в 1941—1942 гг. было совершено более 400 таранов, то в 1943—1944 — свыше 200, а в 1945-м — немногим более 20. По мере завоевания нашей авиацией господства в воздухе объективная необходимость жертвовать своей жизнью и машиной уменьшалась²¹.

В случаях с огненным тараном перед летчиком возникала качественно иная ситуация, не зависевшая от этапа войны и господства в воздухе: самолет подбит, горит, до своего аэродрома не дотянет, выброситься с парашютом над территорией, занятой противником, значит попасть в плен. И пилот направлял подбитую машину в гущу вражеской техники, зная, что и сам неизбежно погибнет. В многоместном самолете такое решение принималось всем экипажем, однако награждали за подвиг, как правило, одного командира. Даже в легендарном экипаже Н. Гастелло высшей наградой — званием Героя Советского Союза — отмечен только он сам, а его товарищи Г. Скоробогатый, А. Бурденюк и А. Калинин награждены орденами Отечественной войны 1-й степени. Судьба одна, а слава разная, даже у людей из одного экипажа. А сколько «огненных пилотов» вообще не отмечены наградами... Поднимая одного героя до уровня символа, Система уже не интересовалась другими, потому что лишь символ мог выполнять определенные идеологические функции, а для этого над ним требовалось немало потрудиться, отбрасывая неудобные факты, шлифуя биографию, чтобы превратить человека в памятник, в лозунг, в легенду, в образец для массового подражания. И уже не имело значения, кто был первым. Главное, кого первым заметила Система и насколько он соответствовал нужному ей стереотипу героя.

С Александром Матросовым дело обстоит еще сложнее, хотя и здесь ситуация схожая: он не был первым, кто закрыл своим телом огневую точку врага, но именно его подвигу придали особое значение. Элемент случайности? Может быть, выразительный слог политдонесения обратил внимание командования на этот факт, и потому о нем доложили Сталину? На этом случайности кончаются. За дело с присущей ей основательностью взялась пропагандистская машина. И вот уже реальная дата подвига — 27 февраля 1943 г. — подменяется другой, не соответствующей действительности, но зато красивой и удобной, приуроченной к славному юбилею — 25-летию Красной Армии. А прозвучала она впервые в приказе Сталина № 269 от 8 сентября 1943 г., откуда и вошла во все учебники истории²². Приказ наркома обороны гласил: «...Подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии.

Для увековечения памяти Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова приказываю:

1. 254-му гвардейскому стрелковому полку присвоить наименование „254-й гвардейский стрелковый полк имени Александра Матросова“.

2. Героя Советского Союза гвардии рядового Александра Матвеевича Матросова зачислить навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского полка имени Александра Матросова»²³.

Это был первый в истории Отечественной войны приказ о зачислении навечно в списки частей воинов, совершивших выдающиеся подвиги.

И полетела крылатая фраза, абсурдная с самого начала: некто «повторил подвиг Матросова». Но ведь подвиг был у каждого свой! Подвиг нельзя «повторить», его каждый раз совершают заново — разные люди, в разных обстоятельствах. Приведем для примера описание подвига одного из неизвестных «матросовцев» — ефрейтора Владимира Дмитриенко, обнаруженное нами в донесении политотдела 19-й армии Карельского фронта от 29 сентября 1944 г.: «В частях широко популяризируется геройский подвиг коммуниста ефрейтора Владимира Дмитриенко из 122 стр. дивизии, который во время выполнения задачи по разведке огневых точек противника добровольно пошел в разведку. В ходе выполнения боевого задания по разведчикам немцы открыли сильный огонь, который заставил подразделение залечь и не дал возможности продвигаться. Ефрейтор Дмитриенко решил заглушить левофланговый дзот. Он быстро поднялся и с криком „Вперед!“ устремился с гранатами в руках к дзоту, откуда немцы вели непрерывный огонь. Подбежав к самому дзоту, Дмитриенко взмахнул гранатой, но в этот момент вражеская пуля сразила его, и он упал, закрыв своим телом амбразуру дзота. Воодушевленные подвигом Дмитриенко, бойцы неудержимо устремились вперед, ворвались в окопы и дзоты немцев, где гранатами и огнем из автоматов уничтожили фашистских мерзавцев. Немцы были выбиты из опорного пункта. Только у дзота, где пал коммунист Дмитриенко, наши бойцы насчитали более 10 убитых гитлеровцев. О подвиге Дмитриенко помещен материал в газете „Героический поход“ и „Сталинский боец“»²⁴. Но только публикаций в дивизионной и армейской газете для превращения героя в символ было недостаточно. Он мог стать лишь символом местного масштаба, предметом гордости командиров и политработников: «У нас в части тоже есть свой Матросов». Как и многие другие герои, Дмитриенко оказался «в тени» этого имени, в результате чего его подвиг невольно воспринимался как подражательный, «воспитанный на примере».

Равный по значимости подвиг оценивался не одинаково. Из общего числа установленных ныне «матросовцев» только 164-м было присвоено звание Героя Советского Союза, 100 человек награждены орденами и медалями, 93 совсем не имеют наград²⁵. В действующей армии довольно частыми были случаи, когда командир части представлял отличившегося подчиненного к одной награде, а вышестоящее начальство награждало его другой, более низкой по статусу, исходя из каких-то своих соображений, иногда просто из-за отсутствия в наградном отделе нужного количества орденов.

Безусловно, превращение героя в символ зависело не только от прихоти Системы, но и от целого ряда случайностей. Сам подвиг мог быть исключительным, но, совершенный вдали от начальства и политотделов, так и оставался неизвестным. В другом случае, донесения могли писаться людьми, не блещущими красотой стиля. И, наконец, в тяжелой боевой обстановке было иногда просто не до того.

Большую роль в создании символа играл журналист, оказавшийся на месте событий. Сейчас уже мало кто помнит, что одновременно со статьей Петра Лидова «Таня» в «Правде» о девушке-партизанке, казненной гитлеровцами в селе Петрищево, в «Комсомолке» вышла статья его коллеги по перу С. Любимова, который побывал там вместе с ним. Однако замечен и отмечен был лидовский материал как более выразительный. По легенде, Сталин, прочитав в газете ответ партизанки на вопрос гитлеровцев: «Где находится Сталин?» — «Сталин на посту!», произнес слова, решившие посмертную судьбу девушки: «Вот народная героиня». И завертелась машина, превращая неизвестную комсомолку Таню в Зою Космодемьянскую, первую женщину, получившую в Великой Отечественной войне звание Героя Советского Союза²⁶.

Несмотря на огромный объем литературы, посвященной подвигу девушки, некоторые обстоятельства ее гибели по идеологическим соображениям тщательно скрывались. Так, ни слова не говорилось о неоднозначной реакции жителей села

Петрищево на диверсию, в результате которой несколько семей зимой остались без крова. Далеко не все сочувствовали пойманной фашистами партизанке. Приведем несколько документов. У жены П. Лидова, Г. Я. Лидовой, хранятся выписки из уголовных дел на С. А. Свиридова, А. В. Смирнову и других жителей села Петрищево, сделанные в 1942 г., после их осуждения военным трибуналом войск НКВД Московского округа. Через сутки после поджога партизанами трех домов, принадлежавших А. В. Смирновой, И. Е. Солнцеву и Н. Кореневу, житель села С. А. Свиридов, стороживший свой дом и садик, заметил выходящего из леса человека и донес об этом фашистам. Схваченный партизан оказался девушкой. По деревне пронеслась весть, что поймали поджигательницу, а дальше произошло следующее.

Из показаний Петрушиной (Кулик) Прасковьи Яковлевны:

«На следующий день после задержания Зою привели к нам в 22 ч., измученную, со связанными руками. Утром в 8—9 ч. пришли Смирнова, Салынина и др. Салынина несколько раз сказала Смирновой, чтобы та била. Смирнова пыталась ударить, но я встала между ней и Зоей, не дала бить и выгнала. Немецкий солдат взял меня за ворот и оттолкнул, я ушла в чулан. Спустя несколько минут Смирнова и Салынина вернулись. Смирнова на ходу взяла чугун с помоями, бросила в Зою, и чугун разбился. Я быстро вышла из чулана и увидела, что Зоя вся облита помоями».

Из показаний Солнцева Ивана Егоровича:

«Придя в дом Кулика, я сказал немцам, что это мой дом она подожгла. Меня сразу пропустили, и немцы велели мне бить Зою, но я и жена категорически отказались. Когда при казни Зоя крикнула: „Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен, победа за нами“, — Смирнова подошла и сильно ударила ее по ноге железной палкой, сказав: „Кому ты угрозила? Мой дом сожгла, а немцам ничего не сделала“, — и выругалась»²⁷.

Обнародование такого рода фактов, несомненно, вступило бы в противоречие с официальным тезисом о всенародной поддержке партизанской борьбы жителями оккупированных районов. Куда удобнее была версия о том, что Зою предал ее товарищ по группе Василий Клубков, схваченный, как и она, фашистами, но оказавшийся менее стойким²⁸. Случай единичного предательства не шел вразрез с общим направлением пропаганды того времени, тогда как поведение местных жителей приобретало в глазах Системы характер опасной тенденции. О том, как тщательно оберегала Система неприкосновенность символа в удобном ей виде, свидетельствует еще один любопытный документ. Это докладная записка инструктора отдела школьной молодежи ЦК ВЛКСМ Тищенко секретарям ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлову и Т. И. Ершовой от 30 декабря 1948 г.:

«Директор и учителя школы № 201 г. Москвы имени Зои Космодемьянской сообщили, что в организации и проведении экскурсий к месту казни и могилы Зои Космодемьянской следовало бы устранить имеющиеся недостатки. В деревню Петрищево, где зверски замучена фашистами Зоя, приходит много экскурсий, большинство из которых — это дети, подростки. Но этими экскурсиями никто не руководит. Экскурсии сопровождает Воронина Е. П. 72-х лет, в доме которой размещался штаб, где допрашивали и пытали Зою, и гражданка Кулик П. Я., у которой находилась Зоя до казни. В своих объяснениях о действиях Зои по заданию партизанского отряда они отмечают ее смелость, мужество и стойкость. В то же время говорят: „Если бы она и дальше продолжала к нам ходить, то принесла бы много убытка деревне, сожгла бы много домов и скота“. По их мнению, это, пожалуй, Зое и не следовало бы делать. Объясняя о том, как Зоя была схвачена и попала в плен, они говорят: „Мы очень ждали, что Зою обязательно освободят партизаны, и были очень удивлены, когда этого не случилось“. Такое объяснение не способствует правильному воспитанию молодежи»²⁹.

До сих пор история трагедии в Петрищево хранит немало загадок и ждет своего объективного исследования.

Еще один символ — 28 гвардейцев-панфиловцев — тоже обязан своим

возникновением журналистам. Корреспондент «Комсомольской правды» В. Чернышев и спецкор «Красной звезды» В. Коротеев, даже не побывавшие на месте боев, не беседовавшие с их участниками, воспользовались информацией, полученной в штабе дивизии. В первоначальных своих публикациях, наряду с некоторыми неточностями, они в целом дали объективную и справедливую оценку героизму бойцов 8-й Панфиловской дивизии, отметив, что тяжелые бои велись ими на всех участках, и на каждом было проявлено исключительное мужество. Упоминались особо отличившиеся бойцы 4-й роты Н-ского полка, которые вели бой с фашистскими танками в районе разъезда Дубосеково. Перед боем эта рота насчитывала до 140 человек, после боя в ней осталось около 30. Смертью героев погибло более 100 бойцов. Но Коротеев, не располагавший точными данными, по приезду в Москву в разговоре с редактором значительно преуменьшил число участников боя, сказав, что состав роты, видимо, был неполный, примерно человек 30, из которых двое оказались предателями. Другой журналист той же газеты — А. Кривицкий, опираясь на эти слова, написал передовую «Завещание 28 павших героев»³⁰.

Так, весьма безответственным образом появилась эта цифра, лишившая заслуженной славы сотни героев роты, полка, дивизии. Напечатанное в газете, да еще в передовице, не могло ставиться под сомнение. 28 героев стали Символом. Имена под эту цифру подбирались особенно тщательно, хотя не обошлось и без проколов: шестеро оказались в живых, из них двое потом долго и безуспешно доказывали свою принадлежность к «списку» героев³¹. Интересно и другое: по книге безвозвратных потерь видно, что люди, включенные в поименный список, погибли в разное время в разных местах, а не в один день у разъезда Дубосеково. Впрочем, для Системы такие «мелочи» уже не имели значения: когда символ создан, обратного хода нет.

Наконец, в создании такого символа, как «Молодая гвардия», исключительная роль принадлежит Александру Фадееву. И здесь возникает вопрос о моральной ответственности писателя, не изменившего в художественном произведении имена реально существовавших людей, которые служили прототипами его героев. Вследствие этого произошла подмена исторической реальности литературным вымыслом в сознании всего народа. О молодогвардейцах судили не столько по документам и свидетельствам участников событий, сколько по роману, который, по словам самого А. Фадеева, не претендовал на документальную точность³². Так, нескольким невинным были навешаны ярлыки предателей, они подверглись репрессиям, последовали и гонения на их семьи. Лишь недавно они были полностью реабилитированы, но продолжают оставаться заложниками легенды, созданной А. Фадеевым³³. Этот перечень можно продолжить.

Несомненно, существовали символы, возникновение которых готовилось Системой заранее. Одним из них стало Знамя Победы. Сейчас уже трудно сказать, случайно или нет в одну из знаменных групп, штурмовавших рейхстаг, были включены русский и грузин. Но в том, что Система не обошла этот факт вниманием и преподнесла его как особый подарок Сталину, сомневаться не приходится. Знаменных групп было несколько, как и флагов, водруженных ими в разных частях рейхстага. Подвиг каждой из них достоин высшей награды. Так, были представлены к званию Героя Советского Союза разведчики группы лейтенанта С. Сорокина, закрепившие флаг на скульптурной группе над главным входом в рейхстаг. Их подвиг был подробно описан в наградных листах, подписанных командованием корпуса, но командование армии представления на них не подтвердило³⁴. Знамя Победы могло быть только одно, а значит, участники только одной группы могли стать героями, чтобы затем превратиться в символ. Логика Системы воистину была железной.

Подведем некоторые итоги. Среди методов, которыми пользовалась Система для создания необходимых ей символов, можно назвать, к примеру, такие:

— фальсификация, полная или частичная, включая подмену одного героя другим, приписывание чужих заслуг, искажение обстоятельств подвига, неверную трактовку событий и т. п.;

— несправедливое умалчивание об одном герое или подвиге и целенаправленное возвеличивание другого с использованием всех доступных средств агитации и пропаганды;

— выделение одного героя из ряда других, совершивших аналогичный подвиг, т. е. неравная оценка равного подвига, персонификация подвига;

— создание пропагандистского клише, стереотипа героя, под который искусственно «подгонялись» живые, реально существовавшие люди.

Можно выделить определенную закономерность в классификации типов подвига, наиболее часто использовавшихся Системой для превращения их в символы:

— единоборство с превосходящими силами противника, удержание боевых позиций ценой собственной жизни (с гранатой под танк; вызов огня на себя; подрыв гранатами себя и врагов при угрозе плена и др.);

— массовый героизм, коллективный подвиг (стойкость целых подразделений);

— акты самопожертвования, спасение товарищей ценой собственной жизни (грудью на амбразуру);

— мученическая смерть под пытками в плену у врага, верность долгу и присяге перед лицом смерти;

— уничтожение врага таранным ударом при отсутствии иных средств ведения боя (воздушный таран); нанесение максимально возможного ущерба врагу ценой собственной жизни, отказ от возможности спастись (огненный таран);

— единство и дружба советских народов (подвиги многонациональных воинских коллективов; героизм бойцов разных национальностей) (при существовании запрета на представление к званию Героя представителей высланных народов);

— спасение боевого знамени и другой воинской и советской символики.

Для символов местного масштаба («Герои нашей части», «Герои нашей армии» и т. п.), возникавших непосредственно на фронте без участия главных политических структур, наиболее характерными чертами являются солдатская находчивость, смекалка, боевое мастерство, позволяющие наносить урон врагу с собственными минимальными потерями³⁵. Именно к таким символам относится и Василий Теркин, поднявшийся, однако, до общенародного уровня.

Другой стороной проблемы является вопрос о том, какое влияние оказывали героические символы на сознание людей, в какой степени выполняли отведенные им функции, существовало ли противоречие между собственным мироощущением советского солдата и тем, которое навязывала ему Система?

Вспомним слова К. Симонова: «Чем чаще о чем-то пишут, тем чаще это находит отклик и в жизни». В этом смысле символы, безусловно, срабатывали, оказывая сильнейшее эмоциональное воздействие на огромные массы людей, особенно на молодежь, воспитанную на революционной романтике и героике (тоже символах, но более раннего времени), а потому наиболее восприимчивую. Примеры доблести и героизма, активно пропагандируемые в печати, на митингах и красноармейских собраниях, с одной стороны, вызывали общее стремление отомстить врагу за гибель товарищей, с другой — быть похожими на них и сражаться с еще большим мужеством и энергией. «Мы заявляем, — говорилось в письме Военному совету 2-го Белорусского фронта от комсомольцев и молодежи 272-й стрелковой Свирской дивизии от 28 марта 1945 г., — что любой Ваш приказ будет выполнен с честью и достоинством комсомольцев. На пути к достижению цели у нас встретятся трудности, но мы их преодолеем так же, как преодолели наши старшие товарищи, так же, как преодолевали их Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и Юрий Смирнов. Мы заверяем Вас, что каждый комсомолец и молодой воин нашего соединения будет в первых рядах атакующих. Мы будем бить врага так, как били его в недавних боях лучшие комсомольцы нашего соединения... На такие подвиги способен каждый из нас. Мы любим свою Родину и для счастья ее не пожалеет своих сил. Мы готовы за Родину пролить каплю за каплей свою кровь, неся в своих молодых сердцах священную ненависть к врагу... Водрузим знамя победы над Гдыней! Смерть фашистским захватчикам!»³⁶.

Известно немало случаев, когда молодые бойцы носили всю войну в комсомольских билетах вырезанные из газет портреты Зои Космодемьянской, на танках и самолетах писали «За Зою!» Подобное происходило и с именами других героев. Символы всесоюзного масштаба дополняли в сознании людей их собственный опыт: подвиги друзей-однополчан, очевидцами которых они становились, личные трагедии — гибель семьи или кого-нибудь из близких, разорение родной деревни и т. п. Все это вместе взятое включалось затем в «личный счет мести врагу», о чем и отчитывались друг перед другом на собраниях перед началом боевой операции или накануне наступления³⁷. Организаторами составления «счетов мести» выступали парторги, комсорги, политработники.

Как один из примеров прямого воздействия символа на настроения бойцов приведем отрывок из отчета об одном открытом комсомольском собрании в частях 19-й армии по письму матери Олега Кошевого к товарищу сына лейтенанту И. Лещинскому от 9 ноября 1943 г.: «... Комсомолец, младший сержант т. Мацко в своем выступлении сказал: „Мы беспощадно мстим за молодогвардейцев — прямой наводкой из орудий громим логово врага. Проведенные последние две боевые стрельбы получили хорошие оценки командования батальона — цели были поражены. Наш расчет в основном комсомольский, и на призыв матери юного героя Е. Н. Кошевой, на обращение молодежи мы ответим беспощадной местью. Мы будем увеличивать счет мести немецким захватчикам и до конца выполним наказ матери героя“. ... Многие из присутствовавшей на комсомольских собраниях несоюзной молодежи обратились с просьбой принять их в ряды ВЛКСМ. Так, тов. Симакова на собрании заявила: „Смерть краснодонцев потрясла меня, и я почувствовала, что не могу больше быть вне рядов Ленинско-Сталинского комсомола, который воспитывает таких героев, как был Олег и его товарищи. Я прошу принять меня в комсомол“»³⁸.

Впрочем, не всегда выступления на митингах и собраниях могут служить барометром настроений в армии. Об этом свидетельствуют сами политдонесения: «В некоторых подразделениях, которые ранее находились на выполнении боевых заданий, где не были проведены собрания о любви к Родине и воинской доблести — традициях русского народа, в настоящее время закончено проведение таких собраний. Проведению собраний так же, как и ранее, предшествовала тщательная подготовка. Собрания прошли хорошо и с большим подъемом... Проводилась работа по подготовке бойцов и сержантов к выступлениям»³⁹. Насколько искренними были подобные выступления, в ряде случаев довольно сложно определить.

Не всеми категориями бойцов героические символы воспринимались одинаково. Призванные в ноябре — декабре 1944 г. из освобожденных от немецкой оккупации районов Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии и Прибалтики, бойцы нового пополнения, знакомые с новой идеологией только понаслышке (за два предвоенных года после вступления Красной Армии на эти территории Система еще не успела развернуться в полной мере, да и влияние сталинской пропаганды за столь короткий срок не могло оказаться действенным), относились к ее символам с изрядной долей скепсиса: «В ходе бесед выяснилось, — говорится в донесении Политотдела 19-й армии от 28 декабря 1944 г., — что ряд бойцов пополнения не верит в героические подвиги воинов Красной Армии. Так, в 27 стрелковой дивизии после проведения беседы о подвиге Героя Советского Союза сержанта Варламова, закрывшего своим телом амбразуру вражеского дзота, были реплики: „Этого не может быть“»⁴⁰.

И все же в своем подавляющем большинстве советские люди относились к героическим символам именно так, как это планировалось пропагандистской машиной. Хотя было и глубокое понимание того, что нельзя разделять героизм и будни, потому что «и будни войны являлись подвигом, возможно, большим, чем мгновенная вспышка, эмоциональный всплеск, когда солдат бросается на танк с одной гранатой. Это секунды, а будни — это дни и ночи, кровавые и беспросветные, потому что только смерть или ранение могут освободить солдата от постоянного нечеловеческого напряжения, выдерживать которое было неимоверно труд-

но»⁴¹. Тем обиднее было чувствовать за спиной пулеметы заградотрядов, знать, что за любое неосторожное слово и трезвый взгляд на действительность можно угодить в СМЕРШ. Эта горечь за недоверие и подозрительность Системы по отношению к тем, кто на грани своих сил, голодный и холодный, измученный, под постоянным огнем противника, зачастую превосходящего числом и вооружением, отбивал непрерывные атаки и поднимался в атаки сам, делая порой невозможное, проявляя чудеса героизма, — эта обида и горечь солдата к Системе предельно ясно выразилась в одной из песен фронтового фольклора:

Первая болванка пробила бензобак.
Я выскочил из танка, и сам не знаю как.
А потом в особый вызвали отдел:
«Почему ты, сволочь, вместе с танком не сгорел?!»
А я отвечаю, а я говорю:
«В следующей атаке обязательно сгорю...»⁴²

Вот так и чувствовал себя солдат на войне, — с одной стороны, испытывая великое чувство гражданственности, ощущая себя личностью, от которой зависит судьба Отечества, готовый на самопожертвование, честно и с достоинством исполняющий свой ратный труд; а с другой, — поставленный системой в положение «винтика», когда человеческая жизнь ценилась порой дешевле, чем цинковый ящик с патронами. Война велась жестоко и по отношению к своим же солдатам. Сталинский режим не считался с потерями, и «не было случая в годы войны, чтобы за напрасные потери осудили хоть бы одного командира высокого ранга»⁴³. «Мы за ценой не постоим» — эти слова из песни Булата Окуджавы очень точно отражают пафос военных лет. Эти же слова выражают и сущность героических символов периода Великой Отечественной войны, саму атмосферу того времени.

Итак, к вопросу о значении символов нельзя подходить упрощенно. Обращение к героическим примерам всегда имело место в истории и играло важную роль в поддержании боевого духа армии и народа. Очевидно, что и в годы Великой Отечественной войны существовала объективная необходимость в пропаганде подвигов, которые призваны были служить и служили образцом для массового подражания, вдохновляющим примером для миллионов людей. «... Героический подвиг не только зовет следовать конкретному героическому примеру своих однополчан, друзей, товарищей, соотечественников, но и как бы создает готовую форму, «своеобразную модель» героической деятельности, которая может широко распространяться»⁴⁴. Такой моделью, но, как правило, схематичной и упрощенной, втиснутой в узкие идеологические рамки, и являлись символы. И именно здесь объективная необходимость их создания вступала в противоречие с еще одной ролью, которую эти символы выполняли, — ролью, навязанной им системой. Отражая массовый героизм советских людей и способствуя его росту, они в то же время укрепляли мифологическое сознание общества в условиях сталинизма, нередко искажая факты реальной истории. Поэтому, обращаясь к прошлому, следует отделять событие от его символа и героя от наших представлений о нем. Во имя истины.

Примечания

¹ Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960. С. 22.

² ЦАМО, ф. 372, оп. 6570, д. 16, л. 393.

³ См.: Гагарин С. Правда о Второй Ударной // Переписка на исторические темы: Диалог ведет читатель. М., 1989. С. 401—434; Черепанов М. Армия не сдается // Комсомольская правда. 1989. 27 сентября.

⁴ Бессмертие Долины Славы // Правда Севера. 1990. 17 июня; Город-герой Мурманск. Мурманск, 1989.

⁵ Карпов В. Полководец // Роман-газета. 1985. № 8. С. 22; № 9. С. 9—11.

⁶ Великая Отечественная война 1941—1945. События. Люди. Документы: Военно-исторический очерк. М., 1990. С. 352; Коваленко Я. С. Под командой Маринеско // Торпеды в цель! Сборник воспоминаний. Л., 1989. С. 250; Награды за мужество // Правда, 1990. 6 мая.

- ⁷ Литовкин В. Неизвестные герои Великой войны // Известия. 1991. 8 мая.
- ⁸ Костенко К., Яковлева Т. На весах правды // Комсомольская правда. 1989. 5 января.
- ⁹ ЦАМО, ф. 372, оп. 6570, д. 52, л. 17.
- ¹⁰ Там же, д. 58, л. 403, 427.
- ¹¹ Быков В. Так что же сделали с Победой? // Комсомольская правда. 1990. 27 сентября.
- ¹² Кондратьев В. Не только о своем поколении. Заметки писателя // Коммунист. 1990. № 7.
- С. 113.
- ¹³ Кондратьев В. Оплачено кровью // Родина. 1991. № 6—7. С. 7.
- ¹⁴ Мерцалов А. Один к пяти // Родина. 1991. № 6—7. С. 138.
- ¹⁵ Кондратьев В. Оплачено кровью. С. 7.
- ¹⁶ Твардовский А. Василий Теркин. Дом у дороги. М., 1985. С. 174.
- ¹⁷ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. 1941—1945: Военно-исторический очерк. М., 1984. С. 100—101.
- ¹⁸ Цифры приводятся разные. Так, в статье «Братья Матросова» в «Правде» за 5 апреля 1990 г. сказано, что, по последним данным, героев, закрывших своим телом амбразуру вражеского дота или дзота, было 386 человек. А в № 17 «Аргументов и фактов» за тот же год историк Н. В. Борисов, много лет изучающий эту проблему, называет число 212. В вышедшей недавно книге А. Коваленко «Правда о Матросове и матросовцах» (М., 1994. С. 340—392) приводится список, включающий 341 фамилию, при этом автор оговаривается, что за 30 лет кропотливых поисков ему удалось найти 470 «матросовцев». Это показатель того, что конкретные цифры в подобных случаях приводить не следует: работа с архивными материалами продолжается, списки героев требуют дальнейшего уточнения, тщательной проверки. Что касается таранов, то на сегодняшний день установлено, что огненный таран в годы войны был совершен около 500 раз; воздушных таранов насчитывают более 600. (См.: На грани возможного. М., 1990. С. 6—11.)
- ¹⁹ На грани возможного. С. 8.
- ²⁰ Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 151.
- ²¹ На грани возможного. С. 13.
- ²² Аргументы и факты. 1990. № 17(498). 28 апреля — 4 мая. С. 8.
- ²³ См.: Зайцев А. Д., Рощин И. И., Соловьев В. Н. Зачислен навечно: Биографический справочник: В 2 кн. Кн. 1. М., 1990. С. 5; Коваленко А. Правда о Матросове и матросовцах. М., 1994. С. 3.
- ²⁴ ЦАМО, ф. 372, оп. 6570, д. 51, л. 179.
- ²⁵ Рассчитано по: Бессмертные подвиги. М., 1980. С. 81—100; Бессмертное племя матросовцев. 1941—1945. М., 1990. С. 234—284.
- ²⁶ Лидов П. Таня // Правда. 1942. 27 января; Любимов С. Мы не забудем тебя, Таня // Комсомольская правда. 1942. 27 января; Лидов П. Кто была Таня // Правда. 1942. 18 февраля.
- ²⁷ Из личного архива Г. Я. Лидовой.
- ²⁸ Милецкий Я. Кто предал Таню // Красная звезда. 1942. 22 апреля; Лидов П. Новое о «Тане» // Правдист. 1944. № 4(119). С. 5; Лидов П. Вокруг «Тани» // Правдист. 1947. № 89. 14 июня.
- ²⁹ ЦХДМО, ф. 7, оп. 2, ед. хр. 649, д. 5, л. 18.
- ³⁰ Катусев А. Ф. Чужая слава // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 70—72.
- ³¹ Куманев Г. Судьба Ивана Добробабина, одного из 28 героев-панфиловцев // Правда. 1988. 18 ноября; Митько М., Куманев Г. Ошибка писателя? Почему из числа Героев был вычеркнут один из 28 панфиловцев // Московская правда. 1989. 7 мая.
- ³² Фадеев А. Письма. М., 1967. С. 230.
- ³³ Ажгихина Н. Заложники легенды // Огонек. 1990. № 44. С. 25—27.
- ³⁴ Сычев А. Кто водрузил Знамя Победы? // Аргументы и факты. 1990. № 18(499). 5—11 мая. С. 3.
- ³⁵ См.: Герои и подвиги. Советские листовки Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 1958.
- ³⁶ ЦАМО, ф. 372, оп. 6570, д. 76, л. 146.
- ³⁷ Там же, д. 33, л. 241—243, 248—251; д. 51, л. 104, 167—168, 214; д. 76, л. 27, 106, 241.
- ³⁸ Там же, д. 52, л. 3—4.
- ³⁹ Там же, л. 34.
- ⁴⁰ Там же, д. 51, л. 321, 337.
- ⁴¹ Кондратьев В., Кожемяко В. Какая же она, правда о войне? // Правда. 1990. 20 июня.
- ⁴² Записано со слов А. А. Курносова, впервые услышавшего эту песню после войны от родственника-фронтовика.
- ⁴³ Кондратьев В., Кожемяко В. Указ. соч.
- ⁴⁴ Волкогон Д. А. Морально-политический фактор Великой Победы // Вопросы философии. 1975. № 3. С. 20.

© 1995 г. В. Ф. З И М А *

ПОСЛЕВОЕННОЕ ОБЩЕСТВО: ГОЛОД И ПРЕСТУПНОСТЬ (1946—1947 гг.)

Голод, охвативший всю страну в первые годы после войны, способствовал росту преступности. Обезумевшие люди ради собственного спасения и своих близких шли на воровство, грабеж, убийство. В создавшейся обстановке правительство вместо расширения помощи голодавшим усиливало карательные функции государства. Вал указов и постановлений по мере усиления голода нарастал как снежный ком и летом 1947 г. достиг своего апогея. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня того же года «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан» превзошли по своей жестокости Закон от 7 августа 1932 г., прозванный в народе «законом о пяти колосках». В условиях голода эскалация уголовного законодательства обернулась не против настоящих преступников — крупных грабителей государственной и личной собственности, а против всего обездоленного люда, причинив ему много страданий.

В предлагаемой читателю статье предпринята попытка осветить некоторые аспекты правовой политики в указанное время (материал о голоде опубликован автором ранее¹). В качестве объекта изучения взяты в основном правонарушения, связанные с хищением хлеба.

Пайково-карточная зависимость горожан от государства, отсутствие нормированного снабжения продовольствием на селе усиливали страх людей перед голодом, искусственно нагнетали криминогенную обстановку. Суровых законов военного времени было уже недостаточно. После войны с новой силой заработала сталинская формулировка времен голодомора 1933 г.: «Борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и средствами, представляемыми в наше распоряжение законами советской власти, — является одной из основных задач партии»².

Во второй половине 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба: от 27 июня — «О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи» и от 25 октября — «Об обеспечении сохранности государственного хлеба». В соответствии с ними, ввиду многочисленных случаев хищения хлеба, правоохранительным органам вменялось в обязанность обеспечить сохранность и неприкосновенность государственного хлеба, что означало применение крайних мер³.

Министерством юстиции СССР были даны указания всем органам суда о рассмотрении дел по такого рода представлениям не позднее 10-дневного срока с применением к виновным по Закону от 7 августа 1932 г. в качестве меры судебной репрессии за хищение колхозного и кооперативного имущества высшей меры наказания — расстрела с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет⁴.

По неполным данным, осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53 369 человек, из них 36 670 человек (68,7%) приговорены к лишению свободы, при этом по

* Зима Вениамин Федорович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке Международного научного фонда.

Закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 человек, в том числе 35 человек получили высшую меру наказания — расстрел. Много осужденных по такого рода делам было в Красноярском и Ставропольском краях, в Башкирской АССР, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Киевской, Одесской, Харьковской областях⁵.

Сокращение поступлений хлеба на внутренний рынок, необузданный рост цен весной 1947 г. привели к увеличению краж зерна, муки, печеного хлеба в городе и деревне. Возросло и число преступлений против государственного и личного имущества. Для того, чтобы сбить нараставшую волну стимулируемой голодом преступности, правительство вместо усиления борьбы с истинными причинами ее роста ужесточало меры наказания, многократно увеличивая сроки лишения свободы за мелкие кражи. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 5 марта 1947 г. по предложению секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова была создана комиссия по разработке предложений об усилении мер уголовного наказания за кражу частного, государственного и общественного имущества⁶. Итогом работы комиссии были указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества».

В этих указах, обнародованных «Правдой» 5 июня, основное внимание уделялось охране государственной и общественной собственности. Пункт 3 указа «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» специально был посвящен колхозам. В нем говорилось, что кража, присвоение, растрата или иное хищение колхозного, кооперативного или другого общественного имущества караются заключением в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) на срок от пяти до восьми лет с конфискацией или без конфискации имущества. Далее пояснялось, что за повторное или групповое, или в крупных размерах хищение следует применять наказание от восьми до двадцати лет заключения с конфискацией имущества. Указ об охране личной собственности граждан был мягче. В нем за разбой, т. е. нападение с целью завладения чужим имуществом, с применением или угрозой насилия полагалось от 10 до 15 лет с конфискацией имущества.

Правдинская публикация скрывает настоящую меру тяжести наказания. В действительности минимальный срок лишения свободы за кражу, присвоение или растрату госимущества составлял от 7 до 10 лет, а повторное или совершенное организованной группой подобное преступление — до 25 лет исправительно-трудовых работ. По секретному распоряжению Совета Министров СССР действие указов от 4 июня 1947 г. было распространено и на мелкие кражи на производстве во изменение действовавшего указа от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство». Согласно этому распоряжению, рабочие и служащие приговаривались за мелкие кражи не к одному году лишения свободы, как было раньше, а к 7—10 годам.

В письме секретарю ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецову Генеральный прокурор СССР К. П. Горшенين просил разрешить информировать население об изменении в судебной практике путем публикации в печати сообщений о судебных процессах, чтобы тем самым предупредить людей о том, что́ их на самом деле ждет за мелкие хищения⁷. Просьбу прокурора учли, и на пятый день после выхода указов в «Правде» была опубликована небольшая подборка судебных приговоров. Пять приведенных в ней примеров из десяти приходились на кражу продуктов питания. В газете не было намека на 25-летний срок наказания и едва ли можно было понять, что после публикации указов уголовная ответственность за мелкие кражи была повышена в 7—10 раз. Больше никаких сообщений не последовало. Правительство не собиралось посвящать людей в «подробности» уголовного законодательства. Секретные распоряжения позволяли манипулировать законом и держать народ в страхе перед «правосудием».

Секретное распоряжение Совмина вносило путаницу в исполнение указов от 4 июня 1947 г. Для того чтобы снять вопросы, возникавшие при рассмотрении дел о хищениях, Пленумом Верховного Суда СССР по предложению министра

юстиции СССР от 22 августа того же года было дано указание судам о нецелесообразности применения Закона от 7 августа 1932 г. и указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. «Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство»⁸. На практике новое указание привело к тому, что судебные органы в большинстве случаев за хищения государственного имущества, независимо от характера и размера краденого и личности обвиняемого, назначали крайнюю меру наказания — 10 лет ИТЛ.

В тяжелой экономической обстановке решительные действия со стороны правительства были необходимы, беда была в том, что усиление правовой ответственности граждан за мелкие хищения зерна и хлеба не было подкреплено соответствующей материальной помощью голодающим. По этой причине правовое преследование расхитителей вылилось на практике в репрессии против самих производителей хлеба.

Указы и постановления раздули небывало шумную кампанию по борьбе с хищениями. В кратчайший срок суды провели сотни и тысячи показательных процессов. Через полгода после издания указов тюрьмы и лагеря были переполнены осужденными. Сигналы об этом поступали в правительство из МВД, Верховного Суда, Прокуратуры СССР. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник 5 августа 1948 г. официальным письмом сообщил Сталину о многочисленных заявлениях от осужденных и их родственников, в которых указывалось на несоответствие между тяжестью наказания и совершенным преступлением, когда за кражу порожнего мешка давали 7 лет исправительно-трудовых работ. Предложение Шверника состояло в том, чтобы органы Суда и Прокуратуры пересмотрели дела осужденных по указам от 4 июня 1947 г. за мелкие кражи и переквалифицировали эти преступления по Указу от 10 августа 1940 г., что могло снизить меру наказания в 3—4 раза⁹. Реализация предложений способствовала нормализации деятельности судов и прокуратур и ослаблению репрессий в отношении женщин, детей, стариков и инвалидов в последующие годы.

* * *

Рассмотрим подробнее некоторые особенности исполнения уголовных наказаний в 1946—1947 гг. Как и печально знаменитый Закон от 7 августа 1932 г., июньские указы 1947 г. вновь напомнили деревне о том, что весь произведенный колхозами и совхозами хлеб являлся государственным достоянием, и малейшие посягательства на него со стороны производителей безжалостно карались. «Закон о пяти колосках» заставлял руководство колхозов ловчить, изворачиваться, обманывать, чтобы хоть что-то оставить для людей и хозяйства. Многие председатели колхозов, директора совхозов, районные и областные руководители за утайку зерна и выдачу его на трудодни привлекались к суду. Поскольку продажа хлеба на рынке была запрещена, в Костромской области председатели колхозов Толоконин и Барышев в августе — октябре 1946 г. тайно вывозили зерно в Кострому для продажи на колхозном рынке. Областной суд приговорил их за это к расстрелу как за хищение хлеба.

Разбазариванием хлеба в колхозах считалась выдача зерна авансом в счет трудодней или на общественное питание до полного расчета с государством по обязательным поставкам, после чего оставались пустые амбары. Председатель колхоза им. Кирова Лебяжского района Кировской области Печенкин в августе 1946 г. ночью «незаконно» выдал голодным колхозникам 8 т хлеба. Во время раздачи за деревней были выставлены дозоры на случай появления областного или районного начальства. Поскольку план хлебозаготовок был выполнен колхозом только на 29%, то председателя и кладовщицу Быкову осудили на 10 лет лишения свободы. Аналогичные случаи тогда имели место в колхозах «Прожектор» и «Красный пахарь» той же области, а также в колхозах Крымской области, Марийской АССР и др. Отчеты о показательных судах освещались местной печатью¹⁰.

Нам известны лишь некоторые приемы этой опасной игры с государством. В колхозе им. Чапаева Варгашинского района Курганской области в середине июня 1946 г. по указанию председателя колхоза Нестерова было срезано 379 кг ржаных колосьев и разделено между колхозниками. Нестеров был привлечен к уголовной ответственности за то, что сделал это до выполнения плана хлебозаготовок. В другом случае председатель колхоза «Пятилетка» Ронгинского района Марийской АССР Воронцов при обмолоте якобы в целях последующего хищения оставлял в соломе зерно. Две тысячи недомолоченных снопов раздал колхозникам по трудодням. Верховный Суд Марийской АССР осудил Воронцова на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества¹¹.

После принятия постановления ЦК ВКП(б) от 14 июня 1947 г. «О недопустимых фактах частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов» количество предаваемых суду председателей уменьшилось, сократились и сроки наказания. Постановление спасло некоторых председателей от уголовной ответственности в связи с указами от 4 июня 1947 г. Назовем некоторые обобщенные сведения о числе председателей колхозов, получивших срок в основном за выдачу хлеба на трудодни колхозникам и за невыполнение плана хлебопоставок. В первом полугодии 1946 г. в СССР было привлечено к суду 4490 председателей колхозов, а во втором полугодии — 8058; в 1947 г. соответственно — 4706 и 2269; в 1948 г. — 1760. Как видим, действие партийного постановления от 14 июня 1947 г. было заметным, так как уже во втором полугодии того же года осудили вдвое меньше, чем в первом. В письме, направленном Прокуратурой СССР в ЦК ВКП(б), говорилось, что сокращение привлеченных к суду председателей колхозов происходило по делам о некорыстных преступлениях.

Следовательно, самая многочисленная «посадка» председателей колхозов имела место во втором полугодии 1946 г., как раз во время проведения государственных хлебозаготовок. Именно в этот период в Российской Федерации было привлечено к уголовной ответственности более 5500 председателей, в Украинской ССР — 1148, Белорусской ССР — 345, Казахской ССР — 317¹².

Заодно с председателями колхозов пострадал сельсоветский и колхозный актив: в первом полугодии 1946 г. всего по СССР осудили 2229 активистов, во втором — 4671; в первом полугодии 1947 г. — 3787 человек, а во втором — 1807, т. е. в два с лишним раза меньше, чем в первом. Известное ослабление репрессий было связано с действием вышеприведенного постановления ЦК ВКП(б). Как и в случае с председателями колхозов, больше всего «преступлений» дали активисты России (2468), затем Украины (612), Казахстана (308), Белоруссии (123). По отдельным областям более всего осужденных было в Смоленской и Калининской областях — 232 и 215 человек¹³.

Обобщенные данные позволяют примерно определить масштабы репрессий за срыв заведомо невыполнимых государственных планов хлебосдачи. Всего в 1946—1948 гг. общее количество отданных под суд председателей колхозов составило 21 285 человек, что по численности равно числу всех председателей колхозов Белоруссии, Казахстана и Грузии вместе взятых¹⁴. Кроме председателей оказались за решеткой 14 569 человек сельсоветского и колхозного актива. Среди осужденных попадались мошенники и жулики, но они составляли явное меньшинство.

Все это пагубно сказалось на проведении весеннего сева 1947 г., во многих местах затянувшегося до лета. ЦК партии предпринял попытку вернуть в колхозы хотя бы часть отбывавших срок председателей. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) Прокуратурой СССР совместно с руководящими работниками обкомов ВКП(б) в мае — июле 1947 г. была проведена проверка обоснованности приговоров председателей колхозов в 1946 г. и первом квартале 1947 г. Верховный Суд СССР запросил в Москву для изучения около 15 тыс. дел. Юристы пришли к выводу, что значительное число председателей колхозов были осуждены без достаточных оснований и выносили заключения о прекращении дел¹⁵. Выяснилось, что практика необоснованного привлечения к уголовной ответвен-

ности председателей колхозов особенно широко была распространена в Великолукской, Смоленской, Чкаловской, Калининской, Горьковской, Могилевской, Черниговской областях.

За 1946 г. и первый квартал 1947 г. в органы прокуратуры Великолукской области были переданы материалы на 837 председателей колхозов (24,4% их общего числа). При проверке 100 судебных дел оказалось, что 53 из них были фальсифицированы¹⁶. По обвинительным приговорам в отношении 433 председателей Смоленской области установлено, что из них 183 человека (42,3%) были осуждены за корыстные преступления (хищения, растраты, подлоги), а остальные 250 человек (57,7%) — за невыполнение плана хлебозаготовок 1946 г. Из общего количества осужденных председателей колхозов было 256 (59,1%) участников Великой Отечественной войны (в том числе инвалиды). После демобилизации они не успели проработать и года в указанной должности. В результате проверки дел осужденных комиссия приняла решение о необходимости опротестования приговоров в отношении 169 человек (39%) за отсутствием состава преступления и в связи с необоснованностью обвинения¹⁷.

Материалы на привлечение к уголовной ответственности председателей колхозов поступали непосредственно к районным прокурорам от уполномоченных по заготовкам, от райкомов ВКП(б) и райисполкомов, от агитаторов. Таким образом, они снимали с себя ответственность за срыв плана хлебозаготовок, указывая на «главного виновника» — председателя колхоза.

* * *

Колхозники, пережившие голод 1932—1933 гг., хорошо понимали, что их ожидает после заготовок 1946 г. Чтобы дожить до нового урожая, многие люди, не получавшие ни грамма зерна на трудодни, вынуждены были красть его, используя каждый удобный случай. По неполным данным, в ноябре 1946 г. было привлечено к уголовной ответственности за хищение зерна 5407 колхозников, в том числе в Саратовской области — 517, Харьковской — 410, Днепропетровской — 365, Курской — 363, Херсонской — 318, Московской — 261, Воронежской — 197, Запорожской — 185, Великолукской — 147, Могилевской — 106, Кировоградской — 109. Всего в названных областях по возбужденным прокуратурой уголовным делам установлено хищение 830 т зерна¹⁸.

В Винницкой, Московской, Полтавской и других областях было совершено несколько крупных ограблений колхозных зерноскладов. Некоторые из них были умело подготовлены. В колхозе им. Шевченко Машевского района Полтавской области в ночь на 5 октября 1946 г. четверо преступников, вооруженных автоматами, подъехали на грузовой автомашине к зерноскладу и приказали сторожевой охране лечь лицом к земле. Они проникли в склад, насыпали в машину 1,8 т пшеницы и скрылись в неизвестном направлении, предварительно перерезав телефонные провода, соединяющие колхоз с райцентром. Преступники не были обнаружены. Выезд на место происшествия прокурора и квалифицированных работников областного управления милиции не дал положительных результатов¹⁹.

Органы МВД, неспособные раскрыть крупные хищения хлеба, отыгрывались на мелких кражах, совершаемых женщинами и детьми. Летом, когда начал созревать урожай колосовых культур, на колхозных полях разворачивались драматические события. По приказу Генерального прокурора СССР от 21 июля 1947 г. №191 «О надзоре за точным соблюдением законов об урожае и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1947 г.» следователи выезжали в колхозы, где на месте контролировали соблюдение законности. Правоохранительные органы делали все, чтобы не допустить голодных людей к хлебной ниве. Так, Базковским отделом МВД Ростовской-на-Дону области 8 июля т. г. были арестованы колхозницы Крамскова и Шпырева, имевшие каждая по трое детей от 8 месяцев до 9 лет. Они вдвоем нарвали 2,7 кг колосьев, за что получили по 8 лет ИТЛ²⁰.

Некоторые осужденные не соглашались с решением судов. В кассационной

инстанции Смоленской области с августа по октябрь включительно было рассмотрено 82 дела, связанных с хищениями во время уборки и заготовки сельхозпродуктов, из них оставлено в силе 65,3% приговоров, отменено — 30,6%, изменено — 4,1%. Восемь из 30 отмененных приговоров были опротестованы районными прокурорами и восстановлены. Под воздействием исполнительского рвения некоторые районные прокуроры считали оправдания недопустимыми, возмущались мягкостью наказания и необоснованностью возвращения дел к рассмотрению. Областной прокуратуре приходилось сдерживать не в меру горячие головы. Так, прокурор области отклонил протест прокурора Кардымовского района относительно меры наказания колхозницы Сивенковой, осужденной за кражу с колхозного поля 5 снопов ржи к 5 годам лишения свободы условно. В данном случае прокурор области признал, что мера наказания, не связанная с лишением свободы, была избрана правильно, так как муж осужденной погиб на фронте и на ее иждивении было трое детей в возрасте от 6 до 9 лет и 80-летняя мать²¹.

Смоленской судебной коллегией было отменено несколько приговоров за нарушение судами процессуального кодекса. Приговор народного суда Демидовского района по делу Иванова, осужденного по Указу от 4 июня 1947 г. за хищение зерна, был отменен, так как дело слушалось при отсутствии адвоката, а подсудимому не было предоставлено слово для защиты²².

В городах продавцы хлебных магазинов и рабочие хлебозаводов не голодали. Воровством занимались в основном в целях спекуляции, и в таких случаях деятельность правоохранительных органов была правомерна. Кражи совершали при транспортировке с хлебозаводов в торговые точки, а также продавцами магазинов. Рабочие 10-го хлебозавода Выборгского района г. Ленинграда при развозке хлеба в магазины 13 ноября 1946 г. похитили 128 буханок хлеба, которые продали по 25 руб. за штуку. При второй поездке в тот же день украли еще 12 буханок, с которыми были задержаны. Арестованным было предъявлено обвинение по Закону от 7 августа 1932 г.²³

Усиление репрессий против колхозников, выразившееся в массовых арестах и уголовных наказаниях за самые мелкие хищения зерна или картофеля, вызывало возмущение населения. Дело не ограничивалось только жалобами в высокие инстанции. Известны случаи убийства председателей колхозов. 22 июля 1947 г. в колхозе им. Шевченко села Березовка, Липовецкого района, Винницкой области до 2 часов ночи производилась молотба. Окончив работу, колхозники разошлись, а на току остались председатель колхоза Каминский, уполномоченный райкома КП(б) Коренблит, весовщик тока и сторож, вооруженный винтовкой. Все, кроме сторожа, легли спать. В 3 часа ночи на ток пришли пятеро вооруженных людей, один из которых обезоружил сторожа, набросил ему на голову мешок, приказал не двигаться. Затем они связали спящих уполномоченного и весовщика, а председателя колхоза увели с собой. Утром труп убитого председателя был обнаружен в речке со связанными руками и ногами, с камнем на шее. Поскольку преступники не тронули находившиеся на току мешки с зерном, то решили, что это была месть. По делу наугад арестовали трех человек, являвшихся родственниками осужденных за хищение зерна. Их судьба неизвестна²⁴.

Из особой папки протоколов бюро Пензенского обкома ВКП(б) узнаем об убийствах председателей колхозов во время хлебозаготовок 1947 г. в Терновском, Головищенском и Большевьясском районах. Бюро обкома партии обязывало управления МВД и МГБ укреплять агентурную сеть в деревне, улучшать работу с осведомителями для того, чтобы своевременно предотвращать подобные преступления и всякого рода «враждебные проявления»²⁵.

Указ об охране личной собственности был запоздалой реакцией на рост числа грабежей имущества граждан, так как во второй половине 1946 г. и в первой половине 1947 г. было совершено 70% такого рода уголовных преступлений²⁶. Среди преступников были рабочие, колхозники, служащие, военнослужащие, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ, никогда прежде не совершавшие даже самых мелких краж. В числе осужденных за уголовные преступления были и фрон-

товики. По времени голод совпал с демобилизацией из Красной Армии миллионов военнослужащих. На долю победителей выпало немало проблем материально-бытового плана, поскольку постановление правительства о трудоустройстве демобилизованных выполнялось неудовлетворительно. Десятки, если не сотни тысяч бывших солдат, старшин и офицеров были безработными. Для того чтобы трудоустроиться, фронтовики скрывали ранения и инвалидность, так как были распоряжения не принимать на работу инвалидов II группы. Некоторые из них умерли от голода и болезней, другие нищенствовали, третьи становились на путь преступлений.

Нападения совершались на дома и хозяйственные постройки жителей городов, поселков, деревень и хуторов. В первую очередь похищались продукты питания. В селе Никольском Знаменского района Тамбовской области в своем доме была убита выстрелом из пистолета колхозница Зяблова. Все произошло на глазах у ее детей, которых преступники не тронули. По их показаниям, двое грабителей проникли в дом через окно, которое выходило во двор. Преступники унесли с собой продукты питания²⁷.

Испытывавшие острую нехватку продовольствия горожане шли грабить деревню, а сельчане, не дождавшиеся обещанной государственной помощи, отправлялись в города. Так, в полночь 10 февраля 1947 г. в Воронеже в погреб, принадлежавший Ручкину, сломав два замка, проник неизвестный, который пытался забрать 2 мешка с картофелем. Хозяин погреба застал преступника с поличным. Сопrotивляясь, вор выстрелил из винтовочного обреза и ранил Ручкина, но был задержан. Им оказался уроженец села Гвоздевка Семилучского района, проживавший в городе без прописки и без работы²⁸.

Это напоминало войну за кусок хлеба. Голодные отнимали у голодных. Спасая имущество, люди вынуждены были объединяться. Последствия «самообороны» были непредсказуемы. Так, ночью 10 марта 1947 г. двое жителей Рязани направились в ближайшую деревню, где увели овцу со двора колхозника. Группой местной молодежи они были задержаны, но при сопротивлении ранили одного из колхозников финкой. До приезда милиции рязанцы находились в сельсовете под охраной. Утром большая группа сельчан пришла в сельсовет и, оттеснив охрану, учинила самосуд над задержанными, в результате которого они скончались²⁹. В трудное голодное время крестьянство особенно остро ощущало потребительское отношение к селу со стороны власти, сконцентрированной в городах. Недоверие и растущее недовольство ею автоматически распространялось и на жителей городов.

* * *

Среди осужденных в 1946—1947 гг. женщины с малолетними детьми, следовавшими вместе с ними по этапу, составляли около 50%. Эта категория заключенных увеличивалась с общим ростом количества осужденных женщин. В исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах на 1 июля 1947 г. с матерями находилось 18 790 детей в возрасте до 4 лет, а также 6820 беременных женщин. Число малышей, начинавших свою жизнь за колючей проволокой, в 3 раза превышало вместимость лагерных домов младенца, поэтому часть из них содержалась в малопригодных помещениях и даже в общих бараках вместе с другими заключенными³⁰.

Дети осужденных вдов старше 7 лет, если их не брали на воспитание имевшиеся родственники, попадали в государственные детдома и дома ребенка. Только в Ивановской области в 1946 г. из всех детей, помещенных в дома ребенка, 17,1% составляли дети осужденных матерей, а в 1947 г. — 30%³¹. Большинство же детей грудного возраста были вместе с матерями в местах заключения, что весьма озабочивало администрацию ГУЛага.

МВД по-своему стремилось избавиться от «детской проблемы». 15 июля 1947 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов сообщал заместителю Председателя Совета Министров СССР В. М. Молотову о том, что значительная часть прибывших, а также рождавшихся в тюрьмах, лагерях и колониях детей были

физически слабыми, нуждались в особом уходе и соответствующих гигиенических условиях. Он предложил освободить 15 тыс. женщин, беременных и с детьми до 4-летнего возраста от дальнейшего отбывания наказания, кроме женщин, осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии, бандитизм, убийства и расхищение социалистической собственности. К письму прилагался проект указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу. Указ был секретно принят 16 августа 1947 г. и предусматривал освобождение из заключения упомянутой выше категории осужденных. Он не распространялся на осужденных за хищение социалистической собственности (за стрижку колосков и др.), за что отбывали срок большинство колхозниц, зато был на руку лицам, профессионально занимавшимся воровством, спекуляцией, мошенничеством³².

С одной стороны МВД освобождалось от нетрудоспособных женщин с детьми, а с другой — лагеря, колонии и тюрьмы заполнялись новыми жертвами, получившими срок за мелкие кражи государственного и личного имущества по июньским указам 1947 г. Казалось, что порочный круг замкнулся. Но тут вмешалась общественность. В мае 1948 г. на имя Сталина, Жданова и других руководителей поступило письмо от журналистки А. Абрамовой, в котором сообщалось о тяжелом положении матерей и беременных женщин, осужденных по июньским указам 1947 г. за мелкие кражи. После посещения судов и мест заключения, бесед с осужденными, а также с руководителями предприятий и партийными работниками она пришла к выводу, что этот острый вопрос весьма тревожит население и заслуживает серьезного рассмотрения со стороны правительства.

Абрамова отмечала, что привлеченными к суду и осужденными к 7—10 годам лишения свободы оказывались люди, попавшие в тяжелое материальное положение и своевременно не получавшие никакой помощи и поддержки от хозяйственных и партийно-профсоюзных организаций. Суды и прокуратуры, как писала мужественная журналистка, при рассмотрении дел зачастую не вникали в существо причин, приведших работницу или колхозницу к совершению преступления, не ставили вопросов перед соответствующими организациями о принятии мер к устранению этих причин. Суды вследствие своей перегруженности и кажущейся простоты таких дел, будто бы не требовавших расследования, ограничивались фиксированием преступления и обычно выносили самый строгий приговор, игнорируя те статьи Уголовного кодекса, которые позволяли при исключительных обстоятельствах смягчать меру наказания.

Вся судебно-прокурорская работа по этим делам сводилась к получению акта с предприятия о факте задержания работницы, которая, как правило, сразу же признавалась в совершенном деянии. На этом основании давалась санкция прокурора и выносился приговор нарсуда. Приговоры вызывали возмущение трудящихся. К осужденным матерям относились с большим сочувствием как по месту их прежней работы, так и в местах заключения.

Видимо, не рассчитывая на чисто человеческое понимание и сострадание со стороны власти имущих, А. Абрамова сделала акцент на экономии средств за счет сокращения денежных расходов на содержание неправильно осужденных женщин и их детей. По ее подсчетам, на детей в домах младенца при ИТЛ в год затрачивалось якобы свыше 65 млн. руб., а годовое содержание беременной женщины обходилось в 5 тыс. руб. Она просила создать правительственную комиссию по пересмотру дел и дать разъяснение к указам. Несмотря на очевидную выгоду предложения, в юридическом отделе Верховного Совета СССР у Абрамовой нашлись оппоненты, выступавшие за незыблемость указов и против какого-либо их смягчения³³. Попытки остановить начинавшийся процесс реабилитации не удалась.

Летом 1948 г. в ЦК ВКП(б) Жданову от Председателя Верховного Суда СССР Голякова поступил проект указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имевших при себе детей в местах заключения. Для проведения его в жизнь предусматривалось

создание в исправительно-трудовых учреждениях специальных комиссий в составе председателя лагерного суда, прокурора места заключения и представителя администрации.

К проекту указа был приложен проект постановления пленума Верховного Суда СССР по данному вопросу. В нем отмечалось, что суды, определяя наказание по делам о преступлениях, караемых указами от 4 июня 1947 г., назначают в полном объеме наказание в отношении подсудимых беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей до четырех лет, совершивших единичное мелкое хищение в результате тяжелых семейных обстоятельств. Ввиду этого указывалось на правомерность применения условного или иного наказания, не связанного с лишением свободы ³⁴.

Принятие самого указа затянулось почти на год потому, что до начала полевых работ 21 февраля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный указ «О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Вначале этот указ действовал только в 16 восточных областях Украины, а со 2 июня того же года другим указом был распространен на всю территорию Союза, за исключением западных областей Украины, Белоруссии и республик Прибалтики.

Весь 1948 год и первая половина 1949 г. ушли на реализацию указов о выселении. За это время по решению сельских общественных судов в отдаленные районы Сибири для работы на спецпредприятиях МВД было выслано более 30 тыс. колхозников и единоличников. Среди высланных большинство составляли физически ослабленные женщины из голодных районов, не выполнившие обязательный минимум трудодней, вместе с которыми было примерно 5—6 тыс. детей до 16 лет, преимущественно грудных и малолетних ³⁵. Никто не считал, сколько было беременных, так как в тот период происходила смена рабсилы ГУЛага, и его администрации важно было отчитаться за старый контингент. По официальным данным, на исходе 1948 г. в местах заключения находилось 503 тыс. женщин, в том числе 9300 беременных и 23 790 матерей, отбывавших срок вместе с малолетними детьми ³⁶.

ГУлаг превращался в огромную камеру матери и ребенка. Опасность такого перерождения почуяли и его руководители. 1 февраля 1949 г. министр внутренних дел, министр юстиции, Генеральный прокурор и Председатель Верховного Суда СССР обратились с письмом к Сталину, в котором сообщали о переполненности лагерей беременными и женщинами, имевшими при себе малолетних детей. В письме обосновывалась необходимость в качестве единовременной меры — освобождение от дальнейшего отбывания наказания в исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах МВД 70 тыс. беременных женщин и женщин с детьми до 7 лет. Явный прогресс по сравнению с 1947 г. — предполагалось досрочно освободить в 4 раза больше женщин, чем тогда, а возраст малолетних был повышен на 3 года. Заметим, что предлагаемый руководством советской пенитенциарной системы проект указа целиком совпадал с тем, который полгода назад они представили Жданову ³⁷.

Коллективное обращение к вождю ускорило дело, и 22 апреля 1949 г. проект указа «Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей» был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР. 26 апреля был готов совместный приказ министра внутренних дел и Генерального прокурора СССР, в котором подробно излагался порядок освобождения. Его действие не распространялось на женщин, осужденных за контрреволюционные преступления (все пункты статьи 58 УК РСФСР), за бандитизм, умышленное убийство, за хищение социалистической собственности, совершенное повторно, в составе группы, а также в крупных размерах (Закон от 7 августа 1932 г., статьи 2 и 4 указов от 4 июня 1947 г. и т. д.). Освобожденные, до осуждения являвшиеся выселенками, направлялись под конвоем в места их обязательного поселения.

В отношении женщин, имевших детей до 7 лет вне лагеря (колонии) или тюрьмы, через городские и районные отделы и отделения МВД телеграфом наводились справки, подтверждавшие эти данные. Отправка освобожденных женщин с детьми к местам жительства производилась группами в течение нескольких месяцев с тем, чтобы не допускать скопления их на вокзалах, станциях и пристанях и не привлекать внимания населения. Выделялись специальные работники, наблюдавшие за своевременной посадкой и проездом освобожденных и не допускавшие их задержек при пересадках ³⁸.

В соответствии с последним указом было освобождено досрочно 55 657 женщин с детьми и беременных. Спустя некоторое время освободили еще 28 560 женщин, имевших детей вне мест заключения ³⁹. Как и в 1947 г., Указ от 22 апреля 1949 г. имел немало ограничений для осужденных по Закону от 7 августа 1932 г. и указам от 4 июня 1947 г., поэтому многие женщины с детьми и беременные продолжали отбывать срок. За рамками последнего указа остались женщины, имевшие детей на год-два старше 7 лет. Из них 18 тыс. женщин подали просьбу о помиловании, но получили отказ ⁴⁰.

* * *

Одной из самых болевых проблем, вызванных голодом, был рост преступлений, совершаемых бездомными и беспризорными детьми, среди которых было много сирот. Согласно сообщениям прокуроров, в Ленинграде число беспризорных детей во втором полугодии 1946 г. составило 3040 человек, в Свердловске — 1981, Ростове-на-Дону — 801. Росло число беспризорных и безнадзорных детей в Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Калужской, Крымской, Новосибирской областях и Краснодарском крае.

Весной 1947 г., когда тысячи голодной, оборванной детворы, не вмещавшейся в переполненные детские дома, приемники МВД, хлынули в города, Советом Министров СССР было принято постановление № 857 от 7 апреля об улучшении работы по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Постановление обязывало Министерство трудовых резервов организовать до 1 июня 1947 г. 80 специальных ремесленных и 20 сельскохозяйственных училищ для устройства подростков, направляемых из детских приемников-распределителей (ДПР) МВД СССР и детских домов. МВД должно было организовать до 1 августа того же года детские колонии на 10 тыс. человек. На организацию и содержание детских домов и колоний было выделено из резервного фонда Совмина СССР 299,8 млн. руб. ⁴¹.

Данное постановление обязывало столичные и провинциальные власти взять под особое наблюдение работу по устройству детей, оставшихся без родителей. Если прежде Советы депутатов трудящихся и милиция вели борьбу с беспризорниками и всячески отстранялись от устройства бездомных и голодных детей, то после принятия постановления они должны были заниматься этим.

Чтобы освободить места в детдомах, детприемниках и колониях для новых поступлений, подростков 13—16 лет направляли в ремесленные училища и школы ФЗО, а чаще просто на любую работу. При большом потоке детей отбор их для устройства на работу и учебу проводили наспех, без ознакомления с их биографиями. При этом нередко на работу или учебу попадали ранее судимые подростки. Некоторые из них вскоре совершали тяжкие преступления. Из детприемника Ростова-на-Дону на работу в колхоз «Красный путиловец» 9 марта 1947 г. прибыли несовершеннолетние Стурайкин и Иванов. Их определили на квартиру к колхознице Поруковой. 20 марта они убили хозяйку дома, забрали личные вещи, деньги и скрылись. По чистой случайности они вскоре были задержаны. Выяснилось, что ранее оба были судимы за кражу.

Руководство ДПР предпочитало направлять беспризорников подальше от городов, в колхозы. Арзамасский ДПР (Горьковская обл.) в течение года направил в колхозы 1200 подростков, большинство из которых там не закрепились ⁴².

Причиной неудачи явился не только формальный подход к трудоустройству несовершеннолетних, но и тяжелый труд, полуголодное существование в колхозах.

Беспризорники, совершая мелкие хищения, быстро переходили в разряд малолетних правонарушителей. После задержания и суда они попадали в воспитательно-трудовые колонии, а затем и в исправительно-трудовые лагеря для взрослых. Проверками было обнаружено, что в лагерях находились дети, не достигшие 12 лет, т. е. с незаконными приговорами. Там же содержались и дети на год-два старше, впервые совершившие противоправные деяния, не подлежащие уголовному наказанию и содержанию под стражей. Выявились также, что в ИТЛ находились беспаспортные, не достигшие 16 лет подростки, осужденные за нарушение правил прописки⁴³.

Июньские 1947 г. указы усиливали репрессии не только против беспризорных и бездомных, а против всех малолетних правонарушителей. Надзор со стороны органов прокуратуры за расследованием преступлений несовершеннолетних был слабый. Качество следствия на местах оставляло желать лучшего. Рассмотрение дел подростков шло по ускоренному методу. При формальном установлении вины несовершеннолетних суды выносили обвинительные приговоры. Так было в Московской, Ивановской, Архангельской, Горьковской, Саратовской, Ленинградской, Молотовской и других областях⁴⁴. Порочная судебная практика вызвала многочисленные жалобы родителей и даже самих подростков в Прокуратуру СССР.

В течение лета 1947 г. прокурор группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР проводил проверку жалоб по применению указов об охране общественной и личной собственности в Молотовской области. Свои впечатления он изложил в докладной записке, которая выражала озабоченность необоснованным ростом тяжести наказаний в отношении несовершеннолетних за мелкие кражи, вызванные голоданием.

С начала июня и по 15 августа 1947 г. в области было дано вдвое больше санкций на арест несовершеннолетних. В тюрьме № 1 г. Молотова содержалось под стражей 245 подростков, из них 36 человек (14,7%) ранее были судимы. По семейному положению 48 малолетних узников были полными сиротами, 71 — полусиротами, а у 32-х отцы погибли на фронте. Из всех проверенных дел не было ни одного, заканчивавшегося применением условного осуждения, тогда как до издания указов, в первом полугодии 1947 г. за кражи было приговорено к условным наказаниям 36,6% всех преданных суду подростков.

Вот типичное для того времени преступление. Пятнадцатилетняя ученица 8-го класса женской школы Вахрина, рассматривая альбом с фотографиями в квартире своей подруги, обнаружила в нем две хлебные карточки и украла их. В тот же день, продав карточки на рынке за 100 руб., она купила 500 г хлеба, мороженое, несколько штук конфет и сразу все съела. Из дела явствовало, что за неделю до кражи у девочки умер от чахотки отец, оставив семью из 8 человек, в которой работала только старшая сестра. Вызванная московским прокурором из школы классная руководительница дала хорошую характеристику школьнице, указав, что последняя страдала пороком сердца и фурункулезом на почве истощения. Под влиянием проверяющего и по просьбе местного прокурора суд вынес условное наказание⁴⁵.

Кампания борьбы с преступностью несовершеннолетних наносила огромный вред обществу. Детей судили наравне со взрослыми. Даже при смягчающих обстоятельствах адвокаты, ограничиваемые новыми указами, могли просить лишь о применении минимальной меры наказания, что означало 5 лет лишения свободы. Жалобы, как правило, не рассматривались. Народный суд Ленинского района г. Молотова удовлетворил просьбу прокурора и адвоката о «минимальном сроке» и определил пятнадцатилетнему Аркадию Абатурову 5 лет лишения свободы. Юный «рецидивист» до того отбывал год в воспитательно-трудовой колонии, после чего был передан под опеку родителей. Отец вскоре умер. Мать работала одна и не в силах была прокормить 9 детей, из которых Аркадий был старшим. Голод вновь толкнул его на преступление. Как записано в деле, на

рынке он украл у женщины, продававшей хлеб, кусочек весом 150 г. Сразу же был задержан, а отобранный у него хлеб возвращен хозяйке.

Вместе с Абатуровым в тюрьме следственного изолятора содержались под стражей его ровесники — Баширов, Кунтуганов, Исароматов. Они на колхозном поле нарвали около килограмма гороха в стручках ⁴⁶. Для этих и многих других подростков тюрьма, лагерь и воспитательно-трудовая колония были единственным спасительным местом, но общение с уголовной средой калечило их нравственно. Значительная часть несовершеннолетних впоследствии пополняла списки рецидивистов.

Попыткой сократить приток подростков в исправительно-трудовые учреждения было постановление пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. «О применении Указа от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних». В нем разъяснялось, что дети от 12 до 16 лет — не закоренелые преступники, их действия не носят характера повышенной общественной опасности и не требуют применения суровых мер наказания, поскольку причиной воровства было якобы детское озорство и самоуправство. Причины материального плана, а тем более голод, не назывались ⁴⁷.

Пленум рекомендовал судам обращаться к не утратившему силу сталинскому постановлению Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. № 659 «Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством». В случае совершения подростком в возрасте от 12 до 16 лет хищения в незначительном размере суды могли не ставить на обсуждение вопрос в уголовном порядке, а направить обвиняемого в воспитательно-трудовую колонию МВД или при смягчающих обстоятельствах осудить условно с передачей подростка на попечение родителей или опекунов с обязательным осуществлением за ним повседневного надзора. При условном осуждении, чтобы у подростка не осталось чувство безнаказанности за совершенное преступление, суды были обязаны разъяснить подсудимому значение испытательного срока и предупредить, что в случае совершения нового преступления он понесет наказание и за первое преступление ⁴⁸. Так что возвращение к методам военного времени считалось послаблением в послевоенной карательной политике.

* * *

Государство располагало возможностями накормить людей и остановить рост «голодной» преступности — для того имелись значительные запасы продуктов питания (хлеба, масла, сахара и др.). Но государственная машина была устроена так, что помощь голодающим не входила в ее функции. Люди умирали от голода и вызванных им болезней, а запасы оставались неприкосновенными ⁴⁹.

Охрана огромных продовольственных резервов доставляла немало хлопот правительству, так как они постоянно разворовывались. По сведениям Центрального управления военизированной охраны (ВОХР) Министерства заготовок СССР, работниками охраны за три квартала 1946 г. задержано с похищенным зерном 20 120 человек, из них 15 496 человек (77%) были сами же работники предприятий министерства, в том числе 1260 человек — работники охраны ⁵⁰.

Представители прокуратуры установили, что хищения хлеба были распространенным нарушением законности на складах и заготовительных пунктах, а также на железнодорожном транспорте. Если на складах кражей зерна занимались кладовщики и рабочие, то на железной дороге — снятые с карточного снабжения сельские работники железной дороги. В ноябре 1946 г. за расхищение хлебных грузов было привлечено к уголовной ответственности 946 человек, причем 48% из них являлись путейцами ⁵¹.

Хищения совершались и при транспортировке зерна на судах речного флота, доставлявших его из глубинных пунктов страны в промышленные центры. Только за 15 дней октября 1946 г. на Верхне-Волжском, Камском, Средне-Волжском, Западно-Сибирском, Днепровском и Амурском бассейнах в 14 судах и баржах

было обнаружено и изъято более 30 т зерна, муки и других хлебопродуктов. Так, команда баржи № 2018 Верхне-Волжского бассейна во главе со шкипером Лапшиным, пользуясь тем, что вес погруженного зерна определялся по осадке судна неточно, на плесе Камское Устье — Горький, у переправы деревни Токари Горно-Марийского района, продала жителям деревни и обменяла на другие сельскохозяйственные продукты около 2,5 т пшеницы. На Днепре в Киевской области была арестована группа, состоявшая из 10 человек, в которую входили шкипер баржи № 633 Старченко, матрос Красюк, бакенщик Грушецкий и колхозники села Стайки той же области: Шестаков, Загородный, Басенко и др. Члены команды баржи во время перевозки грузов из разных районов на киевский элеватор систематически расхищали перевозимое зерно, которое передавали своим односельчанам — колхозникам, подъезжавшим к барже на лодках. Всего было переправлено в село 9 т зерна⁵². Сложным путем возвращался к людям изъятый во время государственных заготовок хлеб.

Правительство, заботясь об укреплении охраны государственного хлеба, особое значение придавало ее вооружению. Министр заготовок СССР Б. А. Двинский 4 января 1947 г. сообщал заместителю председателя Совета Министров СССР Л. П. Берию, что военизированные и пожарно-сторожевые подразделения, охранявшие государственный хлеб, недостаточно обеспечены нарезным оружием и боеприпасами. Просил дать распоряжение Министерству вооруженных сил об отпуске трофейного оружия: 6 тыс. винтовок системы «Маузер» и 360 тыс. патронов к ним, 700 винтовок системы «Росса» с 42 тыс. патронов. Вскоре разрешение было получено⁵³.

В соответствии с секретными постановлениями Совмина СССР от 7 апреля и от 21 июля 1947 г. Министерство заготовок передало Министерству продрезервов дополнительно 232 продовольственные базы. По распоряжению Сталина численность военизированной охраны Министерства продрезервов была увеличена с 6515 до 16 115 человек, соответственно возросло число работников инспекций ВОХР при территориальных управлениях и центральном аппарате. Примерно той же численности охрана находилась в распоряжении Министерства заготовок⁵⁴.

Трофейные винтовки и июньские указы 1947 г. не смогли остановить рост хищений продуктов питания со складов и баз продрезервов, так как 77% из числа задержанных с похищенным зерном в июле—августе того же года составляли сами работники Заготзерна и 6% — охранники. Больше всего хищений совершено личным составом и охраной отдаленных пунктов в сельской местности, на что их толкала низкая зарплата, составлявшая 150—180 руб., к тому же с октября 1946 г. они были сняты с хлебного снабжения вместе со всеми сельскими жителями⁵⁵.

По заданию правительства летом 1947 г. Министерство государственного контроля СССР, возглавляемое Л. З. Мехлисом, подвергло ревизии 17 территориальных управлений и 25 баз Министерства продовольственных резервов СССР. Результаты были неутешительными. После обсуждения на Бюро Совета Министров СССР 9 сентября 1947 г. было принято совершенно секретное постановление № 3159—1047 «О хищениях, скрытии от учета, порче и самовольном разбазаривании продрезервов». В нем подробно раскрывались недостатки деятельности Министерства продрезервов, приводились примеры хищений и порчи продовольствия, выражалась обеспокоенность распространившимися фактами очковтирательства в закладке зерна на длительное хранение. Постановление обязывало привлекать к ответственности, расследовать и судить виновных по всей строгости принятых указов. В соответствии с данным постановлением до начала 1948 г. было осуждено более 10 тыс. материально ответственных лиц: заведующих, кладовщиков, учетчиков, а более всего грузчиков и работников охраны заготовительных пунктов, элеваторов и складов⁵⁶.

По обобщенным итоговым сводкам МВД СССР, количество уголовных преступлений и численность осужденных в 1946—1947 гг. по сравнению с 1945 г. резко возросли. Особенно четко это прослеживается на самом распространенном виде преступлений — мелких хищениях. Сводки за 1940—1950 гг. зафиксировали в 1946—1947 гг. самый высокий рост хищений государственного и личного иму-

щества. При всей усредненности и неполноте учета, а также стремлении к приукрашиванию эти данные в целом отражают динамику преступлений.

Всего за уголовные преступления было осуждено в 1947 г. более 1,3 млн. человек. Из них до отмены смертной казни 26 мая 1947 г., т. е. за полгода, было расстреляно 1620 человек, что всего на 396 человек меньше, чем за весь 1946 г. Число осужденных на срок лишения свободы свыше 10 лет в 1947 г. по сравнению с 1946 г. увеличилось в 100 раз и составило 16 260 человек, а в 1948 г. возросло еще в 3,8 раза⁵⁷. Большую долю уголовных преступлений дали хищения государственного хлеба. К концу 1947 г. в тюрьмах и лагерях было примерно 80 тыс. человек, осужденных по Закону от 7 августа 1932 г., и 300 тыс. человек отбывало наказание по указам от 4 июня 1947 г.⁵⁸

В целом по СССР число хищений всякого рода имущества повысилось в 1947 г. относительно 1946 г. на 43,7%. Случаи бандитизма, разбоя и грабежа в 1947 г. были в 2 раза чаще, чем в предыдущем. 32,7% краж было совершено женщинами. В 1946—1947 гг. были осуждены за хищения и отбывали срок более 20 тыс. подростков до 16 лет. Среди расхитителей в 1947 г. коммунистов и комсомольцев было в 2 раза больше, чем в 1946 г. Так называемая уголовная преступность носила ярко выраженную социально-классовую окраску. По всем видам правонарушений доминировали самые низкооплачиваемые группы трудящихся — рабочие и колхозники⁵⁹.

Таким образом, огромная волна преступлений была спровоцирована голодом 1946—1947 гг. Правительство, будучи не в силах противостоять этому бедствию, обрушило репрессии против совершивших мелкие кражи голодных людей. Сотни тысяч вдов, инвалидов и сирот населяли ГУЛаг, ставший для большинства из них «спасительным» местом от голода. Но если голод убивал физически, то лагерь калечил нравственно. Правовое закрепощение народа, проводившееся во время голода под видом борьбы с «уголовной» преступностью, послужило не укреплению, а разрушению государственности в послевоенные годы.

Примечания

- ¹ Отечественная история. 1993. № 1. С. 35—52.
- ² Сталин И. В. Соч. Т. 13. С. 210.
- ³ ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 286, л. 229—233.
- ⁴ История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917—1958 гг. Т. 1: 1917—1936 гг. М., 1959. С. 224—225.
- ⁵ ГАРФ, ф. 5446, оп. 49, д. 1614, л. 99—102.
- ⁶ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 116, д. 296, л. 3.
- ⁷ ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 3409, л. 79—80.
- ⁸ Там же, ф. 7523, оп. 65, д. 384, л. 12.
- ⁹ Там же, л. 3.
- ¹⁰ Там же, ф. 8131, оп. 27, д. 3170, л. 5.
- ¹¹ Там же, д. 3743, л. 89.
- ¹² РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 138, д. 43, л. 28.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ А р у т ю н я н Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд. 2, доп. М., 1970. С. 392.
- ¹⁵ ГАРФ, ф. 9474, оп. 16, д. 310, л. 43.
- ¹⁶ Там же, ф. 8131, оп. 27, д. 3409, л. 263.
- ¹⁷ Там же, л. 213—219.
- ¹⁸ Там же, д. 3407, л. 59.
- ¹⁹ Там же, д. 3890, л. 76, 135—136.
- ²⁰ Там же, д. 3884, л. 73.
- ²¹ Там же, л. 3744, л. 71.
- ²² Там же, л. 72.
- ²³ Там же, д. 3890, л. 144.
- ²⁴ Там же, л. 154.
- ²⁵ РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 42, д. 598, л. 27.
- ²⁶ ГАРФ, ф. 9492, оп. 6, д. 14, л. 14.
- ²⁷ Там же, ф. 8131, оп. 27, д. 3600, л. 150.
- ²⁸ Там же, л. 29.
- ²⁹ Там же, л. 150.

- 30 Там же, ф. 9474, оп. 16, д. 311, л. 55.
31 Там же, ф. 7523, оп. 65, д. 346, л. 1.
32 Там же, ф. 9474, оп. 16, д. 322, л. 20.
33 Там же, ф. 7523, оп. 65, д. 346, л. 1—10.
34 Там же, ф. 9474, оп. 16, д. 322, л. 22.
35 Российская газета. 1991. 29 ноября; З и м а В. Ф. Второе раскулачивание (Аграрная политика
конца 40-х — начала 50-х годов)//Отечественная история. 1994. № 3. С. 109—125.
36 ГАРФ, ф. 9474, оп. 16, д. 337, л. 10.
37 Там же.
38 Там же, ф. 9401, оп. 12, д. 310, л. 152—153.
39 Там же, ф. 7523, оп. 65, д. 366, л. 15.
40 Там же.
41 Там же, ф. 5446, оп. 1, д. 296, л. 16—21.
42 Там же, ф. 8131, оп. 27, д. 3540, л. 20.
43 Там же, л. 28.
44 Там же, д. 3533, л. 1.
45 Там же, л. 10.
46 Там же, л. 14.
47 Там же, ф. 7523, оп. 65, л. 384, л. 8.
48 Там же, л. 4.
49 Отечественная история. 1993. № 1. С. 44—47.
50 ГАРФ, ф. 8131, оп. 27, д. 3405, л. 127.
51 Там же, л. 5.
52 Там же, ф. 5446, оп. 49, д. 1614, л. 28—31.
53 Там же, ф. 9401, оп. 1, д. 2815, л. 225.
54 Там же, д. 2819, л. 223—225.
55 Там же, ф. 8131, оп. 27, д. 3729, л. 45.
56 Там же.
57 Там же, ф. 9492, оп. 6, д. 14, л. 14.
58 Там же, ф. 8131, оп. 27, д. 3890, л. 150.
59 Там же, ф. 9492, оп. 6, д. 14, л. 20—32.

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПЕЧАТЬ ПРИ А. В. ГОЛОВНИНЕ

(60-е гг. XIX в.)

Печать и цензура в дореволюционной России представляли собой те общественные институты, которые чутко реагировали на все колебания внутренней политики правительственной власти. Одним из первых проявлений наступившей в середине 1850-х гг. политической «оттепели» стало расширение гласности, начало пересмотра законодательства о печати. По словам одного из современников, «и общество, и печать, и даже цензура были одновременно увлечены начинавшимся своим обновлением»¹. Ход преобразований в области цензуры в значительной мере зависел от позиции Министерства народного просвещения (МНП), в состав которого входило Главное управление цензуры. Из четырех министров просвещения, занимавших этот пост в период реформы цензуры, особую роль в ее подготовке и реализации сыграл А. В. Головнин, отличавшийся цельным и последовательным взглядом на проблемы печати.

Александр Васильевич Головнин, с именем которого связаны главные реформы первой половины 1860-х гг. в области просвещения, принадлежал к группе либеральных бюрократов, объединившихся вокруг великого князя Константина Николаевича, главы Морского министерства. Являясь с начала 1850-х гг. секретарем великого князя и его ближайшим советником, Головнин принимал деятельное участие в преобразованиях морского ведомства, в подготовке крестьянской реформы 1861 г. Важным залогом успеха готовящихся реформ Головнин, как и другие либеральные бюрократы, считал привлечение общества к их разработке и осуществлению. Именно Головнин редактировал «Морской сборник» в тот период, когда на его страницах стали появляться материалы, посвященные животрепещущим проблемам российской общественной жизни, и официальный журнал морского министерства приобрел на некоторое время огромную популярность среди широкой публики. «Поборник небывалой дотоле на Руси гласности», по выражению М. И. Семецкого, Головнин в это время «внимательно следил за всем, что появлялось дельного по государственным вопросам в тогдашних органах печати и давал движение ее полезным указаниям по разным вопросам жизни»².

В 1859 г. Головнин стал членом Главного правления училищ, а в декабре 1861 г. был назначен управляющим МНП. «Призванный управлять Министерством народного просвещения в трудную и тревожную эпоху министерских брожений, — писал А. Ф. Кони, — Головнин был творцом университетского Устава 1863 года и широко рукой старался водворить у нас приемы и способы западного просвещения»³. Это был один из немногих министров просвещения, который располагал конкретной, тщательно разработанной программой, предусматривавшей преобразование ведомства народного просвещения на либеральных началах. Идеалом для него, по его собственному признанию, была «та законная свобода, которою пользуются относительно народного просвещения все жители Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Бельгии, Швейцарии»⁴. Ориентируясь прежде всего на западный опыт, министр стремился не просто, как отмечали современники, «поставить учебное дело на такую высоту, на какой оно никогда у

* Стаферова Елена Львовна, соискатель аспирантуры кафедры истории России XIX — начала XX в. Исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

нас не стояло»⁵, но преобразовать само управление просвещением, его методы и стиль. Меры, планируемые Головинным, были направлены на придание административной системе большей гибкости, повышение самостоятельности местных учреждений, расширение их прав и полномочий. Министерство приглашало служащих ведомства высказывать и обосновывать свои мнения по различным вопросам, старалось поощрять их инициативу и активность. Значительное внимание Головинн уделял взаимоотношениям министерства и печати как рупора общественного мнения. Широкая гласность, по мнению министра, должна была предохранить администрацию от такого положения, когда в управлении господствуют «ложь и основание принимаемых мер на ложных данных»⁶. С другой стороны, относительно полно знакомя публику через прессу со своими планами и начинаниями, МНП получало возможность воздействовать на печать и тем самым подспудно влиять на общественное мнение.

Поэтому проблема взаимоотношений МНП с печатью, понимаемая Головинным значительно более широко, чем только разрешение цензурного вопроса, занимала существенное место в реформаторской деятельности министра и, так или иначе, находила отражение во всех его начинаниях. Изучение этой проблемы представляет интерес для характеристики позиции либеральной бюрократии в отношении к общественному мнению.

Деятельности МНП при Головнине посвящена обширная литература, но в центре внимания большинства авторов стоят сами реформы в области просвещения, а позиция министра по тем или иным вопросам освещается недостаточно⁷. Немало сказано об атмосфере гласности, в которой проходила разработка новых уставов, о стремлении Головинна «выяснить существующие общественные настроения и показать свою готовность считаться с ними»⁸. Оценки головнинской политики в области цензуры и печати различны. М. К. Лемке считал роль Головинна в этих преобразованиях однозначно негативной. По его мнению, министру просвещения было свойственно «много говорить, часто либеральничать, но делать слишком мало»⁹. Иначе подошел к вопросу Я. А. Ярославцев, полагавший, что состояние печати при Головнине улучшилось, и подчеркнувший главную особенность его политики — предоставление литературе «большей свободы высказываться по различным вопросам при условии сосредоточения нитей управления общественным мнением в руках министра просвещения»¹⁰. А. П. Шевыревым рассмотрен опыт по введению «управляемой гласности», накопленный Морским министерством при активном участии Головинна во второй половине 1850-х гг., в эпоху, когда «либеральная бюрократия... искала себе опору не столько в правительственных кругах, сколько в общественном мнении», причем «Морское министерство не останавливалось перед тем, чтобы вызывать гласность искусственными мерами»¹¹.

В настоящей работе предпринята попытка рассмотреть взгляды Головинна на взаимоотношения МНП и печати, определявшие его позицию в цензурном вопросе, а также ту систему мер, с помощью которой министр намеревался оказывать более тонкое и эффективное воздействие на литературу. Свою политику по отношению к печати Головинн обосновывал в отчетах по министерству, в многочисленных всеподданнейших докладах и докладных записках. Богатый материал предоставляют также хранящиеся в фондах Отдела рукописей Российской Национальной библиотеки письма министра и его составленные вскоре после отставки «Записки для немногих».

* * *

В начале февраля 1862 г. Головинн подал императору записку о цензуре. В ней министр, предсказывая, что «литература получит в будущем сильное влияние и явится силой рядом с силою правительства»¹², обосновывал несостоятельность существующей предупредительной системы цензуры и одновременно подчеркивал невозможность немедленного перехода к системе карательной. Предло-

жения, выдвинутые Головниным в этой записке, были после обсуждения в Совете министров большей частью приняты и составили содержание Высочайшего указа от 10 марта 1862 г., согласно которому Главное управление цензуры было упразднено, а его обязанности поделены между Министерством народного просвещения и Министерством внутренних дел (МВД). В компетенции МНП оставалась предварительная цензура, ему подчинялись цензурные комитеты, а канцелярия Главного управления цензуры преобразовывалась в Особенную канцелярию министра. На МВД возлагалось наблюдение за вышедшими книгами и периодическими изданиями с тем, чтобы о замеченных упущениях сообщать МНП и другим ведомствам¹³. «Странное положение ныне цензуры,— комментировал эти перемены цензор А. В. Никитенко.— Она как-то раздвоилась: одною ногой стоит в министерстве народного просвещения, а другою — в министерстве внутренних дел»¹⁴.

Эти перемены вполне отвечали намерениям Головнина. Упразднение Главного управления цензуры должно было стать началом готовящихся в министерстве административных преобразований, которые Головнин намеревался провести, следуя образцу морского ведомства, на началах децентрализации, сокращения делопроизводства, упрощения структуры центрального управления. В планируемом новом учреждении МНП Главному управлению цензуры уже не было места. Разделение цензурных обязанностей между МНП и МВД также отвечало идеям Головнина, который утверждал, что «истина, распространение коей есть цель просвещения, не нуждается в покровительстве полиции»¹⁵ и признавал необходимым избавить министерство от выполнения каких бы то ни было «полицейских» функций.

В официальном отчете о деятельности МНП за 1862—1864 гг. Головнин отмечал, что в сложной общественной ситуации следовало «ввести в цензурную практику более строгости для всего важного и существенного, но в то же время доставить возможные облегчения литературе везде, где только возможно»¹⁶. Первой задачей должно было заниматься МВД, а второй — МНП. Итог их совместных трудов, по Головнину, выглядел следующим образом. Стараниями МНП журналы и газеты получили возможность печатать газетные объявления, были отменены специальные (ведомственные) цензуры. МНП также ставило себе в заслугу стремление «ввести в цензирование возможную быстроту, устраняя с этою целью все излишние формальности и коллегиальный порядок». Благодаря же МВД, «усиливаема была строгость цензуры, делаемы были перемены в личном составе цензурного управления; издавались строгие подтверждения и циркуляры; издание некоторых журналов было приостановлено на довольно продолжительное время»¹⁷. Здесь министр не только приписывал инициативе МВД все непопулярные цензурные меры, но и пытался обозначить особую роль МНП по отношению к литературе: не преследовать, не запрещать, а тонко руководить, направлять.

В течение 1862 г. деятельность министра народного просвещения в области цензуры заключалась в руководстве цензурными комитетами, работа которых находилась также под неослабным контролем министра внутренних дел П. А. Валуева. С именем Головнина связаны появление Временных правил о печати от 12 мая 1862 г. и работа комиссии под председательством Д. А. Оболенского над составлением проекта Устава о книгопечатании.

10 марта 1862 г. председателем Петербургского цензурного комитета по представлению Головнина был назначен В. А. Цез, друг министра еще с лицейских времен и его единомышленник. В полном согласии с позицией Головнина Цез полагал, что цензура «должна отказаться от прежнего, исключительно репрессивного образа действий; она должна вступить на другой путь, более соответствующий духу нового времени»¹⁸. По свидетельству Ф. Мейера, «Цез каждое утро, в 8 часов, принимал редакторов петербургских газет и давал им подробные инструкции; он сообщал, о каких текущих событиях можно говорить совершенно свободно, о каких следует до поры до времени помолчать, о каких, наконец, правительство совершенно не желало бы видеть известия в печати»¹⁹.

По инициативе Цеэ и с одобрения Головнина было разрешено упоминать в печати ранее запретное имя Герцена, так как Цеэ признавал «весьма полезным разрешить нашей печати возражать на статьи „Колокола“, которые, таким образом, потеряли бы преимущество запретного плода»²⁰. Во время своей поездки в Москву в октябре 1862 г. Цеэ, информируя руководителей московской цензуры о том, какого рода статьи должны быть одобряемы и пропускаемы, особенно подчеркнул, что временные ограничения внутриполитической тематики следует компенсировать за счет расширения разделов внешнеполитических известий, которые должны доказывать читателю, «что даже за границею, при несравненно высшем уровне народного образования некоторые правительства по разным вопросам внутренней политики действуют менее либерально, чем это делается у нас»²¹.

Предварительная цензура, которой заведовало МНП, и проводимое МВД «наблюдение» основывались на несходных принципах, и ведомства часто действовали несогласованно. Уже в мае 1862 г. А. В. Никитенко жаловался, что цензура «совершенно сбита с последнего толка. Валуев делает замечание, а Головнин пишет отношение»²². На протяжении всего года не прекращался поток замечаний министра внутренних дел по поводу пропуска в печать тех или иных статей, которые, по его мнению, носили неблагонамеренный характер, подрывали авторитет официальных лиц и правительственных учреждений, вызывали у читателя нежелательные аллюзии и т. п.²³ Головнину приходилось возражать и обосновывать иной подход к названным Валуевым публикациям, но он был вынужден сообщать о валуевских замечаниях как императору в своих всеподданнейших докладах, так и цензурным комитетам в министерских циркулярах. По мнению Цеэ, которое он откровенно высказал министру в секретном письме от 21 мая 1862 г., такая позиция Головнина затрудняла работу цензурного комитета в соответствии с новыми принципами. «...Боюсь, — писал Цеэ, — что при твоей системе доводить об этих вздорных замечаниях до высочайшего сведения, ты бы не наложил, наконец, оковы на цензуру и сделал бы ее невозможною для людей благородных»²⁴.

Безусловное единство между двумя министрами обнаруживалось, пожалуй, только в одном: оба они одинаково представляли последующую судьбу цензурных учреждений, полагая, что цензурой должно заведовать МВД. Головнин в своих «Записках» отмечал, что пришел к управлению министерством с твердым убеждением в том, что МНП «несвойственно заниматься полицейскою обязанностью цензуры», но, видя безуспешность попыток своих предшественников — Е. П. Ковалевского и Е. В. Путятина — передать цензуру в МВД, «сознавал необходимость действовать весьма осторожно для достижения этой цели»²⁵. Валуев тоже считал, что «по самому существу своему эти (цензурные. — Е. С.) дела должны принадлежать ведению министра внутренних дел»²⁶.

Но разногласия их в цензурной политике были серьезны и принципиальны. Излагая в «Дневнике» свое политическое кредо, Валуев признавался: «Я соглашался с Головниным насчет необходимости некоторой свободы печати, но не разумел под этою свободой полного простора для развития материализма и демократической пропаганды»²⁷. Писал Валуев и о несправедливости распространенного мнения (его разделял, например, Никитенко)²⁸, что Головнин обманул, «обошел» его: «Я принял эту часть вовсе не бессознательно насчет ее неудобств... Я вынужден был принять или даже взять дела печати потому, что при характере и системе действий Головнина нельзя было их оставить в его ведении»²⁹. Головнин же, не разделяя (или не вполне разделяя) принципов министра внутренних дел по отношению к печати, тем не менее считал необходимым передать цензуру Валуеву.

«Головнин действует двусмысленно»³⁰, — так оценил Валуев позицию министра просвещения летом 1862 г. В самом деле, некая «двусмысленность» пронизывала всю деятельность Головнина в цензурном вопросе. Громкие заявления о покровительстве литературе со стороны МНП, издание этим ведомством и распространение в обществе книги «Исторические сведения о цензуре в России», в которой раскрывалась несостоятельность существующей цензурной системы, сопровождались циркулярами с требованиями усилить бдительность и

строгость и «исполнять нынешние цензурные правила без малейшего послабления»³¹. Именно под руководством Головнина были составлены Временные правила о печати от 12 мая 1862 г., ставившие литературу в жесткие рамки и вызвавшие повсеместное недовольство.

В то же время Головнин прилагал немалые усилия к тому, чтобы современники не связывали с МНП меры, разрушающие образ благосклонного и широко мыслящего защитника литературы. По поводу обстоятельств приостановки издания журналов «Современник» и «Русское слово» летом 1862 г. Валуев писал: «Эволюции Головнина произвели на присутствующих, начиная с государя, незавидное впечатление. Он хотел запрещения журналов в окончательном виде, чтобы закрыть высочайшим повелением. Я настаивал на 8-месячном запрете потому, что это могло быть сделано им и мною собственною властью»³².

В течение 1862 г. Головнин руководил работами комиссии по составлению проекта Устава о книгопечатании, снабжая ее председателя, Д. А. Оболенского, многочисленными материалами и инструкциями, но в декабре, когда проект был готов, обрушился на него с резкой критикой, упрекая составителей проекта в том, что он «проникнут каким-то враждебным литературе направлением» и весь состоит «только из мер преследовательных и вовсе не представляет мер, которые имели бы целью развитие литературы, поощрение, содействие оной»³³. Таким образом, Головнин полностью отстранялся от проекта и отрицал какое-либо свое участие в его составлении, что вызвало понятное возмущение Оболенского³⁴.

Непоследовательностью отличалась и та аргументация, с помощью которой МНП в конце 1862 — начале 1863 г. объясняло необходимость окончательной передачи цензуры в ведение министра внутренних дел. Она приведена в записке товарища министра народного просвещения А. П. Николаи от 8 декабря 1862 г., а также во всеподданнейшем докладе Головнина, рассмотренном в Совете министров 10 января 1863 г. Николаи начинал с утверждения, что «цензура, по существу своему, есть учреждение полицейское». Характеризуя положение печати, он отмечал, с одной стороны, недовольство литературы тем, что «ее держат как бы в пеленах, что ей дается государственный воспитатель, без дозволения которого она не может ступить ни шагу и который направляет ее произведения на правах школьного учителя», с другой же стороны, «беспрестанные регламентации, издания новых правил, ввиду одного частного случая, создание дополнительных цензурных учреждений, комитетов и советов, одним словом, все то, что ясно указывает на ненормальность порядка и неестественность положения»³⁵.

И Николаи, и Головнин «ненормальность порядка и неестественность положения» видели не в самом факте существования полицейского учреждения цензуры, а только лишь в ведомственной принадлежности этого учреждения МНП. Если раньше, рассуждал Николаи, литература находилась в стадии младенчества, и ее нужно было «более опекать, чем карать», то в настоящее время она достигла такой степени развития, что МНП должно уступить обязанность «государственного воспитателя» ведомству, имеющему «все средства следить за состоянием умов в общественной массе». В заключение автор записки высказывал ничем не подкрепленные надежды на то, что МВД будет придерживаться по отношению к литературе «благотворных начал» свободы и действовать «самостоятельно, последовательно и даже либерально, не подвергаясь обвинению в излишней слабости»³⁶. «Министерство народного просвещения, — утверждал Головнин, — имеет обязанностью покровительствовать литературе... оно не может быть ее строгим судьей». Передача цензуры в МВД представлялась ему тем более своевременной, что «в нынешнем году содействие министерства внутренних дел и участие его в делах цензуры принесли очевидную пользу для введения благоразумной строгости в цензуровании»³⁷.

Странные и противоречивые на первый взгляд «эволюции Головнина» в основе своей имели одну цель — как можно скорее снять с МНП цензурные обязанности. В принципе допуская и оправдывая жесткие меры по отношению к литературе, министр возражал только против того, чтобы эти меры проводило его ведомство и заболелся прежде всего о том, чтобы они (хотя бы внешне) исходили не от МНП.

14 января 1863 г. император подписал указ о передаче цензурных комитетов из МНП в МВД, что означало не только освобождение МНП от «полицейской обязанности», но и, по сути дела, отказ от тех начинаний, которые, с благословения Головнина, пытался проводить Цез. Можно было предвидеть, что при очевидном несходстве взглядов министра внутренних дел и председателя Петербургского цензурного комитета последний недолго будет занимать свой пост. Во время подготовки цензурных учреждений к передаче из МНП в МВД Головнин предлагал Цез остаться в Министерстве народного просвещения в качестве члена Главного правления училищ, но его будущие обязанности обрисовывал весьма туманно (что легко понять, если вспомнить о почти готовом к тому времени проекте преобразования центрального управления, по которому Главное правление училищ вообще упразднилось), а также предупреждал о затруднениях, которые ожидают старого друга, если он все же решит остаться в МНП. «Если ты останешься в м[инистерстве] нар[одного] просв[ещения], — писал министр, — я буду искренно благодарен, и это зависит от тебя, но советую сделать это, не ссорясь с Валуевым и не производя на государя невыгодного для тебя впечатления», — и далее сообщал, что аттестовал Цез Валуеву с самой лучшей стороны в качестве председателя цензурного комитета³⁸.

«Главное, старайся, — наставлял Головнин Цез в другом письме, — чтоб Валуев, согласно моим словам, видел в тебе помощника моего по всему цензурному делу, а не председателя одного комитета»³⁹. Валуев же в конце января записывал в дневнике: «Собираю у себя цензоров для программатического с ними объяснения. Г-ну Цез неловко, но он вынужден вытерпеть. Некоторым цензорам, наприм[ер] г-ну Еленеву, не по сердцу, но скрепить сердце приходится»⁴⁰. В. А. Цез был уволен Валуевым от должности уже в конце мая 1863 г.

Дальнейшая работа над цензурным законодательством, завершившаяся созданием Временных правил о печати от 6 апреля 1865 г., проходила под руководством Валуева. Когда во второй половине 1863 г. тот передал на отзыв новый проект, составленный в МВД комиссией под председательством того же Д. А. Оболенского, то первым из руководителей ведомств откликнулся Головнин запиской от 7 декабря.

Написанная уже после того, как министр народного просвещения «полицию над литературой сдал в общую полицию»⁴¹, эта записка имела целью не только и не столько анализ проекта, сколько определенную интерпретацию действий МНП по цензурному ведомству в 1862 г. Поэтому свое мнение о проекте Головнин предварил обширной историей вопроса. Он перечислил меры, предпринятые МНП для облегчения положения литературы, подчеркнул вынужденный характер Временных правил от 12 мая 1862 г., отметил «благодетельные результаты» первых попыток «идти к большому простору печатного слова, причем преступления оно каралось бы судом и выводился бы более и более произвол из области цензуры»⁴². В качестве недостатков проекта Головнин называл систему административных предостережений, которая «возбуждает в обществе дух упорной и даже преднамеренной оппозиции» и «создает много важных неудобств для правительства», а также предоставляемое министру внутренних дел право лишать издателя права собственности⁴³.

Отвечая на критику Головнина, Валуев не без яда замечал, что все критикуемые положения содержатся в проектах комиссии еще с тех времен, когда она работала под руководством министра народного просвещения, и основаны на указаниях Головнина. Отрицая вынужденный характер Временных правил от 12 мая, появление которых Головнин объяснял «исключительными политическими событиями», Валуев эффектно приводил в доказательство данные книги «Исторические сведения о цензуре в России», изданной по инициативе Головнина⁴⁴.

Итак, Головнин на посту министра просвещения стремился прежде всего избавиться от непопулярных полицейских функций своего ведомства, создав, таким образом, МНП авторитет покровителя и защитника литературы. Но, передав цензуру в МВД, он лишился и одного из рычагов влияния на литературу, одной из возможностей оказывать ей содействие.

Взаимоотношения Головнина с печатью не исчерпывались только цензурными делами. Рассуждая о гласности и роли печати в общественной жизни, Головнин нередко ссылаясь на циркуляр по цензурному ведомству от 3 апреля 1859 г., в котором говорилось, что печать предоставляет возможность правительству «получать сведения независимо от официальных источников, и некоторые из сих сведений могут служить поводом к проверке сведений официальных»⁴⁵. Министр не устал повторять, насколько полезно и благотворно сказывается на деятельности его ведомства внимание к нему со стороны прессы. Вскоре после своего назначения, вспоминал П. В. Долгоруков, «он сделал визиты видным петербургским журналистам и просил их поддержать его словом и советом»⁴⁶. По свидетельству современника, Головнин «с литераторами вошел — с кем нельзя было иначе, — в приятельские сношения, а с кем можно — и в денежные в форме командировок, субсидий и поощрений»⁴⁷. «Теперь самое время, — писал министр в уже упоминавшейся записке о цензуре, — когда правительству следует избрать целую систему мер в отношении к литературе с целью не только сделать ее безвредною в настоящем, но дабы дать ей по возможности направление, соответствующее видам правительства и извлечь из нее пользу...»⁴⁸. В этом духе он и стремился действовать.

Следуя своей системе, Головнин изыскивал различные способы для того, чтобы некоторые из строго официальных материалов регулярно просачивались в публику. Из обильно издаваемого министерством потока записок, проектов, сборников документов большинство считались секретными, но министр постоянно создавал возможности для ознакомления с ними сравнительно широкого круга читателей. Так, например, из тех документов, которые были изданы МНП для комиссии Д. А. Оболенского, работа «Исторические сведения о цензуре в России», написанная чиновником министерства П. К. Щебальским, была пущена «Головниным умышленно в 300 экземплярах в общество»⁴⁹.

Но и другие издания, предназначенные для той же комиссии, не были недоступными для публики. Знакомясь с литературой, поступившей от МНП в русскую читальню в Гейдельберге, К. Д. Ушинский не без удивления обнаружил «вещи прелюбопытные», в частности, двухтомный «Сборник статей, недозволенных цензурою в 1862 году»⁵⁰. Для распространения в обществе предназначался, вероятно, и сборник документов «Разная переписка по МНП в 1862, 1863 и 1864 годах», материалы которого характеризовали различные стороны деятельности министерства и иллюстрировали его либеральные устремления. В 1864 г. увидела свет «Ведомость неудавшимся представлениям и полученным отказам по МНП с января 1862 по апрель 1864 года». Так Головнин создавал в глазах общества определенное представление о министерстве, вызывал расположение и доверие к нему и его действиям.

Часть ведомственной информации распространялась министром через газету «Голос», издававшуюся с 1863 г. А. А. Краевским и являвшуюся официозом МНП. Головнин всегда отрицал какую бы то ни было причастность министерства к этому изданию, но для публики не были секретом ни субсидирование «Голоса» со стороны МНП, ни тот факт, что газета Краевского служит министерству, по выражению непременного секретаря Академии наук К. С. Веселовского, «официозным органом, в котором помещаются из первого источника разные *communiqués* министерства»⁵¹.

Важной задачей Головнин считал поддержку, распространение или даже прямое инспирирование статей, в которых обосновывалась бы желательная для министерства позиция. 28 мая 1862 г. министр представил Александру II «смелую и благонамеренную статью» Н. И. Костомарова об университетском вопросе и оценил ее как следствие усилий МНП «не только запрещать статьи, но вызывать благонамеренные и направлять прессу»⁵². Той же весной Головнин докладывал императору о своем намерении поднять в прессе вопрос о предстоящем открытии Петербургского университета, закрытого вследствие студенческих волнений, и

обеспечить ряд статей «против направления студентов делать „демонстрации“»⁵³. Как это делалось, видно из письма Головнина Краевскому, в котором министр предлагал «возбудить толки в журналах» о возможном открытии университета. «Вы оказали бы истинную пользу, почтеннейший Андрей Александрович... — писал Головнин, — если... заклеямили бы презрением и негодованием тех заблуждающихся, которые условились в случае открытия университета заставить опять закрыть его, производя шум и бесчинства в аудиториях»⁵⁴.

Посылая в октябре 1863 г. Краевскому свежий номер «Журнала МНП» с правилами для студентов, которые были составлены советами ряда университетов по единому для всех образцу, предложенному в министерском циркуляре, Головнин настоятельно просил учесть, что «эти правила весьма разнообразны, и в этом их достоинство», и засвидетельствовать в газетной статье, что «университеты воспользовались данною им автономиею и свободою устраивать по-своему свои дела, к чему и стремился новый устав»⁵⁵.

Министр старался создать своему ведомству авторитет защитника самой широкой свободы мнений. В изданиях МНП нередко указывалось, что «громко высказанное самое ложное и вредное мнение всегда встретит в обществе и литературе такое же громкое опровержение и осуждение»⁵⁶. Таким образом, главной заботой Головнина становились дозировка пропускаемых в печать «вредных мнений» и подготовка «громких опровержений». При этом гарантией успеха таких опровержений министр считал не столько уровень их аргументированности, сколько степень распространения в публике. Так, представляя императору ряд статей из «Сына Отечества», долженствующих опровергать пропущенную ранее статью И. С. Аксакова о судебной реформе, Головнин разъяснял: «„День“ имеет 300 подписчиков, а „Сын Отечества“ — 20 000. Поэтому противодействие столь сильной газеты нельзя не считать опаснее для „Дня“, чем запрещение статьи цензурою»⁵⁷.

С той же целью — организовать «громкое опровержение» — была пропущена Головинным статья Д. Щеглова в 6-м номере «Библиотеки для чтения» за 1862 г., содержащая острую критику Временных правил о печати от 12 мая. Возражая Валуеву, который требовал запрещения этой статьи, Головнин отмечал, что она послужила «приличным поводом к разъяснению настоящего смысла» Временных правил, причем разъяснение это появилось в «периодических изданиях, более распространенных», чем «Библиотека для чтения». «Подобные благонамеренные опровержения, — заключал Головнин, — я с своей стороны признаю в некоторых случаях полезнее простого запрещения»⁵⁸.

В составлении «благонамеренного опровержения», напечатанного в газете «Северная почта», принимал участие и сам Головнин. На полях первого варианта статьи он оставил обширные и многочисленные замечания, большая часть которых вошла в окончательный текст. Из этих маргиналий видно, какие мысли министр хотел донести до общественности. Читатель должен рассматривать Временные правила как «важный шаг к свободе слова» по сравнению с цензурным уставом 1828 г., согласно которому запрещались любые суждения о распоряжениях правительства. Рукой Головнина вписано ядовитое замечание по адресу «тех лиц, которые приняли за правило в нашей литературе непременно порицать все, что делается правительством», и поэтому не могут оценить истинного значения Временных правил. В заключение министр писал: «Было бы непростительным упущением со стороны правительства, если б оно не старалось искать лиц, владеющих пером, труды которых в наше время приобретают более и более силы и значения»⁵⁹. Практика «благонамеренных опровержений» позволяла Головнину доказывать верховной власти, что литературная жизнь находится под контролем в соответствии с «видами правительства», а перед обществом предстать в качестве поборника гласности, приветствующего свободу критики даже тогда, когда критикуют его самого и возглавляемое им ведомство.

Своеобразна и весьма характерна для Головнина аргументация, к которой он советовал прибегнуть Краевскому для доказательства того, что «„Голос“ — газе-

та независимая, а вовсе не официальная». «Известно,— рассуждал Головнин,— что „Голос“ постоянно доказывает превосходство реальных училищ и во многом упрекает академию наук», в то время как МНП доказывает «превосходство гимназий классических», а также стремится защищать «академию и академиков и... улучшать положение их... Из этого должно заключить, что и прочие статьи „Голоса“ пишутся не по чьему-либо внушению, а по указаниям и согласно взгляду самой редакции»⁶⁰.

Излюбленный прием Головнина вызывать искусственную полемику, когда оба диспутанта так или иначе инспирировались самим же МНП, часто встречал искреннее непонимание и неприятие многих сотрудников и людей, близко знакомых с его деятельностью. По поводу уже упоминавшихся статей «Голоса» об университетских правилах Никитенко с недоумением писал: «Непостижимо поведение здесь Головнина. Правила составлены почти буквально по его циркуляру, а между тем он велит писать на них опровержения, сам исправляет их, делает строгий выговор казанскому попечителю за то, что тот донес ему о вредных действиях, производимых этими статьями на студентов»⁶¹. Отвечая попечителю Казанского учебного округа Ф. Ф. Стендеру, просившему министра «положить предел неразумному голосу „Голоса“», Головнин разъяснял, что министерство не может «ограничивать свободу печатного слова», но «каждый университет может... опровергать несправедливые обвинения против него»⁶². Представление Стендера и свой ответ на него Головнин включил в сборник «Разная переписка по Министерству народного просвещения» в качестве примера защиты гласности.

Уже с первых месяцев своей министерской деятельности Головнин настойчиво убеждал верховную власть, что его политика по отношению к литературе ознаменовалась реальными успехами. Этой цели должно было служить составленное по поручению Головнина чиновником МНП П. И. Капнистом «Краткое обозрение направления периодических изданий и газет и отзывов их по важнейшим правительственным и другим вопросам за 1862 год». В нем утверждалось, что в значительной степени благодаря стараниям МНП в литературе утвердилось прочнее, чем когда-либо «сочувствие к важнейшим правительственным мерам» и приводились примеры, свидетельствующие о «благоприятном влиянии журналистики нашей в 1862 году на общественное мнение». Тем не менее, с сожалением констатировал автор обозрения, «даже самая образованная часть нашей публики гораздо более обращает внимание на статьи предосудительные, тогда как статьи серьезные, благонамеренные и консервативные остаются незамеченными»⁶³.

Не последнюю роль в попытках Головнина воздействовать на общественное мнение играл ведомственный журнал, в деятельности которого нашли яркое выражение особенности министерского понимания гласности. Подобно большинству официальных изданий, «Журнал МНП» долгое время не имел собственного лица и не пользовался популярностью у читающей публики. Положение изменилось с июля 1860 г., когда приглашенный министром Е. П. Ковалевским на должность главного редактора К. Д. Ушинский придал его неофициальной части, которая стала издаваться отдельно от официальной, характер специального педагогического журнала и привлек к сотрудничеству многих талантливых преподавателей. Осенью 1861 г. Ушинский оставил свой пост из-за разногласий с новым министром Е. В. Путятиным, не одобрявшим его нововведений. Редактором стал бывший помощник Ушинского Ю. С. Рехневский. Головнин уделял журналу значительное внимание. Обосновывая перед Государственным советом необходимость дополнительных ассигнований на его издание, министр писал: «Присутствие этого органа гласности для всех действий учебного ведомства составляет одно из сильнейших и вернейших средств, коими министерство может располагать для приобретения нравственного влияния в ученом мире и учебном ведомстве»⁶⁴.

В результате административных преобразований внутри МНП редакция журнала получила «большую самостоятельность и некоторую свободу действий, применяясь к тем условиям, которые служат основанием успешного развития

редакций частных журналов»⁶⁵. Программа официоза подверглась некоторым коррективам в духе взглядов Головнина. Вновь части официальная и неофициальная были соединены под одной обложкой, но теперь они занимали приблизительно равный объем: материалы первой должны были отражать позицию МНП по различным вопросам, разъяснять его действия; вторую же, сохранившую, в основном, тот характер, какой она имела при Ушинском, Головнин стремился, насколько это возможно для официального журнала, приблизить к частной педагогической журналистике. Для того чтобы «поставить журнал министерства в положение, соответствующее его назначению», следовало, по мнению министра, «приобрести сотрудничество всех наиболее известных и талантливых наших педагогических писателей», а также «отправить в разные местности России и за границу сотрудников журнала, которые бы, изучая на местах все особенно важные для правительства и общества педагогические вопросы, сообщали о них обстоятельные отчеты в журнал министерства»⁶⁶.

При Головнине в журнале продолжали сотрудничать известные педагоги, привлеченные еще Ушинским — В. И. Водовозов, Л. Н. Модзалевский, К. К. Сент-Илер, Д. Д. Семенов и др. Сам Ушинский тоже продолжал живо интересоваться делами журнала и написал для него ряд статей. Вновь появилось в журнале имя Н. И. Пирогова. Среди постоянных его авторов можно было в этот период встретить К. Д. Кавелина, В. Д. Спасовича, М. М. Стасюлевича, А. Н. Пыпина, А. П. Шапова. Несколько литераторов (В. А. Золотов, М. И. Сухомлинов, М. И. Семевский и др.) были отправлены министерством в поездки по различным губерниям России для изучения народного образования. Для ознакомления с европейскими учебными заведениями министерство командировало за границу Л. Н. Модзалевского, К. К. Сент-Илера, Н. П. Авенариуса, В. Г. Варенцова.

Многочисленные вояжи за казенный счет преследовали, помимо официально заявленной, и другую цель — временно удалить тех деятелей просвещения, которые имели репутацию неблагонадежных и влияние которых на учащуюся молодежь признавалось нежелательным. «Увольнение подобного лица всегда неудобно, ибо производит неудовольствие и выходки, — объяснял Головнин эту меру в секретной всеподданнейшей записке от 2 апреля 1862 г. — Посему необходимо посылать подобных лиц в ученые командировки и экспедиции, дабы извлечь из них пользу, парализуя недостатки. В нынешнем году это было уже сделано для одного профессора и оказало пользу»⁶⁷. Речь шла, вероятно, о К. Д. Кавелине, в начале 1862 г. командированном за границу для изучения высших учебных заведений, статьи которого о французской системе образования и о германских университетах регулярно печатались в журнале министерства.

Но, как отмечалось в отчете редакции, официальный журнал не мог «предоставить сотрудникам возможности выражать свое мнение с тою независимостью, какая допускается общею цензурою в частных периодических изданиях»⁶⁸. Отношение же большинства печатавшихся в журнале авторов к деятельности МНП и планам Головнина было весьма неоднозначным. Очень осторожно, с изрядной долей скепсиса судил о начинаниях министерства Н. И. Пирогов. «Головнин — человек умный, это верно... — писал Ушинский Л. Н. Модзалевскому, — но он не на месте, и самое простое дело ему представляют в каком-то чудовищно запутанном виде и играют в слова вместо того, чтобы делать дело; а жаль!»⁶⁹ А. Н. Пыпин, сотрудничая в ведомственном издании, в то же время подвергал острой критике многие стороны деятельности министерства в других печатных органах. Так, например, в статье «Наши толки о народном образовании», написанной на основе сообщений головнинского официоза о созванных по инициативе министерства уездных учительских съездах, Пыпин показывал бесплодность попыток МНП оживить деятельность учителей с помощью бюрократических методов, так как наши съезды в отличие от европейских «были для их участников только исполнением приказаний начальства»⁷⁰. От подобных авторов трудно было ожидать строгого следования официальной линии МНП.

Далеко не все материалы, написанные по заказу МНП, Головнин признавал

годными для напечатания в правительственном журнале. Некоторые из них (например, статьи Н. И. Пирогова, А. Н. Пыпина, Н. П. Барсова, М. И. Семевского) издавались министерством отдельными брошюрами. «Как непонятно со стороны министерства не печатать таких статей в журнале, а издавать отдельными брошюрами, как будто украдкой»⁷¹, — писал Ушинский Семевскому.

К концу 1863 г. МНП стало назначать меньше командировок, и объем неофициальной части журнала заметно сократился. В начале 1864 г. Головнин предлагал Ушинскому «взять на себя неофициальным образом „Журнал М. Н. Просвещения“, переменить ему заглавие и издавать как частное издание с поддержкою от правительства», — но тот ответил отказом, признавшись в письме Модзалевскому, что «скорее мог принять на себя открыто издание официального журнала, чем делать это под рукою»⁷².

Рамки официального журнала оказались слишком жесткими для либеральных публицистов, а несовпадение взглядов многих авторов с проводимой в нем позицией МНП слишком разительным. Поэтому Головнин предпочел в июле 1864 г. изменить программу издания, упразднив его неофициальную часть и тем самым ограничив задачу журнала односторонним «разъяснением» политики МНП. В итоге прекратилось сотрудничество МНП с целым рядом общественных деятелей. Когда осенью 1864 г. редактор Рехневский отказал К. Д. Кавелину в напечатании очередных его статей об устройстве немецких университетов, задетый автор обратился к самому министру с резким письмом, в котором подчеркивал, что свою работу он считал «может быть, ошибочно своею обязанностью по отношению к министерству, так как осматривал университеты... не в качестве частного человека, а в качестве лица, имеющего официальное поручение»⁷³. В ответ директор департамента народного просвещения К. К. Петерс сообщил Кавелину от имени министра, что МНП возвращает ему его статьи, ни в какой мере не считает его «обязанным доставлять оному какие-либо сведения» и намерено ходатайствовать о вознаграждении ему в сумме 700 руб.⁷⁴ Так завершились попытки бюрократии «извлечь пользу» из талантов Кавелина.

Каракозовский выстрел 4 апреля 1866 г., повлекший за собой перемену правительственного курса и смещение с должностей ряда деятелей либерального направления, положил конец и карьере Головнина. Большинство преобразований, проведенных в годы его министерства, благотворно сказались на развитии отечественного просвещения, но Головнину не удалось ни убедить верховную власть в преимуществах либеральных подходов к управлению просвещением, ни добиться доверия и авторитета у общественности, формируя общественное мнение. Программа Головнина была по-своему последовательна и логична, но его, по выражению Валюева, «методический, кабинетный, самодовольный ум»⁷⁵ не желал замечать внутренних противоречий, делавших ее в значительной мере нереалистичной. С одной стороны, Головнин много говорил о несовместимости просвещения с «покровительством полиции», с другой — в принципе допускал применение полицейских методов в области просвещения, если они исходят не от МНП. Меры, вытекавшие из подобной позиции, неизбежно носили искусственный характер, как, например, разделение обязанностей по отношению к литературе между МНП и МВД. Противоречива была и защищаемая Головниным идея гласности. Свобода суждений и дискуссий непременно должна была находиться под контролем министерства, которое старалось пользоваться гласностью как инструментом для решения конкретных политических задач, вызывать ее искусственно и прекращать по миновании необходимости. Следствиями именно такого понимания гласности были и заказ статей, и составление «благонамеренных опровержений», и возбуждение искусственной полемики, и неудавшаяся попытка превратить неофициальную часть печатного органа министерства в подобие научного педагогического журнала. Меры по манипулированию гласностью по существу своему не могли быть ни долговременными, ни жизнеспособными.

Примечания

- ¹ Усов П. С. Цензурная реформа в 1862 году // Вестник Европы. 1882. № 5. С. 137.
- ² Семевский М. И. А. В. Головинин // Русская старина. 1887. № 3. С. 777, 781.
- ³ Конин А. Ф. За последние годы (1888—1896). СПб., 1898. С. 490.
- ⁴ Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 208 (А. В. Головинина), ед. хр. 3, л. 435 об.
- ⁵ Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929. С. 132.
- ⁶ Письма А. В. Головинина к Н. В. Ханыкову // Исторический архив. Т. 5. М., 1950. С. 362.
- ⁷ Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности МНП. 1802—1902. СПб., 1902; Ганелин Ш. И. Очерки по истории средней школы в России второй половины XIX в. М., 1954; Смирнов В. З. Реформа начальной и средней школы в 60-х гг. XIX в. М., 1954; Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. М., 1985; е е ж е. Русские университеты на путях реформы. М., 1993. С. 156.
- ⁸ Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформы. С. 156.
- ⁹ Лемке М. К. Эпоха цензурных реформ. СПб., 1904. С. 85.
- ¹⁰ Ярославцев Я. А. А. В. Головинин и Н. Г. Чернышевский // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.: Сб. 8. М., 1979. С. 122.
- ¹¹ Шевырев А. П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М., 1990. С. 60.
- ¹² ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 98, л. 26.
- ¹³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 3. СПб., 1865. № 375.
- ¹⁴ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. М., 1955. С. 265—266.
- ¹⁵ ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 3, л. 436 об.
- ¹⁶ Обзор деятельности МНП и подведомственных ему учреждений в 1862, 1863 и 1864 годах. СПб., 1865. С. 28—29.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Рудаков В. Е. Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения // Исторический вестник. 1911. № 8. С. 519.
- ¹⁹ Вестник иностранной литературы. 1895. № 12. С. 113.
- ²⁰ Цеэ В. А. А. В. Головинин и его отношение к А. И. Герцену // Русская старина. 1897. № 11. С. 274.
- ²¹ Усов П. С. Цензурная реформа в 1862 году // Вестник Европы. 1888. № 6. С. 593.
- ²² Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 274.
- ²³ Примеры замечаний Валуева см. в упомянутых выше статьях В. Е. Рудакова и П. С. Усова, а также в сб.: Разная переписка по МНП в 1862, 1863 и 1864 годах. СПб., 1865. С. 1—16. Разногласия между министрами получили неоднозначную оценку у современников и историков. Согласно В. Е. Рудакову, все попытки Головинина и Цеэ «вывести цензуру на более правильный путь» блокировались МВД, которое «вовсе не считалось с новой программой» МНП, так что передача цензуры Валуеву носила со стороны Головинина вынужденный характер. (Исторический вестник. 1911. № 8. С. 517. № 9. С. 970). По М. К. Лемке, никаких принципиальных разногласий в цензурной политике у обоих министров не было, а их конфликты были вызваны только личным соперничеством (Лемке М. К. Указ. соч. С. 219).
- ²⁴ Рудаков В. Е. Указ. соч. // Исторический вестник. 1911. № 9. С. 969.
- ²⁵ ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 3, л. 73.
- ²⁶ Валуев П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. М., 1961. С. 346.
- ²⁷ Там же. С. 329.
- ²⁸ Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 268.
- ²⁹ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 346.
- ³⁰ Там же. Т. 1. С. 174.
- ³¹ Лемке М. К. Указ. соч. С. 100.
- ³² Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 175.
- ³³ Всеподданнейший доклад министра народного просвещения 10 декабря 1862 года. СПб., 1862. С. 7.
- ³⁴ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 198; Никитенко А. В. Дневник. Т. 2. С. 307, 317.
- ³⁵ ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 102, л. 183, 184 об.— 185.
- ³⁶ Там же, л. 184, 187 об.
- ³⁷ Всеподданнейший доклад министра народного просвещения 10 января 1863 года. СПб., 1863. С. 4, 7.
- ³⁸ ОР РНБ, ф. 833 (В. А. Цеэ), ед. хр. 395, л. 71.
- ³⁹ Там же, л. 83 об.
- ⁴⁰ Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 206.
- ⁴¹ Ковалевский П. М. Власть предрешающая. У Чернышева моста // Русская старина. 1909. № 2. С. 311.
- ⁴² Материалы, собранные особую комиссией, высочайше утвержденной 2 ноября 1869 года для пересмотра действующих постановлений о цензуре и печати. Т. 1. СПб., 1870. С. 44.
- ⁴³ Там же. С. 46.
- ⁴⁴ Там же. С. 33.
- ⁴⁵ Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 444.
- ⁴⁶ Долгоруков П. В. Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. М., 1894. С. 395.
- ⁴⁷ Ковалевский П. М. Указ. соч. С. 311.
- ⁴⁸ ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 98, л. 22.
- ⁴⁹ Лемке М. К. Указ. соч. С. 134.
- ⁵⁰ Ушинский К. Д. Сочинения. Т. II. М.; Л., 1952. С. 178—179.

- ⁵¹ Разная переписка по Министерству народного просвещения в 1862, 1863 и 1864 годах. СПб., 1864.
- С. 54.
- ⁵² ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 100, л. 76.
- ⁵³ Там же, ед. хр. 98, л. 229.
- ⁵⁴ Там же, ф. 391 (А. А. Краевского), ед. хр. 289, л. 17.
- ⁵⁵ Там же, л. 56.
- ⁵⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 12. Отд. 1. С. 5.
- ⁵⁷ ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 102, л. 87.
- ⁵⁸ Разная переписка по Министерству народного просвещения. С. 11—12.
- ⁵⁹ ОР РНБ, ф. 833, ед. хр. 107, л. 3, 1, 6 об.
- ⁶⁰ Там же, ф. 391, ед. хр. 289, л. 40—40 об.
- ⁶¹ Н и к и т е н к о А. В. Дневник. Т. 2. С. 388—389.
- ⁶² Разная переписка по Министерству народного просвещения. С. 61.
- ⁶³ Сочинения графа П. И. Капниста. Т. 2. М., 1901. С. 436, 491, 507.
- ⁶⁴ Российский государственный Исторический архив (РГИА), ф. 1152, оп. 6—1863, д. 42, л. 503 об.
- ⁶⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1863. № 8. Отд. 2. С. 317.
- ⁶⁶ РГИА, ф. 1152, оп. 6—1863, д. 254, л. 6—6 об.
- ⁶⁷ ОР РНБ, ф. 208, ед. хр. 98, л. 172 об.— 173.
- ⁶⁸ Обзор деятельности Министерства народного просвещения. Приложение. С. 93.
- ⁶⁹ Русская школа. 1893. № 7—8. С. 59.
- ⁷⁰ Современник. 1863. № 5. Отд. 2. С. 68.
- ⁷¹ У ш и н с к и й К. Д. Сочинения. Т. II. С. 162.
- ⁷² Русская школа. 1893. № 7—8. С. 69—70.
- ⁷³ РГИА, ф. 773, оп. 193, д. 169, л. 1 об.— 2.
- ⁷⁴ Там же, л. 4—4 об.
- ⁷⁵ В а л у е в П. А. Дневник. Т. 1. С. 67.

СТРАХОВОЙ ЗАКОН 1912 ГОДА И ЕГО ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ*

2 июня 1903 г. появился закон «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности»¹. Однако принятие этого крайне ограниченного законодательного акта не приостановило обсуждения вопроса о страховании рабочих по болезни и об их пенсионном обеспечении. Так, Общество для содействия русской промышленности и торговли, которое впервые подняло эту проблему еще в 1882-м и 1891 гг., предлагало, чтобы в стране было введено государственное страхование по инвалидности и старости, чтобы страхованием от несчастных случаев были охвачены также сельскохозяйственные и строительные рабочие и чтобы размер пенсии в случае полной потери трудоспособности был равен полной заработной плате. Все спорные вопросы о вознаграждении рабочих должны были решаться третейскими судами, действующими под руководством мировых судей и состоящими из равного числа представителей обеих заинтересованных сторон².

Вопрос о страховании рабочих неоднократно обсуждался также на Пироговских съездах врачей и в Московском обществе фабричных врачей, которые высказались за расширение объема страхования и за государственную форму его организации. В местных комитетах о нуждах сельскохозяйственной промышленности возник вопрос о страховании сельскохозяйственных рабочих. Страховой вопрос поднимался и на съездах горнопромышленников Юга России в 1904—1906 гг. Как признавали горнопромышленники, принятие закона 1903 г. не оправдало надежд на ослабление напряженности в их отношениях с рабочими. Поэтому предприниматели высказывались за государственное страхование, в том числе и по болезни, с участием во взносах не только предпринимателей и рабочих, но и государства³.

В царском указе от 12 декабря 1904 г. было заявлено о необходимости введения государственного страхования рабочих. Начало первой российской революции и прокатившиеся вслед за этим по стране забастовки рабочих ускорили действие правительственного механизма. 24 января 1905 г. Комитет министров во исполнение декабрьского указа принял решение о создании комиссии для подготовки законопроекта о государственном страховании рабочих⁴. В январе — феврале с этой целью были созданы специальные комитеты при Министерстве финансов. В итоге правительство наметило целую программу действий: подготовку страховых законов, сокращение рабочего дня, пересмотр карательных статей законодательства о стачках, а также о рабочих союзах. Свои предложения оно вынесло в марте — мае 1905 г. на обсуждение специального совещания, созванного при Министерстве финансов, но потерпело поражение из-за отрицательной позиции буржуазии. Ее представители заявили, что предлагаемые законопроекты вызваны не объективными экономическими условиями, а навеяны «сторонними обстоятельствами». Поскольку министр

* Настоящая статья является второй частью последней работы крупного советского историка Л. М. Иванова (1909—1972), посвященной истории социального страхования рабочих в дореволюционной России. Первая ее часть была опубликована в 1982 г. в сборнике статей «Рабочее движение в России в период империализма» под названием «Закон 1903 г. о вознаграждении увечных рабочих и его практическое применение».

финансов В. Н. Коковцов, председательствовавший на совещании, настаивал на их обсуждении, представители буржуазии, использовав в качестве предлога гибель русской эскадры у Цусимы, покинули совещание.

Тем не менее обстановка в стране заставляла царское правительство вновь и вновь возвращаться к рабочему вопросу. Именно этим можно объяснить повторное вынесение указанных выше вопросов с добавлением новых — о правилах найма в заведениях фабричной и горнозаводской промышленности, сберегательных кассах, о мерах поощрения строительства дешевых жилищ, фабричной инспекции и промышленных судах — на обсуждение в совещаниях при Министерстве торговли и промышленности (апрель и декабрь 1906 г., февраль — март 1907 г.)⁵. Правительство готовилось внести страховой законопроект в Государственную думу и поэтому стремилось предварительно согласовать его с буржуазией. Не случайно председатель совещания министр торговли и промышленности Д. А. Filosofov, заявил, что обсуждение носит односторонний характер, поскольку отсутствует другая сторона — рабочие. Буржуазия отвергла все предложенные вниманию участников совещания вопросы как имеющие «политический характер», признав лишь первоочередность законопроекта о страховании. Однако это признание несколько не мешало ей вести наступление на все пункты законопроекта, доказывая, что они слишком «широки», что не следует торопиться, что это будет новым ударом по промышленности и т. д.⁶

Несмотря на оппозицию со стороны работодателей, правительство не сразу отказалось от своих широкообещательных заявлений. Так, П. А. Столыпин, выступая во II Государственной думе, заявил, что правительство рассматривает рабочее движение как показатель естественного стремления рабочих к улучшению своего положения и готово пойти на ограничение административного вмешательства в их отношения с промышленниками, предоставить им свободу в организации профессиональных союзов, а также принять правила о ненаказуемости экономических стачек⁷. При этом он обещал предоставить законопроекты о государственном страховании в случае болезни, увечий, инвалидности и старости. Но уже в конце 1907 г., когда революционная буря осталась позади, тот же Столыпин в своем выступлении перед III Думой ограничился лишь беглым упоминанием о страховании рабочих и врачебной помощи.

На прохождение страховых законопроектов через Государственную думу и Государственный совет ушло в общей сложности несколько лет, они были утверждены Николаем II лишь 23 июня 1912 г.

По закону 1912 г., выдача пенсий и пособий рабочим при потере трудоспособности от несчастного случая, а также их семьям при потере кормильца, как и по закону 1903 г., входила в обязанности предпринимателей. Различие заключалось в другом: если по закону 1903 г. ответственность за обеспечение рабочих лежала на каждом отдельном фабриканте, который обязан был сам рассчитываться с рабочими или страховать их в акционерных страховых и взаимных страховых обществах, то по закону 1912 г. рабочие в обязательном порядке должны были страховаться во вновь создаваемых для этой цели страховых товариществах, помимо находившихся в руках предпринимателей.

Закон 1912 г. внес ряд изменений и в практику страхового обеспечения рабочих. Так, среднегодовое число рабочих дней, от которого зависел размер пенсии и пособий, было увеличено с 260 до 280, что в известной мере приближалось к среднегодовой норме времени работы промышленных предприятий (в 1905 г. среднегодовое время работы предприятий составляло 287,5 дня). В некоторых случаях (при полной потере зрения, обеих рук или ног) пенсия повышалась до размеров полной заработной платы. Кроме того, закон 1912 г. устанавливал для женщин-работниц 6-недельные пособия по случаю родов в размере от половины до полной заработной платы⁸.

Новым в законе 1912 г. было также то, что теперь рабочие страховались и на случай болезни. При этом, как и раньше, забота о лечении рабочих лежала на предпринимателях, которые должны были бесплатно предоставлять рабочим необходимую медицинскую помощь⁹. Заметим, что расходы на нее составляли в 1897 г. 3,9 млн. руб. (в среднем по 4 руб. на одного рабочего), а в 1907 г. — 9,5 млн. руб., т. е. по 6 руб. 19 коп. на каждого рабочего. В первом случае больничной и врачебной помощью был охвачен 1 млн., а во втором — 1,5 млн. рабочих, подчиненных надзору фабричной инспекции¹⁰. Выдача пособий по болезни имела место и до 1912 г., но тогда это всецело зависело от воли предпринимателя и пособия выплачивались преимущественно за счет штрафного капитала, причем размеры их были мизерны. Добавим, что в 1905—1906 гг., когда некоторые предприниматели стали впервые выдавать рабочим пособия по болезни, подобные выплаты имели место лишь на 1987 предприятных, преимущественно крупных, где было занято 586,5 тыс. рабочих¹¹.

По закону 1912 г. обеспечение рабочих по болезни было возложено на создаваемые для этого больничные кассы. Капитал для выдачи пособий составлялся из взносов рабочих в размере от 1 до 2% заработной платы (в зависимости от числа участников больничной кассы и решения собрания ее членов), а также приплат промышленников, равных $\frac{2}{3}$ общего взноса рабочих. Выплату пособий по болезни больничные кассы начинали с четвертого дня заболевания. Рабочий же, застрахованный в установленном порядке на случай увечья, получал пособие со дня несчастного случая. Пособия по болезни должны были выплачиваться в течение не более 26 недель, а при повторных заболеваниях — не более 30 недель в году. Вследствие несчастного случая пособие выдавалось в течение первых 13 недель, а затем, по установлении степени трудоспособности¹², увечному рабочему назначалась пенсия, выплата которой ложилась уже на страховые товарищества.

Пособия по болезни или увечью устанавливались законом в размере от $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ заработной платы при наличии неработающей жены и малолетних детей, а во всех остальных случаях — в размере от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ заработной платы. Пенсии при полной потере трудоспособности устанавливались законом 1912 г., как и законом 1903 г., в размере $\frac{2}{3}$ средней заработной платы из расчета 280 рабочих дней плюс натуральные выдачи (продукты, квартира), если они имели место, а при частичной — в зависимости от степени утраты трудоспособности. Пенсии за умершего от несчастного случая рабочего выплачивались в зависимости от степени родства: вдове — $\frac{1}{3}$, детям — $\frac{1}{6}$, в целом же выплаты не превышали $\frac{2}{3}$ заработной платы умершего. Насколько мизерной была эта сумма, можно судить хотя бы по тому, что средний годовой заработок фабрично-заводского рабочего в 1904 г. равнялся 214 руб.¹³ Пособия на похороны должны были выдаваться больничными кассами в пределах 20—30-кратного дневного заработка умершего рабочего за счет страховых товариществ (по закону 1903 г. пособия на похороны составляли 30 руб. для взрослого и подростка и 15 руб. — для малолетнего). Наконец, по закону 1912 г., как и по закону 1903 г., предусматривалась возможность замены пенсии единовременной суммой (10-кратная капитализация пенсии).

Действие закона 1912 г. распространилось только на Европейскую Россию и Кавказ, тогда как на остальной территории продолжали действовать правила 1903 г.¹⁴ Законы 1903 и 1912 г. не затрагивали строительных и сельскохозяйственных рабочих, а также рабочих кустарных и ремесленных мастерских. Положения закона от 24 июня 1912 г. были распространены на железнодорожный транспорт, кроме случаев, когда пенсии по закону о пенсионных кассах от 30 мая 1888 г. были выше, чем по новому закону¹⁵. На железных дорогах не создавались больничные кассы. Поэтому сами железнодорожники в оплате больных и увечных рабочих не участвовали. Как и раньше, правления дорог обязаны были выдавать своим служащим, мастеровым и рабочим пособия во время болезни, причем они должны были быть не меньше, чем пособия из

больничных касс. Профессиональные заболевания не попадали под действие этого закона. Рабочим ряда профессий с повышенным риском (составители поездов, стрелочники, осмотрщики вагонов, смазчики) в случае увечья пенсия устанавливалась из расчета $\frac{3}{4}$ фактического заработка. Правила от 28 июня 1912 г. были распространены также на железнодорожных рабочих, работающих от подрядчика, т. е. на строительных рабочих¹⁶. Рассмотрение дел о назначении пенсий было возложено на местные комитеты, создаваемые на каждой железной дороге. Половина их членов назначалась, а другая выбиралась из числа служащих¹⁷.

При подготовке закона 1912 г. буржуазия добилась осуществления почти всех своих основных требований. Однако она не спешила с его реализацией, тем более, что в нем не было указано точной даты ввода его в действие¹⁸. Иную позицию занимало в этом вопросе правительство, рассчитывавшее, как говорилось в циркуляре министра внутренних дел в сентябре 1912 г., использовать закон «для отвлечения рабочего населения от революционных выступлений»¹⁹.

По закону 1912 г. следовало открыть 3198 больничных касс с 2,3 млн. членов. Через год после его издания, в июне 1913 г., было зарегистрировано 484 кассы, но из них начали производить сборы средств и выдачу пособий всего 21 касса с 16,4 тыс. членов. К 1 января 1915 г. в различной стадии оформления находилось 2893 кассы с 2,1 млн. членов, из них уже функционировало 2167 с 1,7 млн. членов. В дальнейшем организация касс еще более замедлилась. К началу мая 1915 г. было зарегистрировано 2911 касс, но действовало всего 2254 с 1,8 млн. членов²⁰.

Еще медленнее шла организация касс на горнозаводских предприятиях. В июле 1913 г. таких касс было всего 12, но действовало лишь две с 2,6 тыс. членов. Через год было учтено 252 кассы с 386,4 тыс. членов, а действующих было 44 с 58,7 тыс. членов. К началу 1915 г. было зарегистрировано 277 касс с 408 тыс. участников, но действовало из них 60 с 93 тыс. членов²¹. Не лучше было положение на Юге, где к июлю 1914 г. возникло всего 103 кассы, а на 1 июля 1916 г. их стало 115, но действующих было на первую дату 7 (13,5 тыс. членов), а на вторую — 23 (23 тыс. членов)²².

Так же медленно, с большой задержкой против первоначальных наметок создавались окружные страховые товарищества. Всего должно было быть организовано 13 страховых товариществ и 3 товарищества, объединяющих пароходные компании (Петроградское, Волжское и Южное). Первыми начали свою деятельность в 1914 г. Архангельское, Киевское, Одесское, Петроградское, Прибалтийское и Северо-Западное товарищества, в 1915 г. — Поволжское и Харьковское, в 1916 г. — Кавказское и Уральское. Одной из причин задержки с открытием товариществ были трудности, связанные с выработкой дифференциальных тарифов для взносов предпринимателей. Но это была не основная причина. Работодатели вообще не торопились с организацией товариществ, тем более что закон 1912 г. не указывал на этот счет никаких сроков. Почти два года потребовалось для того, чтобы подготовительные комиссии (местные комитеты, по официальной терминологии) утрясли все вопросы, связанные с организацией первых страховых товариществ. При этом надо учесть, что в указанных районах уже существовали взаимные страховые общества, имевшие опыт страхования рабочих. С началом мировой войны дело с организацией товариществ вообще затормозилось. Так, Харьковское товарищество должно было открыться 1 ноября 1914 г., но оно, ссылаясь на связанные с войной трудности, дважды добивалось отсрочки — сначала до 1 января, а затем до 1 июля 1915 г. По этим же причинам задержалось открытие Уральского, Поволжского и Кавказского товариществ. Правительство согласилось сначала на отсрочку до 1 января, а затем — до сентября 1916 г.²³ Московское и Иваново-Вознесенское товарищества, а также Южное судоходное так и не были открыты.

В организации больничных касс и открытии страховых товариществ не

было синхронности, которая в известной мере предусматривалась 59-й ст. закона (если страховое товарищество не приступало к действиям, то больничные кассы освобождались в этом случае от операций по выдаче пособий увечным рабочим и похоронных денег). В таких случаях (а они были весьма многочисленны) сохранял свое действие закон 1903 г., и все обеспечение увечных рабочих лежало на индивидуальной ответственности предпринимателей²⁴. На практике было немало случаев противоположного характера, когда на предприятиях еще не было больничных касс, а страховые товарищества уже существовали. В этих случаях выдачу пособий увечным рабочим в течение первых 13 недель брали на себя товарищества. Такое одновременное действие законов 1903 и 1912 гг. создавало большие трудности для рабочих и нередко приводило к потере пенсий и пособий.

По закону 1912 г. лечение рабочих оставалось на ответственности владельцев предприятий, но обязательным было лишь предоставление первой медицинской помощи и амбулаторного лечения. Во всех остальных случаях (больничное лечение и родовспоможение) владелец предприятия, если он не содержал собственной больницы, мог ограничиться предоставлением медицинской помощи «на общем для местного населения основании» (ст. 47). Иначе говоря, если рядом находились земские или городские медицинские учреждения, предприниматель мог входить с ними в соглашение о лечении рабочих. Если же таковые отсутствовали, то с владельца предприятия вообще снималась обязанность оказывать рабочим медицинскую помощь²⁵.

Лечение рабочих по существующим правилам не носило обязательного характера. В 1866 г. в связи с угрозой эпидемии холеры Комитетом министров в качестве временной меры впервые было принято решение об открытии на предприятиях больниц из расчета одна кровать на 100 рабочих. Но не это указание правительства, а фактическое бедственное положение с медицинской помощью заставляло фабрикантов идти на открытие больниц, прежде всего при фабриках и заводах, находящихся вне городов. По сведениям за 1907 г., медицинская помощь разного типа оказывалась на 5439 предприятиях с 1,5 млн. рабочих, т. е. охватывала 84,1% фабрично-заводских рабочих. Причем собственные больницы имели всего 964 предприятия, главным образом крупные, с 798,3 тыс. рабочих. Остальные имели лишь приемные покои или амбулатории или же оказывали помощь через городские и земские лечебные учреждения²⁶. По сравнению с 1897 г. количество больниц, как и число рабочих, охваченных медицинской помощью, выросло. Тогда больницы имелись при 710 предприятиях с 514,8 тыс. рабочих, а всеми видами медицинской помощи был охвачен 1 млн рабочих²⁷. По сведениям за 1904 г., на горных и горнозаводских предприятиях было 213 больниц с 4244 койками²⁸.

В дальнейшем развитие медицинской помощи приостановилось, ибо закон 1903 г., как и закон 1912 г., не принуждал к этому предпринимателей. По сведениям Харьковского страхового товарищества, на территории Воронежской, Екатеринославской, Курской, Орловской, Харьковской губерний и Области Войска Донского было 355 больниц и приемных покоев с 4686 койками. Большая их часть приходилась на горнозаводские предприятия. Их обслуживали 355 врачей, из них 181 — «наезжающий»²⁹. При организации страховых товариществ горнозаводские предприятия, как правило, расходы на лечение рабочих брали на себя.

В 1919—1920 гг. Народным комиссариатом труда была сделана попытка обобщить деятельность больничных касс. Однако отчеты касс не всегда публиковались, да и составлялись они по-разному, поэтому были изучены материалы всего 1605 касс с 1 248 626 членов за 1915 г. Было установлено количество заболеваний и число оплаченных дней. Всего за 1915 г. члены касс обращались за помощью 685 454 раза, в том числе в случае общих заболеваний — 579,6 тыс. раз, увечий — 55,4 тыс. и родов — 50,5 тыс. раз. Особо обращает на себя внимание огромное количество общих заболеваний:

если даже учитывать условия войны, плохое питание и возросшую тяжесть труда, эта цифра наглядно свидетельствует, насколько остро нуждались рабочие в социальном страховании. В среднем число невыходов на работу по общим заболеваниям достигало 10,5 дня, по увечьям — 13,1 дня, а по родам — 28,3 дня³⁰. Эти данные позволяют установить, что оплачиваемых дней по родам было намного меньше установленного законом срока — 6 недель. По закону кассы обязаны были в случае общих заболеваний оплачивать время болезни начиная с четвертого дня, и этого правила придерживались многие кассы. Все это и привело к тому, что из 10,1 млн. нерабочих дней кассами было оплачено в 1915 г. всего 8,2 млн., или 81,6%.

Бюджеты 1605 касс были равны 10,6 млн. руб. Из них на выдачу пособий пошло 7,1 млн. руб., в том числе на выдачу пособий по общим заболеваниям — 4,5 млн. руб. (64,1%), по несчастным случаям — 764 тыс. руб. (10,7%), по родам — 725 тыс. руб. (10,2%), на похороны — 289 тыс. руб. (4,1%)³¹. Кроме того, было выдано пособий по болезни, при родах, на похороны и медицинскую помощь членам семей — 763 тыс. руб. (10,7%). Расчеты Народного комиссариата труда показали, что при общих заболеваниях средняя величина пособия была равна 75 коп. в день, тогда как заработная плата достигала 1 руб. 25 коп. Таким образом, пособия составляли 60% зарплаты, по закону же кассы могли выдать от 25 до 50% заработной платы одиноким рабочим и от 50 до 100% — семейным. При родах пособия достигали 51 коп. в день при средней заработной плате в 74 коп., т. е. равнялись 68,9% зарплаты. По закону же кассы могли выдавать от 50 до 100% зарплаты³². Эти общие сведения показывают, что больничные кассы не обладали достаточными средствами и вынуждены были ограничивать выдачу пособий по минимуму, предусмотренному законом 1912 г. Совершенно незначительное развитие получило и оказание помощи при заболеваниях членов семей.

В Одессе, по сведениям за 1914—1915 гг., было 50 касс с 23,8—24,9 тыс. членов. Размеры касс были различны: в 1914 г. 12 касс имели до 200 членов, 20 касс — от 200 до 500, 11 касс — от 500 до 1 тыс., 5 касс — свыше 1 тыс. Вычеты в кассы колебались от 1 до 2% зарплаты с тенденцией к увеличению. Так, в январе 1914 г. по 11 кассам вычеты были равны 1%, а в 7 кассах — 2%. В январе 1915 г. число касс с такой нормой отчисления соответственно возросло до 18 и 8. В 1914 г. поступления от рабочих составили 118,5 тыс. руб., а в 1915 г. — 141,7 тыс. руб. От предпринимателей же поступило 78,7 и 94 тыс. руб. По сведениям касс, в 1914 г. было 14 304 случая заболеваний, а в 1915 г. — 16 021 случай, из них по увечью — соответственно 2303 и 3100, т. е. преобладали общие заболевания. За это время кассы выдали пособий: за первый год — 124,5 тыс. руб., а за второй — 150,3 тыс. руб., пособия членам семей достигали соответственно 33,7 и 30,1 тыс. руб. Таким образом, в 1914 г. кассы выдали всего 158,2 тыс. руб., а в 1915 г. — 180,4 тыс. руб. По прямому назначению они расходовали 74,1—77% своих средств, а остальные шли на содержание касс (наем помещения, оплата делопроизводства, членов правления) и в запасный капитал³³.

Бюджет касс ввиду большого числа заболеваний был напряженным. В 1914 г. 12 касс, а в 1915 г. — 6 имели дефицит. Этим объясняется, в частности, тот факт, что в первый год своего действия 34 кассы из 50 выплачивали пособия по высшей норме — $\frac{2}{3}$ заработка, а 6 касс — в размере $\frac{1}{2}$ заработка. В следующем году, несмотря на увеличение по ряду касс вычетов, положение не улучшилось: 32 кассы выдали пособия в размере $\frac{2}{3}$ заработка, 13 касс — $\frac{1}{2}$ зарплаты.

Вычеты в больничные кассы по Московскому району стояли на более низком уровне, чем в Одессе. По сведениям за 1918 г., в 61 из 69 касс вычеты из зарплаты равнялись 1%, причем не только на текстильных, но и на машиностроительных предприятиях (Коломенский машиностроительный завод и др.), где случаи заболеваний и травматизма были намного чаще. Вычеты

по 1,5 и 2% были всего в 5 кассах. Соответственно взносам и пособия, назначаемые рабочим и работницам по болезни и родам, были минимальными. Так, в 51 кассе пособия по болезни были установлены на уровне $\frac{1}{2}$ зарплаты, в 35 кассах пособия по родам также были на уровне $\frac{1}{2}$ зарплаты. Лишь в 8 кассах при родах выдавалась полная зарплата (фабрика Гюбнера, вагоностроительный завод, товарищество Циндель и др.). Во многих кассах пособия в случае легкого заболевания (менее 3 дней) не выдавались. В практике московских касс почти совершенно не получило развития оказание помощи при заболеваниях членов семей. Только по итогам деятельности за 1913 г. некоторыми кассами была намечена выдача пособий при смерти членов семей участников кассы и при родах³⁴.

По материалам о больничных кассах Киева можно установить, что в 1914 г. выплаты увечным рабочим составили 28,3% всех выдач, а в 1916 г. — уже 35,6%. В то же время выплаты членам семей уменьшились за эти годы с 16,8 до 11,2%. Это объясняется тем, что за указанные годы увеличилось число увечных рабочих (с 673 до 1086 чел.), выплаты которым съедали значительную и притом все возрастающую часть бюджета касс. Несомненно, что то же было характерно и для других касс страны. Такое переложение обеспечения увечных рабочих с буржуазии на больничные кассы, т. е. по существу на самих же рабочих, подрывало устойчивость касс, сокращало возможности выдачи пособий другим рабочим, что особенно наглядно проявилось в сокращении помощи членам семей участников касс³⁵.

На ряде заводов страны, главным образом машиностроительных и металлургических, взносы рабочих были установлены на уровне 2%. Так было на Путиловском, Франко-Русском (Петроград), Меднопрокатном и Патронном (Тула), Днепровском металлургическом и некоторых других заводах. Благодаря этому их кассы имели возможность установить более высокие нормы пособий, а также оказывать помощь семьям рабочих. Так, касса при Металлургическом заводе (Петроград) арендовала в 1914—1915 гг. 22 койки в больницах; касса при заводе Эриксона вошла в соглашение с врачами о приеме ими больных членов семей рабочих и посещений их на дому; 4 кассы Московского района Петрограда («Скороход», Вагоностроительный завод, «Сименс-Шуккерт» и «А. Коппель») решили открыть амбулаторию, родильный дом и детскую больницу; 6 касс Выборгского района (заводы «Айваз», «Парвиайнен», Лесснера, Металлургический, фабрика Эриксона и «Феникс») решили в 1915 г. объединить свои усилия по организации врачебной помощи членам семей рабочих³⁶.

Отчеты отдельных касс по другим районам страны дают несколько более подробные сведения. Так, касса Богородско-Глуховской мануфактуры, имевшая 13,5 тыс. членов, по решению уполномоченных выдавала в 1915 г.: по случаю болезни — $\frac{2}{3}$ заработка семейным рабочим и $\frac{1}{2}$ остальным; по случаю родов — полный заработок как за рабочие, так и за праздничные дни; в связи с болезнью иждивенцев до 12 лет — $\frac{1}{3}$ дневного заработка; по случаю родов неработающей жены — 10 руб.³⁷ Иначе говоря, условия этой кассы весьма устраивали рабочих. Особое значение имело решение о выплате полной зарплаты роженицам. Согласно отчету за 1915 г., по общим заболеваниям касса выдала 55,4 тыс. руб., а по случаю родов — 55,9 тыс. руб. Касса выдавала пособия в высшем размере, предусмотренном законом 1912 г. Она выдавала и пособия в связи с болезнью иждивенцев членов кассы, что разрешалось законом (ст. 43). Закон не указывал норм выдачи пособий иждивенцам, требуя лишь, чтобы общая сумма расхода по этой статье не превышала $\frac{1}{3}$ доходной части бюджета кассы³⁸. В 1915 г. касса выдала по этой статье 8,9 тыс. руб. Вычеты из зарплаты рабочих в эту кассу были установлены в размере 2%. В 1914 г. касса выдала рабочим 84,3 тыс. руб., а в 1915 г. — 124,2 тыс. руб., т. е. 76,5—87,1% собранной суммы.

Условия обеспечения рабочих на других предприятиях были менее благоприятными. Так, касса Балтийской бумагопрядильной и бумаготкацкой ма-

нуфактуры в Ревеле (2,2 тыс. членов) выдавала в 1914 г. пособия по случаю увечья или болезни в размере $\frac{1}{2}$ заработной платы, такой же была ставка пособия и по случаю родов³⁹. Касса при Русско-Балтийском вагонном заводе (Рига) выдавала по случаю болезни семейным $\frac{2}{3}$ и одиноким — $\frac{1}{2}$ заработной платы⁴⁰. Других выплат, как было на Богородско-Глуховской мануфактуре, не предусматривалось. Различие в размере пособий объясняется тем, что кассы Богородско-Глуховской мануфактуры и Русско-Балтийского завода располагали значительно большими средствами, чем касса Бумаго-ткацкой мануфактуры в Ревеле. В первых двух кассах взносы рабочих были установлены в размере 2% заработной платы, а в ревельской кассе они были сначала равны 1%, а затем, с апреля 1915 г. — 1,5%.

В дореволюционной литературе было высказано предположение, что по закону 1912 г. больничные кассы для выдачи пособий будут располагать суммой в 25 млн. руб. Этот вывод был построен на следующих расчетах: 3 млн. рабочих будут вносить 15 млн. руб. (по 2% со средней зарплаты в 250 руб.), 10 млн. руб. дадут предприниматели⁴¹. Выше было уже показано, что в середине 1915 г. кассы имели всего 1,8 млн. членов, а вычеты колебались от 1 до 2% зарплаты. Таким образом, сумма средств, которыми располагали кассы, была значительно меньше предполагавшейся не только вследствие меньшего числа членов касс, но и из-за меньших размеров взносов. Кроме того, значительная часть средств (до 20%) уходила на хозяйственные нужды и оплату служащих касс.

Как уже говорилось, страховые товарищества создавались медленно, а некоторые из них так и не были организованы. По сведениям за 1914 г., в 6 товариществах было застраховано 202,8 тыс. рабочих⁴². В 1915—1916 гг. число застрахованных в 9 товариществах достигло 1448,3 тыс. человек⁴³. Если прибавить к ним застрахованных по Уральскому товариществу, где число их составило примерно 250—300 тыс. человек, а также взять данные по Северо-Западному товариществу за 1914 г. (67,8 тыс. человек), то общее число застрахованных по закону 1912 г. составит 1766,1—1816,1 тыс. человек, т. е. немногим больше половины всех фабрично-заводских и горных рабочих. Из числа товариществ наиболее крупными были Харьковское с 458 тыс. рабочих, Петроградское — с 358,3 тыс., Киевское — с 211,1 тыс., Поволжское — с 111,5 тыс. и Прибалтийское — с 109,8 тыс. рабочих.

Сведения об увечных рабочих по отчетам товариществ неполны. По 6 товариществам за 1914 г. зафиксировано 53,6 тыс. несчастных случаев, в том числе с полной и частичной потерей трудоспособности — 5563. В 1915—1916 гг. число несчастных случаев возросло, что отразило ухудшение охраны труда в связи с войной. За эти годы было зарегистрировано 203,4 тыс. несчастных случаев. Увеличение их числа произошло главным образом за счет Харьковского округа (148,9 тыс.).

Отчеты страховых товариществ почти не содержат сведений о ходе страхования рабочих, а также о размерах пособий и пенсий, ограничиваясь преимущественно данными о состоянии бюджета. В 1914 г. шесть страховых товариществ собрали страховых и единовременных взносов 5,4 млн. руб., примерно по 6 руб. 72 коп. за каждого застрахованного рабочего⁴⁴. Из них было израсходовано на лечение, выдачу пособий и пенсий 625,4 тыс. руб., на содержание аппарата товариществ и организационные расходы — 553,1 тыс. руб., зачислено в пенсионный фонд 1,4 млн. руб. и в резерв по неоконченным делам в связи с несчастными случаями — 1,9 млн. руб. Таким образом, в 1914 г. непосредственно на страховые цели было израсходовано немногим больше, чем на содержание самих товариществ. Зато колоссальными были отчисления в пенсионный фонд и резерв. По закону 1912 г. товарищества обязаны были накопить пенсионный фонд, равный годовому окладу пенсий всех пенсионеров, умноженному на 10. Образование резерва зависело от числа неоконченных дел по страхованию рабочих.

В 1915—1916 гг. восемь страховых товариществ располагали 14,9 млн. руб., из них меньшую часть составляли страховые взносы, большую — пенсионный фонд, резервы и свободные остатки. Из 14,9 млн. руб. на страховые цели (лечение, пособия и пенсии) было использовано 3,1 млн. руб., а вся остальная сумма, за исключением расходов на содержание аппарата, была зачислена в различные фонды⁴⁵.

Из отчетов товариществ привлечем лишь те, которые в той или иной мере сообщают о выплате пособий и пенсий рабочим. Архангельское товарищество имело в 1914 г. 24 168 застрахованных рабочих, а в 1915 г. — 20 071 рабочего. Соответственно этому страховые сборы составили 190,4 и 188,3 тыс. руб. Несчастных случаев в 1914 г. было 1249, а в 1915-м — 1233. Но если в 1914 г. получили пенсии и пособия 143 пострадавших рабочих, а относительно 29 рабочих дела еще не были закончены (всего 172), то в 1915 г. их было соответственно 148 и 59 (всего 207). В 1914 г. было выдано пособий на лечение и пенсий 10,2 тыс. руб., а в следующем году — 21,1 тыс. руб. Кроме того, в 1914 г. 34 рабочим были выданы единовременные вознаграждения на сумму 5933 руб., а в 1915 г. — 51 рабочему 8682 руб.⁴⁶

Одесское страховое товарищество, район деятельности которого охватывал Бессарабскую, Подольскую, Таврическую и Херсонскую губернии, насчитывало в 1914 г. 63,7, а в 1915 г. — 70,4 тыс. застрахованных рабочих. Товариществом было собрано в 1914 г. 480,4 тыс. руб. страховых взносов (в 1915 г. несколько больше). Всех увечных рабочих в первый год действия было 5407, а во второй — 7639. Заявлений о назначении пенсий и пособий было подано в 1914 г. только 414, а в 1915 г. — 972, но не все они были удовлетворены: в 1914 г. — 374, а в 1915-м — 620.

В первый год существования товарищества в 468 случаях была назначена пенсия, из них 263 — пожизненно, 193 — с переосвидетельствованием, 12 — родственникам. К концу 1915 г. в списках товарищества состояло 784 пенсионера. В течение года было проведено 133 переосвидетельствования, при этом в 9 случаях было признано, что трудоспособность восстановлена полностью и выплата пенсий была отменена, в 23 случаях трудоспособность восстановлена частично, что повлекло за собой сокращение пенсий, в 2 случаях состояние пенсионера ухудшилось и размер пособия был увеличен. Величина пенсии в каждом отдельном случае зависела от степени потери трудоспособности и величины заработной платы. В 1914 г. было 308 пенсионеров, получавших в год до 50 руб., 28 — от 51 до 100 руб., 52 — от 101 до 200 руб. и т. д. 5 человек получали пенсии в размере от 501 до 800 руб.

Одесское товарищество отказывало многим рабочим в назначении пособий и пенсий. Так, например, в 1915 г. отказ получили 334 рабочих: 271 — якобы из-за отсутствия потери трудоспособности, 22 — потому, что заболевание было признано профессиональным. О своем несогласии с решением товарищества в связи с неправильным исчислением заработной платы, установлением степени нетрудоспособности и отказом назначить пенсию заявили 314 рабочих. В 78 случаях товарищество вынуждено было согласиться с рабочими, причем в 25 случаях была назначена пенсия после того, как предварительно в ней было отказано, а в 53 случаях была повышена степень нетрудоспособности. Несогласие рабочих с решениями товарищества можно проследить и по другим поводам. Если в 1914 г. рабочие подали в суд в 10 случаях, то в 1915 г. — уже в 50. Судя по данным на 1916 г., в 22 случаях суд согласился с рабочими, остальные дела к тому времени были в стадии рассмотрения⁴⁷.

Петроградское страховое товарищество, в сферу деятельности которого входили Петроградская, Новгородская, Псковская, Олонецкая и часть Эстляндской губернии, имело в 1914 г. 314,1 тыс. застрахованных рабочих, в 1915 г. — 317,6 тыс., в 1916 г. — 358,3 тыс. Товарищество собирало огромные суммы, которые за 1914—1916 гг. достигли 5,2 млн. руб. Увечных рабочих в 1914 г. было 25,8 тыс., в 1915 г. — 28,2 тыс., в 1916 г. — 28,9 тыс. человек. Основная

масса травм приходилась на временную утрату трудоспособности: в 1914 г. временно нетрудоспособных было 27 307 человек (86,3%), с постоянной утратой трудоспособности — 3469 (13,4%), погибло 72 рабочих (0,3%).

Заявлений от рабочих о назначении пенсий и пособий в 1914 г. поступило 3510, в 1915 г. значительно больше — 5677, но не все из них были удовлетворены. В 1914 г. со стороны рабочих поступило 504 возражения на определения товарищества, в 1915 г. — 1180.

Отчет Петроградского товарищества не содержит указаний на величину пенсий и пособий. В 1916 г. оно выплатило 764,7 тыс. руб., причем пенсии за 1914—1916 гг. составили 463,2 тыс. руб., единовременные вознаграждения — 218,8 тыс. руб., а на лечение было выдано 47,8 тыс. руб. Кроме того, было выдано пособий по болезни 26,3 тыс. руб. (в том числе за первые 13 недель — 10,2 тыс. руб.)⁴⁸.

Из года в год по Петроградскому товариществу увеличивалось число пенсионеров. В 1914 г. их было 604, в 1915 г. — 2203, на 31 декабря 1916 г. — 3729. В 1916 г. среди них было 1389 пожизненных пенсионеров, общая сумма пенсий которых достигала 93,9 тыс. руб. (в среднем по 67—68 руб.), 1869 пенсионеров с переосвидетельствованием и суммой пенсий в 215,5 тыс. руб. (в среднем по 115 руб.), 202 члена семей погибших рабочих с пенсией в 26 тыс. руб. (в среднем по 128—129 руб.). Капитализированные пенсии в 1914 г. составили 160,3 тыс. руб. (примерно на 1222 рабочих), в 1915 г. — 214,9 тыс. руб., в 1916 г. — 218,8 тыс. руб.

За три года товариществу было предъявлено 984 судебных иска на сумму в 1,7 млн. руб. (в капитализированном расчете). Что это означало, можно видеть на примере 1914—1915 гг., когда сумма по 856 искам была равна 1,2 млн. руб. дополнительно к предложенной товариществом по 304 искам сумме в размере 296,7 тыс. руб. В 85 случаях суд удовлетворил требования рабочих полностью, а в 276 случаях — частично. Многие иски находились еще в процессе рассмотрения⁴⁹.

Петроградское страховое товарищество было наследником Петербургского общества взаимного страхования и по его примеру всячески прижимало рабочих. Именно этим объясняется большое количество судебных дел. Петроградское товарищество обвиняло судебные учреждения в отступлении от закона 1912 г., заявляя, что они опираются на необоснованные и некомпетентные заключения экспертов-врачей, не учитывают приспособляемость рабочих к прежней работе, возможность перемены рабочими профессии в будущем и т. д. «Цель страхования — возместить ущерб, причиненный рабочему полной или частичной утратой им трудоспособности вследствие несчастного случая... и представляется недопустимым, чтобы результатом инвалидности явилось улучшение материального положения пострадавшего», — говорилось в отчете товарищества за 1915 г.⁵⁰

Отчет Кавказского страхового товарищества приводит сведения за первую половину 1916 г. Из них видно, что пособия были выданы в 2351 случае в размере 45,2 тыс. руб. (в среднем по 18 руб.), единовременные суммы — в 93 случаях в размере 14 772 руб. (в среднем по 159 руб.), а пенсии назначены в 257 случаях, в том числе по инвалидности — в 243 случаях в размере 21,6 тыс. руб. (в среднем по 88 руб.) и в 14 случаях — членам семей погибших рабочих (10 вдов, 11 детей, 11 родителей) в размере 3,7 тыс. руб.⁵¹

Северо-Западное окружное товарищество (Виленская, Витебская, Минская, Могилевская, Гродненская и Ковенская губернии) имело 63,4 тыс. застрахованных рабочих. В 1915 г. несчастные случаи произошли с 1027 рабочими (в том числе временная нетрудоспособность — 685, постоянная утрата трудоспособности — 197, смерть — 25, не выяснен исход — 120). В том же году товарищество выдало 926 руб. пособий, единовременных выдач — 11,6 тыс. руб., капитализированных пенсий — 86,8 тыс. руб.⁵²

По Поволжскому страховому товариществу (Уральская, Саратовская, Са-

марская, Симбирская, Архангельская, Пензенская и Тамбовская губернии) в 1915 г. произошел 7941 несчастный случай на 111,5 тыс. застрахованных рабочих. Но заявлений о назначении вознаграждений было подано всего 1064, из них по 21-му не было вынесено решения, а в 257 случаях последовал отказ (отсутствие потери трудоспособности, недоказанность несчастного случая и т. д.). По инвалидности в 547 случаях были выплачены единовременные суммы в среднем по 146 руб., в 201 случае назначены пенсии, в том числе по инвалидности — 113 руб., вдовам — по 116 руб., сиротам — по 50 руб., родителям — по 70 руб. годовых⁵³.

По Уральскому округу (Пермская, Оренбургская, Уфимская и Вятская губернии) в 1916 г. было 24,4 тыс. несчастных случаев, но заявлений поступило всего 428, причем из них было удовлетворено только 304. В 27 случаях пенсия была заменена единовременной выдачей на сумму в 5193 руб., по инвалидности было назначено 187 пенсий и 152 пенсии вдовам и детям. Сумма всех пенсий была равна 11,9 тыс. руб. Кроме того, было выдано 212,4 тыс. руб. пособий по болезни в течение первых 13 недель и 13,3 тыс. руб. — начиная с 14-й недели болезни⁵⁴.

За девять месяцев (с 1 июля 1915 г. по 31 марта 1916 г.) Харьковским товариществом было учтено 74,7 тыс. несчастных случаев, из них в горно-заводской промышленности — 57,4 тыс. Но заявлений со стороны рабочих о страховом вознаграждении было подано только 3163, из них в 760 случаях товарищество отказало в удовлетворении. Всего была назначена 1451 пенсия (в том числе в 65 случаях замененная единовременной выдачей), все остальные случаи, по всей вероятности, приходятся на выдачу пособий по болезни, на похороны и на лечение. В числе пенсионеров было 389 родственников погибших рабочих, а все остальные — из числа увечных рабочих, в том числе 431 с переосвидетельствованием. Основная масса пенсионеров приходилась на горнозаводскую промышленность — 1090, а на фабрично-заводскую — 278. В 475 случаях размер пенсии был до 36 руб., в 595 — от 36 до 100 руб., в 241 случае — от 100 до 200 руб., 3 пенсии превышали 500 руб. в год.

За 9 месяцев расход товарищества по всем статьям обеспечения рабочих достиг 699,8 тыс. руб., из них расход на капитализированные суммы составлял 6891 руб. (в среднем на каждый случай по 106 руб.), на пенсии — 116,1 тыс. руб. В то же время расходы на лечение были равны 178,6 тыс. руб., на пособия в течение первых 13 недель — 378,2 тыс. руб. и пособия по истечении 13 недель — 8,3 тыс. руб.⁵⁵.

Обзор деятельности страховых товариществ при всей неполноте сообщаемых ими сведений позволяет сделать некоторые общие наблюдения. Собираемые товариществами страховые взносы составляли от 2,1% (Петроградское, Харьковское) до 2,6% (Поволжское) к сумме зарплаты⁵⁶. Непосредственные расходы на страхование составляли незначительную часть (примерно 20%) собираемых средств, большая доля их расходовалась на содержание аппарата и организационные расходы и особенно на образование пенсионного фонда, составлявшегося в целях обеспечения будущей деятельности товариществ. Расходы на страхование составляли едва 0,5% заработной платы.

Отчетные данные товариществ показали значительный разрыв между числом несчастных случаев и числом поданных заявлений о назначении пенсий и пособий. Так, по Петербургскому товариществу такие заявления составили 20,2% к числу несчастных случаев (5677 и 28 216), по Поволжскому — 13,4% (1064 и 7941), по Одесскому — 12,7% (972 и 7639), по Харьковскому — всего 4,2% (3163 и 74,7 тыс.), по Уральскому и того меньше — 1,8% (498 и 24 406). Фактическое число получаемых пенсий и пособий было еще меньше вследствие отклонения товариществами многих заявлений.

По сведениям фабричной инспекции, под действие закона 1903 г. подпадало примерно 75—80% всех несчастных случаев. Если взять случаи, связанные с постоянной (полной или частичной) потерей трудоспособности, то и они

составляли, по данным за 1904—1912 гг., 11—12% от общего числа несчастных случаев. Объяснять резкое сокращение числа рабочих, получавших пенсии и пособия по закону 1912 г., тем, что обеспечение большинства случаев временной потери трудоспособности по несчастным случаям (если лечение продолжалось меньше 13 недель) ложилось на больничные кассы,— не приходится. Выше было показано, что больничных касс по фабрично-заводской промышленности было организовано немногим больше половины предусмотренного законом количества, а в горнозаводской промышленности создание касс шло еще более медленно, и, таким образом, товарищества значительную часть больных и временно-увечных рабочих обеспечивали сами, что мы и наблюдали по их отчетам.

Такое положение можно проиллюстрировать материалами Харьковского товарищества, собравшего сведения за 1919 г. Оказалось, что в 1918 г. произошло 78,1 тыс. несчастных случаев, т. е. немногим больше, чем, по сведениям товарищества, за период его девятимесячной деятельности, но пенсий было назначено 6554, т. е. намного больше, чем товариществом. При этом были выданы пособия за время болезни в 63,9 тыс. случаях. Пенсии и единовременные выдачи в 1913 г. составили 858,9 тыс. руб., пособия — 968,3 тыс. руб., лечение обошлось в 629,3 тыс. руб. Всего рабочие в 1913 г. получили 2,3 млн. руб., что намного больше, чем было выдано Харьковским товариществом⁵⁷.

Закон 1908 г., как указано выше, сохранял свою силу в тех случаях, когда страховые товарищества не были открыты. В итоге, хотя пособия и пенсии увечным рабочим, выплачиваемые при участии фабричной инспекции в 1914—1915 гг., уменьшились, однако число их продолжало еще сохраняться на высоком уровне. Так, в 1914 г. было выплачено по состоявшимся соглашениям пособий и пенсий 7793 рабочим, в 1915 г. — 5176 рабочим против 11 190 случаев в 1913 г.

Деятельность страховых товариществ в эти годы только развевалась, рабочие не были осведомлены о порядке подачи заявлений, который был довольно сложен, затрудняла развитие операций и обширность территории округов⁵⁸. Все это не могло не сказаться на объеме страхования. Кроме того, во многих случаях действие закона 1912 г. не было полным: существовали больничные кассы, но не приступили к действию страховые товарищества; начали свои операции страховые товарищества, но не на всех предприятиях были открыты больничные кассы. Иначе говоря, в одних случаях действовали правила закона 1912 г., в других — 1903 г. К тому же буржуазия, объединенная в страховые товарищества, по существу, никем не контролируемые, использовала свою силу в целях максимально возможного сокращения расходов по страхованию. Об этом говорят и приведенные выше факты многочисленных отказов в назначении пенсий и пособий, и возражения рабочих на определения товариществ, и многие судебные процессы, возбужденные увечными рабочими.

Закон 1912 г. несколько расширил страхование рабочих по сравнению с законом 1903 г., прежде всего за счет страхования от болезни, но его реализация не была завершена к моменту Февральской революции⁵⁹.

Примечания

¹ См.: Полное собрание законов. III. Т. XXIII. № 23060.

² Труды Общества для содействия русской промышленности и торговле. Ч. 28. Отд. I. С. 2—15; Отд. II. С. 1—6. СПб., 1906.

³ Труды XXX съезда горнопромышленников Юга России. Т. I. Харьков, 1906. С. 3—6; Труды XXXI съезда горнопромышленников Юга России. Т. I. Харьков, 1907. С. 94.

⁴ Журнал Комитета министров во исполнение указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1905. С. 96—97.

⁵ Подробнее см.: А в р е х А. Я. Столыпин и Третья дума. М., 1968. С. 175—196. Представители московской буржуазии на этом совещании Г. А. Крестовников, Е. Е. Классон выступили против обязательного страхования, доказывая, что закон 1903 г. вполне достаточен. Представители польских деловых кругов В. В. Жуковский и М. Н. Люкенбург соглашались с введением обязательного страхования, но при условии, чтобы предприниматели могли пользоваться тем видом страхования, который они сами предпочтут. Наконец, представители петербургских промышленников А. Д.

Триполитов и С. П. Глезмер предлагали, чтобы был установлен переходный период для введения обязательного страхования, в первую очередь для районов со слабо развитой промышленностью. Кроме того, они предлагали $\frac{1}{10}$ расходов страховых товариществ по обеспечению увечных переложить на рабочих, а срок выплаты пособий больничными кассами увеличить до 13 недель против предлагаемых 6 недель. Крестовников и Триполитов возражали против того, чтобы лечение рабочих было возложено на промышленников, считая, что это дело больничных касс.

⁶ Стенографический отчет Особого совещания при Министерстве торговли и промышленности под председательством министра торговли и промышленности Д. А. Filosofova, для обсуждения законопроектов по рабочему законодательству. [Б. м. и г.] Ч. I. С. 17—21, 22—24, 27; Ч. II. С. 1—13 и др.; Приложение. С. 1—7; Материалы по рабочему вопросу № 18. Краткий отчет об Особом совещании, происходившем 14—21 декабря 1906 г. СПб., 1907.

⁷ Государственная дума. Второй созыв: Стенографический отчет. 1907. Сессия II. СПб., 1907. Ч. I. С. 116.

⁸ Нолькен А. М. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев. СПб., 1913. С. 165, 199, 210; Литвинов-Фалинский В. П. Новые законы о страховании рабочих. СПб., 1912. С. 114.

⁹ Если получивший увечье рабочий не пользовался бесплатным лечением, то предприниматель обязан был возместить ему расходы на лечение. Больницы существовали далеко не при всех фабриках и заводах, причем многие из них были весьма примитивны.

¹⁰ Деметьев Е. М. Врачебная помощь фабричным рабочим. СПб., 1899. С. 93; его же. Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 г. СПб., 1909. С. 33.

¹¹ Министерство торговли и промышленности. В Государственную думу. Об обеспечении рабочих на случай болезни. СПб., 1907. С. 32—34.

¹² Степень потери трудоспособности определялась по таблице, утвержденной Министерством внутренних дел. Так, полная потеря трудоспособности признавалась в случае серьезного повреждения черепа и при наступлении слепоты; на 85% — при сотрясении мозга; на 75% — при потере кисти правой руки и т. д. (см.: Русское горное законодательство с разъяснениями/Сост. Г. Г. Савич. СПб., 1905. Ч. I. С. 1153—1157).

¹³ Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. СПб., 1907. С. 175.

¹⁴ В 1913 г. постановлением Совета министров действие закона было распространено на Ленские золотопромышленные предприятия в Иркутской губернии.

¹⁵ См.: Закон 28 июня 1912 г. о вознаграждении пострадавших от несчастных случаев железнодорожных служащих, мастеровых и рабочих. СПб., 1913. С. 2.

¹⁶ Там же. С. 20. 142.

¹⁷ Там же. С. 206.

¹⁸ Открытие больничных касс зависело от владельцев предприятий, которые обязаны были составить устав кассы и предъявить его будущим членам. Разрешение на открытие кассы должны были давать фабричные инспекторы, а если устав был составлен с отступлением от правил — губернские присутствия по делам страхования рабочих. Страховые товарищества учреждались по распоряжению министра торговли и промышленности. Предварительно в каждом округе из владельцев предприятий создавались местные комитеты для выработки устава, который затем рассматривался съездом уполномоченных от владельцев предприятий и поступал на рассмотрение Совета по делам страхования рабочих.

¹⁹ ЦГИА Украины, ф. 575 (окружной фабричный инспектор), 1912—1913, д. 1548, л. 58 об.

²⁰ Маркузон Ф. Д. Статистика социального страхования. Вып. 1. М., 1925. С. 339—340.

²¹ Там же. С. 340.

²² Кирьянов Ю. И. Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917. М., 1971. С. 197.

²³ Известия по делам страхования рабочих. 1916. № 9. С. 137—139; № 10. С. 25—27, 67—70; № 11. С. 41—43.

²⁴ Нолькен А. М. Закон об обеспечении рабочих на случай болезни. СПб., 1914. С. 167—168. 173.

²⁵ Там же. С. 14—15, 134, 152.

²⁶ Деметьев Е. М. Врачебная помощь фабрично-заводским рабочим в 1907 г. С. 8, 9, 16.

²⁷ Его же. Врачебная помощь фабричным рабочим. С. 83, 89.

²⁸ Врачебная помощь на горных заводах и промыслах. СПб., 1907. С. 103.

²⁹ Отчеты и доклады II-му Общему собранию уполномоченных Харьковского окружного страхового товарищества. Харьков, 1915. С. 23—24.

³⁰ Наемный труд в России. Ч. I. М., 1927. С. 130—134; Маркузон Ф. Д. Указ. соч. С. 30, 75.

³¹ Из 10,6 млн. руб. взносы рабочих составили 6,3 млн. руб., а предпринимателей — 4,2 млн. руб. Из последней суммы 765 тыс. руб. (17,2%) пошло на пособия увечным, что резко сокращало возможность оказывать врачебную и другую помощь семьям рабочих. В еще более трудном положении находились больничные кассы при машиностроительных заводах, где несчастные случаи были особенно многочисленны. Так, по больничной кассе при Путиловском заводе взносы администрации в 1914 г. составили 72 072 руб., на выдачу пособий увечным было израсходовано 33 686 руб., т. е. почти 46,7% взносов завода. По первому проекту закона, взносы буржуазии должны были равняться $\frac{1}{2}$ взносов рабочих, что по Путиловскому заводу составило бы 54 054 руб. Увеличение до $\frac{2}{3}$ означало прибавку взносов на 18 018 руб., что покрывало немногим больше половины расходов больничной кассы на выдачу пособий увечным. Примерно такое же положение

- сложилось в больничных кассах Франко-Русского завода в Петрограде, Днепровского металлургического и других заводов (Вопросы страхования. 1915. № 1. С. 12; № 3. С. 11, 14).
- ³² Вигдорчик Н. Теория и практика социального страхования. М.; Пг., 1923. С. 139—143.
- ³³ Сетницкий Н. А. Больничные кассы и заболеваемость рабочих г. Одессы (опыт разработки отчетов больничных касс за 1914 и 1915 годы). Одесса, 1919. С. 15, 17, 24, 27, 37, 39.
- ³⁴ Известия Общества заводчиков и фабрикантов Московского Промышленного района. 1914. № 2. С. 19—20; № 3. С. 20; № 4. С. 19; № 8. С. 29—30, 31—32.
- ³⁵ Черный Б. О. Материалы по рабочему вопросу и промышленности г. Киева (1914—1917) // Труды Киевского губернского статистического бюро. Вып. 1. Киев, 1919. С. 128—129, 131.
- ³⁶ См.: Вопросы страхования. 1915. № 1. С. 2, 3, 12; № 2. С. 12; № 3. С. 10—11, 14; № 6. С. 6—7; № 11. С. 11—12.
- ³⁷ Больничные кассы при фабрике компании Богородско-Глуховской мануфактуры: Отчет за 1915 год. М., 1916. С. 5.
- ³⁸ Нолькен А. М. Закон об обеспечении рабочих на случай болезни. С. 24, 132, Касса Богородско-Глуховской мануфактуры приняла решения о выдаче пособий одиноким рабочим в размере $\frac{2}{3}$ заработка и о выдаче пособий участникам кассы, которые не выходили на работу в связи с болезнью детей. 13 июня 1914 г. эти решения были отменены Московским губернским присутствием как не согласующиеся с законом. Обращение кассы в Совет по делам страхования рабочих не дало результата (Известия Совета по делам страхования рабочих. 1914. № 11. С. 108—109).
- ³⁹ Отчет больничной кассы при фабрике акционерного общества Балтийской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры в г. Ревеле за 1915 год. Ревель, 1916. С. 7.
- ⁴⁰ Больничная касса № 28 при Русско-Балтийском заводе в г. Риге. Отчет с 9 мая по 31 декабря 1914 г. Рига, 1915. С. 9—10.
- ⁴¹ Страхование рабочих в России и на Западе/Под ред. Б. Г. Данского. Вып. 2. Т. 1. М., 1924. С. 18, 32.
- ⁴² Краткий свод отчетов окружных страховых товариществ за 1914 год, открывших свои действия в том же году. СПб., 1915. С. 40—41.
- ⁴³ Архангельское, Волжское судоходное, Кавказское, Киевское, Одесское, Петроградское, Поволжское, Прибалтийское и Харьковское товарищества (Труды ЦСУ. Вып. 2. Т. VII. Статистический сборник за 1913—1917 гг. М., 1922. С. 22).
- ⁴⁴ Краткий свод отчетов окружных страховых товариществ. С. 40—41. Тарифы сборов с разных производств были не одинаковы. Так, например, по Киевскому товариществу они колебались в зависимости от степени опасности от 1 руб. 40 коп. с 1 тыс. руб. до 61 руб. 80 коп. Такая же градация тарифов имела место и по другим товариществам (Известия Совета по делам страхования рабочих. 1915. № 6. С. 11; № 7. С. 40—41, 90).
- ⁴⁵ Статистика несчастных случаев по Поволжскому страховому округу за 1915 год. Саратов, 1917. С. 76; Денежный отчет Киевского окружного страхового общества за 1915 отчетный год. Киев, 1916. С. 8 и след.; Кавказское страховое товарищество. Обзор деятельности за первое полугодие и доклады общему собранию 27 ноября 1916 года. Баку, 1916. С. 11; Отчет и доклады Уральского страхового товарищества IV Общему собранию уполномоченных. Екатеринбург, 1917. С. 47; Отчет о деятельности Одесского товарищества для страхования рабочих от несчастных случаев за 1915 год. Одесса, 1916. С. 108, 115; Петроградское окружное страховое товарищество (страхование рабочих от несчастных случаев по закону 23 июня 1912 г.). Пг., 1917. С. 91—92; Отчет Архангельского окружного страхового товарищества за 1915 год. Архангельск, 1917. С. 12—13; Доклады 3-му Общему собранию уполномоченных Харьковского окружного страхового товарищества. Харьков, 1916. С. 24—25.
- ⁴⁶ Отчет Архангельского окружного страхового товарищества за 1914 г. Архангельск, 1915; то же за 1915 г. Архангельск, 1917.
- ⁴⁷ Отчет о деятельности Одесского товарищества для страхования рабочих от несчастных случаев за 1915 год (год 2-й). Одесса, 1916. С. 43, 44, 61.
- ⁴⁸ Выплаты в течение первых 13 недель имели также место в Одесском, Уральском и Харьковском товариществах.
- ⁴⁹ Петроградское окружное страховое товарищество (страхование рабочих от несчастных случаев по закону 23 июня 1912 г.). 1914. Отчет о деятельности. Финансовый отчет. Пг., 1915. С. 51, 53, 63, 87, 88, 130; то же. Второй год действия. Пг., 1916. С. 68, 147; то же. Третий год действия. Пг., 1917. С. 28, 42, 91; Материалы по статистике труда Северной области. Вып. I. Пг., 1918. С. 44—51.
- ⁵⁰ Извлечения из отчета о деятельности в 1915 году Петроградского окружного страхового товарищества по страхованию рабочих от несчастных случаев на основании закона 23 июня 1912 г. [Б. м. и г.]. С. 3, 4, 21.
- ⁵¹ Кавказское окружное страховое товарищество. Обзор деятельности за первое полугодие и доклады общему собранию 27 ноября 1916 года. Баку, 1916. С. 19, 21.
- ⁵² Отчет Северо-Западного окружного страхового товарищества за первый год деятельности. Вильно, 1915. С. 123, 127.
- ⁵³ Статистика несчастных случаев по Поволжскому страховому округу за 1915 год (первый). Саратов, 1917. С. 49, 50, 54, 55, 67.
- ⁵⁴ Отчет и доклады правления Уральского окружного страхового товарищества IV-му Собранию уполномоченных. Екатеринбург, 1917. С. 31, 32, 46.

⁵⁵ Доклады III-му Общему собранию уполномоченных Харьковского окружного страхового товарищества (26 мая 1916 г.). Харьков, 1916. С. 5, 9, 10, 12, 19.

⁵⁶ Маркузон Ф. Д. Указ. соч. С. 349.

⁵⁷ Отчет и доклады II-му Общему собранию уполномоченных Харьковского окружного страхового товарищества (1915 г.). Харьков, 1915. С. 78—85, 95.

⁵⁸ После составления свидетельства о несчастном случае потерпевший имел право в течение 2 лет направить заявление (по терминологии закона, требование) о назначении страхового вознаграждения в страховое товарищество, которое было обязано в течение месяца письменно сообщить свое предварительное решение. В свою очередь рабочий, если он не был согласен с решением товарищества, имел право в течение 2-месячного срока представить свои возражения. Если таковых не последовало, то предварительное решение товарищества считалось окончательным. По получении возражения потерпевшего товарищество обязано было рассмотреть его в течение месяца в присутствии просителя (неприсутствие рабочего или его уполномоченного не приостанавливало рассмотрения дела) и принять окончательное решение. В случае своего несогласия рабочий имел право обратиться в суд (ст. 47, 52—55).

⁵⁹ После Февральской революции закон 1912 г. оставался в силе, при этом была расширена сфера его действия (закон был распространен на все предприятия с числом рабочих от 5 человек и больше, в том числе на строительные и ремесленные заведения) и изменены некоторые условия обеспечения рабочих (взносы предпринимателей в больничные кассы были уравнены со взносами рабочих, оплата увечных рабочих в течение 13 недель была снята с касс и перенесена на страховые товарищества, увеличены пособия одиноким до $\frac{2}{3}$ заработка и т. д.).

БЕЛАЯ РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА НА ЮГЕ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

История разведывательных и контрразведывательных операций времен Гражданской войны пока еще не написана. По многим причинам «победители» не были заинтересованы в правдивой картине событий. Историки отмалчивались, а писатели и кинематографисты изображали гуманных чекистов и злодеев-белобандитов. В то же время и антибольшевистские эмигрантские публикации редко касались этих вопросов, а если и касались, то, как правило, были очень лаконичны, особенно когда речь шла о белой агентуре у большевиков: мемуаристы имели основания опасаться за судьбу своих бывших соратников, оставшихся по разным причинам в Советской России.

Тема данной статьи — разведка и контрразведка Юга России, пожалуй, главного поля битвы той войны, региона, где белая администрация существовала в наиболее «классической» форме. Речь пойдет прежде всего о структуре и организации деятельности этих учреждений, их роли в военно-политической системе белой диктатуры с конца 1917 по начало 1920 г.

Российская империя не имела единой системы органов разведки и контрразведки. Поражение в войне с Японией 1904—1905 гг. привело к некоторым позитивным переменам: были учреждены Особое делопроизводство при Главном управлении Генерального штаба для контроля за вербовкой и деятельностью секретных агентов, Статистическое делопроизводство — для систематизации агентурной информации. Были предприняты попытки координации контрразведывательной деятельности штабов военных округов и губернских жандармских управлений. Во время Первой мировой войны возникли контрразведывательные отделения в составе особых частей Ставки Главковерха, фронтовых и армейских штабов. Русская контрразведка добилась несомненных успехов в раскрытии вражеской агентуры, как, впрочем, и в распространении «шпиономании», особенно в столичных городах и прифронтовых районах¹.

Как известно, вскоре после взятия большевиками власти в Петрограде была захвачена и Ставка Верховного Главнокомандующего. Начинаящееся на Юге России антибольшевистское движение вынуждено было формировать свои разведывательные и контрразведывательные органы заново, без какой-либо формальной преемственности с ранее существовавшей системой. Правда, в Добровольческой армии было два бывших Главковерха — генералы М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов, имелись талантливые генштабисты и полевые командиры, сумевшие наладить армейскую секретную службу. Еще до Октябрьского переворота генерал Алексеев сформировал в Петрограде несколько тайных офицерских организаций. Перебравшись на Юг, они стали как бы зародышем аппарата будущей Добровольческой армии².

Почти за весь первый год существования Добровольческой армии в ней не

* Бортневский Виктор Георгиевич, главный редактор российско-американского историко-документального альманаха «Русское прошлое».

Автор глубоко благодарен за помощь в подготовке данной работы Программе исследований международной безопасности Йельского университета и Программе «Титул-8» Госдепартамента США за предоставленную возможность изучения документов Архива Гуверовского института войны, революции и мира.

было какого-либо формального разделения функций разведки и контрразведки. И та, и другая имели одни и те же задачи: вербовка в армию на добровольной основе, получение надежной информации о политических и военных событиях в стране, поддержание контактов с представителями стран Антанты в России и, конечно же, раскрытие стратегических и тактических планов красного военного командования. На практике, впрочем, названные функции часто проводились в жизнь одними и теми же людьми. Многие авторитетные и способные к секретной деятельности офицеры и генералы командировались в различные города и местности страны, посылались, как правило, на свой страх и риск, без какой-либо помощи и поддержки со стороны армии. Поэтому результаты их работы в большей степени определялись волей случая, нежели личными качествами³.

Некоторое представление о вышесказанном может дать история гвардейского подпоручика Н. Ф. Сигиды, выполнявшего ответственную разведывательную и контрразведывательную работу на Дону, куда он бежал из Петрограда в ноябре 1917 г. Получив секретное задание штаба формирующейся Добровольческой армии, Н. Ф. Сигида остался в Таганроге, когда его захватили большевики. Один из членов Донского Совнаркома — комиссар финансов Е. И. Болотин — был приятелем Сигиды по Коммерческому училищу. Он-то и провел однокашника на должность члена Коллегии при комиссаре по военным делам. Занимаясь «организацией отпора контрреволюции», Сигида сделал все, чтобы на деле парализовать местное военное управление, играл на алчности новых правителей, их пристрастии к разгульной жизни. Регулярно посещал он и заседания Донского СНК, встречался со столь влиятельными деятелями советской власти, как Г. К. Орджоникидзе, Ф. Г. Подтелков, А. И. Автономов. И Сигида вовсе не был агентом-одиночкой. «Наши разведчики имели доступ всюду, — вспоминал он в 1925 г. в не предназначавшихся для публикации мемуарах. — Тайная организация полковника Орлова и разведка, оставленная на местах Добровольческой армией, снабдила своими членами все советские учреждения в достаточной мере. Начиная от милицеских участков и кончая наркомом разведка имела свои глаза и уши, и Центр наш всегда был благодаря этому в курсе событий. Наши агенты, будучи на службе у большевиков, занимали у них места от милиционера до наркома включительно»⁴.

Арестованный большевиками накануне немецкой оккупации, Сигида сумел бежать из заключения и присоединился к отряду полковника М. Г. Дроздовского, который через Таганрог шел на присоединение к Добровольческой армии. Несмотря на последовательную союзническую ориентацию полковника Дроздовского, разведывательная часть отряда во главе с ротмистром Бологовским поддерживала неформальные, главным образом личные, контакты с отдельными германскими военачальниками, не скрывавшими своей антипатии к большевикам и советской власти. После занятия Ростова полковник Дроздовский поддерживал просьбу немцев об оказании им помощи в охране порядка и выявлении большевистских агентов: контрразведывательный пункт выделил им двух бывших ранее на секретной службе офицеров, в том числе и Н. Ф. Сигиду. В свою очередь германские оккупационные власти снабдили их подписанными бланками на аресты, куда оставалось лишь вписывать необходимые имена; гарантирована была и помощь со стороны немецких патрулей.

Таким образом, Сигида перешел от разведывательной к контрразведывательной деятельности, причем более близкой к политическому сыску, чем к военной контрразведке. Правда, в отличие от дореволюционной жандармерии эта работа, как и большевистские ЧК, соединяла в себе и сыск, и следствие, и суд, и, наконец, исполнение приговора. «Все разбирательство длилось не более суток, через какой срок арестованный, кто бы он ни был, или освобождался, снабженный соответствующим документом, или расстреливался, — вспоминал он. — Другого наказания мы не имели, а в разбирательствах были крайне осторожны. (...) Строгость и скорость присуждения вызывались следующими соображениями: вредное никогда не может стать полезным, во-первых; взявший одно око должен заплатить за

него двумя, во-вторых; и что самый лучший способ лечения — хирургический, в-третьих. Вот наши способы работы, ибо вкусивший власть всегда будет стремиться к ее достижению, а достигнув, возобновить старое. Мертвые же пока что не воскресают, а следовательно, и не опасны»⁵.

Деятельность Сигиды продолжалась вплоть до конца мая 1918 г. Она вызвала многочисленные жалобы со стороны левой меньшевистской интеллигенции. В конце концов германский комендант г. Ростова вынужден был отобрать подписанные бланки на аресты и запретить расстрелы. При этом, правда, он заявил: «Это я должен сделать официально. <...> Такова политика. Но неофициально скажу. В ваши дела вмешиваться не буду. Делайте осторожно и только»⁶.

В организации разведки и контрразведки в 1918—1919 гг. большую роль сыграла сеть местных центров Добровольческой армии. 21 мая 1918 г. генерал М. В. Алексеев утвердил проект создания политических центров в главных городах России. Проект приказа был представлен генералом Штенгелем с целью пропаганды лозунгов Добровольческой армии, привлечения в нее (а не в иные антибольшевистские военные формирования) новых офицеров и солдат, оставшихся не у дел после демобилизации старой армии, а также с целью организации разведки и контрразведки. Сам генерал Штенгель возглавил Таганрогский центр, территория коего простиралась от Таганрога до Бердянска. Он опирался на Союз военных инвалидов и Общество взаимного кредита с 54 местными отделениями. Центр был связан с различными политическими партиями и группами, достиг немалых успехов в сборе средств для Добровольческой армии. Дважды в месяц отчеты Таганрогского центра направлялись в Особую часть Штаба армии, в которой тогда было сосредоточено руководство контрразведкой⁷. Вскоре аналогичные по своей сути центры организовываются в Харькове, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Чернигове, Полтаве, Николаеве, Херсоне, Могилеве, Кисловодске, Тифлисе, Сухуме, а также в Крыму и Сибири. Почти все они возникли на базе тайных офицерских организаций, многие из коих и ранее поддерживали связи со Штабом Добровольческой армии. Мы располагаем сведениями о 26 руководителях этих центров. Среди них 3 полных генерала, 6 генерал-лейтенантов, 1 вице-адмирал, 12 генерал-майоров и 14 полковников Генерального штаба, в том числе Бредов-старший, Ненюков, Ломновский, Шиллинг, Штейфон, Боде, Агапеев, Лебедев, Флуг, фон Лампе⁸.

Любопытно, что формальный приказ и положение о сети центров Добровольческой армии были подписаны лишь 10 октября 1918 г. Приказ утверждал штаты центров, включая должности начальников контрразведки и агентов. Начальники центров являлись официальными представителями Главнокомандующего в соответствующих районах. Отметим, что весной 1918 г. все доклады центров направлялись только непосредственно начальнику штаба, позднее — также в Военно-политический отдел, Политическую канцелярию Особого совещания, Разведывательное отделение и Особую часть Штаба Главнокомандующего Добровольческой армии⁹.

Киевский центр с весны 1918 по осень 1919 г. действовал в самых разнообразных условиях: во время гетманства Скоропадского и германской оккупации, под властью Директории и при большевиках. Причем в последние недели правления Скоропадского он даже был легализован. Политический отдел центра был организован на базе шульгинской «Азбуки», так что полковник Генерального штаба В. П. Барцевич, начальник отделения «Азбуки» в Киеве, являлся и начальником Киевского центра.

Именно Киевский центр стал инициатором создания Национального объединения, куда вошли по персональному принципу антибольшевистские политические деятели — от меньшевиков-«оборонцев» до октябристов и националистов. Наряду с этим центр, придерживаясь строгой конспирации, занимался разведывательной деятельностью. Его агенты занимали ответственные посты в различных советских административных и военных учреждениях, имели доступ к строго секретным документам и умело саботировали политику

советской власти. Кроме того, Киевский центр пытался, правда, без особого успеха, координировать и поддерживать другие центры Добровольческой армии на территории Малороссии. Нельзя не отметить, что Киевский центр так и не смог наладить постоянную, быструю и прямую связь с командованием Добровольческой армии и Вооруженными силами Юга России (ВСЮР), находившемся в Екатеринодаре, а затем в Таганроге ¹⁰. Некоторым агентам центра удалось, правда, подняться на весьма высокие посты в Красной Армии и сыграть значительную роль в ее ослаблении ¹¹.

Харьковский центр добился успехов не только в получении секретной информации, но и в подготовке антибольшевистского выступления в городе накануне занятия его Добровольческой армией. Начальник центра полковник Двигубский занимал должность помощника командующего Украинским фронтом В. А. Антонова-Овсеенко и представлял свои доклады непосредственно самому Троцкому! Посланный инспектировать советские войска в Крым и Одессу, он сумел добыть ценнейшие разведывательные данные. Кроме того, пытаясь отвлечь внимание командования Красной Армии от Донбасса, где положение белых было крайне тяжелым, он предпринял ряд мер, чтобы в интересах «мировой революции» спровоцировать наступление советских войск на Румынию. Опираясь на агентуры центра, ему удалось инспирировать публикации в печати о «классовом долге пролетариата России». Подготовленный им оперативный план вторжения был представлен на рассмотрение высшего советского военного командования и получил одобрение. Разумеется, в ходе самого «революционного марша» в мае 1919 г. Двигубский сделал все возможное, чтобы предотвратить успех. Как только Добровольческая армия вошла в Харьков, полковник Двигубский был назначен начальником Харьковского центра Разведывательного отделения Штаба ВСЮР ¹².

Небезызвестно, что многие идейные противники большевиков занимали видные должности в советском аппарате и военном командовании. Не все, но многие из них пошли на эту службу прежде всего с целью саботажа советской политики. Разумеется, это вовсе не значит, что все они были «белыми агентами» или даже имели какие-то эпизодические связи с подпольными организациями и разведывательными службами. Задача местных центров Добровольческой армии как раз и состояла в том, чтобы объединить усилия различных людей в разных учреждениях ради общего дела. Приведу два крайне интересных примера разведывательной деятельности в тылу большевиков: первый — осуществлялся агентом, направленным в Москву непосредственно из Штаба Добровольческой армии, второй же — явился результатом личной инициативы нескольких одесских подростков.

В марте 1918 г. в Москву по заданию Добровольческой армии прибыл Аркадий Альфредович Борман. Его мать, А. В. Тыркова, пользовалась авторитетом в кругах московской и петербургской интеллигенции (многие представители которой в то время работали в качестве «спецов»), входила в состав Центрального комитета кадетской партии, а кроме того, была гимназической подругой Н. К. Крупской. Благодаря столь обширным связям и прежде всего своим экстраординарным способностям к перевоплощению 27-летний Борман за короткое время сумел стать своим человеком на самых высоких ступенях советской иерархической лестницы. Он был назначен заведующим отделом внешней торговли и исполняющим должность наркома торговли Советской России, участвовал в заседаниях Совнаркома, входил в состав делегации на проходивших в Курске и Киеве переговорах о государственной границе с Украиной. Позднее, в начале 20-х гг., он составил воспоминания о своей секретной миссии и передал их на хранение в Русский заграничный Исторический архив в Праге ¹³. Мемуары, повторяю, не предназначались для печати, но тем не менее автор не посчитал нужным раскрывать профессиональные детали и технические секреты своего ремесла, опасаясь, очевидно, что любая утечка информации может погубить его соратников, которые остались в Советской России. Коллекции Пражского архива, как известно, попали в 1945 г. в Москву. Борман же подготовил обновленную версию мемуаров и передал Бахметьевскому архиву Колумбийского университета в Нью-Йорке, не

добавив при этом ничего нового о своей московской миссии¹⁴. В изданной же им в 1964 г. книге при обилии информации о Гражданской войне он вообще не упомянул ни слова о столь памятном эпизоде своей жизни¹⁵. В то же время и советские публикации хранили молчание. Пожалуй, лишь в «Красной книге ВЧК», опубликованной в 1920 г. и переизданной через 69 лет, есть глухое упоминание М. Я. Лациса об этом: «...они (контрреволюционеры.— В. Б.) приобретают своего осведомителя в Кремле, в кругу Совнаркома, из близких ему стоявших людей»¹⁶.

В своей повседневной жизни в Кремле Аркадий Борман тесно общался со столь известными большевиками, как Христиан Раковский, Дмитрий Мануильский, Юрий Ларин, Леонид Красин, Михаил Бронский. Он был лично представлен самому Ленину. В своих воспоминаниях Борман приводит уникальную информацию о кремлевском быте и механизме принятия большевиками политических решений. Особо ценны сведения о панике в советском руководстве во время выступления левых эсеров 6 июля и высадке союзников в Архангельске в начале августа 1918 г.¹⁷ Кстати, записки Бормана до сих пор являются единственным источником о заседании Совнаркома 2—3 августа 1918 г., на котором Ленин объявил, что положение советской власти безнадежно, и призвал «хлопнуть дверью», т. е. усилить террор против буржуазии.

В конце августа 1918 г. Аркадий Борман, предупрежденный о неминуемом аресте, бежал из Москвы. В сентябре он нелегально перешел финскую границу и никогда больше не возвращался на родину. Можно только предположить, сколь обширна и ценна была информация, передававшаяся им в Штаб Добровольческой армии.

Уникальные сведения об антибольшевистском подполье в Одессе содержатся в воспоминаниях некоего Жоржа Белого, написанных в 1928 г. и также попавших в Пражский архив¹⁸. 26 марта 1919 г., как только большевики заняли Одессу, автор вместе со своим однокашником по гимназии Николаем Фесенко решил организовать партизанский отряд. Через неделю в нем было уже не два, а двадцать восемь хорошо вооруженных человек. Почти все они ранее входили в секретные организации — Братство Сатаны и Союз русских людей. Первая из них действовала в 1915—1917 гг. и отличалась таинственными обрядами и жестокими ритуалами, включая и самоубийства по жребию. Вторая организация, созданная в 1918 г., имела явно антисемитский характер. Именно члены Союза русских людей помогли связать руководство отряда с Новороссийским контрразведывательным пунктом, а через него с разведывательным отделением Штаба ВСЮР.

Одесский партизанский отряд осуществил несколько громких и удачных покушений на жизнь местных большевистских руководителей, а также постоянно добывал секретную информацию. Но и чекисты не бездействовали... После нескольких арестов Белый и Фесенко покинули Одессу и под чужими документами вступили в 39-й Советский полк. Этим полком, состоявшим в основном из евреев, командовал легендарный одесский вор Мишка Япончик. Вскоре друзья стали ротными командирами и сделали все возможное для полной дезорганизации полка. Вернувшись в Одессу с приходом туда Добровольческой армии, они пытались содействовать органам контрразведки в выявлении большевистских элементов, но... столкнулись с бюрократической рутинной и чудовищной коррупцией.

Загадочное убийство полковника Кирпичникова, начальника контрразведывательного отделения Штаба командующего войсками Новороссийской области, нашло отражение в исторических источниках¹⁹. Однако лишь записки Белого сообщают детали этого события, и не удивительно — ведь они написаны самим убийцей! Бывшие члены Одесского партизанского отряда буквально завалили Кирпичникова информацией о видных большевиках, которые нелегально или даже легально находились в Одессе. Однако ожидаемых арестов не последовало, более того, близкие родственники партизан были задержаны контрразведкой и с особой жестокостью допрошены. Кирпичников, по всей очевидности, более заботился о своем материальном достатке, чем о престиже службы. В конце концов, в ночь на 14 января 1920 г. его автомобиль был остановлен четырьмя вооруженными людьми в военной форме, а завершающую точку поставил выстрел Жоржа Белого...²⁰.

Организация военной разведки и контрразведки белого Юга складывалась постепенно, в зависимости от конкретной военно-политической ситуации. Спецслужбами занимались соответствующие структуры военных штабов: отделы, отделения, части — в зависимости от уровня вооруженных формирований. Во главе разведки находилось разведывательное отделение Штаба Главнокомандующего Добровольческой армии (затем — Вооруженных Сил на Юге России). В соответствии с официальными инструкциями оно занималось выявлением и анализом информации о предполагаемых военных операциях противника, военном и политическом руководстве, настроениях различных групп населения ²¹.

В первые месяцы существования Добровольческой армии отсутствовали специальные структуры, ведавшие контрразведкой — ее, как и разведку, осуществляло разведывательное отделение Штаба. Реорганизация армии после Первого Кубанского похода весной 1918 г., образование и расширение территории, контролируемой добровольческим командованием (в результате Второго Кубанского похода, а также крупных успехов на Северном Кавказе) привели к необходимости укрепления военно-административной системы с целью противодействия большевистской диктатуре. В этих условиях именно контрразведка должна была получать необходимую информацию о прямых и косвенных противниках власти, раскрывать заговоры и, в конце концов, способствовать политической стабилизации. В результате военная контрразведка, которая ранее боролась с внешним врагом, приобрела полицейский характер, оставшись между тем частью военного аппарата, но уже с широкими государственными функциями, став, по сути, военной диктатурой.

В начале Второго Кубанского похода был организован также Военно-политический отдел Добровольческой армии. Он был независим от Штаба армии и подчинялся непосредственно генералу Алексееву. Как известно, в соответствии с подписанным соглашением последний отвечал за политические, гражданские и финансовые дела, а генералу Деникину, находившемуся со своим штабом на фронте, было полностью отдано военное командование. В реальной жизни, однако, Военно-политический отдел во главе с полковником Генерального штаба Я. М. Лисовым постоянно вмешивался в сферу Штаба армии, запрашивая секретную информацию от местных центров и иных учреждений с контрразведывательными функциями ²². Лишь после образования Особого совещания и смерти генерала Алексеева Военно-политический отдел был расформирован, а его функции распределены между Штабом Главнокомандующего и соответствующими структурами Особого совещания. Тогда же было учреждено и контрразведывательное отделение. Как и ранее (в условиях Первой мировой войны) руководство контрразведкой было сосредоточено в Управлении генерал-квартирмейстера Штаба Главнокомандующего, а на местах — в аппаратах штабов и обер-квартирмейстеров ²³.

Правление генерала Деникина представляло собой разновидность военной диктатуры снизу доверху. Гражданская администрация была организована в соответствии с военными канонами, а «первыми лицами» на местах всегда были военачальники: сначала — военные губернаторы с их помощниками по гражданским делам, затем — главноначальствующие областей, начальники губерний и начальники уездов. Казалось бы, эта система должна была способствовать консолидации и упрощению государственного аппарата, но на деле она лишь привела к невообразимому хаосу, росту бюрократии и постоянному соперничеству между чиновниками различных ведомств ²⁴. И это особенно ярко видно на примере управления разведкой и контрразведкой.

Как отмечалось выше, имелись разведывательное отделение Штаба Главнокомандующего и контрразведывательное отделение Управления генерал-квартирмейстера Штаба (с соответствующими структурами в нижестоящих военных штабах). Однако работу контрразведывательного и разведывательного характера осуществляли и многие другие учреждения...

Так, весьма широки были функции Освага — Осведомительного агентства при

Дипломатическом отделе Особого совещания (с февраля 1919 г. — Отдела пропаганды), имевшего весьма разветвленную сеть местных органов со штатом более 10 тыс. сотрудников²⁵. В Осваге имелось секретное отделение или бюро секретной информации. Его сотрудники собирали конфиденциальные сведения о различных партиях и организациях, общественной и личной жизни их руководителей, а также высоких гражданских и военных чинов, пытались не только анализировать текущие события, но и прогнозировать их развитие²⁶.

Особая часть Штаба Главнокомандующего занималась некоторыми аспектами военной пропаганды, в частности информацией об освобождаемых от красных территориях, дезинформацией красного командования, подготовкой сводок военных новостей для передачи в прессу²⁷. Общим же руководством разведкой и контрразведкой вне зоны военных действий ведала часть (затем — отдел) Генерального штаба Военного и Морского управления при Главнокомандующем. В марте 1919 г. это управление было разделено на Военное и Морское с сохранением за обоими «руководящих» функций²⁸.

Работа контрразведки также пересекалась (а порой и вступала в противоречие!) с органами Государственной стражи Управления внутренних дел при Главнокомандующем. В сентябре 1919 г. 20 бригад Государственной стражи насчитывали 77 393 чиновника, т. е. около половины общей численности фронтовых и тыловых регулярных войск!²⁹ Наряду с охранно-полицейскими подразделениями в систему Государственной стражи входили и уголовно-следственные структуры. Кроме того, в губерниях были учреждены уголовно-розыскные управления, занимавшиеся как уголовными, так и политическими делами. Во главе этих органов были поставлены бывшие помощники прокуроров окружных судов, а также «уважаемые и энергичные» офицеры жандармерии и контрразведки (при этом обязательным был их уход с военной службы). В соответствии с принятым Положением чиновники, расследовавшие политические дела («государственные преступления») имели некоторые служебные привилегии по сравнению с теми, кто вел обычные уголовные расследования³⁰. Конечно, не стоит объяснять, как сложно было в условиях Гражданской войны провести грань между обычной уголовщиной и подпольной деятельностью политических противников.

Важнейшие разведывательные функции выполняла также организация «Азбука». В отличие от других секретных служб она была создана по частной инициативе (В. В. Шульгина) и, официально так и не став структурной единицей административного аппарата белого Юга, играла значительную роль в политической жизни, находясь в эпицентре постоянного соперничества за влияние на формирование и проведение правительственного курса³¹.

В этой статье автор рассматривает только учреждения Добровольческой армии и находившиеся на территории, подчиненной Главнокомандующему ВСЮР. Но в реальной жизни обыватели, как и гражданские чиновники, и военно-служащие белого Юга, имели дело с организациями различной подчиненности, включая и соперничавшие между собой секретные службы.

Казачество Юга России (донское, кубанское, терское) также имело свои собственные разведывательные и информативные органы, подчинявшиеся войсковым атаманам, правительствам и местным властям, но не зависимые от Главнокомандующего Добровольческой армии и ВСЮР. Первые такие учреждения возникли еще осенью 1917 г.

На Украине, в Крыму, на Северном Кавказе и в Закавказье положение было еще более запутанным. Так, при гетмане Скоропадском насчитывалось не менее 18 различных разведывательных и контрразведывательных организаций, которые, как отмечалось в одном из отчетов «Азбуки», «главным образом следили друг за другом». Даже секретные части находившихся в Киеве проденикинских военных формирований не имели при этом прямой связи со Штабом Добровольческой армии. Похожая картина наблюдалась и в занятой французами Одессе: наряду с контрразведкой, подчинявшейся командованию ВСЮР, там располагались Международное информационное бюро подполковника Тишевского, Информационное

бюро генерала Глобачева, Информационное бюро газетных работников, контрразведка Русско-германского Союза монархистов-христиан во главе с капитаном Виноградовым и ротмистром Вачнадзе, контрразведывательная часть Штаба генерала Шварца, а также чины контрразведки Украинской директории³².

В своей практической деятельности контрразведывательные органы ВСЮР постоянно соприкасались и с соответствующими учреждениями казачьих войсковых правительств, подведомственные которым территории имели автономию и не входили в сферу управления Главнокомандующего. «По-видимому, каждый администратор, занимающий даже второстепенную должность и имеющий контроль над секретными суммами денег, создает свою собственную контрразведку, — отмечалось в секретном докладе генералу Деникину. — Функции этих контрразведок чрезвычайно разнообразны. Мешая друг другу, все эти учреждения препятствуют порядку и процветанию. Они подрывают авторитет как власти, так и военных»³³.

В Архиве Свято-Троицкого монастыря Русской Зарубежной Православной Церкви мне удалось обнаружить замечательные документы двух конкурирующих контрразведывательных служб: ВСЮР и Кубанского правительства. Секретные донесения о военно-политической ситуации и тяжелых конфликтах между различными антибольшевистскими силами проливают дополнительный свет на предысторию так называемого «Кубанского действия» — акции Главного командования ВСЮР по изменению политических установлений на Кубани, которая, имея чисто внешний и кратковременный эффект, не только не уничтожила самостийничество, но еще более углубила противоречия и разногласия с кубанцами³⁴.

Достаточно хорошо известно о многочисленных фактах работы большевистской агентуры в белой контрразведке. Коррупционность же ее чинов стала просто «притчей во языцех». Интересно писал по этому поводу генерал К. И. Глобачев, бывший начальник Петроградского охранного отделения: «В сфере офицерства, выброшенного на улицу, в это время начинает вырабатываться весьма недостойный тип агента политического и уголовного розыска, который в большинстве случаев, не имея под собой никакой идейной подкладки, является просто профессией. Впоследствии этот тип перерабатывается в контрразведчика для белого движения и чекиста для красного. Многим из такого рода агентов полная беспринципность позволяет в равной степени служить обеим сторонам и продавать ту, которая в данный момент менее опасна и выгодна. Это — так называемые дублеры. Таким образом создавались целые контингенты офицеров-контрразведчиков, которые своим поведением позорили контрразведывательные органы белого движения во время Гражданской войны»³⁵. Подобные заключения разделялись многими участниками событий. «Гражданская война, — вспоминал поручик П. И. Кузнецов, — изменила у многих взгляды и выработала особый тип офицера, который мог зародиться только в такое жестокое время, когда все человеческое исчезает и выплывают на поверхность только звериные инстинкты и обе враждующие стороны соперничают одна перед другой в жестокости...»³⁶.

Генерал А. И. Деникин остерегался привлекать к контрразведывательной службе бывших жандармских офицеров. Так, столь высококвалифицированный эксперт политического сыска, как генерал К. И. Глобачев, находясь в 1918 г. в Киеве, был начальником Державной варты (Департамента охраны) при гетмане Скоропадском, руководил контрразведывательной частью штаба бригады генерала Кирпичева, считавшейся формированием Добровольческой армии. Однако все его попытки продолжить ту же деятельность в Штабе генерала Деникина были безоговорочно отвергнуты. О нем вспомнили только в конце 1919 г., в условиях развала армии и особенно ее контрразведки, но теперь уже он не захотел принимать запущенное другими дело... Правда, в январе 1920 г., после убийства полковника Кирпичникова, Глобачев все же согласился принять должность начальника контрразведывательного отделения Штаба командующего войсками Новороссийской области (как оказалось, лишь на 10 дней — из-за последовавшей вскоре трагической эвакуации Одессы)³⁷.

Главное командование ВСЮР было достаточно хорошо информировано о недостатках своей контрразведки, поэтому необходимость ее реорганизации была вполне очевидна. В числе различных проектов реформ контрразведывательной службы нельзя не обратить внимание на записку А. А. Хвостова «О мерах к усилению борьбы с внутренним большевизмом», составленную в г. Ростове 8 сентября 1919 г.

«Институт контрразведки в том виде, в каком он ныне существует в Добровольческой армии, совершенно не достигает своей цели,— заключал автор.— Он терроризирует тех, на кого Добровольческая армия могла опереться, и недостаточно энергично, если не сказать более, занимается своим прямым делом — преследованием коммунистов». А. А. Хвостов обращал внимание на низкий моральный уровень многих агентов, незнание ими азов полицейского сыска, политическую неграмотность, отсутствие контроля начальников над подчиненными. Он предлагал объединить политический сыск в единую организацию — Особое управление политической полиции, созданную на базе соответствующих структур армейского аппарата, Управления внутренних дел и Отдела пропаганды. Местные органы политической полиции должны координировать свою деятельность с гражданской администрацией и судебными властями, привлекать на службу опытных юристов, квалифицированных чинов бывшего Департамента полиции, фронтовых офицеров. В заключение своей пространной записки А. А. Хвостов подчеркивал, что если разрешение поднятого им вопроса «пойдет обычным канцелярским путем, то лучше совсем не начинать дело»³⁸.

Однако «обычный канцелярский путь» был как раз характерен для деникинской администрации. По многим причинам эта диктатура имела мало общего с тем, что имеют в виду, говоря о «тоталитарной власти». Главное командование пыталось следовать советам как «либералов», так и «консерваторов», а в результате и те, и другие были недовольны... Местная власть не была должным образом связана с центром и зачастую действовала наперекор принятому политическому курсу. Отсутствие какой-либо эффективной системы контроля, постоянная нехватка подходящих управленческих кадров, усиливающийся антагонизм фронта и тыла — все это способствовало росту коррупции и облегчало действия большевистским агентам во всех учреждениях, и прежде всего в контрразведке.

Отдельные контрмеры частного характера лишь усугубляли положение. Так, в 1919 г. только в Одессе штат контрразведки был полностью обновлен трижды, причем в октябре все чины портовой контрразведки были арестованы за взяточничество³⁹. Но мы знаем о результате — из упоминавшегося выше скандального дела полковника Кирпичникова...

15 сентября 1919 г. генерал А. С. Лукомский, председатель Особого совещания при Главнокомандующем ВСЮР, представил генералу Деникину пространный доклад о контрразведке. В докладе приводились потрясающие факты коррупции, взяточничества, бессмысленной жестокости, злоупотребления служебным положением и т. п. Не предлагая каких-либо конструктивных мер, Лукомский лишь настоятельно рекомендовал распустить все незаконные и самовольные контрразведки, запретить вести любую контрразведывательную деятельность без санкции Главного командования⁴⁰. Тем не менее лишь 28 мая 1920 г. генерал П. Н. Врангель, новый Главнокомандующий, издал приказ № 3248 о судебной ответственности за самовольную организацию «наблюдательных органов» (так стала именоваться тогда контрразведка).

Можно назвать различные объективные и субъективные причины того, почему практически ничего не было сделано для реорганизации контрразведки при генерале Деникине. Однако я хочу привлечь внимание к некоторым документам, касающимся одного неизвестного эпизода из истории белого Юга. Эти документы свидетельствуют, что органы контрразведки, кроме всего прочего, были вовлечены в широкий заговор против Главнокомандующего. Доклад же генерала Лукомского на самом деле преследовал не цели улучшения и оздоровления контрразведки, а лишь ограничение сфер действия своих политических оппонентов в Штабе Главнокомандующего и Особом совещании.

Материалы о заговоре так называемого «Анонимного центра» хранятся в коллекциях генерала А. И. Деникина и Н. И. Бек, вдовы полковника В. М. Бека (Бахметьевский архив Колумбийского университета). Заговор имел целью сместить Главнокомандующего и некоторых его приближенных. Особо ценные сведения содержатся в деле, подготовленном Л. А. Зубелевичем, начальником гражданской части Государственной стражи: протоколы допросов, конфискованные письма-шифровки, дневники, докладные записки.

В конце ноября 1919 г. был арестован 23-летний штабс-капитан А. А. Пацановский, заведующий бюро секретной информации Освага. Проведенный в его кабинете обыск принес фантастические результаты, вызвав новые аресты, новые обыски и допросы. Постепенно стала вырисовываться страшная картина тайного заговора в самом сердце Главного командования...

Анатолий Пацановский ранее служил в Информационном бюро при председателе Особого совещания генерале от кавалерии А. М. Драгомирове. В декабре 1918 г. он был откомандирован из Екатеринодара в Крым и получил назначение в контрразведывательный отдел Штаба командующего Крымско-Азовской Добровольческой армии. Там он служил под непосредственным руководством хорошо известного в дореволюционной русской военной разведке человека — генерала Н. С. Батюшина, носившего в то время псевдоним «Петров».

В апреле 1919 г., когда красные захватили Крым, Пацановский вернулся в Екатеринодар и занял только что учрежденную должность заведующего бюро секретной информации Освага (Отдела пропаганды Особого совещания). Власть и влияние тылового штабс-капитана росли поистине невероятными темпами, особенно после того, как полковник В. М. Бек, начальник информационной службы Освага, чуть было не умер от таинственного отравления и на протяжении четырех месяцев не мог исполнять свои обязанности... Пацановский полностью игнорировал Ю. Н. Шумахера, временно замещавшего В. М. Бека, и делал доклады непосредственно не только начальнику Освага К. Н. Соколову, но и генералу А. С. Лукомскому, исполнявшему обязанности председателя Особого совещания.

Когда полковник Бек вернулся на службу, он был не в силах восстановить необходимую субординацию. После нескольких острых столкновений Пацановский объявил Беку, что является ближайшим сотрудником генерала Лукомского, а бюро секретной информации на самом деле ведет работу по подготовке монархического заговора против генерала Деникина и его начальника штаба генерала Романовского. Непосредственным начальником Пацановского был генерал Батюшин, находившийся с весны 1919 г. в отставке. Батюшин был одним из главных руководителей «Анонимного центра» — тайной организации, имеющей Совет и местные филиалы. Легальной политической базой «Анонимного центра» был монархический Союз русских национальных общин, который пытался оказывать влияние на членов Особого совещания и Главное командование. Ставилась задача заменить генерала Романовского генералом Лукомским в качестве начальника штаба и даже, в случае необходимости, сместить самого Деникина. Генерал Батюшин должен был получить портфель министра внутренних дел будущего правительства. Предполагалось использовать помощь Германии в восстановлении монархии в России.

Пытаясь привлечь полковника Бека к своей деятельности, штабс-капитан Пацановский назвал имена некоторых лиц, разделявших планы «Анонимного центра» и занимавших в то же время ключевые посты во ВСЮР. Среди них: генералы А. М. Драгомиров, А. П. Кутепов, Н. С. Тимановский, В. З. Май-Мавевский, П. Н. Врангель, Я. Д. Юзефович, Я. А. Слащев, адмиралы Д. В. Ненюков и А. Д. Бубнов, начальник Освага К. Н. Соколов, председатель Судебно-следственной комиссии при Главнокомандующем генерал М. Л. Салатко-Петрище, начальник разведывательного отделения Штаба ВСЮР полковник С. Н. Ряснянский, начальник контрразведывательного отделения Военного управления при Главнокомандующем статский советник В. Г. Орлов. Самому же полковнику Беку в случае присоединения к заговору предназначалась должность министра пропаганды ⁴¹.

В. М. Бек никак не ответил на столь почетное предложение, в результате он был освобожден от занимаемой должности, получил символическое назначение в ничего не решавший Совет Отдела пропаганды и попал под постоянную слежку. Он несколько раз пытался представить секретный доклад о заговоре и генералу Романовскому, и полковнику Ковалевскому, начальнику Особой части Штаба ВСЮР. Но его не хотели принимать, несмотря даже на помощь чинов со стороны французской военной миссии, — столь высока была репутация заговорщиков и столь обширны были их личные связи... Однако в «Анонимном центре» произошел раскол. 13 ноября 1919 г. Вел. кн. Николай Николаевич предложил всем «заговорщикам» подчиниться генералу Деникину. Информация об этом сразу же стала известна ⁴².

Расследование, проводимое Л. А. Зубелевичем, принесло множество доказательств подготовки заговора, особенно участия в нем чинов Освага и Штаба Главнокомандующего. Последовали отстранения от должностей, увольнения от службы, даже аресты. Никто, однако, не был отдан под суд... Пресса хранила молчание. Расследование не коснулось лиц, находившихся на фронте. По всей очевидности, генерал Деникин понимал, что громкие процессы в условиях поражений и отступления только повредят армии. В противном случае пришлось бы при отсутствии квалифицированного резерва отстранить способнейших военачальников. Так или иначе, а Главнокомандующий, по сути дела, не предпринял никаких решительных действий против правой оппозиции. Очень скоро он окажется перед угрозой нового заговора и после катастрофической новороссийской эвакуации вынужден будет уйти в отставку...

Автор не располагает достаточными источниками, чтобы судить, какую поддержку в армии имел заговор «Анонимного центра». Как вспоминал в эмиграции генерал Салатко-Петрище, главную роль во всем деле играл конфликт между Лукомским и Романовским, который был подвержен влиянию члена Особого совещания кадета Н. И. Астрова ⁴³. Вполне вероятно, что отнюдь не все лица, упомянутые Пацановским при «вербовке» им Бека, в действительности являлись активными и сознательными заговорщиками. Так, например, трудно представить участие генерала Врангеля в каком-либо «заговоре» против Главнокомандующего — независимо от его сложных личных отношений и крупных разногласий по военно-стратегическим вопросам с генералом Деникиным.

Тем не менее заговор «Анонимного центра» является несомненным свидетельством того, что разведывательные и контрразведывательные органы Штаба Главнокомандующего и состоявшего при нем Особого совещания вместо координации своей деятельности против общего врага были вовлечены в конфликты и заговоры. И это в полной мере отвечало интересам большевиков, сепаратистов, националистов и всех, кто противостоял белому движению во время Гражданской войны.

Обзор деятельности разведки и контрразведки белого Юга конца 1917 — начала 1920 г. приводит к следующим выводам.

В первые полгода существования Добровольческой армии отсутствовало какое-либо организационное размежевание между разведкой и контрразведкой. Главными задачами было обеспечить надежную связь с антибольшевистскими группами, прежде всего Москвы и Петрограда, и привлечь в армию новых добровольцев из разных частей страны.

Образование территории Добровольческой армии после Второго Кубанского похода вызвало необходимость укрепления военной администрации и ее контрразведывательных органов, которые в отличие от периода Первой мировой войны боролись не с иностранными агентами, а осуществляли функции политической полиции. С лета 1918 по лето 1919 г. разведывательная деятельность осуществлялась в значительной степени посредством связи разведывательного отделения Штаба Главнокомандующего и сети местных центров, организованных за пределами территории Добровольческой армии.

Военная диктатура генерала Деникина ни в коей мере не привела к кон-

солидации государственного аппарата. Невероятный хаос, господство бюрократии, тотальная коррупция, постоянное соперничество между чиновниками различных учреждений — все это в полной мере относится и к органам контрразведки.

Антибольшевистская направленность органов разведки и контрразведки Добровольческой армии и ВСЮР ослаблялась не только излишним вниманием к «конкурирующим» ведомствам, но и прямым участием в борьбе за влияние на Главнокомандующего, вплоть до подготовки тайного заговора. История «Анонимного центра» показывает, что секретные агенты были более активны в сборе информации друг о друге, а не в объединении сил против большевиков. Все это способствовало широкому распространению большевистских агентов, провокаторов, коррумпированных элементов и просто беспринципных авантюристов.

Светлые страницы не написанной пока истории разведки и контрразведки белого Юга в период с ноября 1917 по март 1920 г. связаны прежде всего с самоотверженной и высокопрофессиональной деятельностью одиночек, а вовсе не с белой политической системой в ее алексеевско-корниловско-деникинском варианте.

Почти никак не использовался практический опыт и организационные принципы секретных служб императорской России. Никакой выгоды не было извлечено и из условий военной диктатуры, которые, казалось бы, должны были способствовать упрощению государственного аппарата и секретных служб. Более того, все возможные дефекты военной администрации белого Юга России, как правило, в полной мере отражались на ее разведывательных и контрразведывательных органах.

Примечания

¹ См.: Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 321—322; Устинов С. М. Записки начальника контрразведки (1915—1920 гг.). Ростов на/Д, 1990. С. 17—61; Алексеев М. По ту линию фронта: военная разведка России накануне Первой мировой войны // Родина. 1994. № 8. С. 82—87.

² См.: Дневники, записи, письма ген. Алексева и воспоминания об отце В. М. Алексеевой-Борель / Публ. Н. Рутыча // Грани. № 125. Франкфурт н/М, 1982. С. 175—185; Шапроню, Ларре А. Г. Воспоминания о выезде из Петрограда в 1917 г. / Вводная статья, подг. текста и коммент. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. Кн. 4. СПб., 1993. С. 150—159.

³ См., напр.: Лукомский А. С. Воспоминания: Т. 2. Берлин, 1922. С. 22—61.

⁴ «Наши агенты от милиционера до наркома»: Воспоминания белого контрразведчика Николая Сигиды / Публ., предисл. и примеч. В. Бортневского // Родина. 1990. № 10. С. 64—65.

⁵ Там же. С. 66—67.

⁶ Там же. С. 68.

⁷ Деятельность Таганрогского центра Добровольческой армии 1918—1919 гг. // Белый архив / Под ред. Я. М. Лисового. Т. 2—3. Париж, С. 133—136.

⁸ Архив Свято-Троицкого монастыря Русской Зарубежной Православной Церкви. Джорданвилль (штат Нью-Йорк, США). Коллекция РОВС (далее — АСТМ/РОВС). Кор. 2 (Бумаги Штаба Вооруженных сил на Юге России).

⁹ АСТМ/РОВС. Кор. 1 (Бумаги Добровольческой армии); Архив Общества ревнителей русской истории. Париж (далее — АОРРИ). Коллекция штабов Добровольческой армии и Вооруженных Сил на Юге России; Коллекция Национального центра.

¹⁰ Архив Гуверовского института войны, революции и мира, Стэнфорд (штат Калифорния, США; далее — АГИ). Коллекция П. Н. Врангеля. Кор. 148.

¹¹ См.: Рапорт Ген. шт. подполковника Н. представителю Добровольческой армии в г. Киеве // Белый архив. Т. 2—3. С. 138—144; Рапорт состоящего в штабе представителя Верховного командования Добармии Ген. шт. подполковника С-го представителю Верховного командования в Киеве // Там же. С. 145—150.

¹² См.: Из документов белогвардейской контрразведки 1919 г. / Предисл., подг. текста и коммент. В. Г. Бортневского // Русское прошлое (историко-документальный альманах). Кн. 1. Л., 1991. С. 150—172; ГАРФ, ф. 439, оп. 1, д. 108, л. 16—27.

¹³ Там же, ф. 5851, оп. 1, д. 81 (Аркадий Борман. «В стане врагов»). 95 л.

¹⁴ Бахметьевский архив Колумбийского университета, Нью-Йорк, США (далее — БАКУ). Коллекция А. А. Бормана. «Воспоминания о страшных годах (1917—1918)».

¹⁵ Борман А. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям ее сына. Вашингтон, 1964. 333 с.

¹⁶ Красная книга ВЧК/Науч. ред. А. С. Велидова. Т. 1. М., 1989. С. 120.

¹⁷ Борман А. А. Москва — 1918 (из записок секретного агента в Кремле) / Подг. текста, предисл. и коммент. В. Г. Бортневского и Е. Л. Варустиной // Русское прошлое. Кн. 1. С. 115—149.

- ¹⁸ ГАРФ, ф. 5851, оп. 1, д. 704 («В морщинах революции»), 70 л.
- ¹⁹ См.: Ш у л ь г и н Василий. Дни. 1920. М., 1989. С. 307—308; У с т и н о в С. М. Указ. соч. С. 90—91.
- ²⁰ ГАРФ, ф. 5851, оп. 1, д. 704, л. 1—2.
- ²¹ АСТМ/РОВС. Кор. 1; Вечернее время. 1919. 16 ноября. С. 2—3.
- ²² Д е н и к и н А. И. Очерки русской смуты. Т. 3. Берлин, 1923. С. 148—149; Белый архив. Т. 2—3. С. 133—137.
- ²³ АСТМ/РОВС. Кор. 1.
- ²⁴ См.: B o r t n e v s k i Viktor G. White Administration and White Terror / The Denikin Period // The Russian Review. Vol. 52. July 1993. P. 133—137.
- ²⁵ К е н е з Peter. Civil War in South Russia, 1919—1920. P. 71—78. Некоторые документальные материалы об отношениях Освага и контрразведки см.: Из документов белогвардейской контрразведки. Секретная сводка о работе Харьковского Освага / Публ. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. Кн. 2. СПб., 1991. С. 340—348.
- ²⁶ ГАРФ, ф. 446, оп. 2, д. 3, л. 63; БАКУ. Колл. А. И. Деникина. Кор. 29 («Контрразведка, Осваг»), л. 10—12; Колл. В. М. Бека. Кор. 1. («Осваг»).
- ²⁷ Вечернее время. 1919. 16 ноября. С. 2; АОРРИ. Колл. Национального центра.
- ²⁸ АСТМ/РОВС. Кор. 2.
- ²⁹ Kenez Peter. Op. cit. P. 61; ГАРФ, ф. 5827, оп. 184, д. 11, л. 1—30.
- ³⁰ АГИ. Колл. П. Н. Врангеля. Кор. 130.
- ³¹ Подробнее см.: К истории осведомительной организации «Азбука» / Вводная статья, подг. текста и коммент. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. Кн. 4. СПб. С. 160—193.
- ³² БАКУ. Колл. А. И. Деникина. Кор. 2; АГИ. Колл. П. Н. Врангеля. Кор. 163; АОРРИ. Колл. Национального центра.
- ³³ ГАРФ, ф. 446, оп. 2, д. 3, л. 65.
- ³⁴ См.: Кубань и Добровольческая армия в 1918—1919 гг. / Вводная статья, подг. текста и коммент. В. Г. Бортневского // Русское прошлое. Кн. 5. СПб., 1994. С. 77—111.
- ³⁵ БАКУ. Колл. К. И. Глобачева. Кор. 1. «Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения». С. 132.
- ³⁶ ГАРФ, ф. 5881, оп. 2, д. 432, л. 39.
- ³⁷ БАКУ. Колл. К. И. Глобачева. Кор. 1. «Правда о русской революции...». С. 145—146, 157—171.
- ³⁸ БАКУ. Колл. К. Р. Кровоупускова. Кор. 1.
- ³⁹ У с т и н о в С. М. Указ. соч. С. 84—90.
- ⁴⁰ ГАРФ, ф. 439, оп. 1, д. 56, л. 65.
- ⁴¹ БАКУ. Колл. А. И. Деникина. Кор. 29. «Контрразведка, Осваг», л. 2—22.
- ⁴² БАКУ. Колл. Н. И. Бек. Кор. 1. «Осваг», л. 10—12.
- ⁴³ Там же. Колл. А. И. Деникина. Кор. 29. «Контрразведка, Осваг», л. 34.

© 1995 г. И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ*

ЗАМЫСЕЛ И НАЗВАНИЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Древнерусские летописи, и в частности Повесть временных лет, при всей пестроты включаемых в них сведений и текстов имеют определенную внутреннюю логику. По словам Д. С. Лихачева, летопись, «рассмотренная вблизи, в упор... производит впечатление случайного набора кусков драгоценной смальты, но окинутая взором в целом, она поражает нас строгою продуманностью всей композиции, последовательностью повествования, единством и грандиозностью идеи»¹. Образ летописи-мозаики давно уже стал хрестоматийным. Однако до сих пор никому не удалось ответить на простой, казалось бы, вопрос: что представляет собой идея, присутствие которой превращает внешне пестрый, сложный, неоднородный конгломерат «разновременных кусков», «произведений разных жанров» (Д. С. Лихачев) в стройную, законченную на каждом этапе своего развития конструкцию? Что это за «единая мысль, которая оживляет всю композицию»? Вряд ли это «всепроникающий патриотизм содержания» Повести² (тем более что понятие патриотизма в XI — начале XII в., по-видимому, существенно отличалось от привычного нам представления). Трудно вычленив патристическую идею, скажем, в сообщениях о налете саранчи или о смерти никогда более не упоминавшейся в летописях Малфреды.

Даже если признать основой целостности летописного текста единство всех жизненных противоречий, по всей видимости, мы не найдем решения вопроса. При таком подходе «куски драгоценной смальты» представляются по большей части индифферентными («случайный набор») по отношению к тому монументальному образу, который они составляют в своей совокупности. Констатация их самоценности не дает ключа к пониманию того, что же их объединяет в летописном повествовании. Между тем они не могут не иметь общей основы, которая и позволила летописцу отобрать для своего труда именно эти, а не другие «куски» и включить их в общую композицию именно здесь, а не в другом месте. И дело не может быть сведено лишь к хронологическому «сопровождению» (как это обычно делается). Несомненно, даты летописных известий — ориентир чрезвычайно важный. Но он не может быть единственным, что придает в глазах летописца ценность информации о происходящем. В конечном итоге эти даты — элемент внешнего, чувственного образа летописного сообщения. Но должно быть и что-то внутреннее, духовное, быть может, невидимое на первый взгляд, что объединяет все эти «куски» в единую картину. Идея, которая придает летописи цельность и стройность, должна так или иначе присутствовать в *каждом* фрагменте, составляющем ее мозаичное полотно. Замысел должен воплотиться во внутренней форме источника, а та, в свою очередь, — в форме внешней³. Кроме того, замыслу в большей или меньшей степени должно соответствовать и название произведения. В отношении Повести временных лет это тем более справедливо, что при обычной для древнерусских текстов неустойчивости их заголовков, первые три строки наиболее раннего из дошедших до нас летописных сводов остаются — по крайней мере по содержанию — практически неизменными: «Се повести времяных лет,

* Данилевский Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, заведующий лабораторией Института развития личности РАО.

откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть»⁴.

Как известно, название древнейшей русской летописи имеет свою историю. По мнению А. А. Шахматова, Начальный свод, предшествовавший Повести временных лет, именовался так: «Временьник, иже нарицается Летописание русьских князь и земля Русьская, и како избъра Бог страну нашу на последнее время, и града почаша бывати по местом, преже Новъгородская волость и по томъ Киевская, и о статии Киева, како въименовася Киев»⁵.

«Последнее время», о котором идет здесь речь, — то же самое, что «последний днь» или «последняя лета» — конец мира, день Страшного Суда⁶. Богоизбранность Русской земли («как избъра Бог страну нашу»), упоминаемая в этом названии, существенно отличается от ветхозаветного понятия, обозначаемого тем же словом. В наименовании Начального свода явно подразумевается история христианского просвещения Руси. Собственно, эта тема и является ведущей в первой части Повести временных лет (вплоть до похвалы Ярославу Владимировичу под 6545 годом)⁷. Летописец рассказывает о том, как Слово Божие после Потопа было утрачено (разделение языков — начало собственно язычества⁸), а затем вновь обретоно — через переложение книг на славянский язык, крещение⁹ и христианизацию Руси, завершившуюся учреждением Киевской митрополии.

Одновременно этот момент воспринимался и как начало подготовки к концу света, поскольку проповедание Евангелия «по всей Вселенной» непосредственно должно предшествовать Страшному Суду¹⁰. В связи с этим представляет особый интерес текст, завершающий Геннадиевскую Библию 1499 г. Это «Раздрешение неизреченнаго откровения», которое приписывается римскому епископу Ипполиту. После цитирования первых четырех стихов 20-й главы Апокалипсиса автор приводит рассуждение, заслуживающее, на наш взгляд, особого внимания: «И по отрешении же реченному (подразумевается освобождение перед концом света дьявола „на малое время“.— *И. Д.*) размыслим: Рече евангелист, яко связа дьявола на тысящу лет. Отнеле же бысть связание его? От вшествия въ ад Господа нашего Иисуса Христа в лето пятьтысящное пятсотное и тридесать третье [да иже до лета шестьтысящнаго и пятсотнаго и тридесать третиаго, внегда исполнитися тысяща лет. И тако отрешится сатана по праведному суду Божию и прельститъ мир до реченнаго ему времени, еже три и пол лета, и потом будет конец]. Аминь»¹¹. Из этого следует, что после 6537 г. ожидание конца света на Руси приобретало особое напряжение. К сожалению, в приведенном фрагменте недостаточно прямых временных указаний, чтобы установить, какая эра от Сотворения мира была использована его автором. Между тем, поскольку Писание позволяет лишь условно установить даты Сотворения мира и Рождества Христова, известно свыше двухсот различных сочетаний этих эр. Поэтому без специального исследования подобные расчеты не могут быть точно переведены на так называемую «нашу» эру (эру от Рождества Христова, рассчитанную Дионисием Малым). Насколько серьезны могут быть погрешности при условных пересчетах, обычно используемых в отечественных исторических исследованиях, показывают следующие примеры.

П. В. Хавский приводит фрагмент из Следованной Псалтири, в котором Рождество (25 декабря) отнесено к «лету от Сотворения мира 5500, индикта 10, круга Солнца 12, Луны 9, в среду»¹². Сопоставление всех перечисленных в ней данных позволяет установить, что, хотя используемая здесь эра и не является константинопольской (насчитывающей 5508 лет от Сотворения мира до нашей эры), 1-й год эры Дионисия Малого будет соответствовать ее 5509 г.¹³

Другим примером такого рода может быть датировка Благовещения (25 марта) в Речи Философа: «В сего же (Ирода.— *И. Д.*) власть, в лето 5500, послан бысть Гаврил в Назарет к девице Марьи»¹⁴. Сопоставление приводимых Философом относительных расчетов с абсолютными датами, восстанавливаемыми по независимым источникам, показывает, что для того чтобы правильно перевести на

ныне общепринятую систему летосчисления даты от Сотворения мира, содержащиеся в этом тексте, из них надо вычитать не 5500, как подсказывает здравый смысл, а 5505 (для января — августа) или 5506 (для сентября — декабря) лет¹⁵.

Если же, вопреки всем сомнениям, возникающим из-за недостатка хронологической информации, дата в расчете Ганнадиевской Библии (6537 г.) дана по аннианской эре, насчитывающей 5500 лет от Сотворения мира до Рождества Христова (по эре Дионисия Малого), мы получаем новые данные, позволяющие вернуться к наблюдению А. А. Шахматова, обнаружившего в тексте Повести временных лет в статьях 6544—6545 гг. какой-то серьезный рубеж. Напомним, что это послужило основанием для гипотезы о существовании так называемого Древнейшего свода 1036—1039 гг.¹⁶ Во всяком случае сопоставление дат основания Киевской митрополии (1036/37 г.), строительства Софии Киевской (1036/37 г.), произнесения «Слова о Законе и Благодати» (1038 г.), помещения в Повести временных лет похвалы Ярославу Владимировичу (1037 г.) и года, рассчитанного в послесловии Ганнадиевской Библии, наводит на мысль, что их приблизительное совпадение во времени не случайно.

Видимо, до определенного момента сам факт принятия христианства считался достаточным условием для благоприятного ответа на Страшном Суде. Эта мысль явственно звучит в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона: «Сынъмъ Своимъ вся языки съпасе Еуангелиемъ и крщениемъ въводя я въ обновление пакубытия — въ жизнь вечную» (стрк. 18—20); «крещение же сыны свои препущаетъ на вечную жизнь» (стрк. 48—49); «Да иже веруетъ и крститися, спасен будетъ!» (стрк. 346; Мк. 16.16) и др.¹⁷

Однако уже через несколько лет после произнесения «Слова» точка зрения на перспективы спасения, судя по всему, изменилась. Все больше на Руси (да и в Западной Европе) акцент смещается на идею воздаяния за конкретные дела, добрые и злые, праведные и греховные, совершаемые христианами на этом свете. Так, эта мысль последовательно проводится в Изборнике 1076 г.: «Яко да написать ся въ твои мысли въсегда: Въторааго пришьствия Соудии гърды на престоле сядышта — книги отъвързаемы, дела таинная обличяема (...). И слово о сътворенныхъ даюштя: отъ правдыникъ грешнии разлоучяеми. И напрасно тѣгда грешникомъ сълоучаетъ ся (...). Елико добрыя детели имоущая, ихъ въ Небесное Царство въводить...»¹⁸.

Одновременно возникает представление о необходимости фиксации деяний человека, которые могут (и должны) получить аксиологическую характеристику. Известно, что в Западной Европе следствием этого стало появление реальных «книг жизни»¹⁹, духовным прообразом которых послужили, в частности, упоминания таких книг в пророчестве Даниила (Дан. 12.1) и в Апокалипсисе (Откр. 20.12). Источники свидетельствуют о существовании подобных представлений и на Руси. Здесь книги, в которые записываются все дела людей на Земле, называются «книги животные», или «книги живушихъ», или «книги въпросные», или «книги чистые», или просто «книги»²⁰. Однако в отличие от стран Европы на Руси реальные «книги живущих» до сих пор неизвестны. Не исключено, на наш взгляд, что в качестве таковых вполне могли рассматриваться летописи, которые со второй половины XI в. превращаются в реестр деяний людей, упоминаемых в них. В связи с этим отметим, что Деяния апостолов на Руси, между прочим, называли «летописанием»: «Наченшу же ся девятому надесяте лету Тивериа кесаря начят Павел проповедание, яко же рече *летописания*» («Слово 1 Павла апостола, предучиняемо книгам сим». Курсив наш. — И. Д.)²¹.

Таким образом, переименование летописного свода вряд ли было чисто формальным актом. Оно, видимо, совпало с изменением представлений о Страшном Суде и, возможно, о функциях летописания и скорее всего должно было быть связано с такими переменами.

Не исключено, что толчком к этому послужил расчет даты наступления конца света. Как в Ветхом, так и в Новом Заветах неоднократно подчеркивалось, что

только Создателю известен срок наступления конца света. «О дне же том и часе никто не знает, ни ангелы небесные, а только Отец Мой один», — отвечает Христос на вопрос апостолов: «когда это будет»? (Мф. 24.3, 36). Тем не менее средневековые богословы не жалели сил и времени, чтобы вычислить сакраментальную дату, призванную положить конец «миру сему». Наиболее широко была распространена версия о наступлении Страшного Суда по истечении 7000 лет от Сотворения мира²². Основывалась она на представлении о том, что история человечества повторяет путь, прообразованный самой историей Сотворения мира, а каждому из семи дней творения соответствует тысяча лет.

На первый взгляд, прежнее название летописи в гораздо большей степени соответствует ее новому содержанию. На смену явной ориентации на «последнее время» приходят, казалось бы, нейтральные «повести временных лет». Новое название Повести, однако, не столь однозначно, как может показаться современному читателю.

Прежде всего обращает на себя внимание само слово *повести*. Оно означало не только 'повести, рассказы', но и 'описания, сообщения, поучения, наставления, объяснения', а также 'предсказание и предвозвещение'²³. С последним значением слова *повести* связан, видимо, оборот, встречающийся в Задонщине и в Сказании о Мамаевом побоище, — «чаща поведеная»²⁴. Представление о ней, очевидно, восходит не только к пиршественной круговой чаше, как это выражение обычно переводится²⁵, но и к образам чаш в рассказах евангелистов о Тайной вечере и о молении Христа в Гефсиманском саду. В таком случае *поведеная* восходит к *поведь* — 'весть, проповедь, учение'²⁶, или *поведети*, *поведе* — 'предсказать, предвозвестить, явить'²⁷.

Словосочетание «временных лет» (к которому может быть отнесено каждое из перечисленных значений слова *повесть*) обычно переводится: «о прошедших годах», «минувших лет», «преходящих лет». По этому поводу Д. С. Лихачев писал: «Определение „временных“ относится не к слову „повести“, а к слову „лет“. „Временных“ значит „минувших“, „прошедших“. Именно в таком значении это слово упоминается и в переводе Хроники Георгия Амартола... Так же точно понял значение слова „временных“ в XVI в. составитель так называемого Тверского сборника, переведший название „Повести временных лет“ следующим образом: „Повести д р е в н и х л е т“»²⁸.

Как видим, слово *временных* понимается здесь как 'временный, непостоянный, преходящий'²⁹. Это прилагательное означало также 'не всегда, не вечно существующее, все земное, не вечное'³⁰, а во множественном числе — еще и противопоставляемое небесному 'земное'³¹. Сочетание всех этих значений в одном слове придавало обороту, избранному летописцем для наименования своего труда, определенный мистический оттенок.

Принципиально важно отметить, что у летописца была возможность выбора эпитета для определения «прошлых» или «преходящих» лет. Употребление в этом смысле слова *временный* — пример довольно редкий, хотя и не уникальный. Гораздо чаще использовались в подобных случаях (в том числе и в Повести временных лет) другие прилагательные: *предтекущий*, *предбудущий*, *преднии*³², либо *мимотекии*³³. Очевидно, предпочтение слову *временные* было отдано не случайно. Летописцу удалось подобрать определение, сочетающее в себе практически все перечисленные выше значения. И не только их.

Словосочетание «временные лета» имеет прямую параллель в Коломенском списке Толковой Палеи (1406 г.). Здесь в цитате из Деяний апостолов читаем: «...како убо взможемь преступльше испытати, еже Творецъ Своею областью положи, якоже и Сам отвеща Своим учеником, егда въпрошахуть Его: „Господи, аще в лето се устрояеши царство Израилево?“ К ним же отвеща Иисус: „Несть вам разумети в р е м е н н ы х л е т, яже Отець Своею властью положи“»³⁴.

Вряд ли перед нами случайное совпадение. Скорее, это относительно устойчивый оборот, который имеет не только буквальное значение, но и функционирует как фразеологизм. Подтверждением тому может служить упоминание в Геннадиевской

Библии Апокалипсиса под названием «в р е м е н н ы х п р и т ч е й проречения» (во фрагменте из толкования Андрея Кесарийского, помещенном в качестве своеобразного предисловия к Откровению Иоанна Богослова)³⁵.

Подобные параллели дают основание предположить, что в названии Повести временных лет речь идет не только о прошедших и преходящих годах, но и о конечной цели повествования, которое, как становится ясно, должно было быть доведено до наступления «Царства славы», до последнего дня «мира сего» (временного). Вместе с тем — это и та идея, которая могла бы объединить и, видимо, объединяет всю Повесть, придавая ей единство, цельность, законченность. Повествование может быть завершено в любой момент, как только появятся знамения наступающего конца мира, но до этого оно будет представлять собой «вечно продолжающийся итог». Потому-то «летопись фактически не имеет конца; ее конец в постоянно ускользающем и продолжающемся настоящем»³⁶.

Приведенные рассуждения позволяют поставить вопрос о возможности нетрадиционного деления названия Повести на слова (и, соответственно, расстановки современных знаков препинания). Не исключено, что первые три строки Лаврентьевской летописи могут читаться следующим образом: «Се по вести временных лет откуду есть пошла Руская земля. Кто в Киеве нача первее княжити и откуду Руская земля стала есть — се начнем повесть сию» («Вот [повествование] — от начала Русской земли до знамения³⁷ конца времен³⁸. Кто в Киеве первым княжил и как³⁹ началась Русская земля — так начнем эту повесть»)⁴⁰.

Вместе с тем становится ясно, что у летописца имелся особый интерес не только «к первопричинам событий, к началу, к происхождению тех или иных исторических явлений»⁴¹, но и к завершению мировой истории, к итогам описываемых им событий. Соответственно, нельзя согласиться с представлением, будто заглавие Повести временных лет первоначально относилось не ко всему своду, а только ко вводной монотематической части летописи⁴².

Предлагаемое толкование названия Повести получает дополнительное подкрепление при обращении к хронологическому расчету, помещенному под 6360 годом, сразу после первого датированного сообщения — о начале правления византийского императора Михаила III: «В лето 6360, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля <...> Тем же отселе почнем и числа положим яко „От Адама до Потопа лет 2242; а от Потопа до Аврама лет 1000 и 82, а от Аврама до Исхоженья Моисеева лет 430; а от Исхожения Моисеева до Давида лет 600 и 1; а от Давида и от начала царства Соломона до плененья Иерусалимля лет 448; а от плененья до Олексанъдра лет 318; а от Олексанъдра до Рожества Христова лет 333; а от Христова Рожества до Коньстянтина лет 318; от Костянтина же до Михаила сего лет 542“. А от первого лета Михайлова до первого лета Ольгова, рускаго князя лет 29 <...> Но мы на прежнее возвратимся и скажем, што ся здеа в лета си, яко же преже почали бяхом первое лето Михайлом, а по ряду положим числа»⁴³.

Интерес исследователей к данному расчету не угасает на протяжении многих десятилетий. Показательно, что одна из первых статей А. А. Шахматова по древнерусскому летописанию посвящена анализу именно этого фрагмента Повести⁴⁴. Основное внимание ученых сосредоточилось на решении двух вопросов: определение источников, которыми пользовался летописец для составления своего хронологического перечня, и выяснение смысла данного расчета.

Первый из этих вопросов был решен практически сразу. Уже начиная с А. А. Шахматова большинство исследователей пришло к выводу, что в основе расчета лет «от Адама» лежит текст, близкий славянскому переводу «Летописца вскоре» константинопольского патриарха Никифора (на Руси эта византийская хроника была известна приблизительно с начала XII в.)⁴⁵. Правда, определить протограф хронологической выкладки так и не удалось⁴⁶.

Гораздо более сложным оказался вопрос о назначении и смысле расчета. Во-первых, было установлено, что хронологическая выкладка, сопровождающая сообщение о воцарении Михаила, уже в момент ее включения в летопись не могла

быть использована для расчета исходной даты Повести временных лет. Дело в том, что все известные списки Повести содержат в этом месте числа, которые в сумме не дают ожидаемого результата. Причем расхождения имеются не только в количестве лет «от Адама» до Михаила (ради чего, казалось бы с позиций здравого смысла и, производил летописец этот расчет), но и в определении времени, прошедшего от Сотворения мира до Рождества Христова. При сложении периодов, указанных в Повести временных лет, вместо 5508 или, скажем, 5500 лет, мы получаем либо 5434, либо, «за устранением ошибок», — 5453 года, что не совпадает ни с одним из известных 200 соотношений этих эр. Мнения исследователей по поводу таких расхождений свелись к тому, что цифровая часть первоначального текста была искажена или в результате неверного прочтения оригинала⁴⁷, или в результате многократного «механического переписывания»⁴⁸.

При этом был оставлен без внимания довольно странный факт: поскольку «ошибки» присутствуют во всех списках, можно сделать вывод, что ни один из летописцев не обращал внимания на математическое содержание расчета и потому его не проверял, или же что расхождения между суммарным числом лет и абсолютными датами Рождества Христова и воцарения Михаила были летописцам известны, но намеренно не исправлялись.

Кроме того, текст расчета 6360 г. имеет явно вставной характер. На это указывает завершающая его фраза («но мы на прежнее возвратимся» и повтор, «обрамляющий» его («отселе почнем и числа положим яко<...> яко же прежде почали бяхом первое лето Михайлом, а по ряду положим числа»)⁴⁹. В связи с тем, что расчет отсутствовал, судя по всему, в Начальном своде, его появление можно отнести ко времени составления I или II редакции Повести временных лет⁵⁰. Следовательно, он едва ли не на полвека «моложе» абсолютных хронологических дат, разбивших монотематический рассказ на летописные статьи⁵¹, а потому никак не мог быть связан с расчетом даты воцарения Михаила.

Все это с неизбежностью вело к выводу, что «само привлечение расчета лет от Адама» выглядит «нелогичным»⁵². В свою очередь, алогичность и бесполезность (с современной прагматической точки зрения) расчета 6360 г. рождает закономерный вопрос: зачем понадобилось летописцу включать в свое произведение перечень лет «от Адама»?

Проведенный анализ названия Повести позволяет, как представляется, сменить точку зрения на «дефектный» расчет и, возможно, разобраться в его смысле. Тем более что появление его в статье 6360 г. совпадает по времени с изменением самого названия летописи и, быть может, семантически связано с ним.

Начнем с сопровождающей расчет фразы: «Темже отселе почнем и числа положим<...> по ряду положим числа»⁵³. Традиционно оно воспринимается как «обещание» летописца вести дальнейшее изложение в строгой хронологической последовательности. Действительно, выражение *по ряду* значит «одно за другим, последовательно, непрерывно». Однако слово *ряд* значило еще и «распоряжение, завешание, суд, договор» (в частности, *положити ряд* — «заключить договор»)⁵⁴. Слово же *число* кроме обычных для современного русского языка значений в древнерусском языке понималось и как «мера, предел», и как «вычисление, предсказание»⁵⁵. Следовательно, для средневекового читателя фраза, предшествующая расчету и завершающая его, могла нести дополнительную смысловую нагрузку. «Положити числа по ряду» могло значить и «расположить даты по порядку», и «установить предел по завету (договору)» и «установить меру (времени) до Суда». Другими словами, этот фрагмент статьи 6360 г. может восприниматься как текст, построенный по принципам многоярусной семантики и сориентированный кроме буквального значения на определение хронологических пределов расчета, а значит, и всей летописи: от Сотворения мира до Страшного Суда.

Что же касается самого перечня лет, то есть все основания полагать, что он связан не с установлением конкретной даты, а с периодизацией истории человечества. В христианском мире начиная с раннего средневековья существовала традиция описания исторического процесса по «возрастам», соответственно шести

дням творения. При этом выделялись следующие периоды-«дни»: от сотворения Адама до Потопа, от Потопа до Авраама, от Авраама до Давида, от Давида до Вавилонского пленения, от Пленения до Рождества Христова и, наконец, от Рождества до Страшного Суда⁵⁶. Нетрудно убедиться, что все необходимые ключевые моменты присутствуют в нашем тексте. Количественные показатели играют в нем вспомогательную (хотя и не второстепенную) роль. Характерно, что те же периоды, но без указания лет, мы встречаем в Толковой Палее⁵⁷, в Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра⁵⁸ и в других источниках⁵⁹.

Группировка сроков, приведенных в этом хронологическом перечне, по указанным периодам дает последовательность в пять промежутков времени приблизительно по 1000 лет каждый (первый период — сдвоенный). В шестой же «день» пишется сама Повесть.

Такой результат представляется вполне удовлетворительным, поскольку в иудейско-христианской традиции тысячелетние периоды часто приравняются к одному Божественному дню⁶⁰ или к одному «веку»⁶¹. Имеющиеся отклонения от тысячелетнего срока пока не вполне ясны, но, видимо, также не лишены смысла⁶². Во всяком случае есть основания полагать, что расчет лет, приведенный в статье 6360 г. Повести временных лет, ориентирует читателя на событие, которое призвано завершить повествование, как, впрочем, и всю земную историю вообще: Второе пришествие Христа.

Место, куда был вставлен хронологический расчет «от Адама», видимо, также вписывалось в эсхатологическую ориентацию летописца. С одной стороны, представляется вполне логичным помещение подобной выкладки после упоминания в Повести временных лет первой абсолютной хронологической даты (6360 г.), позволившей летописцу, работавшему в конце 60-х — начале 70-х гг. XI в., восстановить в монотематическом рассказе дату похода Аскольда и Дира на Константинополь (6374 г.) по относительному временному показанию («в 14 лето Михаила цесаря»)⁶³. С другой же стороны (особенно учитывая математическую алогичность перечня), символический расчет оказался связанным с сообщением о начале правления императора Михаила, что перекликается с пророчеством Даниила о Страшном Суде. В частности, в пророчестве упоминается, что непосредственно перед концом времен «восстанет Михаил князь великий» (Дан. 12.1).

Дополнение смысла Повести вторым — эсхатологическим — планом изложения позволяет легко объяснить, почему летописец с такой настойчивостью фиксировал события, далекие от «мирских страстей и политических интересов»: затмения Солнца и Луны, налеты саранчи, землетрясения, моровые поветрия, появления комет, огненных столпов, «знамений змиевых» и т. д. Все они подпадают под категорию знамений, которые могли предвещать конец света⁶⁴, а потому каждое из них могло стать логическим завершением труда летописца — в полном соответствии с «программой», провозглашенной им в названии Повести. Эта черта, кстати, сближает древнерусскую летопись с пророческими писаниями: «по форме — временными, по содержанию — эсхатологическими»⁶⁵.

Предлагаемое нами понимание смысла летописи позволяет с новых позиций взглянуть и на вопрос об угасании летописного жанра в конце XV — начале XVI в.⁶⁶ Переход от собственно летописного (по годам) к хронологическому (по царствам) принципу построения текста может тогда объясняться колоссальным мировоззренческим кризисом, имевшим место на рубеже веков и связанным с напряженно ожидавшимся, но так и не наступившим концом света по истечении семи тысяч лет после сотворения мира.

Летописание пережило себя. Его форма начала изменяться. Появляются огромные обобщающие летописные своды, яркими примерами которых могут служить Воскресенская и Никоновская летописи, Лицевой свод, Степенная книга. Несомненно, эти изменения были связаны с образованием единого Русского государства⁶⁷. Но представляется, что отрицать влияние на изменение формы летописей перемен в мировоззренческой сфере было бы нелогично. Во всяком

случае, такой вопрос заслуживает специального исследования. При этом любопытно отметить, что в то же самое время несколько меняется отношение к ожиданию Страшного Суда и в Западной Европе⁶⁸. Не исключено, что именно изменения в сфере экзистенциальных ценностей и, в частности, некоторое «разочарование» в связи с ненаступившим концом времен стали неосознанной основой идейных и политических потрясений европейских государств и России в XVI — начале XVII в.

Примечания

- ¹ Лихачев Д. С. Комментарий // Повесть временных лет. Ч. 2. М., 1950. С. 48; его же. Великое наследие: Классические произведения литературы Древней Руси. Изд. 2, доп. М., 1980. С. 78.
- ² Его же. Великое наследие. С. 78.
- ³ Ср.: Пушкирев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 107—108, 120 и др.
- ⁴ Повесть временных лет. Ч. 1. М., 1950. С. 9.
- ⁵ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1: Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916. С. 359. Частично с этой точкой зрения согласен и Д. С. Лихачев; он, правда, полагает, что слова «прежде Новгородская власть и потом Киевская» являются более поздней новгородской вставкой (Лихачев Д. С. «Повесть временных лет»: Историко-литературный очерк // Повесть временных лет. Ч. 2. С. 97; ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. Л., 1925. С. 8).
- ⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 2. СПб., 1895. Стб. 1246.
- ⁷ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 102—103.
- ⁸ См.: Светлов Р. В. Древняя языческая религиозность. СПб., 1993. С. 14.
- ⁹ Кстати, выбор веры осуществляется Владимиром Святославичем в совершенно определенном конфессиональном кругу: иудеи, мусульмане, западные и восточные христиане имеют единую основу Священного Писания.
- ¹⁰ «Проповедь ся сие Евангелие царствия по всей Вьселенней въ свидетельство вьсемь языкомь. И тогда приидеть кончина» — Библия 1499 года и Библия в Синодальном переводе с иллюстрациями. Т. 7. М., 1992. Л. 705 об. (с. 90).
- ¹¹ Библия 1499 года... Л. 901 об. (Т. 8. М., 1993. С. 505); текст в квадратных скобках — зачеркнут.
- ¹² Хавский П. В. Взгляд на хронологию еврейскую, христианскую вообще и русскую в особенности. СПб., 1849. С. 9.
- ¹³ Подробнее см.: Пронштейн А. П., Данилевский И. Н. Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 66—67, 72—73 и др.
- ¹⁴ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 71.
- ¹⁵ Подробнее см.: Данилевский И. Н. Летосчислительная система Философа: К вопросу о хронологическом анализе временных указаний Повести временных лет // Чтения памяти В. Б. Кобрин. Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. Тезисы докладов и сообщений. М., 1992. С. 50—51.
- ¹⁶ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 398—420.
- ¹⁷ Иларион. Слово о Законе и Благодати / Древнерусский текст-реконструкция Л. П. Жуковской, М., 1994. С. 30, 32, 58.
- ¹⁸ Изборник 1076 года. М., 1965. С. 438—440 (л. 90 об. — 91 об.).
- ¹⁹ Ср.: Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 118—119 и след.
- ²⁰ Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. (Далее — СлДРЯ XI—XIV вв.). Т. 4. М., 1988. С. 354. К сожалению, словосочетание «книги чистые» в названном значении лингвистами не выделено, тогда как контекст, в котором он встречается, не дает оснований сомневаться в его семантике: «Его же имя не напишется в чистых книгах: не достоин бо есть» (Пролог XIV в.); ср.: «И с правдыными не напишюся, но да потреблюся от книг живущих» (Сказание о Борисе и Глебе // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 50).
- ²¹ Библия 1499 года... Л. 875 (Т. 8. С. 381).
- ²² См., напр.: «Сказание о скончании седьмой тысячи» (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — первой половины XVI в. М.; Л., 1955. Приложение 23. С. 405 и др.). Встречались, однако, и иные взгляды (ср.: Иоанн Малала. Хроника // Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М., 1994 [Репринт]. С. 259 и др.).
- ²³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 1008—1010; Словарь русского языка XI—XVII вв. (далее — СлРЯ XI—XVII вв.). Т. 15. М., 1989. С. 143, 152.
- ²⁴ «Брате князе Владимире, тутю испити медвеная чаша поведеные» (Слово о Куликовской битве Софония Рязанца // Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 39); «Брате князь Владимир Андреевич, тут, брате, испити медовыа чары поведеные» (Задонщина // Памятники литературы Древней Руси: XIV — середина XV века. М., 1981. С. 108); «...утре бо нам с ними пити общую чашу, между събою поведеную, ея же, друзи мои, еще на Руси въждедеша» (Сказание о Мамаевом побоище // Там же. С. 166). Принципиально важным в данном случае является вопрос об орфографии слова «поведеная». Во многих сохранившихся списках Задонщины оно написано через букву «есть» («поведеная»). Такая форма вполне отвечает традиционному пониманию выражения «чаша (чара) поведеная». Однако в

реконструкции первоначального чтения текста, основывающейся на списке Исторического музея 2 (№ 3045; конец XV — начало XVI в.), приводится форма «повѣденая», что соответствует именно предлагаемому нами толкованию (см., А д р и а н о в а-П е р е т ц В. П. Задонщина: Опыт реконструкции авторского текста // ТОДРЛ. Т. 6. М.; Л., 1948. С. 236). Пользуюсь случаем поблагодарить В. Н. Рудакова, обратившего мое внимание на это выражение.

²⁵ Ср.: СлРЯ XI—XVII вв. Т. 15. С. 143 (кстати, иллюстрации к этому значению даны только из Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище).

²⁶ С р е з н е в с к и й И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 1007; СлРЯ XI—XVII вв. Т. 15. С. 144.

²⁷ СлРЯ XI—XVII вв. Т. 15. С. 143.

²⁸ Л и х а ч е в Д. С. Комментарий. С. 203—204.

²⁹ СлДрЯ XI—XIV вв. Т. 1. М., 1988. С. 492.

³⁰ СлРЯ XI—XVII вв. Т. 3. М., 1976. С. 107.

³¹ СлДрЯ XI—XIV вв. Т. 1. С. 492.

³² ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 18, 68, 190, 236, 273.

³³ От *мимотеци* — проходить, протекать не останавливаясь' (Д љ я ч е н к о Г. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993 [Репринт]. С. 306). Ср.: «не мимойдеть род сей, дондеже вься сиа будутъ, небо и земля мимойдетъ, словеса же Моя не мимойдутъ» (Библия 1499 года... Л. 706). В Синодальном переводе: «не преидет род сей, как все сие будет; небо и земля преидут, но слова Мои не преидут» (Мф. 24. 34—35).

³⁴ Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г.: Труд учеников Н. С. Тихонравова. Вып. 1. М., 1892. Л. 83—83 об. (Разрядка наша. — И. Д.).

³⁵ Библия 1499 года... Л. 889 (Т. 8. С. 423).

³⁶ Л и х а ч е в Д. С. «Повесть временных лет»... С. 41; е г о ж е. Великое наследие. С. 72 и др.

³⁷ В данном случае слово *весть* значит: «весть, известие, знак, сигнал» (ср.: «Веде, яко Месия идетъ. Егда придетъ, повесть ны вьсе». — Слово Иоанна Златоуста // Успенский сборник... С. 423). Заметим попутно, что слово *несъведом* означало «беспредельный» (П р е о б р а ж е н с к и й А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1959. С. 107), а также «несчетный, неизмеримый» (С р е з н е в с к и й И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 2. Стб. 428).

³⁸ «Временные» в данном контексте — от слова *время* в значении «установленное, назначенное время, срок» — СлДрЯ XI—XIV вв. Т. 1. С. 495—496. Составители словаря, к сожалению, не обратили внимание на то, что в приводимых к этим значениям иллюстрациях имеется в виду вполне конкретный срок: время до Страшного Суда. Ср.: «По летех, рече, и по в р е м е н х будет, рече ваш князь сотона» (Палея Толковая 1406 г... Л. 139 об.); «Постыдимься (нарушать заповеди. — И. Д.) оуже в р е м я бо приближися и днь приде» (Сборник слов и поучений, в том числе апокрифических конца XII — начала XIII в. Т. 1. М., 1988. С. 495); «Егда придетъ время, аз правду соую (Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 24. Разрядка наша. — И. Д.).

³⁹ Слово *откуда* могло означать не только «откуда, из какого места», но из «из какого источника, по какой причине, отчего, почему, каким образом» (СлРЯ XI—XVII вв. Т. 13. М., 1987. С. 253).

⁴⁰ Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою признательность А. С. Демину и А. Н. Ужанкову, обратившим мое внимание на возможность такого чтения. Заметим попутно, что благодаря ему исчезает тавтологичность, присущая традиционному восприятию названия Повести («откуда есть пошла Руская земля» — «откуда Руская земля стала есть»).

⁴¹ Л и х а ч е в Д. С. «Повесть временных лет»... С. 136.

⁴² Н и к о л ъ с к и й Н. К. «Повесть временных лет» как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании // Сборник по русскому языку и словесности. Т. 2. Вып. 1. Л., 1930. С. 42.

⁴³ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 17.

⁴⁴ Шахматов А. А. Исходная точка летосчисления «Повести временных лет» // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. Март. Ч. 310. № 3. С. 217—222.

⁴⁵ Там же. С. 219 и след.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. Т. 4. Л., 1940. С. 64—65. Ср.: Л и х а ч е в Д. С. «Повесть временных лет»... С. 50; Т и х о м и р о в М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962. С. 234.

⁴⁶ См.: Д у б е н с к и й Д. Н. О некоторых годах Несторовой летописи // Временник МОИДР. Кн. 21. 1855; К у з ъ м и н А. Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 258. Следует отметить, что высказывались и другие точки зрения по поводу источника хронологического расчета 6360 г. (С р е з н е в с к и й И. И. Статьи о древних русских летописях. СПб., 1903. С. 20; и др.), но они не получили признания.

⁴⁷ Шахматов А. А. Исходная точка... С. 219—220.

⁴⁸ Там же. С. 220; К у з ъ м и н А. Г. Указ. соч. С. 258.

⁴⁹ Ср.: К у з ъ м и н А. Г. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969. С. 81.

⁵⁰ Д. С. Лихачев связывает его с деятельностью Нестора, т. е. относит к 1113 г. (Л и х а ч е в Д. С. «Повесть временных лет»... С. 110—111).

⁵¹ Напомним, что введение принципа изложения по годам обычно связывается с именем Никона Великого, который, по общепринятой гипотезе А. А. Шахматова, в 60-х — начале 70-х гг. XI в. создал первую *летопись* (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. С. 34; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 76—93; е г о ж е. «Повесть временных лет»... С. 84—96, и др. Ср.: Алешковский М. Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971. С. 121).

- ⁵² Кузьмин А. Г. Начальные этапы... С. 259.
- ⁵³ Любопытные лексические и фразеологические (а возможно, и семантические) параллели представляет подзаголовок расписания рядовых (ежедневных) евангельских чтений в Геннадиевской Библии (л. 777): «Сказание преи́мшее *всего лета* число евангельское и евангелистом претие, *откуда начинають и до где стають*. Ведомо есть, *яко чтется ряд* от Иоанна святого Евангелия...» (Библия 1499 года; Т. 7. С. 387. Курсив наш.— И. Д.).
- ⁵⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка... Т. 3. СПб., 1903. Стб. 231—235.
- ⁵⁵ Там же. Стб. 1523, 1526.
- ⁵⁶ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 157.
- ⁵⁷ «...Вспомни дни древняя от първозданнаго Адама до Потопа <...> Помяни же от Потопа до здания столпу <...> Помяни же от столпотворения до Авраама. Помяни же от Враама до Моисея. Помяни же от Моисея до Давида, а от Давида до Иоана Крестителя, сына Захариина...» (Палей Толковая... Л. 83—83 об.).
- ⁵⁸ «От Адама до Потопа, от Потопа до разделения язык, от разьмешения язык до начьяла Авраамля, от Авраама до проития Исраиля сквозе море, от Исхода сынов Исраилев до умертвия Давыда царя, от начала царства Соломона до Августа и до Христова Рожества, от Рожества Христова до страсти и Воскресения, от Воскресения же Его и на небеса възшества и до царства Константинова, от начала царства Константинова до Перваго збора и Седмаго — си вся добре сведаемь...» (Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 436).
- ⁵⁹ Ср., напр.: «Моисий же <...> научися от ангела Гаврила о бытии всего мира, и о первемь человеце, и яже суть была по нем и по Потопе, и о смешении язык... (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 66).
- ⁶⁰ Ср.: «Пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний, когда он прошел» (Пс. 89.5); «У Господа один день, как тысяча лет, и тысяча лет, как один день» (2 Петр. 3.8).
- ⁶¹ «О веках мира. От Адама до настоящего года минуло 6 веков, а седьмого века минуло 6644 года. Тысяча лет составляет один век» (К и р и к Н о в г о р о д е ц. Учение, им же ведати человеку числа всех лет // Историко-математические исследования. Вып. 6. М., 1953. С. 177).
- ⁶² Ср.: Б о б р и н с к и й А. Астрономия Библии. Париж, 1928. С. 20—21 и др.
- ⁶³ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 19.
- ⁶⁴ См. описания конца света в Книге пророка Даниила, в Третьей книге Ездры, в синоптических Евангелиях, в Откровении Иоанна Богослова, а также в апокрифических сказаниях, их развивающих, в частности, в Откровении Мефодия Патарского, фрагмент из которого был вставлен в Повесть временных лет под 6604 годом (Повесть временных лет. Ч. 1. С. 167—168). А. А. Шахматов относил эту вставку к третьей редакции Повести (Ш а х м а т о в А. А. Повесть временных лет. Т. 1. С. 294—295).
- ⁶⁵ Г а л ь б и а т и Э., П ь я ц ц а А. Трудные страницы Библии: Ветхий Завет. Милан; М., 1992. С. 268.
- ⁶⁶ См.: Р ы б а к о в Б. А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 161. Ср.: Л и х а ч е в Д. С. «Повесть временных лет»... С. 41.
- ⁶⁷ Л у р ь е Я. С. Две истории Руси XV века: Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб.; Paris, 1994. С. 216—217.
- ⁶⁸ См.: А р ь е с Ф. Указ. соч. С. 121 и след.

© 1995 г. Б. Н. Флоря*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ СТРОЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОЛОЦКА

Хорошо известно о существовании в некоторых землях средневековой Руси особого типа государств — городских республик, отличавшихся от соседних княжеств своими «вольностями». Осознание отличий в общественном строе «своего» и других княжеств побуждало граждан республик искать историческое объяснение и обоснование этих отличий. Специалисты по истории Новгорода проследили такие попытки, предпринимавшиеся на новгородской почве, начиная со сказания о «призвании князей» и кончая представлением о «Ярославлих грамотах» как источнике новгородских вольностей. Цель настоящей статьи — рассмотреть аналогичную историческую традицию, возникшую на почве другого крупного центра средневековой Руси — Полоцка.

Сообщение о древнем политическом строе Полоцка дошло до нас в составе позднего и довольно недостоверного памятника, получившего в научной литера-

* Флоря Борис Николаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН.

туре условное название — «Хроника Великого княжества Литовского и Жемайтского». В этом памятнике, созданном в 20-е гг. XVI в., по-видимому, по инициативе канцлера Альбрехта Гаштольда и его близкого родственника, епископа Павла Гольшанского, включенный в него «Летописец великих князей литовских», рассказывающий о событиях, происходивших в Великом княжестве Литовском в XIV—XV вв., был дополнен повествованием о более ранней истории Литвы, от момента переселения предков литовцев при императоре Нероне на новую родину¹.

В этом повествовании имеется рассказ о Полоцке, в котором «мужи полочане вечом справовалися, яко великий Новгород и Псков». Литовский князь Мингайло нанес полочанам поражение и захватил город. После него в городе правил его сын Гинвил. Гинвил женился на Марии, дочери великого князя тверского Бориса. Ради нее он «окрестился в руску веру» и принял имя Борис в честь тестя. Он основал и назвал своим именем город на реке Березине (г. Борисов), построил собор святой Софии в Полоцке, а также устроил под Полоцком женский монастырь св. Спаса и церковь Бориса и Глеба на Бельчице. Он «был ласкав на подданных своих и дал им, подданным своим, волности и вечно мети и в звон звонити, и по тому ся справовати, яко у Великом Новогороде и Пскове». Далее отмечается, что у него было двое детей — сын Глеб и дочь Прасковья. Сын княжил после отца в Полоцке, умер молодым и был похоронен в Софийском соборе «со отцом своим в одном гробе». Дочь же, Прасковья, прожив семь лет монахиней в монастыре св. Спаса, уехала в Рим, где «служила Богу пилне» и где была похоронена. Рассказ заканчивается сообщением, что после смерти Глеба полочане «почали за ся вечом справоватися <...> а пана над собою не мели»².

Прежде чем перейти к непосредственному анализу рассказа, следует выяснить, каково его место в общей концепции повествования. Как уже отмечалось, интересующее нас повествование о древней истории Литвы было создано в 20-е гг. XVI в. в среде литовской католической аристократии. Именно в это время литовская знать настойчиво выступала против включения представителей «русской» православной знати в состав великокняжеской рады, отстаивая монопольное право на занятие высших государственных должностей³. Обращение к прошлому должно было дать исторические аргументы для обоснования этой позиции. Как представляется, неслучайно центральное место в интересующем нас повествовании занимают рассказы о завоевании литовскими князьями русских земель, опустошенных татарским царем Батыем. Западная часть современной Беларуси, где литовские князья заложили свою новую столицу Новогрудок, была разорена до такой степени, что ее заняли мирным путем, однако другие русские земли были завоеваны: либо отняты у русских князей, либо отобраны у татар. В повествовании подчеркивается, что, когда русским князьям угрожали татары, они искали помощи у литовского великого князя, а когда опасность миновала, сами пытались напасть вместе с татарами на своего защитника. Тем самым оказывалось, что власть литовцев над русскими землями является вдвойне законной: и потому, что они победили русских князей, и потому, что они освободили эти земли от татар. Тенденция повествования будет совсем очевидной, если учесть, что князья этого древнейшего периода литовской истории провозглашались предками литовских знатных родов раннего XVI в. (Гаштольдов, Довойнов, Гольшанских, Гедройцев).

Рассказ о захвате Полоцка князем Мингайло и правлении там его потомков — один из ряда рассказов о завоевании русских земель. Вместе с тем он имеет особенности, которые в других рассказах не встречаются. Так, ни в одном из прочих рассказов памятника не говорится о принятии литовскими князьями «русской веры», а напротив, подчеркивается их приверженность языческим обычаям (в этой связи упоминаются деревянные идолы — «болваны», поклонение деревьям, описывается обряд сожжения мертвых). Не говорится, разумеется, ни в одном из них и о пожаловании новым «русским» подданным каких-либо вольностей.

Такие отклонения от схемы повествования наиболее естественно объяснить тем, что в Великом княжестве было хорошо известно, что полочане обладали вольностями, полученными некогда от православного князя Бориса. В таких

условиях, чтобы включить эти всем известные факты в свое повествование, его составителю ничего не оставалось, как сделать Бориса потомком вымышленного литовского князя Мингайло, чтобы тем самым и вольности полочан были ими получены от литовских князей. О вымышленном характере той части рассказа, где говорится о принятии сыном Мингайло, Гинвилем, православия и христианского имени «Борис», красноречиво говорят имена способствовавших этому исторических персонажей — великого князя тверского Бориса и его дочери Марии. Не вызывает сомнений, что сочинитель в данном случае использовал для создания вымышленной ситуации имена исторических деятелей гораздо более позднего времени: великого князя тверского Бориса Александровича и его дочери Марии, первой жены Ивана III.

Некоторые особенности повествования позволяют судить о круге лиц, из которого исходила информация, поступившая в распоряжение составителя «Хроники». Рассказ о княжне, постригшейся в «черницы у святого Спаса в монастыри над Полотою», где она «мешкала (жила.— Б. Ф.) (...) книги пишучи на церков», несомненно, имеет в виду полоцкую княжну Евфросинию, скончавшуюся в 1173 г. и причисленную к лику святых еще в домонгольский период⁴. В летописном рассказе она, однако, почему-то названа другим именем — Прасковья. В нем говорится о ее отъезде в Рим и погребении в этом городе, в то время как Евфросиния скончалась во время паломничества в Иерусалим, а останки ее были перенесены в Киево-Печерский монастырь⁵.

Как показал в прошлом веке А. П. Сапунов, появление такого рассказа было следствием того, что Евфросиния была ошибочно отождествлена со своей сестрой Евпраксией, а последняя, в свою очередь, с раннехристианской мученицей Праксидой (II в.), которая действительно была похоронена в Риме, где в ее честь был построен храм⁶.

Такая трансформация традиционной легенды должна была произойти, как представляется, в среде, заинтересованной в том, чтобы иметь «своего», местного покровителя, но в то же время авторитетного в глазах католического мира. Это дает основание полагать, что сведения об истории древнего Полоцка были получены от членов католической общины этого города, образовавшейся после основания в нем в 1498 г. храма бернардинцев⁷.

О сохранении в Полоцке исторической памяти о правлении в нем князя Бориса и его потомков свидетельствуют и поправки, внесенные в текст рассказа при создании новой, более обширной редакции памятника в 40-х гг. XVI в.⁸ Если в первой редакции говорилось, что детьми князя Бориса были Глеб и Прасковья, то во второй редакции мы находим важное уточнение, что сыном князя Бориса был Василий-Рогволод, сменивший отца на полоцком столе, а князь Глеб и его сестра Прасковья доводились ему внуками⁹.

Явно вымышленный характер рассказа о литовском происхождении князя Бориса и его потомков открывает возможность отождествить их с древнерусскими князьями, правившими в Полоцке до подчинения города Великому княжеству Литовскому. При этом следует принять во внимание оба варианта родословия князей — и в первой, и во второй редакциях. Сопоставление двух сообщений с имеющимися сведениями о правивших в Полоцке древнерусских князьях позволяет установить, что более правильным является вариант второй редакции. Упомянутые в нем князья могут быть отождествлены с сыном Всеслава Полоцкого Борисом, скончавшимся в 1129 г., сыном Бориса, Василием-Рогволодом, сидевшим на полоцком столе в 50—60-е гг. XII в. (последний раз упоминается в 1171 г.) и сыном Василия-Рогволода, Глебом (упоминается в Ипатьевской летописи под 1180 г.)¹⁰. При всей краткости рассказа «Хроники» в ней имеются сведения, которые отсутствуют в известных нам источниках: например, о княжении Глеба Рогволодича в Полоцке и его похоронах в полоцком Софийском соборе в одном гробе с отцом.

Такое отождествление, подтверждая недостоверность сведений о литовском происхождении князей, давших Полоцку вольности, вместе с тем позволяет

ответить на вопрос: стоят ли за отразившимся в «Хронике» представлением о происхождении полоцких вольностей какие-либо реальные исторические факты?

Поскольку, согласно «Хронике», вольности, предоставленные полочанам, заключались прежде всего в праве «вече мети и в звон звонити», следует выяснить, какие сведения имеются в источниках XII в. (время правления полоцких князей Бориса, Рогволода и Глеба) о деятельности веча в Полоцке. Соответствующие известия обнаруживаются в содержащемся как в Лаврентьевской, так и в Ипатьевской летописи рассказе киевского летописца о походе в 1128 г. на полоцких князей княжеской коалиции во главе с киевским князем Мстиславом, сыном Владимира Мономаха. В этом рассказе сообщается, что после первых успехов, достигнутых киевским князем и его союзниками, «полочане, сътснувшеся, выгнаша Давыда и с сынами и, поемше Рогволода, идоша к Мстиславу, просяще и собе князем, и створи волю их Мстислав, и поимше Рогволода, ведоша к Полотьску»¹¹. Исследователи отметили¹², что в этом рассказе полочане впервые выступают как самостоятельная политическая сила. Они изгоняют из города сына Всеслава, Давыда, вместе с сыновьями и предлагают Мстиславу Владимировичу своего кандидата на княжеский стол — Рогволода. Пассивность кандидата и активная позиция полочан подчеркивается в рассказе употреблением терминов «поимше», «ведоша». Для киевского летописца было существенно возведение Рогволода на княжеский стол с санкции Мстислава. Именно на это он и обратил внимание, обойдя молчанием, как складывались отношения полочан с их новым князем.

Свет на это проливают более поздние летописные известия, отмечающие активную роль полоцкого веча в вопросе возведения князей на полоцкий стол. Соответствующий материал уже рассматривался в работах М. Н. Тихомирова и Л. В. Алексеева. Вслед за этими исследователями укажем на то, что полочане в 1132 г. «выгнаша» своего князя Святополка Мстиславича, «а Василка посадиша Святославича»¹³. Еще более выразительны известия середины XII в. Под 1151 г. в Ипатьевской летописи читаем, что «яша полочане Рогволода Борисовича князя своего и послаша Меньску, а Глебовича к собе уведоша и прислашася полочане к Святославу Ольговичу с любовью, яко имети отцемь собе и ходити в послушаньи его и на том целоваша крест»¹⁴. Запись эта, восходящая, по убедительным наблюдениям Л. В. Алексеева, к летописцу Святослава Ольговича¹⁵, наглядно показывает, какие широкие границы имела самостоятельность полоцкого веча в середине XII в. Полочане, не ограничившись тем, что арестовали своего князя Рогволода и возвели на стол минского князя Ростислава Глебовича, через голову этого князя обращаются к князю Святославу Ольговичу, признавая его верховным сюзереном и принося ему присягу. Это позволяет сделать вывод, что к середине XII в. права полоцкого веча ничем не уступали правам, которые завоевало к этому времени вече новгородское.

Сопоставляя известия летописей и версию «Хроники», можно отметить одно существенное совпадение между ними: оба источника сходятся в том, что в правление Рогволода Борисовича полочане уже пользовались своими вольностями. Но налицо и определенное противоречие. В летописи первое активное выступление полочан связано с именем князя Рогволода, а «Хроника» пожалование полочанам вольностей приписывает князю Борису. Противоречие это, однако, мнимое. Л. В. Алексеев обратил внимание на летописную запись 1129 г.: «Преставися князь полотский Борис»¹⁶. Поскольку в предшествующем 1128 г. на полоцкий стол был возведен князь Рогволод, Л. В. Алексеев предположил, что «Борис» — христианское имя Рогволода¹⁷. Это предположение можно подкрепить дополнительным аргументом. В Ипатьевской летописи помещена запись о ссылке Мстиславом в Царьград «кривских», т. е. полоцких князей, среди которых были два Рогволодича¹⁸. В Московском своде 1479 г., где эта запись присутствует в более полном виде, указаны имена Рогволодичей: Василий и Иван¹⁹. Христианское имя «Василий», судя по надписи на так называемом «Рогволодовом камне», носил уже упоминавшийся выше полоцкий князь середины XII в. Рогволод Борисович²⁰, следовательно, отец этого князя имел двойное имя — Борис-Рогволод.

Тем самым очевидно, что обе традиции, литовская и русская, каждая по-своему характеризуют одни и те же события, имевшие место в Полоцке в конце 20-х гг. XII в. В это время полочане впервые выступили как политическая сила, влияющая на судьбу полоцкого стола, и к этому же времени историческое предание относило сложение новых норм отношений между князем и городом, конституирование веча как самостоятельного политического института. С течением времени представление о Борисе-Рогволоде как князе, которому полочане обязаны своими вольностями, все более укреплялось. В частности, с этим правителем связывались все наиболее важные памятники города и окрестностей. Если церковь Бориса и Глеба в Бельчицком монастыре действительно могла быть основана Борисом-Рогволодом, то ни у кого не вызывает сомнений, что полоцкий Софийский собор — памятник середины XI в.²¹, а женский Спасский монастырь был основан племянницей Бориса Евфросинией²².

Предание, однако, не случайно связало дом св. Софии и дом св. Спаса с именем князя Бориса, пожаловавшего Полоцку вольности. Именно дом святой Софии и женский Спасо-Евфросиниев монастырь еще в первой половине — середине XVI в. находились под коллективным патронатом Полоцкой земли, имевшей право назначать старост-«опекунов» для надзора за состоянием их имущества²³. Возможно, установление такого патроната также связывалось с каким-либо пожалованием князя Бориса.

Ориентацией полоцкой исторической традиции на личность князя — создателя первой полоцкой «конституции» следует объяснить и сохранение в исторической памяти полоцкого общества сведений только о тех полоцких князьях, которые были прямыми потомками Бориса-Рогволода. Потомком Рогволода объявляет эта традиция и местную святую Прасковью.

Чтобы ответить на вопрос о причинах столь долгого и устойчивого (вплоть до XVI в.) сохранения в Полоцке этой традиции, следует затронуть еще одну тему. Княжение Бориса-Рогволода в Полоцке оказалось очень кратким. Вскоре после его смерти Мстислав Владимирович сослал полоцких князей в Константинополь «и мужи свои посади по городом их»²⁴. В таких условиях самостоятельная роль полоцкого веча вряд ли могла сохраниться. Лишь после смерти Мстислава в 1132 г. полочане снова смогли ставить условия претендентам на княжеский стол. Как представляется, память о Борисе-Рогволоде оказалась столь прочной потому, что он был, вероятно, первым князем, заключившим при вступлении на стол соглашение с полочанами — «ряд». Именно так, скорее всего, следует понимать заявление, что он «дал им, подданным своим, волности, и вecho мети, и в звон звонити». В дальнейшем этот «ряд» стал прецедентом для заключения последующих соглашений, подобно «Ярославим грамотам», на которые ссылались новгородцы.

Как было показано в работе И. В. Якубовского, напечатанной в начале нашего века, следы древнего «ряда» между городом и князем обнаруживаются в тексте привилея короля Сигизмунда I Полоцкой земле 1511 г. Исследователь выявил в тексте документа некоторые статьи с архаической для XV в. терминологией, которые имеют прямые аналогии в договорах Новгорода с князьями второй половины XIII — начала XIV в. Поскольку некоторые из этих установлений отсутствовали в наиболее ранних новгородских грамотах, а, по мнению исследователя, «несомненно Новгород шел впереди Полоцка в защите своих прав», то возникновение письменного «ряда» между князем и городом он отнес к первой половине XIV в.²⁵ Однако то, что нам известно о полоцком вече XII в., не позволяет считать посылку, из которой исходил исследователь, бесспорной. К тому же далеко не все установления новгородских грамот XIV в., сходные с нормами привилея, позволяют говорить об успехах новгородцев в защите своих прав. Так, статья в новгородском докончании 1327 г. «А новгородьцем волостей и оброков княжих не таити»²⁶ (И. В. Якубовский сопоставляет ее с установлением полоцкого привилея — «а полочаном рек и озер княжих не таити») скорее указывает на столкновение между городом и князем, чем на расширение прав городской общины. Таким образом, нельзя исключать, что тексты древнего «ряда», реконст-

руированного И. В. Якубовским, могут в отдельных установлениях воспроизводить «ряд», заключенный в свое время полочанами с Борисом-Рогволодом, и мы имеем здесь дело с непрерывным развитием определенной традиции — традиции оформления договорных отношений между носителем государственной власти и городом.

Традиция эта, как следует из исследования И. В. Якубовского, продолжала жить и после включения Полоцка в состав Великого княжества Литовского в видоизмененной форме. Она была закреплена областным привилеем, гарантировавшим местной городской общине сохранение определенной автономии при новой власти. Выдавая такой привилей, великий князь связывал себя перед полочанами целым рядом обязательств: управлявшего Полоцком воеводу назначать полочанам только «по их воли», «не вступатися» «в церкви Божьи и в именья церковные без воли» полочан, не ставить в городе «застав». Тем же документом налагался ряд ограничений на деятельность представителя власти — воеводы. Вступая в должность, он должен был принести присягу полочанам, «што ж без их справы полочанина не карати ни в чом». Полочане освобождались от обязанности давать воеводе дары при вступлении в должность и «поедет (...) коли на ловы». Воеводе также запрещалось «ездити (...) по волости» для суда и сбора кормов, суд он должен был вершить в Полоцке вместе «з бояры и з мещаны»²⁷. Сохранение существенных элементов договорных отношений между правителем и Полоцком делало актуальным вопрос о происхождении этих отношений, а, следовательно, и о происхождении полоцких вольностей.

Согласно рассказу «Хроники», правление в Полоцке потомков князя Гинвила оказалось непродолжительным. Глеб Рогволодич умер бездетным, и после этого полочане «почали ся вечем справовати, как у Великом Новгороде и Пскове, а пана над собою не мели»²⁸. Таким образом, сохранялась память о том, что в какой-то исторический момент династия правивших в Полоцке князей пресеклась, и город превратился в самостоятельную республику. Вероятно, в качестве такой республики Полоцк вел переговоры с правителями Великого княжества Литовского об условиях перехода под их власть, но сведений об этом в официальном летописании Великого княжества Литовского не сохранилось. В сравнительно небольшом рассказе «Хроники» о древнем Полоцке дважды встречаются ссылки на порядки в Новгороде и Пскове, чтобы читателю стали ясны особенности политического устройства Полоцка. Очевидно, в первые десятилетия XVI в. в представлениях населения Великого княжества Литовского Новгород и Псков выступают как своего рода образец городской республики. Хотя вечевые традиции Полоцка ничем не уступали по древности новгородским, в общественном сознании он явно отступал на задний план по сравнению со своим могущественным соседом.

Предпринятое исследование, как представляется, дает определенный материал для решения более общего вопроса о роли «республиканской» государственности в историческом развитии русских земель как в домонгольский период, так и в последующие века — в XIII—XV столетиях. Само длительное сохранение исторической традиции, объясняющей появление в Полоцкой земле ее особого «республиканского» строя, говорит о длительном существовании того строя, который эта традиция обосновывала. Ясно, что дальнейшие исследования должны опираться на сопоставление процессов, протекавших одновременно в целом ряде политических центров. Вместе с тем приведенный материал позволяет ставить вопрос о судьбах «республиканских» государств и их идейного наследия в рамках более крупных политических образований разных типов. Очевидно, не везде их судьба была такой, как в Новгороде и Пскове. Наконец, проделанная работа убеждает в плодотворности ретроспективного анализа сравнительно поздних источников для выявления следов как исторических преданий, так и институтов более раннего времени. Думается, объектом такого исследования могла бы стать Полоцкая ревизия 1552 г. — описание Полоцкой земли, в котором зафиксированы отношения разных групп населения с государственной властью, как они

сложились к середине XVI в. Выделение в этом источнике напластований разных эпох могло бы дать новый импульс для изучения особенностей «республиканской» государственности в средневековой Руси.

Примечания

- ¹ Ч а м я р ы ц к і В. А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Мінск, 1969. С. 136—162.
- ² ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 130.
- ³ Л ю б а в с к и й М. К. К вопросу об ограничении политических прав православных князей, панов и шляхты в Великом княжестве Литовском до Люблинской унии//Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 13—14.
- ⁴ См. рассказы Жития Евфросинии о том, как святая писала книги, сидя «в церкви святей Софии в голбец каменне», об основании ею монастыря св. Спаса — Памятники старинной русской литературы, изд. Г. Кушелевым-Безбородко. Т. 4. СПб., 1862. С. 174—175.
- ⁵ О смерти Евфросинии в Иерусалиме см.: Там же. С. 178. О судьбе останков Евфросинии см.: Д у б р о в с к и й М. Житие преподобной Евфросинии Полоцкой. Полоцк, 1877. С. 10.
- ⁶ С а п у н о в А. Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой. Витебск, 1888.
- ⁷ Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. Т. 1. 1387—1507. Kraków, 1948. № 460.
- ⁸ О соотношении редакций и времени их создания см.: Ч а м я р ы ц к і В. А. Указ. соч. С. 158—160.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 175, 195.
- ¹⁰ Там же. Т. 2. М., 1962. Стб. 293 (Борис), 445, 493—496, 505, 512, 519 (Рогволод), 620 (Глеб); А л е к с е в Л. В. Полоцкая земля. М., 1966. С. 230.
- ¹¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. Стб. 299; Т. 2. Стб. 293.
- ¹² Т и х о м и р о в М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 200—201; А л е к с е в Л. В. Указ. соч. С. 260—261.
- ¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 302.
- ¹⁴ Там же. Т. 2. Стб. 445—446.
- ¹⁵ А л е к с е в Л. В. Указ. соч. С. 270.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 293.
- ¹⁷ А л е к с е в Л. В. Указ. соч. С. 252.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 304.
- ¹⁹ Там же. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 31.
- ²⁰ Текст надписи см.: А л е к с е в Л. В. Указ. соч. С. 230.
- ²¹ О времени построения полоцкого Софийского собора см.: Там же. С. 194—199.
- ²² Об основании монастыря имеются прямые свидетельства в Житии Евфросинии (Памятники старинной русской литературы. Т. 4. С. 174). Церковь и земля для устройства монастыря были выделены епископом из имущества Полоцкой кафедры. Князь Борис был лишь свидетелем при акте дарения.
- ²³ В привилее Полоцкой земле 1511 г. особо оговаривалось обязательство великого князя «в дом Божий светого Софея и в дом Божий светого Спаса <...> не вступатися». К этим двум «домам» относилось и другое установление привилея: «А дома церковные присмотрят старостам городским» (Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. III. М., 1980. № 329. С. 86, 90). В 1559 г. по просьбе полоцких бояр Сигизмунд II подтвердил их традиционное право избирать из своей среды двух опекунов («которые у привилеи вашом старостами описаны») для надзора за имуществом церквей св. Софии и св. Спаса, «абы от владыки и игуменныи знищчєнья имениа церковные не терпєли» (РИБ. Т. 30. Юрьев, 1914. Стб. 286).
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 295, 304.
- ²⁵ Я к у б о в с к и й И. В. Земские привилеи Великого княжества Литовского//Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июнь. С. 276—278 (реконструкция «ряда» — с. 296).
- ²⁶ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 14. С. 28.
- ²⁷ Текст Полоцкого привилея 1511 г. см.: Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Вып. III. № 323. С. 85—92. Характеристику полоцкой автономии в первых десятилетиях XVI в. по данным привилея 1511 г. и некоторых других источников см.: П и ч е т а В. И. Полоцкая земля в начале XVI в.//П и ч е т а В. И. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961. С. 220—224, 253—256.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 35. С. 130.

ПЛЕХАНОВ, УТОПИЗМ И РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Немецкая буржуазная революция, следовательно, может быть лишь прологом пролетарской революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии (1848)

Ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора...

К. Маркс. Предисловие к «Критике политической экономии» (1859)

Две эти цитаты указывают на центральное противоречие мысли Маркса. Если, как следует из первой цитаты, сразу же после буржуазной революции должна была последовать социалистическая, капитализм сошел бы с исторической сцены задолго до того, как в полной мере развились его производительные силы. Из второй явствует, что если производительные силы сумеют полностью реализовать свой потенциал при капитализме, тогда обязательно пройдет значительный промежуток времени между социалистической и буржуазной революциями. Конечно, между написанием «Манифеста» и «Критики политической экономии» последовал период в одиннадцать лет; и приводились убедительные аргументы в пользу того, что в те годы, углубив свои знания и опыт, Маркс перестал быть проповедником идеи перманентной революции и более всего подчеркивал социально-экономические условия социалистической революции¹. Как бы то ни было, Маркс завещал своим последователям двусмысленное наследие, и в зависимости от обстоятельств как объективных, так и субъективных, тот или иной марксист может принять любой из этих прогнозов в качестве руководства к революционной стратегии и тактике.

Эти замечания, очевидно, приложимы и к истории русского революционного движения: читатель, вероятно, узнает подход Ленина (и Троцкого) в первой цитате, и Плеханова — во второй. Советская историография, конечно же, провозгласила путь Ленина верным и даже неизбежным; но рассматриваемая проблема не является сугубо академической, поскольку гласность и перестройка пробудили живой интерес к вопросу о жизненности идей «отца русского марксизма» сегодня в нелегкой для страны ситуации. В середине 1989 г. «Аргументы и факты» поместили на видном месте статью о Плеханове в ответ на вопросы своих читателей о том, была ли альтернативная программа Плеханова лучше, чем ленинская, большевистская. В том же году редакторы «Вопросов истории» сочли уместным опубликовать запрещенное ранее письмо Плеханова, адресованное петроградским рабочим вскоре после Октябрьской революции, в котором содержалась резкая критика захвата власти большевиками. И в интервью газете бывший мэр Москвы Гавриил Попов утверждает, что нынешний экономический, политический и социальный кризис проистекает из семидесятилетнего эксперимента, сутью которого была волюнтаристская попытка (он также называет ее «преждевременной» и «утопической»), которая опередила развитие производительных сил, извратила основные идеи марксизма и не посчиталась со взглядами таких ведущих марксистов, как Плеханов².

В свете этих соображений стоит еще раз рассмотреть взгляды Плеханова на революцию в России³, в особенности определить точность восприятия Плехановым динамики революционного процесса в России, образ мыслей, который привел

* Бейрон Сэмюэл Г., профессор истории Университета штата Северная Каролина, г. Чэпел Хилл (США).

его к такому яростному противостоянию Ленину и большевикам, и осуществимость как краткосрочных, так и долгосрочных мер, предлагаемых им. Мы можем прийти к заключению, что современные дискуссии имеют тенденцию к упрощению истории, что невозможно дать ясный ответ на вопрос «Был ли путь Плеханова лучше ленинского?», что Плеханов был и прав, и неправ, так же как Ленин и Троцкий, хотя и по-иному.

От народничества к марксизму. Будет поучительно сначала вспомнить процесс, в результате которого Плеханов, начинавший как активный деятель народничества, перенес свои политические симпатии на марксизм. Будучи народником и находясь под сильным влиянием Чернышевского⁴, молодой Плеханов думал, что для России было возможно революционным путем перейти прямо к социалистическому строю, минуя фазу капиталистического развития. Этот постулат указывает на пристрастие народников как предшественников русских радикалов к компаративистскому мышлению. Привлеченные социалистическим идеалом, возникшим на Западе, и желая воплотить его в жизнь, писатели-народники разработали теорию революции, которая, по их мнению, учитывала специфические условия в России. Социально-экономическая отсталость России проявлялась в ее почти исключительно аграрной экономике и в преобладании крестьянского населения, жестоко эксплуатируемого и поэтому глубоко неудовлетворенного своим положением. Отсюда следует, что, если России суждено было стать социалистической в недалеком будущем, то ее социализм обязательно носил бы аграрный характер. Эти рассуждения, согласно точке зрения народников, были далеко не утопичны, поскольку социально-экономический мир крестьян, и прежде всего его вековой патриархальный общинный уклад, привил крестьянам коллективистское мышление. Поэтому с ниспровержением репрессивного государственного строя существовали бы как социально-экономические (объективные), так и психологические (субъективные) предпосылки для установления социализма. Эта теория в своей основе утверждала исключительность российского исторического процесса: России было суждено перейти от докапиталистической формации непосредственно к социализму.

Присоединившись к народникам в 1875—1876 гг., Плеханов внес новую струю в философию этого движения. Хотя многие народники были знакомы с идеями Маркса и даже высоко ценили их, они, как правило, считали его постулаты непригодными для России. В противоположность им, познакомившись с некоторыми элементами марксистской идеологии, Плеханов настолько увлекся ею, что в очерке, многозначительно озаглавленном «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России», он заявил о необходимости приспособить народническую программу к марксистской системе⁵. Он не только не соглашался с тем, что идеи Маркса были релевантны только при анализе западноевропейского капитализма, но утверждал обратное — их универсальную действенность. Однако это отнюдь не означает, что Маркс предрекал одинаковые исторические пути для всех народов. «...Общие законы социальной динамики существуют, но, переплетаясь и комбинируясь различно в различных обществах, они дают совершенно несходные результаты точно так же, как одни и те же законы тяготения дают в одном случае эллиптическую орбиту планеты, в другом — параболическую орбиту кометы». На это утверждение стоит обратить внимание, поскольку оно демонстрирует, что в то время Плеханов гибко интерпретировал марксизм, очевидно, считая, что его принципы были совместимы с идеей российской исключительности.

Плеханов косвенным образом объяснил противоположные модели российского и западноевропейского развития, сославшись на материалистический постулат о том, что бытие определяет сознание. На Западе, говорил он, когда-то преобладавшая крестьянская община и коллективистские инстинкты, ассоциировавшиеся с ней, в какой-то момент были разрушены появлением частной собственности и философии индивидуализма. Захваченные этим процессом, западные народы не

могли перепрыгнуть ни через один этап исторического развития. Вместо этого им было суждено прийти к социализму благодаря коллективистски настроенному пролетариату, взращенному крупным промышленным производством развитого капитализма. В отличие от Запада, считал Плеханов, капитализм и индивидуализм не смогли пустить в России глубокие корни. Он настаивал на том, что крестьянская община, коллективистская в своей основе, оставалась фундаментом российского общественного строя и она «не несла в себе элементы собственной гибели». По этой причине Россия обладала всем необходимым для перехода к социализму на основе, отличной от западной.

Очевидно, что для Плеханова достоверность народнической теории основывалась на жизнеспособности крестьянской общины. Его последующий отказ от народничества в пользу марксизма был вызван, с одной стороны, печальным опытом коммун во многих странах, а с другой — реальностью капитализма с его разделением труда, который прокладывал себе путь в Россию⁶. Когда в 1880 г. Плеханов отправился в изгнание в Западную Европу, он настойчиво стремился найти идеи и факты, которые помогли бы ему понять ситуацию, разворачивающуюся в России, сопоставляя ее с процессом развития других стран и цивилизаций через призму трудов по европейской истории и работ Маркса, которые он штудировал; рост числа промышленных предприятий, ставших реальностью российских городов, и фабричные рабочие, в чьей среде Плеханов проводил агитацию, приобрели для него новое значение. Промышленное развитие России, все еще слабое, указывало на будущее господство капитализма. Кроме того, ярким подтверждением правоты марксистской точки зрения для него явилось то, что пролетарии, среди которых он работал, несомненно активнее поддавались социалистической пропаганде, чем крестьяне⁷.

Плеханов начал критически пересматривать позицию народников⁸. Его исследования подтверждали предположение, что капитализм проникал как в город, так и в сельскую местность вместе с промышленным производством и ростом пролетариата. Более того, под влиянием товарного производства когда-то эгалитарная крестьянская община подвергалась процессу социального расслоения, и в изменяющейся среде некоторые слои крестьянства становились менее коллективистскими и более буржуазными в своем мировоззрении, в то время как другие пролетаризировались. Если социалистическому движению суждено было преуспеть, то ему следовало основываться на реалистической, объективной оценке социально-экономического уровня и исторического пути, на который вступало общество; оно должно было принять во внимание исторические законы, открытые Марксом. Социалистическое учение не было чем-то вроде точной науки геометрии, чем-то, что можно было по желанию принять и воплотить в любое время в любой стране, независимо от стадии ее исторического развития. Но народники, не учитывая противоречий между своими целями и средствами их достижения, субъективно продолжали полагаться на структуры, которые были обречены историей на забвение.

Предполагая, что поддержанная крестьянством революция должна успешно осуществляться, Плеханов заметил, что она неизбежно примет крестьянскую программу. Однако крестьяне отдавали предпочтение «черному переделу», а не социалистической системе. В качестве альтернативы в минуту удивительной прозорливости Плеханов провидел возможность, когда революционный комитет может захватить власть и постарается удержать ее, при этом он даже допускал, что цели народа и интересы комитета не совпадут. Если бы тогда революционный комитет попытался организовать социалистическое производство в отсутствие как объективных условий, так и всеобщего одобрения этой программы, ему бы пришлось «искать спасение в идеалах „патриархального и авторитарного коммунизма“, внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перуанских „сынов Солнца“ и их чиновников национальным производством будет заведовать социалистическая каста»⁹. Другими словами, революционеры будут обязаны управлять, как древние перуанцы, деспотическими методами.

В общем, Плеханов стал считать взгляды народников безнадежно нереалистическими, одним словом, утопическими. Если раньше он верил, что марксизм совместим с народничеством, то сейчас он противопоставлял научный характер одного утопизму другого. В представлении Плеханова, его собственная миссия заключалась в том, чтобы отвлечь революционное движение от утопизма и направить его в научное русло. Трудно переоценить важность этого момента в творчестве Плеханова для понимания той позиции, которую он займет позднее. Большая часть его дальнейшего пути была посвящена борьбе вокруг таких вопросов, как наука против утопизма, детерминизм против революционной воли и исторический закон против субъективизма.

Излишне говорить о том, что Плеханов не удовлетворился одной лишь критикой чужих взглядов; он предложил свою программу, основанную на его понимании пути развития, уготованном России. Убежденный в том, что социально-экономическая отсталость его родины исключала возможность социалистической революции в ближайшем будущем, Плеханов верил в то, что Россия уже достаточно продвинулась по пути капитализма для того, чтобы в недалеком будущем в стране суждено было свершиться перевороту подобно французскому в 1789 г., — буржуазно-демократической революции. Вслед за свержением самодержавия он ожидал для России тех же событий, которые наблюдались в Германии: бурного развития капитализма, приумножения рядов пролетариата и роста социалистического движения. Нельзя было ожидать незамедлительной реализации этих прогнозов, но в конечном итоге условия будут подготовлены для второй революции — социалистической. Неудивительно, что имея такое представление о будущем России, сложившееся на основе анализа опыта Европы, Плеханов еще в конце 1881 г. высказал мысль о том, что между российской историей и историей Западной Европы нет существенных различий¹⁰.

Фактически Плеханов включал в свой прогноз революционных событий на несколько последующих лет — иногда сознательно, иногда нет, противоречащие европейскому опыту элементы, потенциально чреватые иным результатом, нежели тот, на который он вместе с европейскими марксистами рассчитывал. Самым главным в революционной тактике Плеханова было утверждение Маркса в «Коммунистическом манифесте» о том, что социалистам следует бороться против абсолютизма совместно с буржуазией, в то же время внедряя в сознание пролетариата идею о противоречии между собственными его интересами и интересами буржуазии¹¹. Однако он полагал, что российской буржуазии не хватит революционного запала, и поэтому инициатором атаки на абсолютизм придется выступать рабочему классу. По мнению Плеханова, политическая свобода будет завоевана либо рабочим классом, либо это не произойдет никогда¹².

Он полагал, что фактически рабочий класс играл более или менее значительную роль в революциях 1789 и 1848 гг., но, поскольку рабочим не доставало классовой сознательности, то плодами побед воспользовалась буржуазия, оставив рабочих ни с чем. Вмешательство российских социал-демократов, настаивал он, будет чрезвычайно важно и необходимо как для обеспечения участия пролетариата в свержении абсолютизма, так и для того, чтобы рабочий класс вступил на политическую арену как независимая сила, обладающая классовым сознанием и способная гарантировать себе экономические и политические права при новом строе. Социал-демократы планировали добиться этого, внушая пролетариату идею классового сознания, и тем самым связывая буржуазную и социалистическую революции, которые тем не менее должны были быть разделены длительным промежутком времени.

Плеханов периодически указывал на то, что условия, существовавшие в России, а также пути ее исторического развития были самобытны и отличались от тех, которые обозначились в Европе. У России не было необходимости скрупулезно следовать опыту более развитых стран и проходить все стадии промышленного развития; наоборот, она могла перенять самую последнюю технологию и формы промышленной организации и, таким образом, энергично модернизировать свою

экономику. Точно так же российским социалистам не нужно было нащупывать свой путь к действенной стратегии и тактике, поскольку они могли непосредственно перенять опыт западного рабочего и социалистического движения. Подобные рассуждения, безусловно, допускали возможность более короткого капиталистического этапа в России, чем на Западе, но у Плеханова была тенденция принижать роль этих факторов и считать их лишь второстепенными. То же относилось и к его представлению о российской буржуазии, которой, по его мнению, недоставало революционного пыла. Плеханов был уверен в том, что западная модель являла собой надежный ориентир для России, не учитывая того, что ее особые условия, о которых он говорил, или программа активных действий, которую он выдвигал, могут привести к существенно иной модели развития.

Безусловно, важно отметить место крестьянства в революционных проектах Плеханова. Как бывший народник, он не мог забыть о том, что подавляющее большинство населения составляли крестьяне. Но, когда он воспринял марксизм, его отношение к крестьянству резко сменилось на противоположное. Сейчас он был склонен смотреть на крестьянские массы с неприязнью, чтобы не сказать — враждебно. В своем желании навсегда сохранить мелкое производство, считал он, крестьяне обнаруживали свою приверженность реакционным мелкобуржуазным иллюзиям. Более того, «политическая индифферентность и умственная отсталость» крестьян делали их главным оплотом царского самодержавия. По этим причинам — и, кажется, не осознавая или забыв о той огромной позитивной роли, которую сыграло сельское население на ранних этапах Французской революции, — Плеханов полагал, что можно не принимать во внимание крестьянство в приближающейся революции, хотя окончательно и не сбрасывал его со счетов ¹³.

Революция 1905 года. К 1905 г. русские социал-демократы в целом восприняли марксизм, адаптированный Плехановым для России, где центральное место отводилось революционному двухэтапному плану. При отсутствии у России какого-то ни было непосредственного революционного опыта, Французская революция, как образец, продолжала оказывать мощное воздействие на мышление российских марксистов. 1905 год выдвинул на арену борьбы самые различные социальные силы, выявил между ними определенные связи и, в более общем плане, динамику революционного процесса в России. Поэтому события 1905 г. не могли не показать всю глубину противоречий между тщательно разработанной теоретической моделью и политической реальностью.

И Ленин, и Троцкий обнаружили существование важных несовпадений теории и практики. Они отреагировали на них выдвижением новых программ, подогнанных под особые российские условия, выявленные в ходе революции. Пораженный мощью крестьянского бунта и тем, что он принял за нерешительность действий буржуазии, Ленин заявил, что самодержавие сменится не буржуазным строем, а «революционной диктатурой пролетариата и крестьянства» ¹⁴. Что же касается Троцкого, то опыт 1905 г. привел его к созданию теории перманентной революции, согласно которой социалистическая революция должна последовать вскоре после свержения абсолютизма. Троцкий разработал свою теорию, частично ссылаясь на особенности социального развития России, главным образом на появление воинствующего пролетариата в стране, где огромные крестьянские массы были недовольны своим положением; и частично — путем сравнительного анализа соотношения сил в революциях 1789, 1848 и 1905 гг., где особое внимание уделялось той постепенно снижающейся роли, которую играла в них буржуазия ¹⁵.

В отличие от Ленина и Троцкого Плеханов отказался признать, что события 1905 г. поставили под серьезные сомнения его теоретические выкладки. Тем не менее, ему пришлось признать некоторые немаловажные отклонения от них. Он признал ведущую роль, взятую на себя пролетариатом, но опасался, что тот зашел слишком далеко. Посвятив всю свою жизнь повышению классового самосознания пролетариата, сейчас он мог написать: «Трудность состоит для нас не в том, чтобы сознать противоположность интересов буржуазии и пролетариата. В наших рядах

признание этой противоположности приобрело уже, можно сказать, прочность предрассудка»¹⁶. Подлинное классовое сознание, настоятельно подчеркивал он, также требует признания пределов социальных изменений, что диктуется уровнем экономического развития страны. Соответственно социал-демократы должны были внушить пролетариату мысль о том, что Россия созрела лишь для «буржуазной революции», и что было бы безрассудством идти дальше этого этапа.

Плеханов обвинял буржуазию в неспособности включиться в длительную революционную борьбу, хотя он и раньше предсказывал такую возможность. Он объяснял эту особенность российской буржуазии тем, что она опасалась, как бы революция не зашла слишком далеко и тем самым не повредила ее классовым интересам¹⁷. Плеханов не мог игнорировать широкое и активное движение крестьянства, но он часто принижал его важность на том сомнительном основании, что якобы крестьянские устремления были реакционны и лишены здравого смысла. Социал-демократам, считал он, не следует поддерживать мелкого собственника в противовес крупному, когда крупное землевладение представляло собой не пережиток феодализма, а феномен прогрессивного экономического развития. Им также не следует одобрять явное желание некоторой части крестьянства передать государству землю, конфискованную у помещиков, поскольку это означало бы возврат к экономическому базису восточного деспотизма. В силу этих причин, а также с учетом предполагаемого отсутствия политической сознательности у крестьян Плеханов пришел к выводу, что крестьянство не является политическим единомышленником и надежным союзником пролетариата¹⁸. Таким образом, признавая, что действительность не во всем совпадала с ранее разработанной им схемой, Плеханов тем не менее был склонен недооценивать значимость этих моментов и настаивать на собственной правоте.

Неудивительно, что в 1905—1906 гг. Плеханов бросал в адрес Ленина и большевиков упреки, напоминающие те, которыми он осыпал всевозможных выразителей идей народничества. Согласно его точке зрения, большевики не понимали, какие цели были в историческом плане тактически достижимы; они не смогли объективно оценить ситуацию, и потому средства, которыми они располагали, оказались неадекватными поставленным целям.

Будучи убежден в том, что его оппоненты нарушали фундаментальные принципы марксизма, Плеханов охарактеризовал их идеи как «политические галлюцинации». В своем отрицании объективных критериев и в поисках достижения недостижимого некими волшебными средствами, они напоминали ранних революционеров, кого Энгельс называл «алхимиками революции»¹⁹. Подчас он видит в них пленников утопического мышления; но, что, возможно, более важно, он уподоблял Ленина народникам, т. е. тем, кого заклеил как бланкистов за их самонадеянное представление о том, что революционная клика способна захватить власть и во что бы то ни стало осуществить социалистическую революцию²⁰.

Плеханов приходил в ужас от утверждений, что Россия может миновать этап буржуазной революции или что он может быть пройден очень быстро. Но в то же время он признавал, что влияние Ленина возросло, что в огне революционной борьбы идеи Троцкого завоевали значительную поддержку даже среди таких лидеров меньшевиков, как Ф. Н. Дан и Л. С. Мартынов, и что его собственное влияние уже уменьшилось.

Поэтому в октябре 1906 г. Плеханов обратился к лидерам международного социализма с просьбой оценить ситуацию в России, будучи уверенным в том, что с их помощью баланс сил в революционном движении сместится в его пользу²¹. Как один из редакторов московского журнала «Современная жизнь», он обещал опубликовать их ответы на серию вопросов: 1. Каков характер надвигающейся русской революции, буржуазный или социалистический? 2. В предстоящей борьбе против автократии какова должна быть позиция социал-демократов в отношении буржуазной демократии? 3. Каково должно быть отношение социал-демократов к оппозиционным буржуазным партиям на предстоящих выборах? Его собственные

соображения по этим вопросам уже не раз были оглашены²². Конечно же, надвигающийся переворот мог быть только буржуазной революцией. В борьбе против самодержавия социал-демократам следует поддержать буржуазную демократию. И в избирательной кампании было бы желательно, чтобы они вступили в соглашения с буржуазными оппозиционными партиями.

Набралось двенадцать респондентов, которые в основном сосредоточились на первых двух вопросах и уклонились от ответа на третий. К удивлению и огорчению Плеханова, только трое из двенадцати дали те ответы, на которые он рассчитывал. Остальные не были склонны считать, что российская революция может быть уподоблена Французской образца 1789 г. Участие в ней рабочих и социалистические идеи, проявившиеся в революции 1905 г., были слишком очевидны, чтобы смотреть на российскую революцию как исключительно на буржуазную. Однако респонденты полагали, что переворот в России не предвещал и социалистическую революцию, поскольку экономика и население страны были слишком отсталыми для организации социалистического производства²³. В той или иной степени эти респонденты осознавали противоречие в самой сути русской революции, противоречие между ее главными движущими силами и социально-экономической отсталостью России, между желанием миновать буржуазную революцию и отсутствием в России предпосылок для установления социалистического строя.

Очень важным был ответ Каутского или, скорее, комментарий к вопросу Плеханова, появившийся в форме статьи в двух номерах газеты «Die Neue Zeit»²⁴. Основанный на глубоком изучении проблемы, ответ Каутского был самым развернутым, всеобъемлющим и взвешенным и представлял собой продуманный синтез, не последним достоинством которого явилось понимание роли случайности в революции и конечной непредсказуемости хода событий. С его точки зрения, эра буржуазной революции миновала, поскольку буржуазия перестала быть революционным классом, когда (как это случилось в России) пролетариат начал выступать как независимая сила со своими собственными целями. Сейчас пролетариат являл собой революционный авангард, но так как он не был достаточно силен, чтобы в одиночку взять власть, российскую революцию нельзя было назвать и социалистической.

Однако Каутский считал «вполне возможным», что в ходе революции власть перейдет к социал-демократам и (хотя это было менее вероятным) что они смогут ввести социалистическую систему производства. Необходимым условием для победы пролетариата являлась его поддержка крестьянством. По мнению Каутского, аграрный вопрос был самой острой проблемой для России, и только социалисты могли ее разрешить. Поддерживая экономические требования крестьян, социал-демократы могли бы заручиться их поддержкой, а затем и прийти к власти. Они должны быть готовы к этому, поскольку «нельзя успешно вести борьбу, заранее отказываясь от победы». Вместе с тем не нужно питать иллюзий относительно того, что свержение старого режима само по себе расчистит путь к социалистической организации производства. Парадокс состоит в том, что если революция завершится победой, то это будет способствовать появлению крестьянина, приверженца частной собственности, что станет мощным препятствием на пути пролетариата к достижению целей построения социализма. Однако, считал Каутский, ситуация была неустойчивой, и в зависимости от таких неопределенных факторов, как продолжительность революции, ее воздействие на рабочее движение на Западе и влияние последнего на Россию, может появиться шанс, пусть и слабый, на быстрый переход к социализму.

Каутский кратко изложил свои взгляды в следующих словах: «Мы должны привыкнуть к мысли, что мы сталкиваемся с совершенно новыми ситуациями и проблемами, к которым не подходит ни одно из старых определений. Мы поступим наиболее правильно в отношении русской революции и задач, которые она ставит перед нами, если мы будем рассматривать ее не как буржуазную революцию в обычном смысле этого термина, а также не как социалистическую революцию, а

как нечто совершенно новое, происходящее на границе между буржуазным и социалистическим обществом, способствующее уничтожению первого, подготавливая условия для второго и в любом случае давая мощный толчок прогрессивному развитию стран капиталистической цивилизации»²⁵. Видение Каутским будущего имело много общего со взглядами Троцкого, изложенными в его брошюре «Результаты и перспективы». Однако оно было менее апокалипсическим и даже больше напоминало предвиденную Лениным диктатуру пролетариата и крестьянства. И, поскольку сходство было очевидным, большевики быстро перевели и опубликовали статью Каутского с предисловием Ленина. Большевицкий лидер торжествующе отметил, что Каутского не смогли ввести в заблуждение «неумные вопросы» Плеханова. Хотя Ленин проигнорировал некоторые предостерегающие моменты в анализе Каутского, он не без основания ликовал, видя в нем самое блестящее подтверждение тактики большевиков, революционного крыла русской социал-демократии. По иронии судьбы, авторитет ведущего европейского теоретика марксизма был пущен в ход не в поддержку взглядов Плеханова (на что тот, безусловно, рассчитывал), а его основного противника. Это явилось для Плеханова сокрушительным ударом.

Конечно же, Плеханов вынужден был ответить Каутскому, но его возражения оказались неубедительными, ибо содержали изрядную долю разглагольствований, догматизма и бездоказательных доводов²⁶. В довершение всего ему не удалось противостоять Каутскому и опровергнуть его выводы, приведенные выше, что ставило под сомнение кардинальные положения самого Плеханова.

Революция 1905 г. продемонстрировала невозможность запрыгнуть в одну повозку буржуазию и пролетариат с его классовым сознанием в «буржуазной» революции классического типа. Но за долгое время Плеханов настолько сжился со своей схемой, что оказался неспособным принимать во внимание другие возможности.

Он был уже не тем человеком, который вопреки видимым признакам распада крестьянской общины и зарождения капитализма когда-то отказался от народничества в пользу марксизма, который когда-то доказывал, что общие законы движущих сил общества переплетаются и взаимодействуют в разных обществах по-разному, приводя к совершенно разным результатам. В отличие от Ленина и Троцкого, которые разглядели отличительные черты российской революции, Плеханов не принимал в расчет то, что было открыто в отношении движущих сил революции. Отвечая большинству лидеров международного социалистического движения во главе с Каутским, он изо дня в день говорил о низком уровне социально-экономического развития России, что, бесспорно, было вопросом огромной важности. Но, в отличие от Ленина и Троцкого, Плеханов смотрел на это обстоятельство односторонне, считая его самым решающим в определении ситуации.

Точнее, события 1905 г. вызвали у Плеханова необходимость внести некоторые изменения в его тактику и стать более сдержанным в суждениях. Органически Плеханов не мог не признавать революцию, в то же время он не хотел, чтобы его имя ассоциировалось с тем ее типом, который предвещали события 1905 г. При сложившихся обстоятельствах ему представлялось разумным агитировать рабочих участвовать в профсоюзах, кооперативах и выборных органах, а также поддерживать любые прогрессивные инициативы, исходившие от либералов²⁷. Таким образом, при помощи социал-демократов пролетариат мог бы достигнуть лучшего осознания своего положения в обществе и найти оптимальные способы выдвижения своих требований. Он смог бы обрести подлинное классовое сознание — защиту от сомнительного участия в «бредовых» авантюрах. В качестве примера Плеханов указывал на немецкую социал-демократическую партию, не замечая (что впоследствии стало общепризнанным) того, что она использовала революционную риторику и осуждала реформизм, в действительности же проводя реформистскую политику. После 1905 г. Плеханов провозгласил аналогичную тактику, упорно считая, что она составляла наиболее действенную революционную линию.

1917 год и после. Хотя это, конечно же, спорное суждение, но можно предположить, что если бы не разразилась война, то революция и тем более переворот 1917 г. вряд ли бы могли произойти²⁸. Для создания первой революционной ситуации и свержения царского режима потребовалась всеобщая разруха, вызванная мировой войной, приведшая к крайнему обострению недовольства рабочих и крестьян, и скопление в столице и вокруг нее огромного числа новобранцев, которые не желали, чтобы правительство использовало их как пушечное мясо. Тем, кто сейчас сокрушается по поводу того, что с революцией не покончили сразу же, следует напомнить об обстоятельствах того времени, крайне неблагоприятных для такого решения²⁹.

Появление в феврале 1917 г. не только умеренно-либерального Временного правительства, но и Советов рабочих и солдатских депутатов (а вскоре возникли и крестьянские Советы) указывало на то, что революция может выйти, а, возможно, уже вышла, за рамки буржуазной. Однако умеренные социалисты, которые в течение полугода составляли большинство в Советах, все еще находились под влиянием двухэтапной программы Плеханова, остро сознавая отсталость России; в силу этого они стремились предотвратить последующий поступательный ход революции. Если бы только они более чутко реагировали на требования солдат и крестьян, если бы только они вывели Россию из войны и благословили бы процесс захвата земли, набирающий силу в сельской местности, они могли бы победить. Однако они предпочли поступить по-другому и были сметены большевиками, которые обещали мир, землю и хлеб. Гений Ленина проявился в провоцировании всех сил, среди которых наблюдались волнения и недовольство, и в умении пристегнуть их к своей революционной упряжке. Его руководство было необходимым, как утверждал вместе с другими Троцкий, но не следует забывать, что, настаивая на переходе от одной революции к другой, он отказался от идеи диктатуры пролетариата и крестьянства, которую разработал в 1905 г., и фактически воплотил теорию перманентной революции, выдвинутую Троцким в 1906 г.

Находясь значительно правее умеренных социалистов в 1917 г., Плеханов имел еще меньше шансов на успех, чем они. Он так горячо поддерживал войну, что царское правительство посчитало уместным тайно профинансировать публикацию и широкое распространение одной из его статей, которая обосновывала его оборончество³⁰; он выступал в том же духе после возвращения в Россию в конце марта 1917 г. Хотя Плеханова и встретили как героя, вскоре стало очевидно, что его политическая повестка дня, в которой приоритет был отдан победе над Германией, не соответствовала настроению революционного Петрограда. Плеханову не удалось обеспечить себе сколько-нибудь значительного положения ни в Исполнительном комитете Советов, ни во Временном правительстве. Беспреданно призывая к сдержанности взбунтовавшихся рабочих, солдат и крестьян, которые желали свести счеты со своими хозяевами, и яростно критикуя умеренных социалистов даже за те полумеры, предпринятые ими для успокоения масс, Плеханов быстро утрачивал свое влияние³¹. Он снова, как и в 1905—1906 гг., сурово критиковал Ленина, но наряду со старыми аргументами им выдвигались и новые. Плеханов заклеил ленинские «Апрельские тезисы», назвав их «бредом», и, поскольку ленинская программа, казалось, не принимала в расчет всех тех ограничений, которые навязывал уровень экономического развития России, он осудил ее как отрицание марксизма и возврат к утопическому социализму раннего периода. Неоднократно он напоминал публике об изречении Маркса о том, что ни одна общественная формация не погибнет раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора; и о предупреждении Энгельса о катастрофических последствиях преждевременного захвата власти³². И все же на своем смертном одре он, кажется, наконец понял, насколько его собственные усилия способствовали большевистской революции, которую он находил такой отвратительной. Он постоянно задавал своему другу Льву Дейчу мучивший его вопрос: «Не принялись ли мы за пропаганду марксизма слишком рано в отсталой полуазиатской России?»³³.

Плеханов был повержен в 1917 г., но что же увенчалось триумфом и как это произошло? Большевики во главе с Лениным и Троцким взяли власть, и этот захват власти они провозгласили социалистической революцией. Многие политически активные пролетарии, несомненно, разделяли эту точку зрения, хотя Союз железнодорожных рабочих, со своей стороны, выступил против большевистской монополии на власть и грозил забастовкой, если не будет сформировано общесоциалистическое правительство³⁴. Что касается крестьян, то они уже провели распределение земли насильственным путем, что было одобрено большевиками. Однако большевистский лозунг «Земля крестьянам!» противоречил аграрному пункту программы их партии. В 1917 г. Ленин фактически присвоил аграрную программу своих политических соперников социал-революционеров, чтобы нацелить большевиков на выполнение самых неотложных требований крестьянства³⁵.

Аграрная революция 1917 г. объективно явилась буржуазной революцией в том смысле, что в ее результате были конфискованы поместья крупных землевладельцев, государства и Церкви. Она превратила массы безземельных сельских жителей в собственников, и эти мелкие собственники стали более крепкими хозяевами, чем прежние³⁶. 1917 и 1918 годы действительно явились временем быстрого возрождения традиционной общины, которую крестьяне приветствовали, поскольку видели в ней некий способ дележа конфискованных земель. Желания крестьян были несколько противоречивы: с одной стороны, они хотели иметь собственные наделы, с другой — ту защиту от эксплуатации (связанную с частной собственностью на землю), которую, как они полагали, могла обеспечить коммуна, ориентированная на эгалитаризм³⁷. Такая аграрная революция имела мало или вообще ничего общего с ленинской концепцией социализма. Как революционное правительство, приверженное идее социализма, справится с преимущественно крестьянским населением, главным образом занимавшимся семейным фермерством внутри коммуны, явилось головоломкой, которую советскому режиму придется решать снова и снова.

В 80—90-х гг. Плеханов выдвинул идею о том, что ниспровержение самодержавия может явиться детонатором социалистической революции на Западе, а, в свою очередь, развитие событий на Западе способно ускорить переход к социализму в России. Не сложно понять, учитывая его точку зрения в 1905 и 1917 гг., почему он не настаивал на этой мысли в эти годы³⁸. Однако в 1917 г. и Ленин, и Троцкий очень рассчитывали именно на такой ход событий как на возможность чем-то компенсировать социально-экономическую отсталость России и устранить проблему, которую она представляла для социалистической революции³⁹. Они не могли вообразить, что социалистическое правительство в отсталой России способно выжить и, более того, продолжать строить социалистический правопорядок. Тем не менее они предпочли взять власть, отчаянно надеясь на то, что их революция послужит катализатором революции в Западной Европе. Пролетариат в Германии и других странах, воодушевленный примером России, свергнет господство национальной буржуазии, и тогда Советская Россия сможет рассчитывать на помощь вновь появившихся социалистических режимов, что как-то нейтрализует отсталость России и даст ей возможность создать социалистическое общество. В этой игре ставки большевиков были высоки — и они проиграли. И тогда проблема социалистического правительства, которое столкнулось по большей части с несоциалистическим или даже антисоциалистическим населением, стала еще острее.

После Гражданской войны для того, чтобы восстановить сельскохозяйственное производство, которое катастрофически упало в ответ на регламентацию, навязанную «военным коммунизмом», Ленин почувствовал необходимость отступить, пойти на уступки крестьянам, передав им контроль над собственным производством и распределением продукции. Позже Сталин пошел в наступление, учинив разгул насилия, чтобы навязать деревне коллективизацию сельского хозяйства. Эта контрреволюционная мера свела к нулю все то, что в глазах крестьянства являлось историческим достижением 1917 г. Эти постреволюционные процессы не

могут не напомнить нам об анализе Плеханова и опровержении им программы народников, о которой мы упоминали ранее. Уступка Ленина крестьянству представляла собой императив партии (которая взяла власть в результате революции, широко поддерживаемой крестьянами) принять программу, созвучную их интересам; революция Сталина явилась деспотическим насаждением (вопреки воле населения) программы, вытекающей из негибкого восприятия идеологии. То, что недавно многими считалось источником советского кризиса, — так называемая командно-административная система, — есть не что иное, как все тот же тоталитарный порядок, введенный Сталиным, как необходимость на решающем этапе его принудительного марша к «светлому социалистическому будущему»⁴⁰.

Как оказывается, не существует простого ответа на вопрос: была ли альтернатива Плеханова лучше, чем путь Ленина. На этот вопрос нельзя ответить абстрактно, а только ссылаясь на конкретные исторические обстоятельства. В конечном итоге, т. е., с точки зрения нынешнего дня, альтернатива Плеханова может показаться предпочтительнее⁴¹. Но путь, продолженный им, не был по-настоящему возможен, не был жизненным в бурной революционной ситуации 1917 г. На политической арене Плеханов был повержен Лениным и Троцким — людьми с исключительной политической интуицией, тонко понимавшими страсти, которые правят людьми, расстановку сил и исключительное значение выбора момента в революционных расчетах. В отличие от Плеханова они поняли, что было невозможно запрячь в одну повозку пролетариат, обладающий классовой сознательностью, и буржуазию в «буржуазной» революции западноевропейского типа, характерной для предыдущего периода. Со своей стороны, Плеханов был не менее уверен в том, что объединить пролетариат с «отсталым» крестьянством в истинно социалистической революции будет невозможно. Он считал, что нельзя, нарушая законы истории, игнорируя жизненно важные социоэкономические предпосылки, поступая произвольно, вопреки детерминизму, построить достойное социалистическое общество. Каждая из сторон восприняла лишь часть правды, и никто — всю правду. Это еще раз указывает на необходимость, которую не всегда должным образом понимают, различать как отдельные процессы — свершение революции и построение нового желаемого общества. Как неоднократно показывала история, успех в первом случае ни в коей мере не гарантирует успеха во втором.

Похоже, что в России, по иронии судьбы, успешная революция создала непреодолимые препятствия для успешного построения нового общества. Трудно найти другое великое историческое событие, которое несло бы в себе больше противоречий, чем российская революция 1917 г.

Примечания

¹ Об эволюции взглядов Маркса и двусмысленном характере его наследия см.: Lichtheim G. *Marxism: An Historical and Critical Study*. 2-nd (revised) ed. N. Y., 1965. Ch. 6; Wolfe B. *Marxism: 100 Years in the Life of a Doctrine*. N. Y., 1965. Ch. 9.

² Аргументы и факты. 1989. Июнь; Вопросы истории. 1989. № 2; Известия. 1990. 28 июня. Думается, не сбывается ли предсказание, сделанное в 20-е гг. М. Н. Покровским в ходе полемики против воззрений Плеханова, что его трактовка российской истории все еще может сделать его «учителем будущего», в чем и состоит опасность «возрождения плехановизма». См.: Покровский М. Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. Т. 1. С. 99—100.

³ Отчасти эта статья основывается на моем биографическом исследовании: В а г о н S. H. *Plekhanov: The Father of Russian Marxism*. Stanford, 1963. Некоторые новые разыскания и мысли по данному вопросу можно найти в двух моих недавних публикациях: В а г о н S. H. *Plekhanov. International Socialism and the Revolution of 1905* // *La Première Révolution Russe* Coquin F.-X., C. Gervais-Francelle (ed.). Paris, 1984.

⁴ Плеханов — Лаврову // Дела и дни. 1921. № 2. С. 86.

⁵ Плеханов Г. В. Сочинения: В 24 Т. М., 1923—1927. Т. 1. С. 56—74.

⁶ Особую важность представляли для него труды М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения» (М., 1879) и В. И. Орлова «Формы крестьянского землевладения в Московской губернии» (М., 1879).

⁷ Более подробно см.: В а г о н S. H. *Plekhanov: The Father...* P. 65—75.

⁸ Он изложил свою критику народников всех мастей, а также свою позитивную программу для русского революционного движения в своих первых двух основных марксистских трактатах: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

⁹ Плеханов Г. В. Соч. Т. I. С. 81. Под «детьми Солнца» подразумевается правящая верхушка деспотического общества в Древнем Перу.

¹⁰ Дела и дни. 1921. № 2. С. 91.

¹¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 459.

¹² Впервые эти слова Плеханов произнес на конгрессе Социалистического Интернационала в 1889 г., но он еще в 1883 г. считал, что эта идея была неоспоримой истиной. Невозможно завоевать политическую свободу без помощи со стороны ведущего класса общества. Социал-демократы должны заручиться поддержкой со стороны рабочих, отстаивая их интересы, как это произошло на Западе, где буржуазия — в собственных интересах — вовлекла рабочих в революции 1830 и 1848 гг. (Плеханов Г. В. Соч. Т. II. С. 343—344).

¹³ Здесь нам следует хотя бы упомянуть о своеобразном взгляде Плеханова на прошлое России, который сформировался у него в конце 80-х и 90-х гг. и который придает еще большую сложность и проблематичность мировоззрению Плеханова. Если говорить коротко, то он различал фундаментальное расхождение между ранним историческим развитием России и Запада. Ввиду особых обстоятельств Россия превратилась в страну полуво восточного или восточного деспотизма, режима необыкновенной стабильности, характеризуемого рабским подчинением населения государству, которое контролировало средства производства. Пришествие капитализма, считал он, было провозглашено европеизацией общественно-экономического строя России, за которой неизбежно последует европеизация ее устаревшей политической системы. Это интересное построение кажется излишне схематичным; и в последние месяцы своей жизни Плеханов, очевидно, пришел к заключению, что он в свое время недооценил силы воздействия российского прошлого на судьбу общества. Более полно взгляды Плеханова на Россию как страну восточного деспотизма рассматриваются в статье, опубликованной в Лейдене; см. сноску 3 выше.

¹⁴ Ленин впервые выдвинул эту точку зрения в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Подробно роль Плеханова в революции 1905 г. рассматривается с точки зрения ленинизма в работе С. В. Тютюкина «Первая российская революция и Г. В. Плеханов» (М., 1981). Совсем иное отношение С. В. Тютюкина к Плеханову в статье, опубликованной им в «Аргументах и фактах» (1989. Июнь).

¹⁵ Trotsky L. «Permanent Revolution» and «Results and Prospects». N. Y., 1970. «Результаты и перспективы» была впервые опубликована в 1906 г. Отличный общий анализ идей Троцкого дан в работе: Kneipaz B. The Political and Social Thought of Leon Trotsky. Oxford, 1978.

¹⁶ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 95. Работы Плеханова, посвященные революции 1905 г., содержатся в XIII и XV томах его Собрания сочинений.

¹⁷ Там же. Т. XIII. С. 333—334; Т. XV. С. 162.

¹⁸ Там же. Т. XV. С. 40, 67—76, 415—427, 439.

¹⁹ Там же. Т. XV. С. 199, 220—222.

²⁰ Там же. Т. XV. С. 108, 151—154.

²¹ Более подробное рассмотрение остальных вопросов, поднятых в данном разделе, см. Baron S. H. Plekhanov: The Father...

²² См., напр., его статью «Наше положение» (ноябрь 1905 г.): Плеханов Г. В. Соч. Т. XIII. С. 339—344.

²³ Современная жизнь. 1906. № 11, 12.

²⁴ «Движущие силы и перспективы русской революции». Die Neue Zeit. XXV. Bd. 1. № 8, 9. Цитаты будут приведены здесь по русскому переводу работы: Каутский К. Движущие силы и перспективы русской революции. М., 1907.

²⁵ Там же. С. 32.

²⁶ Плеханов Г. В. Соч. Т. XV. С. 295—302.

²⁷ Baron S. H. Plekhanov: The Father... P. 270—271, 281.

²⁸ Все «за» и «против» в вопросе, была ли уготовлена России другая революция после 1905 г., рассматриваются в сборнике «Russia in Transition: 1905—1914» (R. McNeal ed. N. Y., 1970). Конечно же, мы не можем привести здесь полный список литературы по данной проблеме и упомянем лишь несколько репрезентативных работ. Л. Хеймсон утверждал, что революция стояла на повестке дня независимо от войны. См.: Haimson L. The Problem of Social Stability in Urban Russia. Part 1 // Slavic Review. XXIII. № 4. (December, 1964); Part 2. Ibid. XXIV. № 1 (March, 1965). Ханс Роджер после анализа политической, социальной и культурной ситуации в 1914 г. фактически приходит к заключению, что этот вопрос остается открытым. См.: Rogger H. Russia in 1914 // Journal of Contemporary History. I. № 4. (October, 1966). Социолог Теда Скокпол в работе «State and Social Revolution. A Comparative Analysis of France, Russia and China» (N. Y., 1979) убедительно продемонстрировала роль войны в ускорении революции. А. Кимбалл указывает, что, хотя видный историк И. И. Минц и отрицает решающую роль войны в наступлении революции 1917 г., всем ходом своих рассуждений он демонстрирует обратное (См.: Kimball A. I. I. Mintz and the Representation of Russian Reality // Slavic Review. XXXV. № 4. (1976)). Между прочим, в сентябре 1915 г. Плеханов высказал мнение, что Ленин ухватился за войну как за единственный способ достичь своих целей. «Если бы не разразилась война ...то он, возможно, был бы обречен и исключен из Социалистического Интернационала» ввиду его «подрывной роли в русском рабочем движении» и, вероятно, потерпел бы политический крах. См. письмо Плеханова Алексинскому (документ № 5) в кн.: Baron S. H. Plekhanov in War and Revolution, 1914—1918 // International Review of Social History (Amsterdam) XXVI (1981). Part. 3.

²⁹ Интересные рассуждения об альтернативах в 1917 г. встречаются в работе П. В. Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность» (М., 1987. Гл. III). См. также: Россия. 1917 год: выбор исторического пути / Отв. ред. П. В. Волобуев. М., 1989.

³⁰ Цехновитер О. Литература и мировая война 1914—1918. М., 1938. С. 214—217.

³¹ Труды Плеханова в период между возвращением в Россию и его смертью вошли в сборник «Год на родине» (Т. 1—2. Париж, 1921).

³² Год на родине. Т. 1. С. 19—29.

³³ Цит. по: К у с к о в а Е. Давнее минувшее // Новый журнал. LIV (1958).

³⁴ Однако усилия профсоюза потерпели крах, и забастовка не состоялась: См.: Rabinowich A. The Bolsheviks Come to Power. N. Y., 1976. P. 308—310.

³⁵ В 80-е гг. была опубликована очень серьезная работа: Kingston-Mann E. Lenin and the Problem of Marxist Peasant Revolution. N. Y., 1983. См. также: Keep J. L. H. The Russian Revolution. A Study in Mass Mobilization. L., 1976. Ch. 28.

³⁶ Ленин сам писал в 1905 г.: «Демократический переворот буржуазен. Лозунг черного передела или земли и воли, — этот распространеннейший лозунг крестьянской массы... — буржуазен» (Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 102).

³⁷ Atkinson D. The End of the Land Commune 1905—1930. Stanford, 1983. Ch. 10.

³⁸ Однако следует добавить, что сразу же после Октябрьской революции в своем письме петроградским рабочим, цитированном выше, Плеханов утверждал, что ожидать социальную революцию в Германии было крайне нереалистично.

³⁹ В своем прощальном письме швейцарским рабочим, написанном в марте 1917 г., Ленин заметил: «Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран» (Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 91). Необходимость социалистической революции в Европе для компенсации отсталости России была неотъемлемой частью теории перманентной революции Троцкого. Эта мысль часто встречалась в трудах Ленина в 1917 и 1918 гг. В работе, которую Ленин написал в марте 1918 г., и которая была опубликована значительно позднее, он открыто изложил свои соображения: «Если бы социалистическая революция победила одновременно во всем мире, или, по крайней мере, в целом ряде передовых стран, то задача привлечения к процессу новой организации производства лучших специалистов — техников из руководителей старого капитализма была бы чрезвычайно облегчена» (Ленин В. И. ПСС. Т. 36. С. 139).

⁴⁰ Не будет лишним вспомнить здесь заявление Ленина, сделанное в 1905 г.: «Кто хочет идти к социализму по другой дороге, помимо демократизма политического, тот неминуемо приходит к нелепым и реакционным, как в экономическом, так и в политическом смысле, выводам» (Ленин В. И. ПСС. Т. 11. С. 16). К сожалению, сам он не всегда следовал этой заповеди.

⁴¹ В этой связи стоит вспомнить две плехановские идеи, которые, безусловно, имеют отношение к призывам времен перестройки к «демократическому, гуманному социализму»: «Суббота была создана для человека, а не человек для субботы»; и приведенный им в зрелые годы жизни кантианский афоризм о том, что каждый человек это цель, а не средство. Впервые эта мысль была высказана Плехановым в книге «О войне» (Париж, 1914. С. 39—41).

© 1995 г. Ш. Р. ЗАЙНЕТДИНОВ*

РЕВОЛЮЦИЯ, НАСИЛИЕ, ПРОГРЕСС

(Американский историк о проблемах российской истории)

История не знает обратного хода, не признает она и сослагательного наклонения. Любое однажды случившееся событие не может изменить ни своей сути, ни роли в цепи других явлений и фактов, составляющих в совокупности живую ткань истории. Но этого нельзя сказать о восприятии исторических событий человеческим сознанием. Напротив, чем значительнее в истории то или иное явление, тем больше споров вызывает оно как у современников, так и у последующих поколений.

Яркий пример тому — Октябрьская революция 1917 г. Подобно другим epochальным событиям в мировой истории, революция в России была и, по-видимому, надолго останется центром притяжения всеобщего внимания, предметом острых споров и разногласий.

Поводом для написания данной статьи послужил выход в свет книг известного американского историка, специалиста по России Ш. Фитцпатрик, в которых дана весьма нетрадиционная оценка как самих событий революции, так и того гигантского общественного переворота, началом которого они послужили¹.

Смена модели общественного развития — процесс длительный и сложный, распадающийся на ряд этапов, каждый из которых обладает только ему

* Зайнетдинов Шамиль Рашитович, докторант Института российской истории РАН.

присущими свойствами. Это обуславливает необходимость выяснения самого понятия «социальная революция» как явления общественной жизни. Подобного рода подход осуществлен Ш. Фитцпатрик в одном из ее капитальных трудов — монография «Русская революция». При исследовании сложного комплекса вопросов, связанных с феноменом Октября, автор выдвигает проблему периодизации самого революционного процесса. В книге отмечается, что понятие «революция» включает в себя не только сам момент захвата власти одной из политических группировок, но также и весь период постепенного перехода общества из одного качественного состояния в другое. В этой связи называются следующие самостоятельные этапы революции в России: Февральская и Октябрьская революции 1917 г., Гражданская война, нэп, сталинская «революция сверху» и последовавшая за ней самотермидоризация революции. И, наконец, террор 1937—1938 гг.²

Оценивая такую периодизацию Российской революции, можно заметить эволюцию взглядов автора. Так, в издании «Русской революции» 1982 г. утверждалось, что верхней хронологической гранью революционного процесса в России является дата завершения первой пятилетки, успешное выполнение которой позволило новому общественному строю утвердиться окончательно³.

Подобное утверждение представляется нам не вполне оправданным прежде всего потому, что решающим фактором сохранения жизнестойкости советской системы стало насилие. Следовательно, применение его повсеместно, и тем более в экстремальной форме — террора как универсального средства разрешения социальных противоречий в обществе и особенно в отношениях между различными группами привилегированного слоя управленцев, характерно для данной системы, а кульминация насилия — террор 1937—1938 гг.

Упрочение советской модели общества зависело от сохранения монополии на власть лиц, причастных к управлению. Но подобный мотив деятельности этих лиц в противоречие с настроениями старых большевиков, во многом сохранивших свой революционный идеализм. Таким образом, тотальный террор 30-х гг. был естественным следствием развития созданной в 1917 г. модели общества.

Рассматривая революцию, главным образом как управляемый и направляемый процесс, Ш. Фитцпатрик приходит к выводу, что решающей предпосылкой ее победы является создание аппарата власти. Это — один из центральных тезисов автора. Становление новых органов власти, подчеркивает Ш. Фитцпатрик, зависело от ее социальной сущности, которую она связывает и с личностями оказавшихся у власти людей, с их интересами и социальной принадлежностью⁴.

В числе признаков, с наибольшей полнотой характеризующих особенности советской политической системы, автор называет ее однопартийный характер, а также полное верховенство партийных органов над государственными. Вследствие этого все имманентные свойства победившей партии приобретают первостепенное влияние на ход общественных процессов.

В частности, для партии большевиков был свойствен жесткий авторитаризм, выражавшийся в отсутствии внутрипартийных свобод, безусловном подавлении любого инакомыслия в своих рядах, как и категоричном неприятии критического мнения со стороны. При этом автор называет в качестве главной причины подобного положения личностные качества вождя партии, в первую очередь В. И. Ленина.

Разделяя этот вывод, добавим: партия большевиков представляла собой строго законспирированную организацию, поставившую цель захвата государственной власти. В России аппарат государственной власти, выполняя функции основной интегративной силы по отношению к обществу, обладал значительной автономией. Большевики, делавшие упор на организационные принципы своей партии, воспроизвели в своих властных структурах черты того общественного строя, в недрах которого действовали и который намеревались сокрушить.

Одной из причин становления авторитарного режима в партии большевиков, а затем и в новом государстве являлся, по мнению Ш. Фитцпатрик, чрезмерный наплыв в ее ряды рабочих и крестьян после захвата власти в 1917 г. (с. 90).

Бесспорным считается факт, что уровень культуры, прежде всего культуры

политической, основной части членов партии оказывает весьма существенное воздействие на внутрипартийную жизнь, в первую очередь на свободу выражения своих взглядов, возможности отстаивания мнения и т. д. Преобладание же среди партийной массы людей с весьма низким культурным уровнем, достаточно нецивилизованными представлениями о ценности человеческой личности и некоторыми другими негативными социально-психологическими установками не давало необходимого простора для развития подлинно демократических, гуманистических норм и принципов внутрипартийной жизни.

Вместе с тем данная причина не могла сыграть решающую роль в утверждении режима террора и репрессий в партии и государстве. Более существенное значение здесь имело, видимо, то, что, определение себя в качестве единственной организованной политической силы в стране поставило партию большевиков в положение, когда членство в ее рядах почти всегда означало получение приоритетных возможностей для повышения собственного социального статуса. В итоге это привело к тому, что основную массу нового пополнения партии начали составлять люди глубоко аполитичные, а зачастую и аморальные, которые видели наиболее надежное средство для достижения своих узкопрагматических, эгоистических целей в упрочении монопольного положения партии, главным образом в лице ее правящего аппарата.

Создание всеобъемлющего аппарата власти, а значит, и привилегированного слоя населения, имело одним из своих наиболее значительных последствий установление социального неравенства. Анализируя данный аспект проблемы, автор приходит к совершенно обоснованному выводу, что режим, именовавший себя диктатурой пролетариата, оказывается на самом деле вовсе не коллективной диктатурой рабочих «у станка». Это была диктатура слоя профессиональных управленцев, максимально возможное число которых рекрутировалось из рядов рабочего класса (с. 92).

Данное обстоятельство обусловило основные свойства новой социальной группы, в первую очередь ее место в социальной структуре общества, а также содержание группового интереса.

Ввиду того, что вновь возникшая система не состыковывалась в скольконибудь значительной мере с прошлым России, а также не была приспособлена к выживанию в достаточно длительной исторической перспективе, новый слой управленцев никого не представлял, а значит, не мог выражать ничьих интересов, кроме своих собственных. Это приводило к тому, что стремление к сохранению собственного привилегированного статуса становилось важнейшим побудительным мотивом его жизнедеятельности.

Превращение слоя управляющих в привилегированную касту общества остро поставило вопрос о взаимодействии отдельных его структурных элементов. В силу своей особой роли в жизни страны категория управленцев неизбежно становится воплощением имманентных свойств вновь родившейся модели развития, прежде всего тотального неравноправия отдельных входящих в нее элементов. Следовательно, в составе слоя управленцев должно было возникнуть особое структурное подразделение, игравшее по отношению к этому слою ту же роль, которую сами управленцы играли по отношению к обществу в целом. Таким привилегированным подразделением стал аппарат правящей партии.

Анализируя этот аспект проблемы, Ш. Фитцпатрик называет в качестве важнейшей причины резкого возвышения партийных органов то, что революционные массы инстинктивно видели в них то звено всеобъемлющего механизма власти, которое только и способно провести необходимые радикальные преобразования в обществе (с. 105).

К этому хотелось бы добавить только одно.

Новая система общественных отношений в своих основных фундаментальных чертах противопоставила себя основополагающим принципам общецивилизационного прогресса, в особенности таким, как гуманизм, уважение к правам личности и некоторым другим. В повседневной практике большинства государств соблюдение этих основополагающих норм гарантировано законодательством.

Всеобъемлющий механизм власти играл особо важную роль в развитии данной общественной системы. Следовательно, его деятельность не должна была совсем, даже в минимальной степени, регламентироваться любыми законодательными актами. Это, в свою очередь, означало, что только партийный аппарат, действующий на основе им же сформулированных правил, мог занять верхнюю ступень в возникшем органе власти, направляя деятельность других его частей. Вместе с тем данное обстоятельство, возможно, в большей мере, чем какое-либо другое, свидетельствует о том, что новый общественный строй, в конечном итоге, представлял собою тупиковую ветвь в развитии российской цивилизации.

Завершая свое интересное и оригинальное исследование, Ш. Фитцпатрик останавливается на проблеме наследия Октябрьской революции.

Безусловно, что столь сложное и неординарное явление должно было оказать и оказало сложное и двойственное воздействие на весь ход российской и мировой истории.

Говоря о международном значении Октября, автор подчеркивает, что положительная его роль заключалась главным образом в том, что для нескольких поколений людей это событие стало символом борьбы за гуманизм, рациональное и социальное освобождение (с. 170). Вместе с тем насилие над историческим процессом не могло не иметь оборотной стороны, в конечном итоге, безусловно, перевесило на весах истории положительный эффект этой революции. В качестве главного негативного результата Ш. Фитцпатрик указывает на раскол мира на две враждебные системы, «холодную войну», а также на то, что идея социализма на многие годы в глазах значительной части человечества стала связываться с тоталитарной советской моделью (с. 170, 171).

Не менее сложным, противоречивым оказалось влияние Октябрьской революции и на судьбы самой России.

Вполне можно согласиться с автором в том, что для России попытка воплощения в жизнь социалистической идеи представляла собой прежде всего стремление найти свое место в мире, осознать собственное историческое предназначение. В этой связи как подлинно национальную катастрофу следует рассматривать крушение всех планов и иллюзий, рожденных Октябрем. Неоспоримо, что, как пишет автор, общественный строй, призванный продемонстрировать будущее всего человечества, на самом деле оказался его прошлым (с. 172).

Действительно, крушение завоеваний Октябрьской революции, тех принципов, которые на протяжении семидесяти с лишним лет служили главными ориентирами в развитии Советского государства, общества, повседневной жизни людей, является самым убедительным подтверждением известной истины о том, что человеческая мечта не может обрести вполне законченные, а тем более раз и навсегда определенные формы в реальной действительности. Социализм по своей глубинной сути представляет собой именно такую мечту — мечту о всеобщем благе, окончательном торжестве добра над злом.

Одной из самых характерных черт системы общественных отношений, сложившейся в России в результате победы Октябрьской революции, явилась способность определенной группы общества, занятой в системе управления, реализовывать свои частные устремления посредством специфической разновидности социального эгоизма — тоталитарной диктатуры.

В этой связи полный и всесторонний анализ возникшего в стране общественного строя предполагает необходимость рассмотрения причин становления и дальнейшего функционирования привилегированного слоя управляющих. Данный аспект проблемы подвергнут весьма подробному и обстоятельному изучению в исследовании Ш. Фитцпатрик: «Культурный фронт: власть и культура в революционной России». Автор видит свою задачу в том, чтобы выяснить, какие условия, прежде всего общественного характера, способствовали в 20—30-е гг. продвижению отдельных лиц по ступеням пирамиды власти (с. 150).

Подчеркивая, что уровень образования кадров руководителей из числа членов партии большевиков, как правило, не превышал начального, Ш. Фитцпатрик

справедливо замечает, что данное обстоятельство обусловило необходимость привлечения в органы управления квалифицированных специалистов царского режима, так называемых буржуазных «спецов». Это явление было характерно для начальной стадии формирования слоя советских управленцев (с. 150—151).

Со временем потребность в буржуазных специалистах отпала, и, как пишет Ш. Фитцпатрик, способом их вытеснения из всех звеньев управленческого аппарата стала организация фальсифицированных судебных процессов, на которых они обвинялись в шпионаже, диверсиях и т. д. (с. 152, 153). Таким образом, решение жизненно важной, с точки зрения самосохранения новой системы, задачи замены одной генерации руководителей другой, более соответствующей этой системе, осуществлялась путем открытого попирания юридических и морально-нравственных норм.

Далее в книге говорится, что при назначении на руководящие должности решающим критерием становились не профессиональные качества, а социальное происхождение (с. 154). Тем самым имело место противопоставление двух важнейших для любого руководителя качеств — лояльности государству и профессиональной компетентности.

Говоря об идеологии Советского государства, Ш. Фитцпатрик называет главными носителями ее новую интеллигенцию, которая была превращена государством в определенную социальную категорию управленцев, призванных «обосновать» разрыв действительности с теорией марксизма (с. 154, 155). Видимо, это действительно было так. Думается, что идеологические манипуляции правящего слоя свидетельствовали и о стремлении к сохранению своего привилегированного статуса, и о его низких ценностных ориентирах.

Особое элитарное образование, доступное избранным, явилось логическим завершением процесса революционного преобразования российского общества, начавшегося во имя воплощения в жизнь лозунга «Свобода, равенство, братство!» Столь разительная метаморфоза не могла не породить в обществе весьма острых противоречий. Также закономерно, что центром такого рода противоречий стал сам элитарный слой управленцев.

В рассматриваемой работе Ш. Фитцпатрик дан достаточно подробный анализ противоречий между различными группами правящего слоя. При этом отмечена одна весьма характерная деталь.

В связи с судебными процессами, проходившими в стране в конце 30-х гг., в сознание населения настойчиво внедрялась мысль о том, что контрреволюционная деятельность обвиняемых — известных активных участников Октябрьской революции и Гражданской войны, в недавнем прошлом занимавших высокие посты в партии и государстве, — является прямым продолжением подрывной работы вредителей из числа буржуазных специалистов (с. 171). По мнению Ш. Фитцпатрик, подобные кульбиты понадобились советскому руководству для создания соответствующего климата в стране и, таким образом, облегчения себе решения задачи кардинальной важности — смены генерации руководителей (с. 171, 172).

Вместе с тем здесь можно увидеть и другую причину, более тесно связанную с сущностными признаками самой системы. Как специалисты старой школы, так и значительная часть ветеранов партии рассматривали рычаги управления, каждый по своим причинам, как средства преобразования общественной среды. Следовательно, обе названные группы, невзирая на огромную как объективную, так и субъективную разницу между ними, в равной степени превращались в несистемные элементы и подлежали устранению. Новая система могла утвердиться только при условии максимально возможного противопоставления себя фундаментальным принципам общечивилизационного прогресса, к числу которых относится и общепринятая роль государства в делах общества.

Одно из объяснений подобного социально-политического феномена автор рассматриваемой монографии видит в том, что в результате репрессий конца 30-х гг. к власти в стране пришло поколение людей, начавшее свое восхождение с самых низов социальной лестницы и за очень короткий промежуток времени

стремительно продвинувшееся к ее вершинам, вследствие чего в сознании этих людей чувство естественной гордости за достигнутые ими успехи было слито воедино с чувством признательности своей стране, новому общественному строю, благодаря которым они только и могли занять столь видное положение. Именно этот фактор, по мнению Ш. Фитцпатрик, сыграл решающую роль в легитимизации советского режима (с. 181, 182). Смысл террора конца 30-х гг., считает она, во многом заключался в повторении одного из важнейших феноменов Октябрьской революции, а именно — предоставлении социальным низам приоритетных возможностей для вертикальной мобильности (с. 181).

Вместе с тем данное обстоятельство означало, что правящий слой, по крайней мере, на этом этапе своего существования, достигал высокой степени единства с маргинальными слоями населения, продолжавшими сохранять лояльность режиму, что и обеспечивало ему столь значительную устойчивость.

В то же время объективно неизбежное движение страны по пути общецивилизационного прогресса имело одним из своих главных результатов превращение маргинальной массы в четко оформленное, осознавшее свои коренные интересы социальное образование, что, в свою очередь, служило причиной возникновения антагонизма между системой в лице правящих верхов и основной частью населения. Вследствие этого правящий слой, сохраняя верность главенствующему мотиву жизнедеятельности — поддержанию своего статуса и связанных с этим привилегий, с решительностью, свойственной ему в такие моменты, сам выдвинул идею упразднения прежней, отжившей свой век системы, имея при этом в виду создание таких условий общественного развития, которые позволили бы ему достигать прежних целей на новом витке общемирового прогресса.

Важнейшей отличительной чертой советского общественного строя являлся специфический аппарат управления, призванный определять, направлять и контролировать развитие всех частей социального организма, а в конечном итоге и жизнедеятельность каждого индивида в отдельности. Это предполагало, в свою очередь, наличие во всеобъемлющем механизме власти, а значит, и в соответствующем социальном слое особых структурных элементов, назначением которых было выполнение контрольно-регулирующих функций путем непосредственного взаимодействия с группами населения, не причастными к функции управления. Главным образом это — районные звенья партийных и советских органов, руководящий персонал средних и мелких предприятий, хозяйств и т. д. Занимая в служебной иерархии одну из низших ступеней, эти структурные подразделения и, соответственно, занятые в них работники, играли тем не менее одну из ключевых ролей в обеспечении бесперебойного функционирования механизма власти.

Признаком, наиболее четко определяющим место и роль советской системы в отечественной и мировой истории XX в., является ее несостыкованность с ходом мирового прогресса.

Свидетельством этому может служить имманентная неспособность руководства страной обеспечить гармоничное развитие всего общественного организма. В наиболее острой форме это проявилось в хроническом отставании сельского хозяйства от других отраслей экономики, в первую очередь промышленности.

Основным назначением аграрного сектора является производство продуктов, предназначенных для обеспечения жизнедеятельности человека как биологического вида. В силу этого обстоятельства, а также близости к природе и некоторых других факторов занятое в аграрном производстве население выступает главным хранителем духовно-нравственных устоев общества, его культуры и др. В этой связи то положение, которое занимают работники аграрного сектора в системе социальных и иных ценностных координат, степень роста их запросов и устремлений при выработке стратегического курса развития может служить мерилем степени цивилизованности общества, его способности органично, без резких скачков и изломов двигаться по пути общемирового прогресса.

Названными соображениями и определяется интерес к еще одной работе Ш. Фитцпатрик, посвященной судьбам крестьянства в 30-е гг., важное место в

которой занимает проблема взаимоотношений власти и рядовых масс сельских тружеников.

Говоря о политике правящих верхов в деревне, автор выделяет такие ее составляющие, как насилие, произвол, жестокое обращение с людьми, а также их откровенное пренебрежение состоянием дел в этой отрасли экономики (с. 174).

Основным средством поддержания стабильности режима был террор, причем эта форма управления применялась тем жестче, чем в меньшей степени тот или иной участок общественного организма поддавался тотальной регламентации и контролю.

Сельское хозяйство является тем участком системы производства, функционирование которого в решающей мере определяется действием объективных факторов, в первую очередь природно-климатических. В силу этого крестьянство представляет собой наиболее консервативную и склонную к анархии часть населения. В совокупности эти качества приводили к тому, что сельские жители или не проявляли должной готовности, или просто не могли изменять свой уклад жизни в соответствии с указаниями, спущенными сверху. В результате террористический характер советского режима с наибольшей полнотой проявился именно в отношении к деревне. Подтверждение этому можно найти и на страницах монографии Ш. Фитцпатрик.

Говоря об основных отличительных чертах органов власти на селе, включая и районное звено партийного и советского аппарата, автор называет крайне незначительную прослойку среди этих чиновников членов партии. В качестве главной причины такого положения указывается на периодические чистки партии, имевшие особо разрушительные последствия для сельских организаций. Главным обвинением, предъявлявшимся основной массе исключенных, было «либеральное» отношение к крестьянству, главным образом в период проведения коллективизации и последовавшего затем массового голода (с. 176). Официальный язык протоколов скрывал, по-видимому, проявления естественных человеческих чувств.

Форсированные темпы роста одних участков хозяйства за счет разорения других с неизбежностью приводили к расколу в обществе, противопоставлению одних групп населения другим. Давая оценку социально-политической обстановки в деревне во второй половине 30-х гг., Ш. Фитцпатрик обращает внимание на то, что в сельской местности было большое число бывших коммунистов, озлобленных из-за утраты открывшихся было возможностей продвижения наверх. Это, в свою очередь, рождало ответное недоверие к ним со стороны официальных властей (с. 177).

Система произвола и беззакония, утвердившаяся в стране, означала, что ни один человек, какой бы пост в сложившейся иерархии власти он ни занимал, не мог ощущать себя в безопасности.

Чиновничья бюрократия как главное порождение системы и основная социальная опора являлась одновременно и наиболее ярким воплощением всех ее как светлых, так и темных сторон. Сказанное означает, что террор как метод разрешения проблем применялся в отношениях между различными группами правящего слоя в точно такой же, если еще не в большей степени, как и в отношениях между управленцами и остальным населением.

Аграрный сектор экономики в условиях тоталитарного советского режима занимал особое место, играя роль сырьевого придатка, обеспечивающего форсированный рост других отраслей производства. Данное обстоятельство оказало определяющее воздействие на характер социально-экономического и политического развития села, в том числе и на особенности проявления здесь характерных для всего общества тенденций.

Фактором, в решающей степени обусловившим состояние российского общества, было проведение во второй половине 30-х гг. широкомасштабных репрессий. Важной составной их частью были показательные процессы над так называемыми врагами народа. Ш. Фитцпатрик уделяет большое место подробному изложению этих событий. В качестве основной черты, отличающей показательные суды в

деревне от аналогичных разбирательств в городе, автор называет то, что предъявляемые главным участникам процессов обвинения были основаны не на вымышленных, а на реальных фактах, касающихся прежде всего злоупотреблений властью. Причем о таких злоупотреблениях со стороны мелких чиновников, прежде всего председателей колхозов, во множестве случаев поведали сами крестьяне, главным образом, в жалобах, направляемых в высшие инстанции (с. 197). Данное обстоятельство, по-видимому, нельзя считать случайным. Оно наглядно демонстрирует, что правящий режим искал опоры в массах не только посредством удаления из общественной жизни потенциально враждебных ему элементов.

Ту же цель преследовали и публичные процессы над функционерами, как правило, низшего и среднего ранга, непосредственно виновными в творившихся в деревне произволе и беззакониях. Эта мера, по замыслу высшего руководства страны, должна была создать достаточно прочную иллюзию единства целей и задач управляющей группы и широких масс трудящихся. Следует констатировать, что в известной мере поставленная цель была достигнута, что также позволило несколько расширить и укрепить социальную базу системы, придав ей тем самым дополнительную степень устойчивости.

Вместе с тем никакие частичные меры не были в состоянии исправить коренной порок нового строя — его неспособность обеспечить гармоничное развитие всего общества. Самым наглядным подтверждением тому может служить бедственное положение, в котором российская деревня пребывала на протяжении всего периода существования Советского государства.

О неорганичном развитии общества свидетельствует и такой фактор, как несовпадение в исторической памяти различных групп населения значимости тех или иных явлений и фактов. Как пишет в этой связи Ш. Фитцпатрик, если для горожан, прежде всего из числа интеллигенции, террор конца 30-х гг. навсегда запомнился как событие, хотя и страшное, но по своему значению из ряда вон выходящее, то для сельских жителей, напротив, он был эпизодом достаточно ординарным, не выделявшимся особенно среди других ему подобных в бесконечной цепи выпавших на их долю бед и страданий (с. 203).

Подводя итоги рассмотрению опубликованных за последние годы работ Ш. Фитцпатрик, необходимо отметить, что они являются весьма существенным вкладом в изучение одного из кардинальных аспектов российской истории.

Главное, что следует из знакомства с этими книгами, — то, что развитие человеческой цивилизации происходит по имманентно заданным ей законам, ни отменить, ни дополнить которые никакая субъективная воля не в состоянии. Забвение этой истины, как это хорошо видно на примере России, приводит к тому, что общество, совершая стремительный рывок вперед, оказывается отброшенным далеко назад. История учит, что единственным критерием прогресса может служить то, в какой мере в развитии как всей мировой цивилизации, так и отдельного общества получили воплощение принципы гуманизма и справедливости.

Примечания

¹ Fitzpatrick Sheila: *The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia*. Ithaca; L., 1992; *The Russian Revolution*. Oxford; N. Y., 1982; 2-nd ed., 1994; *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. N. Y.; Oxford, 1994.

² Fitzpatrick Sheila. *The Russian Revolution*. 1994. P. 4. Далее ссылки на эту работу даются в тексте.

³ Ibid. 1982. P. 3.

⁴ Fitzpatrick Sheila. *Stalin's Peasants...* P. 174. Далее ссылки на эту работу даются в тексте.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

СТЮАРТ РАМСЕЙ ТОМПКИНС: ДОЛГИЙ ПУТЬ К ИСТОРИИ РОССИИ

В последние годы в мировой историографии происходят впечатляющие перемены. И одной из них, возможно, наиболее характерной, наиболее соответствующей веяниям времени, является исчезновение «китайской стены», разделявшей в течение долгих лет западную и нашу отечественную историографию, укрепление между ними духа динамического сотрудничества, открытости, отказ от идеологических догм прошлого, разборка громоздких и нелепых завалов времен противоборства «двух мировых систем», включая период «холодной войны», которые принесли неисчислимые беды не только всему миру, народам, участвовавшим в этой «войне», но и привели к колоссальным потерям в исторической науке, разделенной искусственными, в том числе идеологическими, перегородками.

Сегодня мировая историческая наука вновь становится единым общественно-научным феноменом, а сотрудничество историков всех стран и континентов, и среди них России, вновь возвращает ученым чувство профессионального братства, взаимного уважения, возможность широкого диалога, обмена идеями, позволяет вести подлинно научные дискуссии, без чего нет движения научной мысли.

Зримыми чертами этих перемен становятся не только встречи ученых, посвященные таким вопросам истории России, на которых в течение долгих лет лежало наше внутреннее идеологическое «табу» и которые не только нельзя было обсуждать с зарубежными учеными, но и обсуждать вообще. Между тем эти вопросы, будучи по своей сути не политологическими, а чисто историческими, широко дискутировались в мировом историческом сообществе. В основе этих обсуждений лежало обращение к источнику, опора на достижения специалистов по истории России нескольких послереволюционных поколений, в том числе эмигрантской историографической традиции. Их труды стали достоянием науки, они пережили и время, а порой — и своих создателей, в отличие от политологических, идеологизированных советологических однодневок, которые быстро загорались в искусственно раздутом пламени «холодной войны» и так же быстро сгорали, уходили в небытие в ее безжизненной атмосфере политических кульбитов. Первые до сих пор стоят на полках, пусть и несколько устаревшие и потесненные новыми научными разработками; их идеи, отложившись в историографической памяти, берутся на вооружение приходящими в науку новыми поколениями западных гуманитариев, становятся объектом освоения, пусть и запоздалого, российской исторической наукой. Вторые же представляют собой жалкий памятник эпохе политической и идеологической борьбы и едва ли заинтересуют сегодня пытливую мысль, не говоря уже о будущем.

В наши дни в условиях развития российской исторической мысли, колоссального интереса широкой читающей публики к исторической, в том числе и научной, литературе, отечественные журналы все чаще обращаются к этим некогда запретным для нас трудам, которые либо никогда не появлялись в нашей стране, либо лежали зачастую невостребованными в советских «спецхранах». Традицией стало и обращение к ним российских издательств. Выпущены уже десятки книг как современных западных исследователей истории России и СССР, так и авторов прежних лет, чья острая мысль, объективное перо, уважение к истории нашей страны, ее народам и сегодня делают эти работы полезными в процессе познания нашего далекого и недавнего прошлого.

Правда, стремительное наращивание исторических знаний о нашем Отечестве, свежие исследования, публикация закрытых ранее документов зачастую не только перекрывают, но и значительно дополняют и углубляют прежние и нынешние труды западных авторов. И все же ряд давних исследовательских разработок зарубежных ученых выдержал критику временем и, переведенные на русский язык, они оказываются весьма полезными в нашей общей профессиональной работе и расширении читательского кругозора любителей российской истории. Наконец, эти работы знакомят нас с кругом интересных исследователей — ярких личностей, незаурядных характеров, людей необычных, даже странных судеб, оказавшихся навеки связанными с судьбой России, с ее историей.

Все это в полной мере относится к жизни и творчеству первого канадского историка России профессора Университета Оклахомы (США) Стюарта Рамсея Томпкинса, автора шести книг по истории

России: «Россия сквозь века: от скифского времени до Советов» (1940), «Москва и Запад» (1953), «Русское сознание: от Петра Великого через эпоху Просвещения» (1953), «Загадка коммунизма: вопрос для ответа» (1955), «Русская интеллигенция: создатели революционного государства» (1958), «Триумф большевизма: революция или реакция?» (1967)¹.

Предлагаем вниманию читателя публикацию одной из глав последней его работы под характерным названием «Ленин: дорога к власти», в которой Стюарт Рамсей Томпкинс рассматривает историю нашей страны и некоторые стратегические и тактические шаги большевистской партии Ленина с февраля по октябрь 1917 г. В центре исследования — реакция В. И. Ленина, большевиков на Февральскую революцию, возвращение Ленина из эмиграции в Россию через территории Германии, Швеции, Финляндии, а также вопрос о «германском золоте» для российской революции в контексте событий весны — лета 1917 г. В последнее время об этом написано немало и у нас, и за рубежом. Правда, даже в тех случаях, когда приводимые факты абсолютно достоверны и располагают к строго взвешенным историческим заключениям, авторов порой захлестывают политические и идеологические страсти. Они словно забывают о том, что нельзя судить об эпохе на основе сиюминутных политических критериев. Ту или иную эпоху можно понять, лишь руководствуясь законами логики «ее» времени, как и нас, ныне живущих, можно оценивать лишь по законам исторической логики сегодняшних дней, т. е. по единственно возможному в исторической науке закону и логике. Это, по-видимому, и есть то, что следует определять так хорошо известным нам понятием «историзм».

Кажется, это ясно сознавал Стюарт Рамсей Томпкинс, который стремился не судить, а проникнуть в дух эпохи российских революций, понять всю ее трагическую противоречивость, которая не выскочила внезапно в нашей истории, как чертик из табакерки в 1917 г., а коренилась во всем строе жизни. И революционеры, и их лидеры, в том числе Ленин, были детьми не какой-то иной, а именно этой страны — России и этого народа со всеми особенностями, закономерностями и странностями их истории.

В отличие от многих других историков Запада С. Р. Томпкинс не только хорошо понял это, но и органически пропустил это понимание через свое творчество, хотя, конечно, и не избежал отдельных клише и стереотипов, на которых долгие годы строилась, увы, не только советская, но и вся западная рустистика.

А все началось с времен Первой мировой войны, когда лейтенант 2-й дивизии канадского экспедиционного корпуса в моменты затишья между боями, прямо в траншеях Западного фронта урывками пытался учить русский язык. Интерес Томпкинса к России отнюдь не был случайным. Не только ее глобальное участие в Первой мировой войне в качестве союзницы стран Антанты, но и революционные события, произошедшие в ней в начале века, поразили воображение будущего историка. Революции 1917 г. — Февральская и Октябрьская, круто изменившие судьбы страны и мира, личное пребывание С. Р. Томпкинса в России в составе 260-го канадского стрелкового батальона, являвшегося частью союзнических сил в Сибири и на Дальнем Востоке, стали для него теми событиями, которые раз и навсегда определили его путь в науке, да и, можно сказать, всю жизнь.

Когда Томпкинс взялся за изучение русского языка, ему шел уже тридцать второй год. За плечами был немалый жизненный опыт. Выходец из бедной, многодетной и неустроенной канадской семьи, Стюарт Рамсей мог уповать лишь на свою работоспособность, упорство и оптимизм. В поздние годы он говорил, что Бог ниспослал ему не так уж много удачи. Он не был баловнем судьбы — всего ему приходилось добиваться самому. По окончании средней школы в Броквилле он поступил на казенный кошт в университет Торонто. После первого весеннего семестра девятнадцатилетний Томпкинс, покинув благополучное университетское окружение, отправился по стране. Как вспоминал ученый впоследствии, тогда он нуждался в самоутверждении, в мужской закалке. Вместе со своим кузеном он сел в «поезд сборщиков урожая», направлявшихся на сельскохозяйственные заработки. Это было действительно дело для настоящего мужчины: начиная с провинций Онтарио, Манитоба, Саскачеван и до районов Западной Альберты, он работал по найму на ранчо у фермеров и скотоводов — на пастбище, на сенокосе, на уборке урожая, пробовал даже объезжать лошадей. Прекрасная, величественная первозданная природа канадского Запада, сильные, волевые люди покорили его. С тех пор «Запад» навсегда привязал его к себе, стал частью его биографии. Вспоминая о тех временах, Томпкинс признавал, что, когда осенью он вернулся в университет, то он был уже совсем другим человеком².

В 1909 г. он окончил университет, получив свою первую ученую степень. С этого времени начались его жизненные скитания. Он работал репортером в Эдмонтоне (провинция Альберта), затем вернулся в Онтарио, где продолжал репортерскую работу. Но его неодолимо тянуло на Запад. В 1911 г. он получает работу в Эдмонтоне — старший клерк в департаменте образования провинции Альберты. Появляется первый стабильный заработок, а с ним и возможность помогать бедствующей семье. Но настоящее

благополучие так и не наступило, вместо обещанной прибавки жалованье из-за экономических трудностей тех лет даже было урезано.

Но судьба все же улыбнулась ему. Он женился на энергичной, независимой Эдне Дэйн Кристи, которая стала ему не только хорошей женой, но и верным другом на всю жизнь. Во многом благодаря ей он смог в дальнейшем полностью посвятить себя научным изысканиям, к которым все более тяготел. Роль Эдны Томпкинс в ученой карьере мужа трудно переоценить.

В 1916 г., когда Стюарта Рамсея призвали в армию, это был человек с уже устоявшимися взглядами на жизнь, определенными идеалами и мироощущением. Романтизм и идеализм подлинного викторианца, воспитанные университетской средой, сочетались в нем с глубоким демократизмом и гуманизмом, которые он впитал в тяжелой борьбе за существование в детстве и юности, во время своих студенческих эскападов на Западе, в житейских буднях «маленького человека» в первые годы службы, а также в ходе своих научных штудий. Жизнь не ожесточила и не сломала его, а развила все лучшие черты, заложенные в его характере.

К этому следовало бы добавить его влюбленность в родную Канаду, в ее природу и историю. Это был животворный патриотизм умного и интеллигентного человека. Томпкинс неоднократно говорил, что Канада, по его убеждению, могла бы служить моделью настоящего государства.

Именно такой человек и взялся за изучение русского языка, чтобы постичь смысл событий в далекой России. Благородную, образованную, гуманную личность притягивали грандиозные события, развертывающиеся на востоке Европы.

В битве при Вими Ридж в 1917 г. Томпкинс был контужен и комиссован из армии. В 1918 г. после лечения вместе с женой, которая в это время находилась в Англии, где работала в канадских учреждениях, Стюарт Рамсей отплыл в Канаду.

И тут на корабле от одного из офицеров он узнал о том, что союзные правительства готовят к отправке в Сибирь для поддержания в России своих интересов экспедиционные войска, куда войдет и канадская часть. С. Р. Томпкинс немедленно предложил свои услуги, тем более что он уже немного знал русский язык. Для него это был удачный шанс воочию увидеть страну, вызывающую у него такой интерес, и он им воспользовался.

Вскоре после увольнения из армии он записывается добровольцем в состав канадского экспедиционного корпуса, отправляющегося во Владивосток, и лето проводит уже в качестве офицера этого корпуса в Эдмонтоне. А вскоре 260-й канадский батальон высадился во Владивостоке.

В России С. Р. Томпкинс пробыл несколько месяцев. По воспоминаниям Эдны Томпкинс, он очень быстро пришел к мысли о том, что интервенция союзников — это политическая ошибка, которую дальнейшее их пребывание в Сибири могло только усугубить и вовлечь их надолго в общественные события в России, которые Томпкинс позднее назвал «триумфом большевизма»³.

В письмах жене он подробно описал свою русскую «одиссею». Из этих писем очевидно, что путешествие в Россию оказало решающее влияние на его жизнь и творчество. Отныне Россия стала его научной страстью, его постоянным человеческим интересом.

Канадская часть расположилась в одном из селений. Здесь же в бараках проживали и беженцы из центральных частей России. В одной из таких семей — офицера Краснопольского, плененного на русско-германском фронте, — С. Р. Томпкинс смог продолжить занятия русским языком. Его учителями стали жена и дочь офицера, Ольга, — блестяще образованные представители русской интеллигенции.

В своих письмах Стюарт Рамсей рассказывает о положении на антибольшевистском Дальнем Востоке, о состоянии оккупационных войск, описывает местных жителей, дает яркие характеристики русских, ставших эмигрантами на своей родной земле. Эти «письма из Сибири» — уникальный документ эпохи тех лет, созданный объективным и вдумчивым человеком. По существу, в них он начал свое исследование российской революции, которым занимался всю последующую жизнь. Опубликованные в Канаде в 1989 г., эти письма, хочу надеяться, дождутся своей публикации и в России.

Уже в те дни Томпкинс приходит к мысли о закономерности всех тех общественных потрясений, раскола общества в острейшей гражданской войне, которые произошли в России. В феврале 1919 г. он пишет: «Русская революция — это наиболее потрясающий спектакль всех времен, колоссальная трагедия, в которой великий народ сам обрек себя на разрушение. Все это имеет свои корни в слабости славянского характера, и все мы ощущаем к ним огромное сострадание»⁴. Не единожды эти странные русские, жившие в бараках без электрического освещения, поражали его. Так, обе Краснопольские отказались от его приглашения пообедать в местном ресторане, поскольку это возможно только с мужем и отцом; и мать, и дочь, находясь в большой нужде, тем не менее дружно отказались от оплаты за уроки, заявив, что об этом не может быть и речи, и удивленный канадец вынужден был тайком оставить у них

конверт с деньгами и объяснительной запиской⁵. Но, видимо, самое большое удивление он испытал в этом отношении на склоне лет. В 1955 г., будучи уже известным ученым, он случайно узнал, что Ольга Краснопольская — бывшая гимназистка и сибирская беженка, его добрый друг и учительница русского языка, живет в Сан-Франциско на положении давней эмигрантки. Обуреваемый сентиментальными чувствами, ученый отыскал ее и, получив согласие на встречу, решил навестить ее на пути в Эдмонтон, где ему предстояло поработать один семестр в качестве приглашенного профессора.

Позднее Эдна Томпкинс рассказала: они подъехали к дому русской эмигрантки и Стюарт вошел в подъезд. Однако очень быстро вернулся обратно совершенно убитый. Ольга Краснопольская отказалась беседовать с ним и вообще иметь какие-либо дела, так как, успев к этому моменту ознакомиться с его книгами, сочла, что он слишком некорректно пишет о ее народе⁶. Думается, что бескомпромиссная дочь русского офицера, белогвардейка по духу, не смогла простить Томпкинсу его объективного прочтения истории России, беспристрастного подхода к освещению революции, которая стала для нее личной катастрофой.

После возвращения на родину в мае 1919 г. в связи с тем, что канадское правительство отозвало из Сибири свои части, для С. Р. Томпкинса наступила полоса трудностей и тревог. Снова казалось, что Бог недодал ему везения. Некоторое время он был безработным, потом, пройдя курс, как мы говорим, «педагогической практики» в Калгари, получил сертификат школьного учителя и уже летом 1920 г. приступил к работе в качестве учителя сельской школы в провинции Альберта, все на том же канадском Западе.

К этому времени С. Р. Томпкинсу исполнилось 34 года. В активе у него уже имелся анализ опыта российских событий, запечатленный в серии глубоких по своему историзму писем, но пока этот научный багаж лежал невостребованным.

В течение ряда лет он преподавал в средней школе и сумел, не оставляя этого поприща, защитить магистерскую диссертацию на факультете образования Университета Альберты в Эдмонтоне.

Однако дальнейший его путь в науке застыл. Шли годы, а ученый все не имел возможности приступить к давно задуманной работе по истории России и взяться за написание докторской диссертации. Чтобы осуществить эти планы, нужны были деньги, которых у четы Томпкинсов, увы, не было. Поэтому Стюарт Рамсей принял предложение выехать на трудную, но хорошо оплачиваемую работу на дальний север Канады, в провинцию Юкон, в качестве инспектора школ. Четыре года Томпкинс провел на Юконе среди северной природы с ее суровой зимой, северными сияниями, полярной ночью и полярным днем.

Здесь ему удалось заработать и скопить необходимые средства для дальнейшей научной деятельности. За это время он собрал и материал для своей будущей книги по истории промышленного освоения Аляски, и часть ее была посвящена появлению здесь русских и их усилиям по освоению края (эта книга вышла в свет лишь в 1946 г.). В 1928 г. Томпкинс покидает Юкон. Некоторое время он работает в архивах и библиотеках Стэнфорда, тогда уже становящегося одним из центров по изучению России. Там же определилась и тема его будущей докторской работы: «Граф Витте как министр финансов России, 1892—1903 гг.». Но задуманную программу можно было реализовать лишь в одном из североамериканских университетов. Он выбрал Чикагский и, как оказалось, не вполне удачно: слабая историческая часть, полное отсутствие русистики, а главное — и с этим Томпкинс столкнулся и в других университетах Северной Америки — абсолютное безразличие к истории России как части европейской и мировой цивилизации.

Это был конец 20-х — начало 30-х гг. На Западе история России практически находила отражение лишь в работах эмигрировавших за рубеж русских — историков-профессионалов, философов, общественных деятелей. Из числа ученых Запады этой областью науки занимались лишь единицы. С. Р. Томпкинс был одним из них. Во всяком случае, он оказался первым канадским ученым, обратившимся к изучению истории нашего Отечества. С горечью говорил он в одной из своих публичных лекций в Университете Альберты в 1955 г., что ко времени революций 1917 г. западный мир, и канадцы в том числе, проявляли полное невежество в отношении России и русских, что в 1919 г. союзники оставили Владивосток такими же невежественными в этом смысле, как и перед оккупацией части российской территории⁷.

В дальнейшем ученый не раз сталкивался с этим невежеством, которое возмущало и угнетало его. При этом с каждым годом появлялось все больше и больше работ, идеологически обеспечивающих политическое противоборство Запада с Советской Россией. И первым опытом такого непонимания и научной изоляции стал для него Чикагский университет, где он оказался единственным специалистом по истории России.

В 1931 г. Томпкинс, наконец, защитил докторскую диссертацию (ему было в то время 45 лет) и со

следующего года стал помощником профессора в Университете Оклахомы, где работал в течение 24 лет, вплоть до своего выхода на пенсию. Ему предложили для преподавания несколько направлений: античную историю, историю Французской революции и семинар по истории Европы. Он выбрал историю России, чем, видимо, немало удивил своих коллег. Так в Университете Оклахомы, одном из немногих в США, появилась специализация по истории России.

Поначалу в его семинаре занималось 3—4 студента, но Томпкинс настойчиво популяризировал свой предмет, особенно историю российских революций. В это время его занимает вопрос о сущности социалистических и коммунистических идей, в особенности их развития на российской почве. В 1937 г. Томпкинс дважды делает попытку побывать в СССР для работы в архивах. Наконец, после долгих формальных проволочек и благодаря благосклонному вмешательству советского посольства в Вашингтоне и Наркомата иностранных дел СССР, ему удалось получить советскую визу. Заняв денег на поездку, он отправился в Советский Союз, где в течение месяца плодотворно работал в архивах Москвы и Ленинграда. Но при отъезде все его записи были отобраны, и лишь небольшую часть их он получил позднее почтой. Люди, оказавшие в СССР содействие американскому ученому, были репрессированы.

В 1940 г. Томпкинс выпускает в свет свою первую солидную монографию о России — «Россия сквозь века: от скифского времени до Советов». Она вызвала благожелательные, но противоречивые отклики. По оценке журнала «World Affairs Quarterly», это «очень хорошая книга» и может быть рекомендована всем, кто интересуется историей России⁸. В газете «New York Times» М. Т. Флоринский отмечал, что эта книга — «единственная попытка человека, рожденного в Америке, представить связную историю Русского государства»⁹. В других рецензиях говорилось о том, что положительной чертой этого труда является опора на обширный фактический материал и на русские источники, хотя тот же Флоринский заметил нежелание автора идти на широкие обобщения, а рецензент «American Historical Review» упрекнул автора за старомодность подходов и недостаток в изложении многих деталей. Думается, нежелание Томпкинса идти в русле складывающегося тогда стереотипа восприятия России на Западе и формирующейся в США советологии и русистики в традициях Гарвардского и Колумбийского университетов и послужили основой для упреков в старомодности и в отсутствии обобщающих подходов. Ученому, видимо, не могли простить, особенно рецензенты из русского эмигрантского окружения, что основной мыслью книги стала обобщающая идея о том, что многое из происходящего в СССР происходит не столько из реализации коммунистических постулатов, сколько из самой истории страны, из особенностей России периода царизма, из специфики русского национального характера.

В период «холодной войны», начало которой было положено знаменитой фултонской речью У. Черчилля, С. Р. Томпкинс призывает к отказу от идеологизированных оценок России, к реальному историческому взгляду на ее прошлое и настоящее. Лишь в 1950 г. — действующий преподаватель с почти двадцатилетним стажем работы, с докторским дипломом в кармане — Томпкинс был избран своими коллегами профессором. Подобная пауза между получением докторской степени и присвоением звания полного профессора оказалась беспрецедентной для американских университетов. В это время Томпкинсу исполнилось уже 64 года. Он вступил в предпенсионный возраст. Тем не менее ученый с прежним энтузиазмом работает над осуществлением намеченной им еще в 1941 г. научной программы — создать трехтомную историю российского менталитета.

В 1953 г. он закончил первый том этого цикла — «Русское сознание: от Петра Великого через эпоху Просвещения». В своем письме к ректору университета в связи со своей программой исследования России он писал: «С недавнего времени я охвачен желанием внести позитивный вклад в огорчительные проблемы наших отношений с Советским Союзом. Вы, может быть, помните, что в прошлом году я говорил о российской революционной традиции. Эта традиция (включая Ленина) отразила русский революционный менталитет, о котором мы знаем меньше, чем ничего, и как результат этого, мы просто пилим воздух в наших отношениях с русскими». Далее Томпкинс говорит о необходимости нового подхода к этой исторической проблеме и о своей готовности активно участвовать в этом деле¹⁰.

Новая книга Томпкинса, как и предшествующие, вызвала немало откликов, и снова противоречивых, так как носила объективный характер, который, как известно, в исторической науке, особенно в пору идеологических и политических баталий, не устраивает никого, кроме самой науки. Рецензенты отмечали в качестве главной особенности книги пронизывающую ее идею континуитета царской и советской России, стремление автора постигнуть настоящее страны через ее прошлое, выявление «изумляющей схожести в деталях»¹¹.

В 1955 г. профессор выходит на пенсию, но напряженная работа над трехтомником продолжается. С. Р. Томпкинс словно наверстывает упущенное в науке время, удивляя окружающих своим упорством и работоспособностью. В 1958 г. выходит второй том трилогии — «Русская интеллигенция: создатели

революционного государства» (эта работа была переиздана в 1967 г., что тогда представляло собой редкий случай).

В год выхода книги ему исполнилось уже 72 года. Томпкинс к тому времени вернулся в Канаду, на свой любимый Запад. Еще год он проработал в качестве приглашенного профессора в Университете Торонто, выступал с лекциями в других университетах США и Канады. Пусть и с запозданием, но к нему, наконец, пришло признание. Он становится одним из мэтров североамериканской русистики, хотя по-прежнему является одиночкой, идущим своим путем, весьма отличным от направлений и Стэнфорда, и Гарварда, и Колумбийского университетов.

В 1967 г. в возрасте восьмидесяти одного года С. Р. Томпкинс выпускает завершающий том серии — «Триумф большевизма: революция или реакция?» — своеобразную интеллектуальную историю русского марксизма, которую доводит до 1917 г. И снова рецензенты, среди которых был известный Теодор фон Лауэ, отдают должное его усилиям, но говорят о старомодности подходов, которые, конечно же, не укладываются в традиции североамериканской русистики 60-х гг. А все было очень просто: в то время, когда на Западе доминировали жесткие схемы понимания Октябрьской революции как заговора небольшой группы людей во главе с Лениным, когда «ревизионисты», сторонники так называемой «социальной истории», лишь приступали к своим ставшим впоследствии знаменитыми разработкам, Томпкинс сказал то, что и должен был сказать подлинный ученый о российском 1917 годе: ищите его истоки в российской истории, в народе, в общероссийском революционном менталитете, а не в злой воле нескольких фанатиков. Подобный подход можно хорошо видеть на примере публикуемой ниже главы из этой книги. С. Р. Томпкинс показывает полный развал страны и власти накануне Февраля, ничтожность царского правительства и самого последнего Романова, тяжелейшие невзгоды народа.

Что касается германской политической интриги в России и попытки взорвать Россию изнутри, то Томпкинс находит ее исторически вполне естественной и документально подтвержденной, как и стремление ряда авантюристов нажить на этой попытке капитал как политический, так и самый что ни на есть материальный: на весах истории были брошены большие деньги. Говоря о роли Ленина и большевиков в этом вопросе, ученый подчеркивает как тактическую общность их интересов с интересами Германии, так и понимание большевистскими вождями всей шекотливости ситуации и их стремление в открытую не связывать себя и свою деятельность с целями иностранной державы, их врожденную практику конспирации, тем более в таком весьма необычном деле. С большой осторожностью подходит Томпкинс к так называемым документам Эдгара Сиссона, к которым столь безоговорочно апеллируют отдельные сегодняшние историки и публицисты. Вместе с тем факты, по мнению Томпкинса, говорят о том, что в Россию шли немалые деньги и по разным каналам, и что эти деньги могли быть использованы в интересах российской революции.

Поразительно наблюдение Томпкинса (весьма важное сегодня) о том, что линия Ленина и большевиков в этом вопросе могла диктоваться лишь одним — их революционной одержимостью, революционным фанатизмом, стремлением осуществить не только российскую, но и мировую революцию, которую большевики пытались перенести и на территорию самой Германии, которая впоследствии бросила большие силы и средства на подавление победившей революции в России. Это и есть как раз подход к событиям с позиций «того» времени, подход, противостоящий нынешним политическим сентенциям о том, что морально, а что аморально в истории.

В конце жизни С. Р. Томпкинс стал пацифистом, настаивал на поисках международных средств, которые могли бы предотвратить будущие военные конфликты, но его пацифизм не был общественно активным. Да и возраст уже брал свое. На девятом своем десятке он завершил еще одну монографию — «Секретная война», посвященную выяснению изначальных попыток развязать Первую мировую войну. Тем самым ученый стремился вскрыть механизм возникновения конфликтов, нарастания враждебности между государствами. Эта книга появилась в свет уже после смерти автора.

После выхода на пенсию, накопив определенные средства, С. Р. Томпкинс, наконец, осуществляет еще одну давнюю мечту, которую они вынашивали с женой с молодых лет, — когда-нибудь построить собственный дом.

Этот дом С. Р. Томпкинс выстроил в городке Виктория (провинция Британская Колумбия), все на том же Западе, на берегу пролива Хуан-де-Фука, через который три с лишним десятка лет назад он вернулся в Канаду из Владивостока. Окна дома выходили на океанские дали, за которыми лежали Дальний Восток, Сибирь — Россия...

Но со смертью путь канадского историка к России не был окончен. Пережившая мужа Эдна Томпкинс, которая долгие годы была рядом с ним и разделяла его жизненное кредо и научные идеи, перед своей смертью в 1989 г. оставила все свое недвижимое имущество, оцениваемое в сумму около

пятьсот тысяч долларов, Университету Альберты в Эдмонтоне в качестве Фонда Стюарта Рамсея Томпкинса. В своем завещании она указала, что средства должны расходоваться исключительно на развитие научных обменов с СССР, приглашение специалистов по советской истории в Университет Альберты для преподавания, чтения публичных лекций, организации консультаций. Предмет всех этих научных усилий был определен строго — история России и СССР. Этот фонд начал осуществлять свою деятельность с 1991 г.

Публикация в этом номере журнала главы из работы С. Р. Томпкинса — это лишь самое малое, чем мы можем благодарно ответить ученому за его вклад в исследование истории России, за его долгий и неподдельный интерес к ней.

А. Н. Сахаров

Примечания

¹ Tompkins S. R.: Russia through the Ages: from the Scythians to the Soviets. N. Y., 1940; Moscow and the West. Typescript, 1953; The Russian Mind, from Peter the Great through the Enlightenment. Norman, 1953; The Riddle of Communism: The quest for an answer. Typescript; Edmonton, 1955; The Russian Intelligentsia: Makers of the Revolutionary State. Norman, 1958; The Triumph of Bolshevism: Revolution or Reaction? Norman, 1967.

² A Canadian's Road to Russia: Letters from the Great War decade by Stuart Ramsay Tompkins. Edmonton, 1989. P. XXI.

³ Ibid. P. 452.

⁴ Ibid. P. 398.

⁵ Ibid. P. 408.

⁶ Ibid. P. 452.

⁷ Tompkins S. R. The Riddle of Communism: The quest for an answer. P. 1—3.

⁸ World Affairs Quarterly. 1941. V. II. P. 441.

⁹ New York Times Book Review. 26 May 1940.

¹⁰ American Historical Review. № 46. April 1941. P. 603; A Canadian's Road to Russia. P. XL—XLI.

¹¹ Saturday Review. 4 April 1953. P. 29.

© 1995 г. СТУАРТ РАМСЕЙ ТОМПКИНС

ТРИУМФ БОЛЬШЕВИЗМА: РЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ РЕАКЦИЯ? *

Глава 14. Ленин: дорога к власти

Опять берет Его диавол на весьма высокую
гору и показывает Ему все царства мира
и славу их, и говорит Ему: все это дам
Тебе, если, пав, поклонись мне.

Евангелие от Матфея. 4. 8—9.

Первый год войны был отмечен для России чередой тяжелых поражений и крупных побед. Но год 1915 стал для российского общества временем жестокого разочарования и крушения иллюзий. Стремительное отступление русских армий заставило общественность усомниться в компетентности бюрократии и состоятельности военного руководства, задуматься о причинах крупных потерь в живой силе и технике, что в современной войне имеет не меньшее, если не большее значение. Блокада немцами Балтийского и турками Черного морей фактически изолировала Россию от внешнего мира. Это был болезненный удар, так как российская промышленность была не в состоянии возместить потери в

* Tompkins Stuart Ramsey. The Triumph of Bolshevism. Revolution or Reaction? Norman, 1967.

Перевод и комментарии Е. С. Почерняевой.

Даты в тексте публикации в основном приводятся по новому стилю. Цифрой со звездочкой в тексте обозначены ссылки к комментариям (см. в конце публикации).

боевой технике. Предпринятая главным образом по инициативе Черчилля англо-французская интервенция на Галлиполийский полуостров с целью пробиться к Черному морю не сумела прорвать блокаду. Строительство железной дороги, которая должна была позднее обеспечить доступ России к берегам Арктики, единственной части европейского побережья, все еще открытой во внешний мир, едва начиналось. Создавалось впечатление, что Россия вышла из войны, коль скоро речь шла о ее реальном вкладе в военные усилия держав Антанты.

И, словно этой полосы военных неудач было недостаточно для сокрушения морального духа нации, паралич государственной власти постепенно распространялся на все звенья управленческого аппарата. Царь, до этого проявлявший некоторую нерешительность и непредсказуемость в вопросе о назначении министров и доверии им, теперь приводил в смятение своих советников. Казалось, можно было рассчитывать на то, что монарх, чьи юные годы прошли под руководством такого великого поборника аристократии, каким был его наставник Победоносцев, укрепит положение крупного дворянства, выдвигая людей с сильным характером, на деле доказавших свои способности. Однако, ко всеобщему ужасу, царь, давая волю своему раздражению или находясь под влиянием жены, чьим духовным наставником был порочный монах Распутин, увольнял своих верных слуг и раздавал посты ничтожествам.

Эти слабые, нерешительные люди, не способные контролировать развитие событий или не желавшие привлекать к сотрудничеству тех, кто не принадлежал к узкому кругу бюрократической элиты, бросили на произвол судьбы сложную машину государственного управления, т. е. позволили ей остановиться. Это было бы достаточно рискованно и в мирные дни, в условиях же войны неизбежно вело к роковому исходу. Более того, народ, страдая от бессилия власти, был вынужден терпеть из-за расстройств транспорта нехватку продовольствия и топлива, не имея даже минимума материального комфорта. Эти невзгоды во многом усугублялись затяжным характером зимы в северных широтах. Граждане России и стран Антанты вступали в 1916 год с самыми дурными предчувствиями.

Немногом лучше было положение центральных держав. Германия и Австрия пережили два года войны на два фронта. Если немцы нанесли поражение русским армиям и вытеснили их с территории Польши и Прибалтийских государств, то на Западном фронте в 1916 г. они, в свою очередь, подверглись жестокому разгрому на Сомме. Напряжение людских и материальных ресурсов было на пределе возможного. Более того, Флот открытого моря под командованием Шеера бросил вызов британскому Гранд-Флит («Большому флоту»), предприняв попытку прорвать тиски блокады, в которых задышалось военное производство Германии. И хотя англичане понесли тяжелые потери в Ютландском сражении, они по-прежнему господствовали на море. Немецкие военные корабли встали на якорь в своих гаванях. Военные отрасли Германии все чаще были вынуждены оперативно искать замену ранее импортируемому сырью. Австро-Венгрия, всегда более слабый партнер, была не в состоянии противостоять мощному натиску более выносливой русской пехоты. Кроме того, ей также приходилось развертывать свои силы на нескольких фронтах: сначала на Сербском и Итальянском в 1915 г., а с вторжением в 1916 г. в Румынию — на Карпатском фронте^{1*}, и потому она еще в меньшей степени, чем Германия, была способна выдерживать затяжную войну. Таким образом, обе державы были вынуждены искать пути для ослабления напряженности.

Вполне понятно, что выходом из положения был поиск возможностей окончания войны на выгодных для них условиях. Заняв большие территории врага и в течение двух лет успешно отражая все его попытки взять реванш, центральные державы не без оснований могли надеяться закончить войну со значительными приобретениями, если бы только им удалось склонить своих противников на мировую. Их первым шагом явилась попытка убедить президента Соединенных Штатов Америки выступить посредником в мирных переговорах.

Соединенные Штаты, не принимая участия в системе европейских военных союзов, с самого начала, по крайней мере официально, придерживались политики строгого нейтралитета. Тем не менее война вызвала бурную реакцию в американском обществе. В основном его симпатии были на стороне так называемой Антанты, отчасти из-за родственной близости с английским народом, а также из-за предпочтения стран со сходным политическим устройством. Значительные же слои американцев немецкого и ирландского происхождения составляли меньшинство, столь же страстно сочувствовавшее другой стороне. Таким образом, интересы национального единства требовали скорейшего окончания этой войны. Более того, невиданное доселе число человеческих жертв и ужасы, сопутствующие войне, потрясли американскую общественность, и президент Вильсон стал выразителем гуманного стремления немедленно положить конец этой трагедии. Весной 1915 г. в Европу был направлен личный эмиссар президента полковник Хауз, чтобы поочередно представить каждой из воюющих сторон проект Вильсона «Мир без войны». Этот план предусматривал соглашение, которое, как надеялись, будет приемлемым

для обеих сторон и подготовит почву для мирной конференции. Предполагалось, что Англия пойдет на то, чтобы допустить весьма ограниченную контрабанду, фактически снимающую блокаду, которая лишала Германию импорта продовольствия. В свою очередь Германия должна была согласиться на снятие подводной блокады Англии. И хотя обе стороны были склонны принять подобное предложение, позиция Германии была особенно жесткой, так как она надеялась, что большой резерв ее подводных лодок позволит ей сделать Англию более сговорчивой. В результате, покидая Лондон в начале июня, Хауз писал президенту: «Я пришел к заключению, что война с Германией неизбежна». Вильсон, правда, сумел смягчить критическую ситуацию, возникшую в связи с потоплением «Лузитании», и отношения между Соединенными Штатами и Германией, хотя и натянутые, не прерывались и в следующем году.

В ходе этих переговоров Германия оговорила необходимое предварительное условие своего присутствия на мирной конференции: Англия должна прежде всего снять блокаду Германии. В случае отказа Германия оставляла за собой право начать неограниченную подводную войну в Восточной Атлантике и Средиземном море против всех встречных судов, как союзнических, так и нейтральных стран. С помощью этой завуалированной угрозы, направленной не только против Великобритании и Франции, но и всех нейтральных стран, немцы надеялись заставить Соединенные Штаты отказаться от нейтралитета и оказать давление на Англию, перед которой открывалась бы неприятная перспектива иметь Соединенные Штаты в числе своих врагов.

Но на их беду Вильсон вновь выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах в ноябре 1916 г. Принципиальным пунктом его платформы в ходе предвыборной кампании был тот аргумент, что он удерживал страну от участия в войне. Следовательно, до выборов он не мог предпринять какой-либо шаг, который мог быть расценен как отступление от этой позиции. Германские власти, получив информацию от своих военно-морских специалистов о способности новой немецкой подводной флотилии установить действенную блокаду Британских островов и, таким образом, в течение месяцев поставить Англию на колени, не были склонны откладывать дело в долгий ящик. Поэтому, не дожидаясь действий Вильсона, 12 декабря они сами разослали приглашения на мирную конференцию, надеясь, вероятно, на то, что угроза неограниченной подводной войны сделает свое дело и заставит Англию принять их условия.

Эта акция центральных держав практически свела на нет значение последующего приглашения Вильсона от 18 декабря. Страны Антанты проигнорировали приглашение немцев и вместо этого дали ответ Вильсону, выдвинув в свою очередь необходимые предварительные условия для заключения всеобщего мира, в которых предусматривались не только отказ от всех оккупированных территорий, но и компенсации за разрушения, причиненные центральными державами. Эти условия благополучно похоронили вильсоновский проект «Мир без войны»¹.

Между тем центральные державы имели в резерве и другой план, с помощью которого они надеялись обеспечить себе победу. Он заключался в том, чтобы посеять в России недовольство властями и вызвать общественные беспорядки, которые заставили бы ее выйти из войны. Положение было таково, что по крайней мере одна революционная группировка — большевики — выступила с заявлением, что для революционеров «меньшим злом» было бы военное поражение России. Соответствие их целей замыслам Германии и Австрии должно было столь тесно связать дело Ленина и его последователей с победой Германии над Россией, что в дальнейшем для них оказалось почти невозможным отрицать этот факт.

В начале войны большинство российских революционных лидеров находились в изгнании: либо в добровольном — в Западной Европе, либо в принудительном — в тюрьмах или глухих уголках Сибири. По свидетельству тех, кто пережил правительственные репрессии, их организации были почти полностью разгромлены². Многие говорят о том, что накануне войны дела революционеров были в самом плачевном состоянии. Подобное положение частично объяснялось подъемом промышленности и сельского хозяйства, успехи же последнего, по мнению многих, были обязаны смелым мероприятиям Столыпина, направленным на ликвидацию русской общины. Кроме того, в августе 1914 г. население

¹ Другую неудачную попытку договориться о мире предприняла в это же время Австрия, обратившись к Франции через шурина императора Карла I принца Сикста Бурбонского. Переговоры не имели успеха. В августе 1916 г. с призывом о мире к воюющим державам обратился также Папа Римский. Не дали результата и секретные переговоры о мире, начатые Протопоповым по его же инициативе с представителями Германии.

² См. признания, сделанные Молотовым Джиласу в 1942 г., когда последний прибыл в Москву в составе югославской военной миссии^{2*} (Djilas M. Conversations with Stalin. N. Y., 1962. P. 67), а также мнение социал-революционера Цивина (Zivin), высказанное им в беседе с немецким посланником в Берне 16 августа 1916 г. (Zeman Z. A. Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918. L., 1958. P. 21).

было захвачено мощной волной патриотического подъема, что делало любое открытое выступление против войны не просто бесперспективным, но и по-настоящему опасным.

По-видимому, благодаря подсказке бывшего большевика д-ра Гельфанда (Парвуса) германское министерство иностранных дел прониклось мыслью об огромном значении в деле военных успехов Германии подрывных элементов, действовавших в тылах русских войск. Однако германская армия уже освоила это средство ослабления противника. 16 сентября 1914 г. немецкое верховное командование отдало директиву 8-й армии о засылке агентов в тылы русских войск для проведения широкомасштабных диверсий³. При этом ничего не говорилось о пропаганде, но было очевидно, что от материальных разрушений до мер по деморализации войск противника оставался лишь один шаг. На этот случай армия также должна была иметь в своем распоряжении группу лиц, наиболее подходящих и обученных для братания с противником, когда для этого придет время.

Министерство иностранных дел — структурное подразделение правительства, имевшее отношение к политическим акциям против гражданского населения противника, — вначале, по-видимому, не очень интересовалось проблемой разлада в стане врага и ослабления его морального духа, до тех пор пока эмиссары российских революционеров не вошли в контакт с немецкими дипломатическими миссиями за рубежом. В сентябре 1914 г. в германском посольстве в Швейцарии стал появляться эстонец Александр Кескюла, бывший большевик, видевший свою главную цель в освобождении родной Эстонии от русского владычества и потому вновь надевший маску большевика, которую он носил в 1905—1906 гг. Ему удалось войти в доверие к Ромбергу, немецкому посланнику в Берне, и взять на себя роль посредника между германским правительством и лидерами революционеров. С одобрения немецкой стороны он договорился с последними о распространении подрывной литературы в России. Пожалуй, его важнейшим достижением было то, что в 1915 г. он представил германскому правительству условия, на которых большевики были бы готовы заключить сепаратный мир с Германией в случае своего прихода к власти⁴. Предложенный Кескюла метод состоял в том, чтобы «поддерживать российское движение... совершенно открыто, не совещаясь с лидерами или российскими революционными центрами за границей»⁵. Это поставило Кескюла в двусмысленное положение и навлекло на него подозрение в том, что он был германским агентом, кем он отчасти и являлся, так как получил от немцев небольшую сумму денег, которую вернул впоследствии в обесцененных марках послевоенной Германии⁶. Из цитированного выше его письма к Штейнваксу³ мы узнаем о его связях с Россией и о том, какую информацию благодаря им он мог получать о российских событиях, по крайней мере в конце 1915 г. Из другого письма, написанного Штейнваксом Бергену⁴ из политического отдела Генерального штаба, нам известны дополнительные подробности о деятельности Кескюла и о развитии революционного движения в России.

Усилия Кескюла вскоре померкли на фоне деятельности д-ра Гельфанда, бывшего российского революционера, взявшего себе псевдоним «Парвус». Он покинул Россию после первой революции, в начале войны обосновался в Константинополе и занялся различными коммерческими предприятиями, в которых, по слухам, нажил себе состояние. Теперь в Копенгагене он явился к Брокдорфу-Ранцау, немецкому послу в столице Дании. Он выказал сочувствие делу Германии и представил сановнику грандиозный план субсидирования революционного движения в России в целях поддержки военных усилий Германии. Этот план был направлен главным образом на распад Российской империи путем освобождения подвластных ей народов. Россию, в частности, предполагалось вернуть в ее первоначальные границы. Одновременно с предложенной наживкой (распад и ослабление России) Парвус ввел крючок: главную поддержку немцы должны оказывать «большинству» партии социал-демократов.

Замысел Парвуса был горячо поддержан немецким послом в Копенгагене и в конечном счете одобрен министерством иностранных дел. Первое из щедрых пособий, которым открыл счет план Парвуса, было выплачено казначейством и, очевидно, передано ему с тем, чтобы он начал кампанию. Работа по отправке агентов в Россию и сбору информации имела в качестве удобного прикрытия некое учреждение в Дании^{5*}, формально занимавшееся изучением социальных и экономических последствий войны. Хотя Парвус поддерживал связь с германским правительством на протяжении всех военных лет, не совсем ясно, продолжал ли он в этот период контролировать каналы, по которым проходили денежные средства для растления народных масс России. Но золотой поток никогда не иссякал. Громадные денежные суммы,

³ Der Weltkrieg. 13 Bände. Berlin, 1925—1935. B. 1. S. 501.

⁴ Zeman Z. A. Op. cit. P. 6.

⁵ Ibid P. 12. Письмо от Штейна (Кескюла) к Штейнваксу, посланное вместе с письмом последнего Бергену (в министерство иностранных дел) 18 января 1916 г.

⁶ См.: Futrell M. Northern Underground L., 1963. P. 150.

потраченные, по свидетельству немецкого социал-демократа Бернштейна, на разложение и подрыв морального духа россиян, достаточно полно подтверждаются немецкими документами. Если же к этому добавить сумму в 40 млн. марок, посланных немецкому послу в Москве Мирбаху накануне его убийства, получение которых, разумеется, не было подтверждено, то общий зафиксированный итог составит 70 млн. марок, не считая средств, имевшихся в распоряжении Кескюла, Цивина и дипломатических представителей Бельгии и Голландии для оказания помощи российским эмигрантам, желавшим вернуться на родину ⁷.

Действительно ли Ленин и большевики, которым была выгодна сложившаяся ситуация, держали в руках эти деньги и полностью отдавали себе отчет в их происхождении? Нам известно, что по крайней мере первый денежный взнос, предоставленный германским казначейством 26 декабря 1915 г., прошел через руки Парвуса и достиг Петрограда между этой датой и 23 января 1916 г. ⁸ Именно в это время редкая связь большевиков с Петроградом осуществлялась из Стокгольма через Хапаранду, далее Торнео на финско-шведской границе и затем из Виипури ⁹ в Петроград, но повышение бдительности пограничных служб и сокращение численности большевиков в России привели к почти полной приостановке этих связей. Усилиями Шляпникова они были вновь налажены в конце 1916 г. и, кроме того, было восстановлено Русское бюро ЦК, в состав которого теперь входили Шляпников, Молотов и Залуцкий. С помощью сестер Ленина ⁹ они получали и распространяли литературу, контрабандой доставлявшуюся из-за рубежа. Эта группа, как и все социалистические организации, включая большевиков, испытывала острую потребность в деньгах. Существовали ли у ее членов какие-либо контакты с Парвусом и помогал ли он им восполнять недостаток денежных средств за счет огромных субсидий, которые распределял? Какие источники могли бы пролить свет на этот вопрос? Опубликованные материалы подразделяются следующим образом:

1. Женевские издания «Социал-демократ» и «Коммунист», в которых сотрудничал Ленин.
2. Произведения Ленина, насчитывающие пять изданий, пятое — в процессе выхода. В настоящее время осуществляется перевод на английский язык четвертого издания.
3. «Ленинский сборник» — продолжающееся издание, содержащее большое количество разнообразных материалов (письма, *obiter dicta* ^{8*} и т. д.).
4. Некоторые официально опубликованные письма Ленина.
5. Воспоминания отдельных социал-демократов, особенно тех, кто был близок к Ленину.
6. Разного рода «истории» Первой мировой и Гражданской войн.
7. Различные журналы т. н. меньшевистской фракции и других революционных организаций.
8. «Красный архив» — периодическое многотомное издание, содержащее материалы из правительственных архивов периода Первой мировой войны и революции 1917 г.
9. Производного характера работы, вышедшие почти одновременно: Colonel B. V. Nikitin. *The Fatal Years: Fresh Revelations on a Chapter of Underground History*. London, 1938; С. П. М е л ь г у н о в. *Золотой немецкий ключ к большевистской революции*. Paris, 1940.
10. Извлечения из немецких документов: W. H a h l w e g. *Lenin's Rückkehr nach Russland*. Leyden, 1957; Z. A. Z e m a n. *Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918*. London, 1958. Эти новейшие данные представляют собой подборку документов министерства иностранных дел Германии за 1867—1939, захваченных союзническими армиями в 1945 г.

В первоисточниках и опосредованных источниках, изданных при коммунистическом режиме, почти невозможно найти неопровержимые доказательства существования каких-либо отношений Ленина с германским правительством. Собрание документов, попавших к Эдгару Сиссону ^{9*} в России в 1918 г. и в настоящее время находящееся в Национальном архиве в Вашингтоне, претендует на то, чтобы дать доказательства существования подобного рода отношений, но эти документы в целом вызывают большие сомнения. Действительно, вплоть до захвата и изучения Архива министерства иностранных

⁷ Разумеется, эта цифра превышает итоговую сумму, выведенную Бернштейном в его статьях в «Vorwärts» в 1921 г. См.: М е л ь г у н о в С. П. *Золотой немецкий ключ к большевистской революции*. Paris, 1940, где приводится цитата из работы Бернштейна «Темный капитал» (*Ein dunkles Kapital//Vorwärts. Jan. 14, 1921*): «Ленин и его товарищи действительно получили от императорской Германии огромные суммы [денег]. Я узнал об этом уже в конце декабря 1917 г. Через одного друга я навел справку у лица, имевшего отношение к официальным источникам, и получил подтверждающий ответ. Не узнал я лишь, как велика была сумма и кто был или кто были посредниками. Теперь из источников, заслуживающих безусловного доверия, я узнал, что здесь речь шла о невероятных суммах, наверное, свыше 50 млн. марок золотом, так что для Ленина и его товарищей не могло остаться места сомнениям, откуда притекали эти суммы».

⁸ Z e m a n Z. A. Op. cit. P. 12ff., Document No. 11., донесение канцлеру ^{6*} от посла в Копенгагене от 23 января 1916 г.

⁹ Мария Ульянова и Анна Елизарова. Futrell. M. Op. cit. P. 102.

дел Германии в 1945 г. большевики могли заявлять, что никогда не имели никаких дел с германским правительством, финансовых или иных, ни до, ни во время, ни после революции, за исключением времени Брест-Литовского соглашения и установленных в результате его дипломатических отношений. Тщательное изучение немецких документов полностью изменило картину.

Принято считать, что сближение Ленина с германским правительством было связано с обстоятельствами его возвращения в Россию в апреле 1917 г. Февральская (мартовская) революция 1917 г. явилась, по замечанию М. Алданова, полной неожиданностью для российской общественности. Однако имеются данные о том, что Ленин считал падение монархии неизбежным. Известия об этом событии были встречены с великим ликованием швейцарской колонией социалистов и вызвали у них нетерпеливое желание вернуться в Россию. Вскоре стало известно, что новая власть объявила амнистию и что из Сибири и из-за рубежа стали возвращаться ссыльные и эмигранты. Условия войны неизбежно порождали сложные проблемы, связанные с возвращением последних в Россию. Был создан специальный комитет и собирались денежные средства для оплаты дорожных расходов.

По-видимому, именно Парвус первым высказал мысль о том, что германское правительство само должно активно способствовать возвращению Ленина и большевиков на родину. Это предложение было сделано немецкому послу в Копенгагене графу Брокдорфу-Ранцау, который в свою очередь передал его канцлеру, подготовив, таким образом, почву для того, чтобы идея дала всходы. 23 марта, на десятый день российской революции, Ромберг, посланник германского правительства в Берне, докладывал, что вожди российских революционеров в Швейцарии желали бы вернуться через Германию, и запрашивал инструкции на случай, если они обратятся к нему за содействием. Эти новости были переданы в Генеральный штаб, и 25 марта было получено разрешение на проезд социалистов из Швейцарии через Германию. Тем не менее верховное командование хотело иметь информацию собственных агентов и с этой целью направило Георга Склярца^{10*} для установления контактов с некоторыми представителями трех или четырех сотен эмигрантов. В своем донесении от 29 марта он отмечал, что эмигранты стремятся ехать через Германию, потому что это наиболее прямой путь на родину. Склярц особо подчеркивал выгоды, которые можно ожидать от возвращения в Россию Ленина и его группы. Некоторые члены ставки выражали опасение, что подобная помощь может вызвать осложнение дипломатических отношений со швейцарцами^{11*}. Однако, получив информацию о том, что последние уже выразили пылкое желание избавиться от этой беспокойной публики и были готовы к любым дипломатическим коллизиям, закрыв глаза на проведение подобной эвакуации, верховное командование благословило этот план.

Согласно документам, в Швейцарии в 1917 г. (к началу мартовской революции в Петрограде) находилось по меньшей мере от трехсот до четырехсот эмигрантов-революционеров. Хотя вопрос о них Парвус впервые поставил перед германским правительством в 1915 г., первое конкретное предложение о возвращении группы лиц в Россию, видимо, исходило от Ромберга, германского посланника в Швейцарии, аккредитованного в Берне. Швейцария, коль скоро ее можно было назвать революционным центром царской России, была в известном смысле превосходным «постом подслушивания». Ромберг уже рекомендовал имперскому правительству Кескюля, чей замысел о внесении смуты в русскую армию он поощрял и в дальнейшем. Не обошел он вниманием и другие партии, а его коллега барон Хеннет^{12*} из австро-венгерской дипломатической миссии оказывал поддержку социалисту-революционеру Цивину, занимавшемуся подобным рода деятельностью.

23 февраля министерство иностранных дел Германии получило из Стокгольма сообщение о том, что в Петрограде происходит революционный переворот. В течение последующих двух недель ведущие агентства новостей оповестили мир о свержении царского режима.

Первый шаг к сближению с германским правительством со стороны самих русских был сделан 31 марта через федерального советника Швейцарии Гофмана^{13*}. В переговоры с ним вступил Гримм, швейцарский социалист, выступавший по поручению т. н. Цюрихского комитета (по репатриации русских эмигрантов). Гримм сообщил, что они желали бы выехать на родину через Германию, так как, следуя Северным морем, рискуют подвергнуться нападению подводных лодок¹⁰. Непосредственный контакт с самими эмигрантами последовал не ранее 4 апреля, когда Фриц Платтен^{14*} посетил пос-

¹⁰Приводятся разного рода мотивы, по которым эмигранты желали выехать через Германию, такие, как угроза подводных лодок, отказ стран Антанты содействовать их возвращению, краткость маршрута и т. д. Как представляется, не существует каких-либо точных доказательств того, что им было бы отказано выехать через Францию или Англию по просьбе революционного правительства (в случае его обращения с подобной просьбой). Ленин и сам одно время подумывал о переезде в Швецию, как видно из письма Крупской и Коллонтай, написанного в апреле 1915 г. (Futrell M. Op. cit. P. 152—53).

ланника, чтобы от имени русских ходатайствовать о разрешении на выезд через Германию. Они просили не разглашать их имена из-за опасения быть скомпрометированными в России и обращались к германскому правительству с просьбой о предоставлении им права экстерриториальности во время проезда через Германию. Они ходатайствовали также о том, чтобы разрешение на проезд получили все лица независимо от их взглядов на войну и мир. В свою очередь эмигранты обещали содействие в освобождении соответствующего числа интернированных в России немцев.

Считается, что Гримм уклонился от переговоров потому, что некоторые эмигранты хотели получить санкции российских властей, т. е. Временного правительства и Советов ^{15*}. Но представляется более вероятным, что его отказ был связан с резким расхождением во взглядах с Лениным на Циммервальдской конференции. Его место занял Фриц Платтен, который довел до конца переговоры с немецкими властями. Перечень условий, о которых просили немцев, был составлен Лениным. Цель этих условий, разумеется, состояла в том, чтобы получить гарантии такой организации переезда, при которой эмигранты не должны были бы вступать в переговоры с Временным правительством и Советами в Петрограде. Платтен должен был сопровождать вагон (вероятно, для поездки был выделен лишь один железнодорожный вагон) и выполнять роль посредника между его пассажирами и германской администрацией, а также отдельными лицами. Только ему предоставлялось право решать, кто может входить в вагон и выходить из него; на вагон должно было распространяться право экстерриториальности, и поездки должны были по возможности быть безостановочной, в беспересадочных поездках. Предполагался обмен российских пассажиров на немецких и австрийских интернированных лиц. Обстоятельства внесли определенные изменения в этот план. Так, в качестве посредника между пассажирами и германскими властями поезд сопровождал представитель немецких профсоюзов ^{16*}. Далее, во Франкфурте пассажиры не успели на пересадку и задержались в Заснице, сумев сесть на паром-пароход лишь на следующий день.

Эмигранты высадились в Мальмё и далее поездом доехали до Треллеборга ^{17*}, где их приветствовал бургомистр Стокгольма ^{18*}, а затем продолжили свое путешествие в Стокгольм. Здесь их встречали представители шведской социал-демократии. Парвус также пытался войти в контакт с Лениным, но получил резкий отпор. Ленин призвал свидетелей ^{19*} запротоколировать этот факт. Он обратился к шведским товарищам с просьбой подписать документ, где выражалось безоговорочное одобрение его проезда через Германию. Он также просил их помочь деньгами, и была собрана значительная сумма для наиболее нуждавшихся членов группы. Далее эмигранты прибыли в Хапаранду, а затем в Торнео, где пересекли шведско-финскую границу, и наконец поздно вечером 16 апреля прибыли в Петроград.

Группа была встречена председателем Совета Чхеидзе. Его теплые слова приветствия были совершенно проигнорированы Лениным, который никак не отозвался на них в речи, обращенной к восторженной толпе, собравшейся на Финляндском вокзале. Затем в сопровождении почетного эскорта он прибыл во дворец знаменитой балерины Кшесинской, где в то время находился штаб петроградских большевиков. Его приезд сразу же повлиял на группу лиц, до настоящего момента определявших политику большевиков в России.

Революция, начавшаяся 12 марта, была завершена, когда войска столичного гарнизона, нарушив воинскую дисциплину, перешли на сторону масс. Сразу же после отречения царя Дума сформировала Временное правительство, призванное исполнять обязанности предположительно до тех пор, пока не будет избрано Учредительное собрание, которое возьмет на себя всю полноту власти. Вскоре был также образован Совет рабочих и солдатских депутатов по образцу Советов рабочих депутатов 1905 г. Однако, несмотря на существование этих двух органов, которым суждено было стать соперниками в борьбе за власть, поначалу преобладал дух братства и единения. Все единодушно отмечают, что всенародное ликование не было омрачено фракционной борьбой и разногласиями. Даже большевики поддались господствовавшему настроению всеобщей гармонии и доброжелательства. Действительно, атмосфера праздничного карнавала охватила все население, толпы народа заполнили улицы, люди бродили по городу до полного изнеможения, жадно глотая непривычный и опьяняющий воздух свободы, веря в то, что подавленность и разочарования остались позади. Наступил, казалось, нескончаемый праздник. Дни сменялись ночами, но время словно замерло. Немногие в столице могли тогда реально оценить происходящее. Пространство и время словно слились во всепоглощающем хаосе, и было трудно, почти невозможно установить время и место событий даже тем, кто были их свидетелями или участниками.

Положение дел изменилось с прибытием Ленина. Уже в «Письмах из далека» он разошелся во взглядах со своими соратниками, требуя категорического отказа от сотрудничества с Временным правительством и вооружения народа для отпора политике правительства, безнадежно империалистической, и обеспечения демократического мира. Выступая перед Советом ^{20*}, Ленин

изложил свои взгляды в так называемых «Апрельских тезисах», в которых потребовал национализации земли и банков и принятия мер к установлению контроля над общественным производством и распределением продуктов труда. Он также предложил изъять из партийной программы требование демократической республики и заменить его требованием республики Советов как наиболее совершенного типа государственной власти, представляющей пролетариат и беднейшее крестьянство. Для достижения целей последних он одновременно рекомендовал усиленные организационные меры, в которых среди прочего было и предложение об организации крестьянских Советов для немедленного захвата помещичьих земель.

Конец «медового месяца» революции наступил 20—21 апреля. Поводом к тому послужила разосланная союзным державам нота министра иностранных дел Милюкова от 18 апреля, в которой он подтверждал, что Россия будет соблюдать все обязательства, принятые в отношении союзников, и продолжит войну до победного конца. Большевики организовали массовые демонстрации, в которых участвовали как военные, так и гражданские лица: солдаты запасного батальона Финляндского полка и моряки Балтийского флота, из гражданских лиц — рабочие подростки. Последние свидетельствовали, что должны были получить за это от 10 до 15 рублей в день¹¹. Демонстранты несли плакаты с требованием отставки Милюкова. В этот же день и на следующее утро в противовес шествию толп, собранных сторонниками Ленина, состоялись контрдemonстрации под лозунгами доверия Милюкову и Временному правительству. Это побудило ленинцев организовать новые массовые выступления. Внушительные колонны демонстрантов из рабочих и недавно сформированной Красной гвардии стекались на Марсово поле, требуя немедленного окончания войны и отставки Временного правительства. Было ли это началом гражданской войны или по крайней мере ее прологом?

Временное правительство и Петроградский Совет, чувствовавшие себя на краю пропасти, отступили. Совет поспешил составить документ, принятый затем правительством, в котором разъяснялись вызвавшие возмущение формулировки ноты Милюкова и в несколько сдержанной форме выражалось доверие ему. Сам Милюков безуспешно протестовал, в глубине души чувствуя, что предан своими коллегами. Когда Львов заявил о своем намерении ввести социалистов из исполкома Совета в состав своего кабинета, Милюков подал в отставку.

В эти бурные дни, когда стало очевидным, что демонстрации вылились в открытый вооруженный конфликт между соперничавшими группировками, Корнилов пытался мобилизовать отдельные части гарнизона для наведения порядка. И тут оказалось, что его намерения расходятся с воззванием исполкома Совета, сделанным прошлым вечером^{21*}, в котором содержался призыв к войскам оставаться в казармах во время беспорядков. При этом была добавлена неосторожная фраза: «только исполнительному комитету принадлежит право располагать вами». Корнилов решил, что в этих условиях положение его как главнокомандующего Петроградским военным округом оставляет желать лучшего, и покинул свой пост^{22*}. Хотя правительство заявило, что власть главнокомандующего остается неизменной, подобная декларация оказалась пустым звуком по сравнению с заявлением исполкома Совета, которое ни Корнилов, ни Временное правительство не посчитали нужным оспорить.

При таких обстоятельствах, когда улицы были заполнены грозными толпами, Петроградский Совет вечером 21 апреля был созван на специальное заседание, чтобы заслушать итоги совместного совещания Временного правительства и исполкома Совета, состоявшегося по инициативе Церетели. Члены Совета взяли решение проблем в свои руки и приняли резолюцию, запрещающую уличные митинги и манифестации в последующие два дня и осуждающую призывы к вооруженным демонстрациям как предательство революции. Эти меры возымели должный эффект, и волнения так же быстро улеглись, как и возникли.

Таким образом, кризис завершился, но он оказался не последним. Слабость Временного правительства была открыто продемонстрирована. Инициатива в подавлении массовых беспорядков перешла в руки Исполкома Совета, даром что в ходе этих событий власть командующего войсками Петроградского гарнизона была фактически ликвидирована. Дисциплина в войсках гарнизона, уже подорванная на первой волне революции знаменитым Приказом № 1^{23*}, окончательно развалилась. Временное правительство отказалось от своих притязаний быть верховной властью в государстве.

Наиболее тревожной чертой кризиса была та легкость, с которой могли быть собраны толпы демонстрантов, в том числе Красная гвардия, вооруженные рабочие и солдаты, готовые к смуте и мятежу. Обычно при описании этих событий высказывается единодушное мнение, что большевики

¹¹М и л ю к о в П. Н. Воспоминания (1895—1917): В 2 т. Нью-Йорк, 1955. Т. 2. С. 362.

совершенно не причастны к организации этих общественных беспорядков. Большевистский историк Попов ^{24*} утверждает, что вспышки насилия прорывались «стихийно», вопреки запретам Временного правительства и даже усилиям Совета сдерживать манифестантов. Но он многозначительно добавляет, что «демонстрация... собрала громадные народные массы вокруг лозунгов нашей партии». Вследствие этого трудно принять легенду о незаинтересованности большевиков, а в свете информации Милюкова о том, что участие в демонстрациях оплачивалось, не вызывает сомнения тот факт, что за кулисами этих событий стояла Германия, щедро выделявшая субсидии, предназначавшиеся именно для этой цели.

Между тем в течение всей весны 1917 г. в столицу непрерывно наведывались представители стран Антанты, а также социалистических партий Запада. В основе этих официальных визитов лежало намерение достичь определенного соглашения с новым режимом — либо о продолжении войны, либо о возможных условиях заключения мира. В стране была заброшена вся серьезная работа, и господствовал угар митинговщины. Люди, казалось, забыли, что Россия все еще находится в состоянии войны, что нужно сеять и убирать хлеб, производить товары, восстанавливать и налаживать работу разрушенной транспортной системы, чтобы снабжать города необходимыми продовольствием и топливом, острая нехватка которых послужила толчком к началу революции.

Новая коалиция, в которой ведущую роль играл военный министр Керенский, предприняла некоторые усилия для нормализации обстановки. Свою главную задачу Керенский видел в том, чтобы подготовить и начать новое наступление на фронте и тем самым отвлечь внимание народа от внутренних неурядиц и сплотить его вокруг общей цели. Съезд Советов, собравшийся в Петрограде 1 июня, дал ему возможность обеспечить определенную форму народной поддержки; этому примеру последовал и съезд казачества. Наступление на фронте было начато 1 июля в общем направлении на Львов. Несмотря на то, что наспех собранной ударной группе, в авангарде которой находились части, сформированные исключительно из офицеров, удалось несколько продвинуться вперед, потери были тяжелые, и, когда немцы и австрийцы предприняли контратаку, что было вполне естественно, они сокрушили оборону русских ударом во фланг, тем самым заставив их отступить в спешном порядке и оставить без прикрытия русско-румынский фронт, что имело катастрофические последствия для Румынии. Бои прекратились лишь тогда, когда центральные державы были вынуждены снять войска для переброски на Итальянский фронт.

Это серьезное поражение оказалось катастрофой, сразу обнажившей чудовищный упадок боеспособности русской армии. Доверие Временному правительству было основательно подорвано, равно как и моральный дух нации. В дальнейшем внутренние трудности усугубились тем, что Украинская рада вырвала у России согласие на автономию Украины. Выход министров-кадетов в отставку в знак протеста положил начало развитию нового кризиса. 3 июля вновь были организованы демонстрации, и наступила почти полная анархия. Ленин некоторое время отстаивал позицию неповиновения власти в целом. Попытка начать вооруженное восстание 10 июня была сорвана, когда некоторые из его союзников слева сплотились для поддержки Временного правительства, и выступление было отменено. Теперь же ленинские когорты терроризировали город. Контрдемонстрации создали ситуацию на грани анархии, обуздать которую казалось немислимым.

Именно в этот момент в действие вступил новый и весьма неприятный фактор. Вечером 4 июля в разгар бурных событий князь Львов связался по телефону с Церетели и предложил ему прибыть в правительственную резиденцию на заседание Временного правительства. Присутствовавшие здесь министры были ознакомлены с документом, полученным министром юстиции Переверзевым, который предлагал разослать его в редакции газет.

Из этого документа явствовало, что прапорщик русской армии Ермоленко, будучи взят в плен, 28 апреля был переброшен немцами за линию фронта в расположение русских войск с заданием вести агитацию среди своих прежних товарищей по оружию в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Вероятно, он вольно или невольно раскрыл русским офицерам цель, ради которой он был переправлен через линию фронта и дополнительно сообщил некоторую секретную информацию, полученную им от двух немецких офицеров — Шидицкого и Люберса, согласно которой двое, Ленин и один украинец, некто А. Скоропись-Иолтуховский ^{25*}, были посланы в Россию для подрыва доверия народа к Временному правительству; что эти люди были снабжены деньгами, отправленными из Стокгольма через доверенных агентов. Назывались и другие имена заговорщиков, среди которых ключевой фигурой был Козловский ^{26*}, получавший и распределявший деньги из Германии.

Эта двухмесячной давности информация была встречена со смешанным чувством ужаса и скептицизма. Однако два члена правительства ^{27*} уже занимались вопросом о том, насколько обоснованны были эти запоздалые подозрения о возможности существования тайного соглашения между

Лениным и немцами. Поэтому все сознавали, что разрешение на публикацию данного материала помешает и, возможно, сорвет дальнейшее расследование. Члены правительства настаивали на том, чтобы запретить публикацию. Так как представители прессы уже получили от Переверзева копии этого документа, князь Львов просил их воздержаться от публикации. За единственным исключением, все неохотно согласились. Газета правых «Новое слово»^{28*} проигнорировала просьбу правительства и опубликовала эту историю¹². 20 июля она появилась в кадетской газете «Речь». По некоторым данным, в это время в антибольшевистской прессе были опубликованы и другие документы, происхождение которых, возможно, напрямую связано с правительственным департаментом контрразведки, возглавлявшимся полковником Никитиным. Если дело обстояло именно так, то вызывает недоумение, почему была сделана подборка этих документов, наделавших столько шума в июле 1917 г.

Большевистский лагерь мгновенно отреагировал. Члены ЦК (большевиков), не теряя времени, попытались сразу же нейтрализовать впечатление от этой публикации. Сталин уже требовал от Чхеидзе, чтобы тот, используя свое влияние, остановил публикацию этого документа. Зиновьев, в соответствии с инструкциями ЦК, уже обращался к Церетели с лестливыми словами — как к «уважаемому оппоненту», что резко отличалось от того враждебного тона, какой был принят в большевистской среде в отношении меньшевиков. В заявлении, сделанном Советом, предлагалось до приговора суда воздерживаться от высказывания каких-либо мнений, а также до принятия решения самим Советом по результатам его собственного расследования. Не удовлетворенный этим предложением ЦК большевиков совместно с Главным правлением Социал-демократии Королевства Польского и Литвы направил обращение в адрес Третьей Циммервальдской конференции, которая должна была состояться в сентябре в Стокгольме, с предложением осудить, не дожидаясь доказательств, то, что было названо клеветническими измышлениями о большевистской партии и ее вождях как о германских агентах. Ленин, по свидетельству Церетели, разумеется, немедленно отверг обвинения в том, что он имел тайные связи с германским правительством. Вместе с тем он потребовал назначить комиссию по расследованию. Временное правительство было вынуждено отдать приказ об аресте членов ЦК большевиков. Большинство из них, в том числе Троцкий, не пытались избежать ареста, но Ленин и Зиновьев переменили свое намерение дождаться решения комиссии и скрылись. В своем письме VI съезду партии, который проходил в конце июля в отсутствие Ленина, они объясняли мотивы своего бегства тем, что в столь острый момент объективное рассмотрение дела не может обеспечить ни один суд¹³.

Что же побудило Ленина вначале потребовать создания комиссии по расследованию обвинений, а затем уйти в подполье? Мы сможем хотя бы приблизительно понять это, если рассмотрим все обстоятельства, предшествовавшие и сопутствовавшие его проезду через Германию. Выше уже были показаны тщательно разработанные им меры предосторожности с целью отвести от себя любые подозрения в пособничестве германскому правительству.

Далее, почему Ленин не предпринял попытки проезда через страны Антанты и предпочел ехать через Германию, тем самым формально совершая акт измены, «помогая и содействуя» врагам Отечества? Нам дано понять, что у Ленина не было иного выбора, что ему было отказано в разрешении ехать через Францию и Англию, однако никаких прямых доказательств этого не представлено. Временное правительство к тому времени уже объявило амнистию, политические заключенные были освобождены, и массы ссыльных из Сибири разъехались по домам. Когда вторая партия эмигрантов обратилась с ходатайством о возвращении через Германию, министр иностранных дел Милюков телеграфировал, что поездку через Германию он считает невозможной и что он просил Лондон и Париж содействовать их проезду через страны Антанты¹⁴. Поэтому представляется маловероятным, что Милюков стал бы препятствовать возвращению Ленина. Троцкий, выпущенный по просьбе Милюкова из британской

¹²Так описывает это И. Г. Церетели в своих «Воспоминаниях о Февральской революции» (Т. 1) [The Hague, 1963] в разделе, посвященном июльским событиям.

¹³Шестой съезд РСДРП(б), август 1917 г.: Протоколы. М., 1958, Приложение. С. 316. Это письмо было опубликовано 15 (28) июля 1917 г. в «Пролетарском деле». В каком паническом состоянии оно было написано, видно из того, что Ленин почти неосознанно отдал должное буржуазным странам, имевшим конституционные гарантии, отсутствие которых столь болезненно сказывалось в России, и это было странным сбоем в его обычных разоблачениях буржуазных правительств, обнажавшим его истинные мысли. Тем не менее к этому времени он уже заявил, что грядущая диктатура не намерена подражать этим замечательным чертам конституционного строя.

¹⁴Berner Tagwacht, April 30, 1917. Поскольку 16 апреля Ленин уже был в Петрограде, эта просьба Временного правительства явно относится ко второй партии эмигрантов. См. также: Bulletin of the Executive Commission of the Central Swiss Committee for the Return of Political Exiles to Russia. № 4.

тюрьмы в Галифаксе ^{29*}, также был на пути домой. Противоречивые доводы, выставлявшиеся комитетом по репатриации эмигрантов для оправдания желания вернуться на родину через Германию, не являются убедительными, особенно если известно, что инициатива исходила от германского правительства. По мнению Запада и фактически части большевиков, бегство Ленина подкрепляло существовавшие подозрения.

Далее, почему Ленин, возвращаясь из Швейцарии, так старался не дать себя скомпрометировать? В отличие от распространенного мнения о том, что он боялся суда соотечественников, более вероятным представляется то, что ему было важно оправдаться в глазах европейских социалистов. Он участвовал в работе Циммервальдской конференции и, несмотря на свой разрыв с большинством социалистов Германии, а также Франции и Великобритании, все еще оставался в рядах Циммервальдской левой, имея с ней тесную связь и несомненно надеясь с ее помощью расколоть западноевропейские социалистические партии. Поскольку большевики призвали всех социалистов Запада голосовать против военных кредитов, выйти из состава правительств воюющих держав и превратить империалистическую войну в гражданскую, влиянию Ленина навсегда пришел бы конец, если бы стало известно, что он имел тайную договоренность с одним из тех самых правительств, против которых он подстрекал социалистов. Отсюда и тщательно инсценированный отказ от общения с Парвусом, и желание получить одобрение своим действиям со стороны европейских социалистов ¹⁵. Что касается Ганецкого ^{30*}, то, по свидетельству Шляпникова, Ленин предостерегал его от каких-либо дел с Ганецким, который, по его словам, смешивал коммерцию с партийной работой ¹⁶. Сам Ганецкий еще до войны был тесно связан с Лениным, и ему суждено было возобновить эти отношения после Октябрьской революции.

В дальнейшем местом действия становится Петроград, куда прибыл датский социал-демократ Боргбьерг с приглашением к русским социалистам принять участие в работе Стокгольмской конференции. Он имел беседы с Шейдеманом ^{31*} и Эбертом ^{32*} относительно условий мира, и они заверили его, явно с одобрения германского правительства, что никакого наступления против России не предполагается. На заседании Совета, обсуждавшего приглашение в Стокгольм, большевики осудили Боргбьерга как агента германского правительства и голосовали против принятия приглашения. Спустя примерно два месяца вместе с поездом русских эмигрантов из Швейцарии прибыл Гримм ^{33*}, который в свое время начинал с немцами переговоры о возвращении Ленина и сейчас заявил о своем намерении урегулировать вопрос об обмене интернированных в России немцев на эмигрантов. Милюков не дал ему разрешения на въезд, но после ухода министра в отставку Гримму все же удалось попасть в российскую столицу. Здесь он начал вести агитацию за переговоры между российским и немецким правительствами с целью заключения мирного договора. Однако Временному правительству стало известно, что у Гримма была установлена телеграфная связь с федеральным советником Швейцарии Гофманом, который информировал его о немецких предложениях, направленных на заключение сепаратного мира. Гофмана уже подозревали в прогерманской ориентации, и социалисты выражали свое возмущение тем, что он выступал в качестве посредника в этом вопросе. Гримм сделал вид, что не понимает побуждений Гофмана и не доверяет ему. Тем не менее Временное правительство приняло решение выслать Гримма, который по прибытии в Стокгольм объявил, что телеграмма Гофмана была ответом на его телеграмму и что он, Гримм, первым вошел в контакт с Гофманом. По этому поводу Зиновьев, выступавший от большевиков, выразил несогласие с действиями правительства: «... мы совершенно отказываемся понять, как можно было человека, без суда, без следствия, без совещания с собственными товарищами, без совещания с Исполнительным комитетом, выслать...» ¹⁷. Следовательно, когда Ленина обвинили в том, что он был «немецким агентом», то большевики, чтобы быть строго последовательными, были вынуждены потребовать судебного разбирательства. Разумеется, существовала некоторая разница, так как Ленин был русским. Однако остается неясным, почему Ленин все же передумал и скрылся. Многие большевики не одобряли это, тем не менее, как предполагает Церетели, Ленин, возможно, понимал, что сможет получить поддержку со стороны своей партии, как оно и вышло. По-видимому, он также сознавал, что если выиграет в борьбе за власть, этот вопрос уже никогда не будет поднят.

¹⁵ Парвус уже был дискредитирован в кругах российских социалистов, где было также известно и о тесной связи с ним Ганецкого. О Парвусе см. статью Алексинского в: «Россия и свобода», № 4 (сентябрь 1915). Дружба Троцкого с Парвусом была использована В. Киселевым для атаки на Троцкого. См. его статью «К разоблачениям о Парвусе: Ответ Мартынову. Предисловие Алексинского», опубликованную, вероятно, в издании «Россия и свобода» (Париж, 1915).

¹⁶ Futrell M. Op. cit. P. 165.

¹⁷ См. речь Зиновьева на Всероссийском съезде Советов 16 июня 1917 г. — Gankin Olga Hess and Fisher H. H. The Bolsheviks and the World War. 2nd ed. Stanford, Calif., 1960. P. 625.

Если принять за чистую монету донесение немецкого посредника Байера о его переговорах с социалистами (многие из них — меньшевики) в последние дни апреля в Цюрихе, о чем свидетельствует меморандум военного атташе¹⁸, то мы можем оставить всякое сомнение в том, что идея «помощи и содействия» врагам отечества или получения от них помощи могла вызвать хоть малейшие угрызения совести в ком-либо из социал-демократов. И если такова была позиция меньшевиков *a fortiori*, не в меньшей, если не в большей степени это справедливо в отношении большевиков.

Несколько неудачное использование слова «агент», с самого начала возникшего в данной ситуации, привело к тому, что внимание было отвлечено от основного вопроса. В толковом словаре дается следующее определение: «агент» — лицо, представляющее свое руководство или действующее от его имени, при этом подразумевается, что агент полностью посвящает себя этой службе. Нам, разумеется известно, каковы были во все времена отношения Ленина с теми, с кем он когда-либо объединялся: с самого начала он настойчиво проводил мысль о том, что любое подобное сотрудничество представляет собой лишь временную меру для достижения определенных целей, после чего надобность в нем отпадает. Именно так он с самого начала рекомендовал строить отношения с *буржуазией* и крестьянством. Поэтому следует предположить, что, договариваясь с германским правительством, он преследовал собственные цели, по достижении которых этот союз должен был быть расторгнут. Нетрудно догадаться, что он также предусматривал со временем перенос революции в саму Германию и восстание против германского правительства с целью его свержения. Таким образом, обвинение Ленина в том, что он был немецким «агентом», давало его сторонникам возможность доказывать, что, коль скоро эти действия не были направлены исключительно на пользу Германии, это смысляет с него позорное пятно тайных сделок с германским правительством.

Слово «агент» в те времена широко применялось в отношении любого лица, действовавшего в интересах Германии, и число таких людей, судя по немецким документам, вероятно, было значительным. Среди них, несомненно, было много революционеров, таких, как Раковский и, возможно, Чернов, которые за свои услуги получали плату от немцев¹⁹. Едва ли они были заинтересованы в том, чтобы помогать победе центральных держав.

Дальнейшее расследование, начатое правительством, затянулось и не было доведено до конца. Мы знаем, что искали дополнительных свидетельств. События, однако, все более отодвигали это дело на задний план. Шестой съезд большевиков, впервые принявших твердое название партии — РСДРП, стал примечателен благодаря двум моментам: во-первых, был снят лозунг «Вся власть Советам!» и заменен новым: подготовка вооруженного восстания; во-вторых, слиянием партии «межрайонцев» с большевиками и попытками сближения с ними со стороны меньшевиков-интернационалистов, желавших положить конец давним тяжбам и воссоединить всех инакомыслящих в единую партию, — надежда, не получившая материального воплощения. Явное намерение большевиков решить спор вооруженным путем заставило Керенского искать средства к тому, чтобы исключить такую возможность. Полностью потеряв власть над Петроградским гарнизоном, он, пытаясь предотвратить падение правительства, обратился к действующей армии и, в частности, к генералу Корнилову. Однако в вопросе о том, кто будет осуществлять власть в случае успешного завершения контрудара, возникли разногласия. Керенский, заподозрив Корнилова в стремлении установить личную диктатуру, в панике обратился к своим непримиримым врагам — большевикам и их Красной гвардии, легализовав тем самым главные силы, собранные большевиками для решающего удара. Осознав вскоре свою ошибку и пытаясь противостоять такому развитию событий, Керенский решил использовать последнее средство и предпринимал отчаянные попытки добиться поддержки со стороны общественного мнения. Он способствовал организации ряда представительных совещаний — Демократического совещания, Предпарламента для подготовки Учредительного собрания, однако он просто пытался сражаться с большевиками деревянным мечом. Они уже обеспечили себе большинство в Советах, а большевик Троцкий возглавил Военно-революционный комитет, который был лишь прикрытием для мобилизации боевых сил большевиков — рабочих с Выборгской стороны, Красной гвардии, моряков-кронштадтцев, хорошо обеспеченных оружием благодаря щед-

¹⁸«...они открыто и, я бы сказал, с радостью выражали желание принять финансовую поддержку, предназначенную для особых целей в борьбе за мир. ...Почти все те, с кем я беседовал, были в большей степени заинтересованы в скорейшем мире *a tout prix*, т. е. сепаратном мире с Германией и Австрией, нежели в одновременном всеобщем мире по соглашению с другими державами Антанты». (Memorandum by the Military Attaché of May 9/17 of the Legation in Berne// Zeman Z. A. Op. cit. p. 55.)

¹⁹На московском процессе в 1938 г. Раковский, согласно опубликованному отчету о заседании, признался прокурору Вышинскому в том, что работал на Германию в первый период войны. Свидетельства против Чернова не столь ясны.

рости Керенского. Теперь, не обращая внимания на колебания своих соратников, Ленин потребовал немедленных действий и склонил на свою сторону ЦК. Военно-революционный комитет, который уже мог заявлять, что действует от имени большинства пролетариата, провел соответствующую подготовку. Чтобы придать ожидаемой победе больше торжественности и эффекта, открытие Съезда Советов было назначено на 25 октября. Оно задерживалось с тем, чтобы приурочить первое заседание к тому времени, когда будет объявлено, что все важнейшие пункты города заняты силами большевиков и что все министры, за исключением бежавшего Керенского, арестованы. Победа большевиков была обеспечена.

Таким образом, с обвинениями в адрес Ленина, по крайней мере на время, было покончено. Но им суждено было вновь воскреснуть, и никакие усилия ЦК не смогли помешать этому. Если члены ЦК и имели в своем распоряжении факты, способные опровергнуть обвинение, они, разумеется, не предлагали раскрыть их. Они всячески избегали каких-либо чистосердечных признаний. На заседаниях ЦК обсуждалась деятельность Ганецкого и Парвуса, но записи этих обсуждений тщательно изымались из официальных документов. В приложении к протоколам помещено заявление о том, что, когда шла речь об этих лицах, имеющейся в наличии информации было недостаточно, чтобы представить удовлетворительный отчет об их действиях, — вежливое уведомление, что это не для широкой публики²⁰.

В течение последующей зимы 1917/18 г. этот вопрос всплыл на поверхность совершенно другим образом. Эдгар Сиссон, журналист, был послан в Россию президентом Вильсоном со своего рода особым поручением, вероятно, для того, чтобы сообщать непосредственно президенту о событиях, происходивших в этой стране. Ему стало известно, что к американскому послу обратился некий человек³⁴, который имел документ, проливающий некоторый свет на подозрительные отношения Ленина с Германией. Будучи вызван послом на совещание, Сиссон взял на себя контакт с этим посредником и в последующие месяцы приобрел у него группу разного рода материалов, содержание которых, похоже, могло однозначно установить передачу денег большевикам от германских властей. Из этих документов явствовало, что в обмен на финансовую поддержку большевики, добровольно или вынужденно, согласились содействовать заключению сепаратного мира между Германией и Россией. По свидетельству капитана Джорджа Хилла, эти материалы были первоначально проданы секретной службе одной из стран Антанты и изучались представителями британской разведки²¹. Тщательное исследование этих бумаг экспертом по пишущим машинкам будто бы установило, что весь текст документов, исходящих якобы из разных стран, был напечатан на одной и той же машинке. Конечно, непрофессионал вряд ли способен опровергнуть подобное заключение³⁵, даром что сами результаты экспертизы опубликованы не были и информация о них дошла не из первых рук. Еще труднее поставить под сомнение суждение Сиднея Рейли, который остался в России и на протяжении ряда лет вел борьбу с большевиками, пока не пал жертвой их контрразведки. Некоторые из документов, особенно турецкий и финский, предписывающие некоему лицу проживание в России, могли почти наверняка быть подлинными, так как подобная подделка вряд ли была бы под силу рядовому человеку. Другие материалы представляли собой не имеющий особой важности обмен посланиями между российским и германским правительствами в период заключения Брест-Литовского договора и в последующее время, и едва ли есть основания считать их и другие подобные им документы подделкой. Один или два документа претендуют на то, чтобы быть настолько ясными и недвусмысленными доказательствами преступного сговора Ленина и других, что сразу же возбуждают подозрения.

Хотя англичане отнеслись к этим бумагам с большим недоверием, которое передалось послу Пейджу и через него президенту, этого нельзя сказать о комиссии Американской ассоциации историков, Семюэле Харпере и Франклине Джеймсоне, которые изучали эти документы и сделали осторожное заключение в пользу их подлинности. Тем не менее сомнения, одолевавшие многих серьезных ученых, подогревались пробольшевистскими кругами, которые с торжеством ссылались на их мнение. В конце концов документы были погребены в личном президентском архиве и лишь спустя десятилетия переданы в Национальный архив. В итоге даже ответственные лица в Соединенных Штатах пришли к заключению, что проблема возможных предательских связей Ленина с немецким правительством уже снята.

В Европе же эта тема обсуждалась настойчивее и ряд авторов не оставляли попыток докопаться до истины. Среди них были писатели с именем, такие, как Бурцев, разоблачавший провокатора царской охранки Азефа, в то время как даже Ленин слишком поспешно выступил в его защиту, а также историк Мельгунов, автор серьезной работы по этому вопросу. Мельгунов тщательно проанализировал все

²⁰Futrell M. Op. cit., 175.

²¹По рассказам капитана Хилла, он и знаменитый британский разведчик Сидней Рейли изучали эти документы зимой 1918 г. и выражали сомнения в их подлинности.— Hill George Captain. Go Spy the Land. L. 1932. Ch. XXV.

имевшиеся в наличии свидетельства²² и пришел к выводу, что Ленин и большевики получали значительные денежные суммы от немцев, хотя он и не мог представить четкие убедительные доказательства. Он верил в то, что в будущем такие свидетельства будут найдены. Несколько иначе обстояло дело с Бурцевым. Яркий противник Ленина, он утверждал, что тот в марте 1917 г. тайно встречался с секретарем немецкой миссии в Берне, чтобы начать переговоры с немцами о своем возвращении на родину. Эти переговоры якобы должны были вестись под руководством князя фон Бюлова, бывшего германского канцлера, в ту пору проживавшего в Люцерне. Несмотря на то, что Бурцев заявлял о том, что имеет неопровержимые доказательства этого, он, к сожалению, не представил их²³.

Другой довольно ответственный автор утверждал, что 31 марта 1917 г. в Стокгольме состоялось совещание большевиков с немцами с целью выработать план действий для достижения общих целей — свержения Временного правительства, разложения армии и заключения мира с Германией. В помощь Ленину было выделено несколько немецких офицеров²⁴. Но и в данном случае автор не сумел обосновать свое утверждение.

Нам не известно, в какой мере в материалах Сиссона были представлены документы, появившиеся в 1917 г., например, те, которые были получены Временным правительством в июле, или же те, которые якобы были переданы стокгольмскому курьеру по имени Лейтис²⁵. Донесение немецкого посланника, содержавшее это известие, было датировано 22 августа, когда буря, вызванная слухами о сотрудничестве большевиков с немцами, уже улеглась, но комиссия, назначенная Временным правительством, продолжала разбираться, на чем основаны эти слухи. Нет никаких данных о происхождении этой группы документов и характере содержавшейся в них информации. Но входили они или нет в коллекцию Сиссона, последняя явно включала в себя и материалы, которые не могут быть приняты к рассмотрению, так как они датированы 1918 г.

Очевидно, что затянувшееся расследование обвинений против большевиков не могло поспеть за событиями, связанными с именем генерала Корнилова, и слишком быстрым сдвигом общественных настроений, результатом чего явилась так называемая большевизация Петроградского Совета, в ходе которой Троцкий, вставший теперь во главе Военно-революционного комитета, примкнул к большевикам и занимал стратегически важный пост. В то время под его началом находились формирования Красной гвардии, вооруженных рабочих и моряков Кронштадта, которым правительство могло противопоставить лишь дезорганизованные остатки Петроградского гарнизона. Когда этот комитет решил нанести удар 25 октября, до открытия съезда Советов, ему было оказано слабое, лишь для видимости, сопротивление; эта победа принесла власть Ленину и большевикам.

Вследствие такого поворота событий вопрос о виновности Ленина был предан забвению. Людям свойственно тяготение к власти. Многие из тех, кто ранее вышел из партии большевиков из-за несогласия с их политическими установками, теперь пополнили ее ряды. Кроме того, этот рост шел за счет огромной массы приспособленцев, и больше ни у кого не было желания бросить вызов господствующей партии. Более того, теперь большевики могли себе позволить изымать из архивов любую нежелательную для них информацию.

Таким образом, проблема так и осталась не решенной до конца. Во всяком случае, в России эта тема перестала быть животрепещущей. Однако в Германии ей не дал угаснуть Бернштейн, который, без сомнения, долго страдал от злобных нападок Ленина. Его статья «Темный капитал» («Ein unklarer Kapital»), опубликованная в «Vorwärts» 14 января 1921 г., почти доказала обоснованность все еще существовавших определенных подозрений в том, что между Лениным и германскими властями имелся тайный сговор. Но в то время мир был озабочен другими проблемами, и статья не привлекла большого внимания.

В целом вопрос получил точное и окончательное разрешение в 1945 г., когда армии союзников, подавляя последние очаги сопротивления немецких войск, обнаружили в одном из замков Южной

²² Мельгунов С. П. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. Paris, 1940. С. 9.

²³ Burtsev V. L. Azef and Lenin.

²⁴ Спиридович А. И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти, 1883—1903—1917. Paris, 1922. С. 312—315.

²⁵ См. донесение посланника в Копенгагене министерству иностранных дел от 22 августа 1917 г., где содержится информация Вухерпфеннига (агент Эрцбергера в Скандинавии) о том, что «Лейтис отправится в Петроград через несколько дней... Он возьмет с собой обвинительные материалы для суда над Лениным... Радек до сих пор здесь». Из последних слов явствует, что Вухерпфенниг давал сообщение из Стокгольма, где в это время жил Радек.— Z e t a n Z. A. Op. cit. P. 69.

Германии подлинную сокровищницу — архивы министерства иностранных дел за период с 1867 вплоть до 1939 г. Эти документы были немедленно изъяты и переправлены в Государственный архив в Лондон. Там большой массив документов был микрофильмирован, благодаря чему они стали доступны для изучения в Государственном архиве в Лондоне и Национальном архиве в Вашингтоне. Оригиналы были в конечном счете возвращены Германии.

Ко всеобщему изумлению, были обнаружены документы, содержавшие неопровержимые доказательства того, что большевики получили огромную денежную помощь от германского правительства, в количестве, даже превышавшем оценки Бернштейна, — не менее 70 млн. марок, или приблизительно 18 млн. долларов. Когда Кюльман ^{38*} отмечал, что успеху своего дела большевики во многом обязаны этим субсидиям, он говорил истинную правду. Среди других открытий — необыкновенная щедрость, с которой большевики финансировали стачки и демонстрации и которая объясняет феноменальный рост тиража «Правды» — примерно с 30 тыс. в 1914 г. до 300 тыс. экз. в июне 1917 г. и дальнейшее его увеличение в октябре 1917 г.²⁶ Балабанова ^{39*} (хотя она никоим образом и не была посвящена в тайну Ленина), очевидно, пришла к такому же заключению с помощью женской интуиции. Она рассказывала, что в 1918 г. была направлена в Швецию в качестве посредника в установлении связей большевиков с левыми социалистами Запада. Ошеломленная громадными денежными суммами, полученными ею в Стокгольме, она заявила, что для выполнения ее миссии не требуется подобная расточительность. На ее возражения немедленно последовал ответ Ленина, что России нет нужды экономить деньги и что ее просят рассчитывать на предельно высокие суммы, на «миллионы, даже десятки миллионов». Личное обращение к Ленину открыло ей то, чего от нее ждали, а именно: выложить эти миллионы на подкуп европейских социалистических организаций в пользу большевиков. Будучи не в состоянии одобрить столь сомнительный метод приобретения друзей, она отказалась, и другие, менее щепетильные руки приняли и распределили щедрые дары большевиков²⁷.

Находятся желающие очистить имя Ленина от подозрений в тайном преступном сговоре, в который он не посвящал даже своих товарищей-социалистов как на Западе, так и в России. Они утверждают, что даже если немецкие деньги и сыграли свою роль в материальном обеспечении успеха большевиков, лично Ленин не принимал участия в получении этих пожертвований или же не был осведомлен об источнике этих благодеяний. Размышлять на эту тему — совершенно пустая трата времени. Ленин с самого начала отстаивал идею заговорщической, конспиративной революционной организации. В начале века он успешно разбил «экономизм»: когда было выдвинуто предложение сделать социал-демократическую партию легальной, т. е. свободной и открытой организацией для рабочих, сторонники этой идеи были заклеены как «ликвидаторы» и постоянно обвинялись в намерении разрушить партию. Более того, партия, которая столь длительное время располагалась всеми государственными архивами, имела возможность уничтожать любые материалы, явно свидетельствующие против Ленина. Во всяком случае реальные доказательства такого рода едва ли были нужны ей.

Когда Ленин в работе «Что делать?» требовал создания конспиративной организации, он в отличие от своих товарищей имел в виду не только конспиративность по отношению к царскому правительству, что было необходимо, так как давало возможность действовать, но конспиративность в любом смысле слова, по отношению ко всему и вся. Эта организация приближалась к системе, описанной хрым учителем^{41*} в «Бесах», где «каждый член общества смотрит один за другим и обязан доносом». Над этой стороной деятельности Ленина редко приподнималась завеса, и в настоящее время она почти полностью игнорируется исследователями. Тайна «экспроприаций» была раскрыта лишь случайно, когда на Западе были арестованы некоторые из главарей. Роза Люксембург резко осуждала эту связь революционного движения с обыкновенными уголовниками или во всяком случае с теми, кого едва ли можно было отличить от таковых²⁸. Ловкая махинация, с помощью которой произошла перекачка имущества покой-

²⁶ Цифры за 1914 г. даны в письме Мартова к Аксельроду от 2(15) июня 1914 г. См.: Gankin Olga Hess and Fisher H. H. Op. cit. P. 102; за июнь 1917 г. обнаружены в телеграмме статс-секретаря (Циммермана) посланнику в Берне (Ромбергу) от 3 июня 1917 г.; тираж газет в октябре отмечен Джоном Ридом: Reed John. Ten Days That Shook the World. N. Y., 1919.

²⁷ Balabanova A. My Life as a Rebel. N. Y., 1938. 195 ff. Также см.: idem. Lenin. ^{40*} P. 53. Сомнения, возникающие в связи с происхождением этих денег, безусловно, содержат в себе нечто большее, чем просто подозрение, что эти суммы являются частью средств, предоставленных Германией.

²⁸ Двое из этих «полууголовников» стали героями революции в официальной советской историографии: Камо, осуществлявший знаменитое тифлисское ограбление, и Коба (Сталин), тесно связанный с этой стороной большевистской практики.

ного Морозова^{42*} в казну большевиков, должна была лишний раз послужить уроком для меньшевиков, который они еще не выучили, а если и учили, то плохо усвоили, а именно: большевистская организация бала «заговорщической» по отношению ко всем и вся.

Именно эта группа отборных конспираторов, руководимая лично Лениным, последовательно осуществляла все темные дела большевистской фракции, что впоследствии превратило партию большевиков в хорошо сплоченный отряд агентов, действовавших втайне, чтобы, используя недемократические методы, контролировать деятельность местных комитетов в период борьбы с меньшевиками, возбуждать недовольство, устраивать демонстрации и руководить ими, организовывать и расширять сеть агентов для подрывной деятельности в действующей армии и в тылу и по мере необходимости выполнять особые поручения²⁹. Все крупные специалисты сходятся в том, что большевистское крыло социал-демократии полностью потеряло право называться рабочей партией. Может ли поэтому быть хотя бы малейшее сомнение в том, что Ленин, даже во время войны находившийся в тесном контакте со всеми группами революционного движения, мог оставаться в неведении относительно происков немцев или источника денежных поступлений партии, особенно после своего возвращения в Петроград? «Не забудьте, пожалуйста, всю нашу переписку уничтожить». Это главное правило, подчеркнутое Лениным в письме к Ольге Равич³⁰, повторялось бесчисленное число раз в его корреспонденции.

Каким человеком был этот Ленин, сумевший в 1917 г. вбить клин между Россией и всем остальным миром и чьи наследники с тех пор успешно продолжают его дело? Рост ниже среднего едва ли делал его заметным. В лице не было ни намека на аристократизм, хотя он и мог считать себя дворянином. Однако быстрый пронизывающий взгляд и общее впечатление самообладания и решительности указывали на то, что он был прирожденным лидером. Лысина едва ли портила его внешность. Он носил самую простую одежду, суконная кепка довершала облик рабочего или лавочника. Некоторые из врагов называли его калмыком, однако у него были широкие, типично славянские скулы. Во всяком случае присутствие в жилах человека нерусской крови не было чем-то необычным для России, где многие знатнейшие фамилии вели свою родословную от татарских предков.

В происхождении и воспитании Ленина также не было ничего необыкновенного. Его отец, школьный учитель, который стал государственным чиновником, получив пост инспектора народных училищ Симбирской губернии, был прилежным работником, хорошо продвигался по службе и получил дворянство в соответствии с Табелью о рангах за добросовестное выполнение служебных обязанностей. Он никогда не уклонялся от этой прямой и узкой стези. Его мать, немецкого происхождения, обладала многими добродетелями, присущими этой нации, была хорошо образована и посвятила себя главным образом семье. Единственным важным событием, потрясшим юношу в годы становления его личности, была казнь брата Александра в связи с предполагавшимся заговором против Александра III в 1887 г. Ленин, или Владимир Ильич Ульянов, как его звали в молодые годы, хотя и показал себя блестящим студентом, был обыкновенным молодым человеком, умевшим выкручиваться из переделок, любившим веселье и шутку и обладавшим здоровыми инстинктами. Почти ничто в его внешности и обстоятельствах юношеской жизни не предвещало, какое колоссальное влияние окажет он на современную историю.

Создается впечатление, что с течением времени Ленин вытравил из себя все человеческое. Едва ли не единственным нежным чувством в его жизни была глубокая любовь к матери, возможно, как выражение благодарности, без сомнения искреннее, за то, что ей пришлось пережить из-за него. В отношениях с другими он почти всегда представлял с головы до ног закованный в броню, как признавал он сам после начальной размолвки с Плехановым. Проявления им дружеских чувств или неприязни, на первый взгляд естественные и искренние, были чистой воды притворством, преследовавшим определенные цели. По словам одного из героев романа Марка Алданова «Пятая печать»^{44*}, Ленин «был великий политический шахматист и любил людей, даже своих, не больше, чем Ласкер любит пешки своей партии». Но самой поразительной чертой этого человека была его одержимость одной единственной

²⁹ Превосходное описание революционных методов, использовавшихся во времена народников, по чьим образцам Ленин создавал свою организацию, см.: Buel I. W. Russian Nihilism and Exile Life in Siberia. St. Louis, 1883. P. 217—18. О новых конспиративных методах, введенных Лениным как редактором «Искры», см.: Гарви П. А. Воспоминания социал-демократа. N. Y., 1946. P. 439—40. Балабанова в своем труде «Lenin» также свидетельствует об этой чрезвычайной засекреченности и подчеркивает, что эти методы, испробованные и проверенные во внутрипартийной борьбе, были затем перенесены в сферу международных отношений и, разумеется, в Третий Интернационал.

³⁰ Письмо Ленина из Цюриха к С. Н. Ольге Равич в Женеву, написанное приблизительно 15 февраля 1917 г. См.: Gankin Olga Hess and Fisher. H. H. Op. cit. P. 557—58.

страстью — ненавистью к самодержавию и капитализму, делу уничтожения которых он безраздельно отдавал всего себя каждый день, каждый час и каждую минуту. Он верил, что с их ликвидацией будут решены все проблемы человечества, и на пути к этой цели сметались любые препятствия. Все лишнее выбрасывалось за борт — религия (одна из первых жертв), благополучие и налаженный быт ста миллионов его соотечественников и прежде всего моральные принципы, которые он считал помехой общественному прогрессу. Пожалуй, он мог бы повторить вслед за Сатаной в «Потерянном рае»: «Отныне, Зло, моим ты благом стань»⁴⁵.

Хотя тщеславие ни в малейшей степени не было присуще Ленину, его полная поглощенность единственной, великой целью имела своей оборотной стороной железное упорство, с которым он надменно пресекал проявления легкомысленного отношения к своей особе или своему священному призванию, равно как и попытки пробить непроницаемую броню скрытности, в которую он сам себя заковал. Для своих соратников он был Владимир Ильич, или Ленин, и оба эти обращения были далеки от фамильярности. Те, кто были покладисты, получали от него письма, заканчивавшиеся словами «Крепко жму руку»; с другими обращение было сухое или резко оскорбительное. Свою стычку с Плехановым в 1900 г. по прибытии в Швейцарию Ленин вспоминает как свое окончательное освобождение от сентиментальной привязанности, той слабости, которой он позже не испытывал никогда. В 1914 г. Камиль Гюисманс, секретарь Международного социалистического бюро II Интернационала, в своем письме к Ленину в шуточной форме попенял ему за некоторую задержку в предоставлении информации. К величайшему изумлению Гюисманса, Ленин тотчас нашел это письмо оскорбительным для своего достоинства и в категорической форме потребовал извинений, угрожая в противном случае полным разрывом отношений. Не прощалось ни намек на фамильярность, не допускалось ни малейшей уступки чувству юмора.

Немало людей при оценке Ленина и его идей были введены в заблуждение тем тоном праведного негодования, каким он разоблачал своих противников и их сочинения. Однако ему вряд ли был бы впору плащ Иеремии, бичующего грехи и призывающего к покаянию. Сам яд, с которым он обвинял своих врагов в продажности, становился профилактическим средством, коль скоро появлялся в арсенале большевистских снадобий. Точно так же отстаиваемые им меры и провозглашаемые лозунги не означали твердой и неизменной политики, но могли быть отброшены по первому требованию³¹. Заявление, согласно которому изменяющиеся условия повинны в том, что то, что полезно сегодня, становится вредным завтра, вряд ли может затемнить тот факт, что его позиции по любому вопросу были в большей степени продиктованы стратегией, нежели принципами. Эти позиции были просто шахматными ходами, направленными исключительно к конечной цели — завоеванию власти. Мы находим молчаливое признание самого Ленина в том, что его слишком частые обвинения в адрес противников, хоть и выраженные предельно страстно, были сплошь и рядом стратегическим расчетом и в меньшей степени подлинным обвинительным актом. Действительно, Ленин в минуты откровенности едва не выдает эту тайну, когда в ответе Пятакову, написанном в сентябре 1916 г., заявляет: «Целью гражданской войны является завоевание банков, фабрик, заводов и пр., уничтожение всякой возможности сопротивления буржуазии, истребление *ее* войска. Но эта цель недостижима *ни* с чисто военной, *ни* с экономической, *ни* с политической стороны без одновременного, развивающегося в ходе такой войны, введения и распространения демократии среди *нашего* войска и *нашего* „тыла“»³².

Если идти вслед за Балабановой, то следует признать, что Ленину никогда и ни при каких обстоятельствах не приходилось вступать в сделки с совестью, или, как мы сказали бы, он никогда не чувствовал угрызений совести, решаясь на тот или иной шаг. Напротив, он до такой степени был убежден в своем предназначении — с помощью диктатуры пролетариата уничтожить разделение человечества на классы, — что готов был воспользоваться, по словам Балабановой, любыми «без исключения» средствами для достижения этой цели. Если у него и имелось то, что мы называем совестью, этот внутренний голос никогда не мог заставить его отказаться от тех неизменных принципов, которые он положил себе для достижения своей цели³³. Преемникам Ленина оставалось перенять ту циничную форму признания своей вины за обман, в который они вводили людей, пропагандируя те или иные меры. Например, на XI съезде партии в 1921 г. докладчик от Центральной контрольной комиссии⁴⁶ достаточ-

³¹ Trotsky L. The History of the Russian Revolution: 3 vols. N. Y., 1932. II. P. 67. «Политические лозунги чаще служат для того, чтобы камуфлировать интересы, нежели для того, чтобы открыто называть их».

³² Цит. по: Gankin Olga Hess and Fisher. H. H. Op. cit. 227.

³³ Balabanova A. Lenin. 168.

но откровенно признался, что накануне Октябрьской революции большевики требовали демократизации армии просто для того, чтобы ослабить власть правительства, когда же они создали собственную армию, то в основу ее положили единственно возможный для армии принцип — железную дисциплину, которую обеспечивало высшее военное руководство³⁴. Подобным образом большевики выступали против Керенского, когда он восстановил смертную казнь для военнослужащих, однако их возмущение оказалось чистым лицемерием, когда, достигнув власти, они не только декретировали, но и беспощадно применяли эту меру наказания в Красной Армии.

Всех остальных превзошел в бесстыдстве Сталин, санкционируя меры, которые большевики долгое время осуждали и вынуждены были осуждать и в дальнейшем. В своей речи на Пленуме ЦК 9 июля 1928 г. он признался, что государство эксплуатирует крестьянство в интересах индустриализации:

«...оно [крестьянство]... переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это, во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это, во-вторых.

Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии...».

Сталин избегал употребления нежелательного слова «эксплуатировать», хотя каждому было ясно, что оно отражало истинное положение вещей. Два дня спустя в другой оправдательной речи он добавил:

«Конечно, слова „сверхналог“, „добавочный налог“ — неприятные слова, ибо они бьют в нос. Но... эти слова вполне соответствуют действительности»³⁵.

Популярные клише и лозунги, которые столь часто использовал Ленин в своей борьбе за власть, ни к чему не обязывали его, о чем, кажется, никогда не догадывался никто из его противников. В результате они не были готовы к тому, что он резко менял свои позиции. В международных делах, где его преемники применили этот метод, он приносил и по сей день продолжает приносить неисчислимые выгоды.

Комментарии

^{1*} В годы Второй мировой войны Карпатский фронт существовал лишь как неофициальное название северной части Румынского фронта, проходившей по лесистым Карпатам.

^{2*} Неточность: Военная миссия Национального комитета освобождения Югославии прибыла в Москву весной 1944 г. (Вторая мировая война: Краткая история. М., 1985. С. 435)

^{3*} Штейнвасс — агент немецкого Генерального штаба, отвечал за подбор пропагандистской литературы для России, являлся руководителем немецкой разведки в Стокгольме (Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году. М., 1990. С. 119, 198; Зетан З. А. *Op. cit.*)

^{4*} Д-р Диего фон Берген (1872—1943) — действительный советник миссии и советник политического отдела министерства иностранных дел Германии, проводил политику поддержки и финансирования левых в России с начала 1915 до конца 1917 г. (Хальвег В. Указ. соч. С. 171; Зетан З. А. *Op. cit.*)

^{5*} Речь идет о деятельности учрежденного Парвусом в Копенгагене «Института изучения социальных последствий войны». (Мельгунов С. П. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. Paris, 1940. С. 20.)

^{6*} С июня 1909 по июль 1917 г. рейхсканцлером был Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856—1921). (Хальвег В. Указ. соч. С. 161.)

^{7*} Виипури — в то время название Выборга.

^{8*} *Obiter dicta (лат.)* — случайные заметки.

^{9*} Сиссон Эдгар — правительственный агент «Комитета общественной информации США». (Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 131.)

^{10*} Склярц Георг — в литературе встречаются указания, что он был не только агентом немецкого Генерального штаба, но и доверенным лицом Парвуса. (Хальвег В. Указ. соч. С. 168.)

^{11*} Существовала опасность, что в случае посредничества швейцарцев в вопросе о возвращении эмигрантов, Антанта усмотрела бы в этом нарушение Швейцарией нейтралитета. (Хальвег В. Указ. соч. С. 33.)

^{12*} Барон Леопольд фон Хеннет (род. 1876—?) — доктор юридических наук, прикомандированный к австро-венгерскому военному атташе в Берне. (Хальвег В. Указ. соч. С. 181.)

^{13*} Гофман Артур — член Федерального совета (Bundesrat) Швейцарии с 1911 г., в 1914 г. — федеральный президент, в 1914—1917 гг. — руководитель Политического департамента (внешней политики) Швейцарии (Хальвег В. Указ. соч. С. 164.)

^{14*} Платтен Фриц (1883—1942) — в то время секретарь Социал-демократической партии Швейцарии (левое крыло). (Хальвег В. Указ. соч. С. 172.)

^{15*} Речь идет о том, что в ответ на телефонный запрос Ленина о ходе переговоров Гримм сообщил, что прерывает переговоры до получения ответа от Временного правительства. После этого большевики решили отказаться от его услуг. (Милиц И. И. История Великого Октября: В 3 т. Т. 2. М., 1978. С. 59—60.)

³⁴ Одиннадцатый съезд ВКП(б). М., 1936. С. 693—700. Цит. по: Сагг Е. Н. *The Russian Revolution, 1917—1923: 5 vols. L., 1950. I. P. 210.*

³⁵ Цит. по: Pistrak L.: *The Grand Tactician; Khrushchev's Rise to Power. N. Y., 1961, 45.* См. также: Сталин И. В. *Сочинения. М., 1949. Т. 11. С. 159, 189.*

- ^{16*} Речь идет о Вильгельме Янсоне (1877—1923), немце шведского происхождения, бывшего во время Первой мировой войны членом Генеральной комиссии профсоюзов Берлина. (Хальвег В. Указ. соч. С. 37, 39, 98—99, 173, 179, 204.)
- ^{17*} Неточность: 30 марта эмигранты из Засница на пароме-пароходе прибыли в порт Треллеборг, а вечером того же дня поездом выехали в Мальмё. (Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 4. М., 1973. С. 44—45.)
- ^{18*} Неточность: бургомистр Стокгольма К. Линдхаген в числе других шведских левых социал-демократов встречал группу Ленина на Центральном вокзале в Стокгольме. (Там же. С. 45—46.)
- ^{19*} Я. С. Ганецкого, В. В. Воровского, К. Б. Радека. (Там же. С. 47.)
- ^{20*} В. И. Ленин прочитал «Апрельские тезисы» 4(17) апреля в Таврическом дворце на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов (Там же. С. 59.)
- ^{21*} Т. е. 21 апреля (Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис: Документы и материалы. М., 1958. С. 759.)
- ^{22*} Существует и иное объяснение обстоятельств ухода Корнилова с поста командующего Петроградским военным округом. (См.: М и н ц И. И. Указ. соч. Т. 2. С. 272—273, 276—277.)
- ^{23*} 1(14) марта Петроградский Совет р. и с. д. издал «Приказ № 1 по гарнизону Петроградского военного округа», в соответствии с которым воинские части в политических выступлениях подчинялись Совету, всякого рода оружие передавалось в распоряжение и под контроль ротных и батальонных комитетов, приказы Временного комитета Государственной думы должны были исполняться только в случаях, когда они не противоречили приказам Совета и т. п. (Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 505.)
- ^{24*} Речь идет о многократно издававшейся работе Н. Н. Попова «Очерки истории Всесоюзной Коммунистической партии (б)». Цитата дана по 11-му изданию (М.; Л., 1930. С. 227.)
- ^{25*} Скоропись-Иолтуховский А. Ф. (род. 1880) — украинский националист, в годы Первой мировой войны — один из организаторов и руководителей «Союза освобождения Украины». (Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 575.)
- ^{26*} Козловский М. Ю. (1876—1927) — деятель польского и русского революционного движения. Член социал-демократической партии с 900-х гг., большевик. Был членом Главного правления социал-демократии Польши и Литвы. (Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 562.)
- ^{27*} Речь идет о министре иностранных дел М. И. Терещенко и министре почт и телеграфа Н. В. Некрасове (М и н ц И. И. Указ. соч. Т. 2. С. 82.)
- ^{28*} Неточность: в то время газета называлась «Живое слово». (Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 519.)
- ^{29*} Л. Д. Троцкий был освобожден из концентрационного лагеря в Галифаксе 29 апреля 1917 г. (Хальвег В. Указ. соч. С. 182.)
- ^{30*} Ганецкий (Фюрстенберг) Я. С. (1879—1937) — деятель польского и русского революционного движения. Член социал-демократической партии с 1896 г. Член Главного правления Социал-демократии Польши и Литвы. В 1917 г. — член Заграничного бюро ЦК РСДПР(б). (Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 554.)
- ^{31*} Шейдеман Ф. (1865—1939), Эберт Ф. (1871—1925) — лидеры правого крыла германской социал-демократии, депутаты рейхстага.
- ^{32*} Имеется в виду заседание Исполкома Петроградского Совета 25 апреля (8 мая) 1917 г. (Ленин В. И. ПСС. Т. 31. С. 560—561.)
- ^{33*} Имеется в виду прибытие Р. Гримма в Стокгольм.
- ^{34*} Речь идет о журналисте Е. Семенове. (Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 134—135.)
- ^{35*} С. П. Мельгунов, например писал, что речь идет не об оригиналах, а о копиях группы документов, напечатанных на одной машинке. (Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 9.)
- ^{36*} Выходные данные этой работы у автора не указаны.
- ^{37*} Эрцбергер М. (1875—1921) — германский политический деятель, депутат рейхстага, один из вождей партии центра, в годы Первой мировой войны — руководитель германской пропаганды в нейтральных странах, а через различного рода каналы — и во враждебных Германии странах.
- ^{38*} Кюльман Р. (1873—1948) — статс-секретарь министерства иностранных дел Германии с августа 1917 по июль 1918 г.
- ^{39*} Балабанова Ангелика (род. 1878—?) — русская интернационалистка-социалистка, действовавшая главным образом в социал-демократической партии Италии, после II съезда РСДРП — меньшевик. В 1917 г. вернулась в Россию, вступила в партию большевиков. В 1919 г. исключена из РКП(б). (Хальвег В. Указ. соч. С. 137.)
- ^{40*} Неясно, на какую из двух работ о Ленине ссылка (Lenin. Psihologischen Beobachtungen. Gannover, 1961; Lenin/Intro, by Bertram Wolfe. Ann Arbor, 1964.)
- ^{41*} В романе Ф. М. Достоевского «Бесы» эта мысль принадлежит не «хрому учителю», а другому персонажу — Шигалеву. (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 10. Л., 1974. С. 322.)
- ^{42*} Морозов Савва Тимофеевич (1862—1905) — русский текстильный фабрикант-миллионер, друг М. Горького, меценат Художественного театра, сочувствовал революционерам.
- ^{43*} Так у автора.
- ^{44*} «Пятая печать» («The Fifth Seal») — название, данное при переводе на английский язык роману М. Алданова «Начало конца» (См.: Алданов М. Начало конца. Роман//Современные записки. Париж, 1939. Кн. 69. С. 53.)
- ^{45*} Цитата дана в переводе Арк. Штейнберга (см.: Милтон Джон. Потерянный рай. М., 1976. С. 110.)
- ^{46*} Речь идет об А. А. Солнце (1872—1945), бывшем с 1920 г. членом ЦИК, с 1921 г. — членом Президиума ЦКК.

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ФЛОТА: МАТРОСЫ-«ЗАМОРЯНЕ» ПРИ ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ

В период Петровских реформ в русскую литературу и народное сознание вошел навеянный реалиями новой эпохи образ храброго российского матроса, который благодаря безупречной службе, овладению морскими науками, находчивости и смекалке продвигается на высшие ступени социальной лестницы. Именно таков главный герой сложившейся в 10—20-е гг. XVIII в. «Гистории о российском матросе Василии Кориотском и о прекрасной королевне Ираклии Флоренской земли»¹.

Вкратце сюжет этой повести заключается в следующем. Бедный дворянин Василий Иванов сын Кориотский по своему желанию и отцовскому благословению записывается в матросы в Санкт-Петербурге. Какой-то срок он служит там «по обыкновению матросскому» на корабле, изучает морское дело так, что «слава об нем велика прошла за его науку и услугу, понеже он знал в науках матросских велим остро». По его просьбе он вместе с другими матросами был послан «за моря в Галандию для наук арифметических и разных языков». Поставленный там на постой в дом богатого купца, Василий сумел заслужить его любовь послушанием и знаниями «в науках». Совершив удачные плавания в Англию и Францию, он сделал купцу такой «великой прибыток (...) что оной гость никогда такого прибытка не видал». Во время своего третьего плавания на пути в Россию его корабль попал в страшную бурю, все спутники В. Кориотского погибли, но он «Божиею помощию (...) на доске корабельной» выплыл к острову — обиталищу морских разбойников. После многих приключений матрос Василий получает огромное богатство, женится на вызволенной им из разбойничьего логова прекрасной дочери короля Флоренции, потом и сам становится королем².

Повесть о российском матросе Василии ярко передает дух эпохи, романтику морской службы, заморских плаваний, устремления и мечты рядовых людей, вовлеченных в процесс преобразований. О служивших с целью обучения в европейских флотах при Петре I русских навигаторах и гардемаринах существует немалая историография³. В данном сообщении будет рассмотрен вопрос о другой группе россиян, проходивших в тот же период службу в иностранных флотах, — так называемых матросах-«заморянах»⁴, о которых специальных работ в исторической литературе нет. «Заморянами» («заморенями») именовались в Петровском флоте моряки нижних чинов, обучившиеся «матросской науке» за рубежом. Как складывалась их служба, какова была судьба по возвращении на родину, в чем состояли реальные итоги практики отправок матросов для обучения за границу?

Россияне начали посылать в иностранные флоты для изучения «матросской науки» одновременно с рождением регулярного флота. В 1696 г. по распоряжению Петра I вместо нанятых в Архангельске 38 иноземных моряков⁵ 40 русских добровольцев, в основном из Холмогор, Архангельска и окрестных поморских деревень были отправлены в Голландию. Им было велено «своею охотою учитьца морскому делу и признаватьца карабельным снастям» и дано на путь на купеческих судах до Амстердама по 2,5 рубля казенных денег каждому⁶. Но этот опыт посылки людей «простых пород» для службы в голландский флот оказался неудачным. В 1698 г. к российским великим послам в Амстердаме явились 20 из 40 отправленных человек и заявили, что их всех по прибытии в Голландию «неволею» зачислили солдатами в сухопутные войска. Во время войны с Францией они участвовали в осаде города Намюра, а после окончания военных действий были «отпущены на волю»⁷.

Вступление России в августе 1700 г. в войну с сильной морской державой Швецией, шаткость мирных отношений с Турцией, желавшей вытеснить Россию с берегов Азовского моря и уничтожить базировавшийся в Таганроге молодой российский флот, обусловили необходимость укрепления военноморских сил страны, в том числе и подготовку для них хорошо обученных отечественных кадров низших морских чинов: матросов, боцманматов, боцманов и др. Нужда эта стала особенно острой после возвращения Россией весной 1703 г. выхода в Финский залив и с началом строительства нового флота на Балтике. Летом

* Кротов Павел Александрович, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

1702 г. глава Адмиралтейского приказа Ф. М. Апраксин писал Петру I из Азова: «... караблей, милостью Божиею, множитца, а афицеров и матрозов малитца. Естли так будет, бес прибавки, ничаво добра зделать невозможно». Матросы-иноземцы, у которых истекли сроки контрактов, «со слезами» докучали Ф. М. Апраксину просьбами об отъезде на родину⁸. По словам главы адмиралтейского ведомства, весной того же года он смог вывести в Азовское море не все корабли прежде всего «за малолюдством матрозов»⁹. Не лучше было и положение на Балтийском флоте. В сентябре 1704 г. Петр I писал с базовой верфи Балтийского флота в Лодейном Поле ингерманландскому губернатору А. Д. Меншикову: «Для Бога <...> потщитесь <...> о приборе матрозов: всего их здесь и з двесте не будет»¹⁰. Острая нужда была не в новонабранных ректурах, но в матросах, хорошо знавших свое дело. В 1705 г. английский посланник в России Ч. Уитворт сообщал в Лондон, что в русском Черноморском (Азовском) флоте имеется «на каждом судне не более трех сведущих матросов, остальной же экипаж состоит из русских, еще не обучившихся морскому делу»¹¹.

Петр I старался решить этот насущный вопрос. Одним из путей для этого являлась посылка русских матросов для обучения на кораблях иностранных флотов. В записной книжке царя 1701—1702 гг. есть помета: «Чтоб дать всякому карабелшику по два человека»¹². По-видимому, имелось в виду отправление на каждом из приходивших в Архангельск купеческих судов по 2 матроса-россиянина для практики. В осуществление этого замысла матросы посылались из Архангельска за море уже в 1701 г.¹³ В 1702 г. в Архангельск были присланы 150 матросов «из новоприборных русских солдатских детей и иных чинов и недорослей» для последующего отъезда на купеческих судах в Голландию с целью «учения немецкого и голландского языков, матроского чина против заморского обыкновения». Указ об их посылке Петр I дал 12 августа 1702 г., находясь на Соловецких островах, накануне известного его перехода с гвардейскими полками по Осударевой дороге с Белого моря на Онежское озеро, в результате которого осенью того же года Россия возвратила крепость Орешек в истоке Невы — ключ к Балтийскому морю. Присмотр за матросами в Голландии должен был осуществлять направлявшийся туда же вице-адмирал русской службы голландец К. Крюйс. Каждому из посылаемых давалось на проезд до Амстердама по 4 рубля и по 10 аршин белого холста для пошива рубашек «немецкого» покроя. К. Крюйс обязывался по прибытии в Амстердам «тех матросов, собрав с кораблей, велеть того матроского чина учить в пристойных местах, где возможно, с присмотром и с прилежным радением»¹⁴. Эти 150 «молодых матросов» пошли в Голландию на торговых судах в сентябре того же года¹⁵.

Из 150 матросов, согласно ведомости конца 1703 г., лишь 68 были распределены на корабли для прохождения морской практики: 30 были отправлены в Ост-Индию, 25 служили на военных кораблях, 3 «поехали» в Смирну, 2 — в Ливорно, 2 — к Шпицбергену и т. д. Для обучения в голландских школах К. Крюйс отобрал 35 человек¹⁶. Летом 1703 г. вице-адмирал вынужден был 52 человека из числа прибывших с ним матросов возвратить обратно в Архангельск по причине того, что они «еще гораздо молоды и малы»¹⁷. В 1705 г. вернулись в Архангельск и обучавшиеся в Амстердаме читать и писать по-голландски 25 молодых матросов-холмогорцев, отправленных в 1702 г. с К. Крюйсом. Летом того же года 22 из них, не владевшие русской грамотой, начали учиться в школе в Москве¹⁸.

Поначалу Петр I полагал осуществлять подготовку опытных в морском деле матросов в основном за границей. В конце 1702—1703 г. посол в Голландии А. А. Матвеев и вице-адмирал К. Крюйс усердно хлопотали в Амстердаме о получении согласия тамошнего Адмиралтейства принять на голландские корабли в качестве матросов 4000 молодых россиян. Договоренность о приеме голландцами 1000 русских матросов была достигнута 2 февраля 1704 г. За корабельную службу россияне должны были получать от голландцев матросское жалованье¹⁹. Однако собственноручно написанное (скорее всего, весной 1704 г.) распоряжение царя А. Д. Меншикову: «Min Her. Как сие писмо получишь, извол набрать тысячу человек от 25 до петнатцати (лет. — П. К.) добрых, которья...» — осталось недописанным²⁰. Петр I решил отказаться от своего намерения.

Относительно общего количества матросов-«заморян» имеется свидетельство хорошо осведомленного современника князя Б. И. Куракина, содержащееся в одной из его записок (по мнению С. Ф. Платонова, не ранее 1709 г.): «По приезде (в 1698 г. из путешествия с Великим посольством по зарубежной Европе. — П. К.), его в[еличество] отправил в Голандию и в Англию про[ст]ого народу мотроскому делу учитца с треста человек, которые путь свой брали на море лет по пяти и назат возвращалися, и так донныне в том контенуация (продолжение. — П. К.) идет, и положено по несколько человек отправлять по вся годы»²¹.

Опыт мореходства в первые годы XVIII в. матросов-«заморян», в подавляющем большинстве происходивших из «простого народу», в определенной мере подготовил развившуюся с 1706 г. практику отправления выпускников основанной в 1701 г. в Москве Навигацкой школы для обучения в другие

европейские флоты и с той же целью посылку в 1716 г. 60 российских дворян-гардемарин в Англию, Францию и Венецию (потом Испанию). На вопрос направленного в июле 1708 г. в Амстердам для наблюдения за российскими навигаторами князя И. Б. Львова, каким образом обучаться его подопечным голландскому или английскому языкам, Петр I ответил, ссылаясь именно на пример службы матросов-«заморян»: «Как матрозы русские выучились, таким образом и оным учитца»²².

О том, как проходила служба матросов-«заморян», можно судить по их сказкам о пребывании за границей, данным по возвращении на родину. В фонде Адмиралтейской канцелярии Российского государственного архива Военно-Морского флота отложились сказки 27 «заморян», которые явились в С.-Петербурге к генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину в ноябре 1707 г.²³

Приведем рассказ одного из опрошенных в Адмиралтейской канцелярии как любопытный образец изложения самим матросом истории своих зарубежных плаваний. «Петр Буланов сказал. В прошлом 703-м году послан он от города Архангельского в Аглинскую землю на аглинском торговом корабле у капитана Яна Меэра для матрожской науки. И шли они морем. И не дошли аглинскому валу, и нашли на них на воинском корабле французя. И взяли их с кораблем в полон и повели в свою Французскую землю на Дункерк. И, не доходя до берегу, французской их корабль погодою розбило. А он на карabelных досках приплыл на галанской вал. И пришли в Амстрадам к виц-адмиралу Корнилиусу Крейсу. И виц-адмирал на воинском корабле у капитана Дыка Тинса послал ево круйсом в Дацкую землю. И из Дацкой земли пришил в Амстрадам. А из Амстрадам на Вест-Ин[ди]ю на Шпанское море, и были дватцать два месяца. А из Амстрадам послан он к городу Архангелскому на галанском торговом корабле у капитана Ян Отмер. А от Города послан в Санкт-Петербург»²⁴. В российском флоте бывалый «заморянин» П. Буланов к 1716 г. дослужился до унтер-офицерского чина боцманмата, а в 1723 г. стал боцманом²⁵.

Богатая морская практика была и у посланного из Воронежа одним из первых, еще в 1701 г., «для матроской науки» в Лондон дворянина К. И. Гольцова, который все время прослужил «в той Аглинской земли в матрозах». Сначала он в течение 8 месяцев находился в плавании на адмиральском корабле в эскадре британского флота в Атлантическом океане («Шпанском море»). 12 октября 1702 г. он участвовал на стороне англичан и голландцев в сражении с франко-испанским флотом у города Виго на Атлантическом побережье, когда, по его словам, «у того города Виги збили ис пушек башни и пожгли многа карabelей». К. И. Гольцов не преминул отметить размах действий флотов у Виго: «А в том аглинском флоте было со сто с пятьдесят карabelей». Сражение, действительно, было масштабным, завершилось полной победой англичан и голландцев: ни один корабль франко-испанского флота не уцелел, потери французов и испанцев составляли около 2 тыс. убитыми и ранеными, их противники потеряли 300 человек убитыми и 500 ранеными²⁶. Семь месяцев провел Гольцов в этом морском походе. По возвращении в Лондон он ушел с эскадрой военных кораблей для защиты торгового судоходства «в Ораббскую землю», по-видимому, в Средиземное море, откуда плавал в Вест-Индию, участвовал в морском бое с французами. Это плавание длилось 22 месяца. Вернувшись в Лондон, К. И. Гольцов еще несколько лет ходил по морям на различных кораблях, после чего являвшийся агентом России английский купец А. Р. Стейльс отправил его на британском торговом судне в Архангельск. К. И. Гольцов был грамотным и собственноручно заверил свои показания: «К сей скаске Клементей Голцову руку приложил»²⁷.

Почти все «заморяне» (22 из 27 чел.) упомянули в своих сказках об участии в ходе Войны за испанское наследство (1701—1714 гг.) в сражениях, боях или стычках на море, штурмах приморских крепостей в составе английского либо голландского флотов. Двое из них пострадали во время боевых действий: И. Иванов в бою с французским фрегатом потерял левый глаз; Г. Блохин в ночной стычке с французскими кораблями был ранен в ногу, которая после продолжительного лечения была ампутирована («оттерта пилюю до колена») в одной из больниц Лондона.

Одиннадцать из 27 «заморян» побывали в плену у французов, причем Е. Третьяков — дважды. Первый раз он был пленен в Средиземном море на гамбургском торговом корабле, который возвращался из Ливорно и Венеции. Французы держали его «в полону» две недели в порту Тулон, откуда сухим путем, преодолев не менее тысячи верст, он добрался до Амстердама. Во второй раз его корабль был перехвачен французскими каперами на пути из Лиссабона в Англию и приведен в Брест, откуда после освобождения он снова вернулся по суше в Амстердам. Подобные приключения имели и другие «заморяне».

Трое матросов-«заморян» сказали, что им довелось пережить кораблекрушения. Е. Самарин так описал крушение, произошедшее в первое же его плавание в 1703 г. на торговом судне А. Р. Стейльса: «И на море (...) тот карабль с товаром и людьми взяли бы[ло] французы в полон и повели к своей стороне. И в ночи прибило их ветром к галанской стороне близ Амстрадам, и на мели тот карабль

розбило, едва они могли уйтить, и пришли в Амстердам к вице-адмиралу Крейсу». В том же морском переплете вместе с Е. Самариним побывал и матрос И. Л. Краевский.

География морских плаваний матросов-«заморян» была обширна. Их сказки 1707 г. вполне подтверждают слова князя Б. И. Куракина, отметившего, что посланные в 1703—1704 гг. учиться из России в Голландию матросы «оттуль ездили в Индию, в Турки, в Ост-Индию и в другия государства, по всему свету разсеяны были»²⁸. Любопытно, что трое матросов в 1705 г. были «посланы за море на стрецком» (итальянском) корабле «Зеленый драк[он]» из Архангельска «для учения» не в Голландию или Англию, а «во Италианскую землю»²⁹.

Пребывание матросов-«заморян» в иностранных флотах иногда надолго затягивалось. А. Попов был отправлен «за море» из Воронежа в 1702 г., вернулся же в Архангельск только в 1713 г. Матроса С. Голенищева, выехавшего из Архангельска в 1702 г., «взял (...) из Датской земли» капитан И. А. Сенявин, который находился там с кораблем «Архангел Рафаил», лишь в 1714 г. Отправленный из Архангельска «для науки за море» в 1704 г. Н. Трофимов прибыл в Петербург спустя 10 лет, в 1714 г., и т. д.³⁰ Подмастерье корабельного дела Ф. С. Салтыков, находившийся в Англии для закупки военных кораблей для Балтийского флота, доносил генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину из Лондона 26 марта 1714 г. об объективных трудностях, препятствовавших многим матросам-«заморьянам» возвратиться в Россию: «... многия матросы руския приходят ко мне и просят, дабы отправлены были в отечество свое, зане по нескольких летех практику изрядно обучили и, почитай, свое дело некоторые из них лутше аглинских матросов знают (...) а оныя матроси присланы были для обучения в здешнее государство к господину Томосу Стелсу (брат А. Р. Стейльса. — Л. К.) с Москвы и от города Архангелскаго, и когда оне не имеют себе отправления в отечество, то паки розъезжаются в розныя места для своего препитания»³¹.

Помимо отправок матросов для обучения за границу по инициативе правительства, в Петровское время случались и факты самостоятельного отъезда русских матросов для службы в иностранных флотах. Например, в 1712—1713 гг. в Архангельск вернулись несколько матросов, выехавших оттуда «за море собою» в 1708 и 1710 гг. С учетом нехватки опытных моряков для укомплектования команд трех построенных в 1713 г. у Архангельска и готовившихся к отплытию на Балтийское море 52-пушечных кораблей, они не только были оставлены без наказания, но и пожалованы высокими трехрублевыми месячными окладами³². Отрицательно отзывался о подобном матросском «отходничестве» российский резидент в Амстердаме И. Фан ден Бург, писавший в 1724 г. в Адмиралтейскую коллегию следующее: «Являются здесь росиские матрозы от города Архангелскаго (...) и пристаю к душепродавцам, которые их, подговоря, отдают в поездки ост- и вест-индейские. И ныне в своеволствии обжились так, что временем ничего при себе не имеют и мотаю жестоко, что не надеюся оным в Росию паки возвратится. И как оных сыскивать, способу не знаю»³³.

Возвращавшиеся в Россию матросы-«заморяне» были очень нужны во флоте, поскольку положение с наличием обученных рядовых и унтер-офицерских чинов продолжало оставаться весьма острым. В силу необходимости эта проблема решалась тогда во многом за счет найма за рубежом иностранных моряков. На 1 января 1708 г. в Балтийском корабельном флоте из общего числа матросов в 631 чел. доля малоопытных матросов 3-й статьи составляла 50% (313 русских и 1 иноземец с окладом матроса 3-й статьи), 13% (81 чел.) составляли новонабранные в матросы рекруты, прибывшие в Петербург в апреле 1707 г. — итого почти две трети матросов флота имели самый небольшой опыт морской службы. Матросов 2-й статьи во флоте тогда было немного — 12% (77 чел.). К опытным матросским кадрам можно было отнести 13 матросов из служивших долгое время во флоте солдат Преображенского полка, 40 «заморян», 37 матросов 1-й статьи — всего 90 человек, или 14%, и 69 иноземных матросов — 11%. Потребность в опытных рядовых чинах была столь велика, что среди матросов-иноземцев 23 человека являлись принятыми на службу в российский флот пленными шведскими матросами³⁴.

На 1 января 1708 г. в унтер-офицерских чинах Балтийского корабельного флота россиян было очень мало: лишь один боцман — будущий контр-адмирал И. А. Сенявин (тогда как боцманов-иностранцев — 30), один боцманмат — будущий знаменитый флотоводец вице-адмирал Н. А. Сенявин (иностранцев — 44). Иноземцами являлись все штурманы (6), констапели (2), подконстапель. Только лишь среди подштурманов россиян было больше, чем иностранцев — соответственно 17 и 8³⁵.

О значении нижних чинов — «заморян» во флоте говорит, в частности, такой факт, что на протяжении всего правления Петра I они обычно показывались в списках личного состава отдельно («из заморян», «заморене», «матрозы, которые были за морем», «русские заморские боцманматы», «боцманматы, которые были за морем»).

Из 27 явившихся к Ф. М. Апраксину в ноябре 1707 г. матросов-«заморян» двое (К. И. Гольцов и Я. Голоперов), бывшие в заморской «науке» шесть полных лет, и 9 матросов (И. Гарасимов, Д. Забалуи,

И. Иванов, С. Леднев, М. Перепелкин, Ф. А. Рамзаев, Е. Третьяков, Т. Чиков и И. Шелуханов), служившие за морем по 5 лет, получили оклады по 3 рубля в месяц; 8 человек, прослужившие на чужбине по 4 года, — по 2,5 рубля; 8 матросов, практиковавшиеся в европейских флотах по 3 года, — по 2 рубля, а матрос-«заморянин» Г. Блохин, пробывший за границей 4 года, — лишь 2 рубля с тем обоснованием, что «он без ноги»³⁵.

Согласно списку личного состава, на 1 января 1708 г. в Балтийском корабельном флоте служили 40 матросов-«заморян», из которых 6 имели оклад по 5 руб. ежемесячно, 13 — по 3 руб., 7 — по 2,5 руб., 9 — по 2 руб., 1 — по 6 коп. ежедневно (20,9 руб. в год), 4 — по 1 руб.³⁷ Оклады же обычных матросов равнялись: для 1-й статьи — 2 руб. в месяц, для 2-й статьи — 1,5 руб., для 3-й статьи — 1 руб. Таким образом, у 26 из 40 «заморян» оклады были больше, чем у матросов 1-й статьи. Размер жалования «заморянам» устанавливался, исходя из сроков их службы в иноземных флотах, с учетом приобретенных знаний и навыков.

Получившие богатый опыт мореходства, испытавшие опасности морских сражений, видевшие бескрайние океанские просторы, различные города и страны, людей разных рас и культур, дикий природу, получившие речевые навыки в голландском или английском языках, матросы-«заморяне», естественно, становились в среде российских моряков примером для подражания. В июле 1706 г. матросы М. Карачинский, Ф. Осипов, И. Печеников и конопатчик М. Яковлев обратились с таким показательным для отношения к «заморянам» прошением на имя Петра I: «Служим мы тебе, великому государю, в матросах седьмой год, а морского ходу мы не знаем, только знаем корабельной оснастки малое число; и для науки морского ходу и корабельной оснастки вели, государь, нас отпустить для науки за море, чтоб нам спознать морскому ходу и корабельную оснастку и научиться немецкому языку, как и наши братья, русские матросы, которые были за морем по твоему, великого государя, указу, и они морской ход, и корабельную оснастку, и немецкий (голландский. — П. К.) язык знают»³⁸.

Насколько высоко удалось продвинуться матросам-«заморянам» по служебной лестнице в Петровском флоте? Изучение списков личного состава 1708—1735 гг. и других документов показало, что только двое из них — К. И. Гольцов и С. Шелманов (Шелмаев, Схельманов) — сумели достичь обер-офицерских чинов, дававших, согласно 15-му пункту Табели о рангах 1722 г., права потомственного дворянства. В списках 1715—1735 гг. К. И. Гольцов назван шкипером (чин 12 класса). С. Шелманов в 1715 г. был боцманом, в 1723—1735 гг. — шкипером³⁹. Остальные «заморяне» в 1710—1730-х гг. служили в унтер-офицерских чинах боцманов, боцманматов, шхиманов, шхиманматов, квартирмейстеров или по-прежнему были матросами⁴⁰.

Причиной того, что «заморяне», за редким исключением, оставались в рядовых и унтер-офицерских чинах, было их происхождение — большинство из них были люди «простых пород». Во флоте Петра I, несмотря на официально закрепленное положение о продвижении по лестнице чинов в соответствии с личными заслугами не только дворян, но и моряков из простолюдинов, при производстве в обер-офицерские чины по-прежнему отдавалось негласное предпочтение дворянам, к тому же целая система мер ограничивала доступ выходцам из сословий «ниже шляхетства» к обер-офицерским чинам. В частности, одним из препятствий для служебного роста «заморян» стал указ царя от 20 марта 1713 г., которым повелевалось «русского народа морских служителей, не умеющих грамоте, из матросов свыше квартирмейстеров и боцманматов (...) впредь ни в какой чин не повышать, дондеже обучатца грамоте»⁴¹. Грамотных же среди нижних чинов флота было мало. Из матросов-«заморян» Балтийского флота собственноручно заверить свои сказки и расписаться в получении жалованья в 1708 г. могли только пятеро, в том числе и достигший позднее обер-офицерского чина К. И. Гольцов⁴². Не умевший писать в 1708 г. С. Шелманов к 1720 г., когда его произвели из боцманов в шкиперы, также был уже грамотным⁴³. Но служивший в 1720 г. на одном из кораблей «за писаря из заморян» матрос М. И. Лужецкой и в 1723 г. оставался в том же чине⁴⁴, не стал он обер-офицером и позже. Получивший чин шкипера К. И. Гольцов и, возможно, С. Шелманов по своему сословному происхождению являлись дворянами⁴⁵.

Таким образом, в начальный период становления российского военно-морского флота матросы-«заморяне» сыграли важную роль, пополняя ряды наиболее опытных в морском деле матросов и унтер-офицеров. По мере достижения успехов в подготовке сведущих моряков непосредственно на кораблях отечественного флота, стремительно превращавшегося в один из сильнейших в Европе, практика посылки матросов с целью обучения в иноземные флоты все в большей степени сворачивалась. В изданной в 1717 г. книге подканцлер П. П. Шафиров так описал эпизод командования Петром I в 1716 г. у берегов Дании четырьмя европейскими флотами: «И хотя за чудо возможно было принять, ежели бы кто мог видеть единого из российского народа на море на кораблях плавающего, тако ныне видели его величе-

ство самого командующего своей российской флот, но и купно великобританской, дацкой и галанской флоты под его стандартом империяльским на Балтийском море (...) и многие тысячи рядовых матрозов российского народа...» (подчеркнуто мной. — П. К.)⁴⁶.

Примечания

- ¹ Моисеева Г. Н. Русские повести первой трети XVIII века. М.; Л., 1965. С. 39—43, 56.
- ² Там же. С. 191—210.
- ³ Ниже перечислены наиболее важные работы: Устрялов Н. Г. О навигаторах и гардемаринах Петра Великого. 1707—1716//Торжественное собрание Императорской Академии наук 29-го декабря 1865 года. СПб., 1866. С. 63—74; Веселаго Ф. Ф. Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 579—590; Рачинский А. В. Первые русские гардемарины за границей в XVIII столетии//Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. М., 1880. С. 177—205; Кротов А. С. Пребывание русских навигаторов за границей//Морской сборник. 1901. № 1. Неофиц. отд. С. 1—41; Соловьев А. В. Русские навигаторы XVII века среди южных славян//Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 291—301; Климанов Л. Г. Из истории российско-венецианских отношений: гардемарины из Петербурга на венецианском флоте в годы последней венецианско-турецкой войны (1717—1718 гг.)//Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1992. С. 59—68; Okenfuss M. J. Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great//The Eighteenth Century Russia. Oxford, 1973. P. 131—145.
- ⁴ *Заморяннин (заморенин)*: 1. тот, кто прибыл из-за моря; 2. иноземец. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 5. М., 1978. С. 244.
- ⁵ В их число входили парусный мастер, штурман, 4 боцмана и 32 матроса. — РГАДА, ф. 141, 1696 г., д. 288, л. 5—6.
- ⁶ Там же, ф. 150, оп. 1, 1698 г., д. 8, л. 6.
- ⁷ Там же, л. 8.
- ⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПБПВ). Т. 2. СПб., 1889. С. 371.
- ⁹ Там же. С. 372.
- ¹⁰ Там же. Т. 3. СПб., 1893. С. 159.
- ¹¹ Сборник РИО. Т. 39. СПб., 1884. С. 60.
- ¹² ПБПВ. Т. 2. С. 313.
- ¹³ РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 19, л. 1, 21 об.
- ¹⁴ Елагин С. И. История русского флота: Период азовский. СПб., 1864. Приложение. Ч. 2. С. 236.
- ¹⁵ РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 18, л. 1 об.; д. 20, л. 1.
- ¹⁶ Там же, д. 162, л. 1.
- ¹⁷ Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 241, 256—257; РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 43, л. 5 об.; д. 49, л. 3 об.
- ¹⁸ РГА ВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 50, л. 1501, 1503 об.—1504; д. 68, л. 291—292; Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 244—245.
- ¹⁹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 15. М., 1993. С. 46, 50; РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 78, л. 2; д. 81, л. 1—1 об.; д. 82, л. 1, 2 об., 7—8 об.
- ²⁰ Автограф письма-распоряжения Петра I обнаружен среди бумаг К. Крюкса 1704 г.: РГАДА, ф. 329, оп. 1, д. 82, л. 6. Даты нет.
- ²¹ Платонов С. Ф. Б. И. Куракин и А. П. Прозоровский (1697—1720)//Доклады Академии наук СССР. 1929. Сер. В. № 12. С. 237; Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 41, оп. 1, д. 259, л. 2.
- ²² ПБПВ. Т. 7, вып. 1. Пг., 1918. С. 122.
- ²³ РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 19, л. 1—23.
- ²⁴ Там же, л. 6—7.
- ²⁵ Там же, ф. 212, оп. 1, д. 6, л. 14 об.
- ²⁶ The Journal of Sir George Rooke, Admiral of the Fleet 1700—1702//Publications of the Navy Records Society. Vol. 9. L., 1897. P. XLIV.
- ²⁷ РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 19, л. 1—2.
- ²⁸ Архив князя Ф. А. Куракина. Кн. 1. СПб., 1890. С. 269.
- ²⁹ РГА ВМФ, ф. 177, оп. 1, д. 41, л. 42 об.
- ³⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН, ф. 10, оп. 3, д. 716, л. 95; Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 250.
- ³¹ Тиханов П. Н. Предисловие//«Пропозиции» Федора Салтыкова. СПб., [1891]. Приложение. С. XX.
- ³² Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 251.
- ³³ РГА ВМФ, ф. 212, оп. 1724 г., д. 66, л. 252.
- ³⁴ Там же, ф. 176, оп. 1, д. 28, л. 15 об.—17 об., 19 об.—22 об., 24 об.—33 об., 79—80, 195—200.
- ³⁵ Там же, л. 9 об.—13 об., 15, 18—18 об.
- ³⁶ Там же, д. 19, л. 23—23 об.
- ³⁷ Там же, д. 28, л. 20, 21—22 об.; д. 24, ч. 3, л. 179 об.
- ³⁸ Елагин С. И. Указ. соч. Приложение. Ч. 2. С. 245—246.
- ³⁹ РГА ВМФ, ф. 212, оп. 1, д. 1, л. 18, 20; д. 13, л. 38 об., 39; д. 48, л. 16 об.
- ⁴⁰ Там же, д. 1, л. 20, 27 об.; д. 5, л. 75 об., 196 об., 278, 374, 485, 504 об., 525, 597 об., 611, 622, 629,

631 об., 659, 711, 714 об., 722, 724 об., 736, 738; д. 6, л. 6 об., 14 об.—28, 52; д. 9, л. 3—20 об.; д. 13, л. 51 об., 59—69 об., 211; д. 22, л. 72 об., 83 об.—104 об.; д. 33, л. 3; ф. 870, оп. 1, д. 43, л. 96.

⁴¹ К р о т о в П. А. Сословность в политике самодержавия по комплектованию личного состава военно-морского флота при Петре Великом // Сословия и государственная власть в России: XV — середина XIX в. Ч. 1. М., 1994. С. 258—261.

⁴² РГА ВМФ, ф. 176, оп. 1, д. 28, л. 195—200; д. 19, л. 1—23.

⁴³ Там же, ф. 212, оп. 1720 г., д. 11, л. 309 об.

⁴⁴ Там же, оп. 1, д. 5, л. 736; д. 13, л. 211.

⁴⁵ Там же, д. 48, л. 16; оп. 1723 г., д. 33, л. 20 об.

⁴⁶ Ш а ф и р о в П. П. Разсуждение, какие законные причины... Петр Первый... к начатию войны против короля Карола XII Шведского 1700 году имел... СПб., 1717. С. 5.

© 1995 г. Р. А. ГОРОДНИЦКИЙ *

ЕГОР СОЗОНОВ: МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЯ ЭСЕРА-ТЕРРОРИСТА

Настоящая статья ставит своей целью более четко изложить жизненный путь и духовный облик видного представителя Боевой организации партии эсеров, что поможет дополнить картину деятельности революционных организаций России начала XX в. и воссоздать внутренний мир их участников. Существует достаточно обширная литература, посвященная эсеровскому терроризму начала XX в.¹ Историография же деятельности Е. С. Созонова исчерпывается работами 1920-х гг. — статьями Б. П. Козьмина «Е. С. Созонов и его письма к родным» и Н. Ростова «Смерть Егора Созонова», предвещающими публикацию «Письма Егора Созонова к родным»².

Егор Сергеевич Созонов родился 26 мая 1879 г. в селе Петровском Уржумского уезда Вятской губернии в семье купца-старообрядца, занимавшегося торговлей лесом. Отец его, глубоко религиозный человек, монархист по убеждениям, принадлежал к той среде, где и намек не было на революционно-критическое отношение к действительности. Созонов вспоминал: «Царские портреты наравне с иконами украшают комнаты в доме моего отца»³. Будущий террорист тяжело болел в детстве, и учеба давалась ему нелегко. По рассказам матери, он «рос тихим, впечатлительным ребенком»⁴. К моменту окончания гимназии он стал первым учеником и, наперекор воле отца, желавшего видеть его инженером, поступил на медицинский факультет Московского университета. Интеллектуальное становление Созонова происходило на фоне растущих правительственных репрессий против студенчества, что предопределило эволюцию его взглядов — к концу второго года обучения в университете он пришел к мысли, что «тьма нависла... над Россией, и в этой тьме терялись действительные очертания предметов»⁵.

Созонов вскоре оказался вовлеченным в студенческое движение. На короткое время попал в Бутырскую тюрьму, был исключен из университета и выслан в Уфу к родителям. Там он вновь арестовывается за хранение нелегальной литературы. После ареста его «революционные воззрения еще более окрепли»⁶, и по выходе из тюрьмы бывший студент примыкает к Уфимскому союзу социал-демократов и социалистов-революционеров. Через полгода — в марте 1902 г. Созонов был вновь арестован, просидел полтора года в тюрьме и был выслан на пять лет в Якутскую область. Но в августе 1903 г. он бежит с этапа и перебирается за границу⁷. В то время всю общественность потрясли «известия о порках, учиненных в Вильне и Харькове и особенно расстреляние золотоуловских рабочих»⁸ по приказу уфимского губернатора, одобренному министром внутренних дел В. К. Плеве. Созонов был твердо убежден в том, что любому факту правительственного произвола должно противопоставить свой акт возмездия, расправы над зарвавшимися чиновниками, которые не останавливались перед пролитием крови. Он считал безнравственным не ответить на «целый ряд убийств и других преступлений, содеянных министрами и их агентами»⁹. Подобное настроение было присуще почти всем лидерам зародившейся тогда эсеровской партии, террористическая деятельность ими оправдывалась и входила составляющим элементом в программу партии. Отношение к государству, подавлявшему личные права и

* Городницкий Роман Александрович, аспирант кафедры политической истории естественных факультетов Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

свободы, было крайне негативным. Так, Г. А. Гершуни рассматривал его как «чудовище, делавшее убийствами лучших детей страны»¹⁰. Все это заставило Созонова признать террористические акты единственно возможным средством борьбы с правительством. «Когда я бежал из Сибири,— писал он в автобиографии,— я чувствовал, что за моей спиной стоят кровавые призраки, шептавшие мне: ты должен, ты должен пойти на Плеве»¹¹.

Попав за границу, Созонов предполагает вначале продолжить обучение, но вскоре изменяет решение и, нелегально вернувшись в Россию, вступает в Боевую организацию партии эсеров. Он изучает извозное дело в Твери с целью подготовки покушения на министра внутренних дел Плеве. 15 июля 1904 г. взрывом бомбы, брошенной Созоновым, Плеве был убит. После ареста, тяжело раненый и избитый охранниками Плеве, Созонов был подвергнут и моральной пытке — агенты полиции сообщили ему преувеличенные данные о числе погибших во время взрыва людей и уверили его в том что, будучи в полубессознательном состоянии, он в бреду выдал своих товарищей. В речи на суде, который состоялся в ноябре 1904 г., Созонов подробно изложил взгляды партии эсеров на террор, причины убийства Плеве и свою политическую автобиографию. Он был приговорен к лишению всех прав состояния и бессрочной каторге, которую отбывал в Шлиссельбургской крепости с 24 января 1905 г. по 30 января 1906 г., а затем на Нерчинской каторге. И в тюрьме, и на каторге Созонов умудрялся читать книги, постоянно размышлял о многих сторонах жизни русского общества, вопросах бытия. Безусловно, особенно его волновали проблемы, стоящие перед русской революцией. На каторге он вел переписку со своими родными, невестой, М. А. Прокофьевой, и некоторыми друзьями. Надломленный изматывающей борьбой с каторжным начальством, Созонов 27 ноября 1910 г. принял яд и на следующий день скончался.

Несмотря на хорошо сохранившееся эпистолярное наследие Е. Созонова, оно большей частью не введено пока в научный оборот. В 1925 г. были напечатаны письма Егора Созонова к родным за 1895—1910 гг. и в эмигрантском журнале «Воля России» в 1930—1931 гг. был опубликован ряд посланий Е. Созонова к его невесте М. А. Прокофьевой. Мария Алексеевна Прокофьева родилась в 1883 г. в состоятельной купеческой семье и уже в 1902 г. примкнула к партии эсеров. После нескольких лет работы в местных партийных организациях она в конце 1906 г. вступает в Центральный боевой отряд партии. Позже она была арестована по делу о покушении на Николая II, приговорена к вечной ссылке в Сибирь, но весной 1908 г. бежала за границу. В 1909 г. вступила в боевую группу, руководимую Б. В. Савинковым, но вскоре заболела туберкулезом и в 1913 г. умерла.

Хотелось бы подчеркнуть, что письма Созонова в «Воле России» — журнале, в редакцию которого входил весь цвет эсеровской послеоктябрьской эмиграции, — публиковались с грубыми искажениями и купюрами. Созонов должен был предстать перед читателями как герой-террорист, не имеющий никаких разногласий с линией, проводимой ЦК партии эсеров. В угоду этой схеме из писем выбрасывались не только отдельные фразы, но и целые страницы, причем эти пропуски нигде специально не оговаривались. Так обстоят дела с опубликованными материалами.

Между тем в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) хранится массив неопубликованных писем Созонова к Прокофьевой, к товарищам по Боевой организации Петру Карповичу и Борису Савинкову. Эти документы свидетельствуют, что эсеровский «боевик» был человеком довольно образованным и интеллектуально развитым, к тому же чутким к любым проявлениям несправедливости. Его волновали все вопросы, стоявшие тогда перед русским обществом.

Взгляды Созонова соединяли идеологию, восходящую к народничеству (особенно он выделял работы Н. К. Михайловского), с теориями, которые возникли на Западе в конце XIX в. Он испытал сильное влияние идей М. Гюйо, Ф. Ницше и Г. Ибсена. Идеалом для Созонова был такой человек, все способности которого были бы приведены «в равномерный строй и, одна другую оттеняя, всегда все гармонически откликались бы на каждое впечатление бытия». Созонов мечтал о человеке, не только все понимающем, но все чувствующем. Он писал, что «человек должен быть всесторонним, и лишь тогда он будет жизнеспособен и жизнедеятелен»¹².

Кровно связанный с русской интеллигенцией, он полагал, что в ее истории нельзя найти момента, когда бы она позабыла о святом и должном. Для него социология с ее «субъективным методом» была бесстрастной объективной наукой. В письме М. А. Прокофьевой от 15 мая 1908 г. он пишет: «Не Бог создал человека, а человек создает Бога „по образу и подобию своему“. Не Бог освящает нравственный закон, а сам он должен выдержать экзамен перед судом нашей нравственности»¹³. Мечта о «все-человеке», который соединял бы в себе истину, справедливость и красоту, заставляла Созонова стремиться к воплощению своего идеала в жизнь, стараться совместить в себе «богатейшую индивидуальность с наибольшей общественностью». Социалист по убеждениям, Созонов полагал, что «общественность победит общество с его разнообразными диссонансами, уничтожит все классовые и другие перегородки, пропитает каждую

личность общественным духом до того, что общественное станет для нее личным...»¹⁴. В общественном идеале Созонова личность «свята и неприкосновенна». Будущее, по Созонову, принадлежит не «коммунизму и не оторванной личности, а социалистическому обществу, в котором общее гармонически примиряется с индивидуальным, не подавляя одно другое»¹⁵.

Нельзя не отметить, что мировосприятие Созонова отмечено сильным позитивистским влиянием. Но это был не чистый позитивизм, а скорее романтическое стремление найти в науке пусть не полный, но необходимый ответ на запросы человечества. По Созонову, в ходе бесконечного развития необходимо возникает созданный из хаоса и тьмы прекрасный и светлый мир. И хотя для человека невозможно достигнуть абсолютного знания, только наука может ответить на вопрос «что делать?» Созонов отвергает веру как концепцию, которая может удовлетворить человека лишь за счет подавления других, важнейших сторон его ищущей природы. Верить для Созонова — это значит погрести себя в пучинах небесного, заткнуть глотку своей логики негодной затычкой. И только научная дерзость прокладывает пути к прогрессу, ведет знание по нужному руслу¹⁶.

Для постижения внутреннего мира русского революционера важна и проблема целей и средств революционной борьбы. В 1908 г. Созонов писал, что «... из всех средств, принятых нашей тактикой, я ни от одного не откажусь и не знаю во имя чего надо отказываться»¹⁷. Для него социализм является высшей целью и все средства, гармонирующие с этой целью, Созонов принимает. Человек, по Созонову, сам ставит перед собой задачи, которые должен разрешить. Каждый индивид может бороться за свою правду, и только «от личных усилий каждого... зависит, будет ли его правда признана за правду другими». Созонов считает, что насилие — необходимость, если существуют «зверинные условия борьбы», но оно не вытекает как следствие из поставленных идеалов¹⁸.

Но, совершая убийства других людей (а для Созонова это «величайший грех, возможный для человека»¹⁹), личность должна сама отвечать за свой тяжкий выбор, сама санкционировать его. И в письме к Савинкову от 15 сентября 1908 г. Созонов ярко и точно выражает свое кредо: «Сознание греха никогда не покидало меня. Но у меня нет желания переложить свой грех на чьи-то чужие плечи...»²⁰.

Главным событием своей жизни Созонов считал участие в деятельности Боевой организации партии эсеров. Члены организации представлялись ему «удивительными людьми, какие бывают только в сказке»²¹. Воспоминания о прошлом являются для находящегося в заключении Созонова основным стимулом деятельности, помогают переносить нелегкий каторжный быт. Вступление в Боевую организацию видится ему исходным пунктом нового бытия. В письме к Савинкову от 15 июля 1908 г. он пишет: «То чувство, которое связывает меня с братьями моими, мертвыми и живыми, мало назвать любовью, я не знаю ему настоящего имени... Дело, люди, наше отношение к делу и друг к другу — все это сплетается для меня в нечто цельное, невыразимо прекрасное, осиянное золотым светом». А в письме к Савинкову от 15 сентября 1908 г. Созонов резюмирует свои мысли: «Наше рыцарство... было проникнуто таким духом, что слово „брат“ еще недостаточно ярко и точно выражает сущность наших отношений»²².

Там, где заходит речь о «возлюбленной матери» — Боевой организации, стиль писем Созонова становится несколько выпендренным и объективные оценки людей ему не всегда удаются. Так, руководитель Боевой организации в 1901—1903 гг. Григорий Гершуни кажется ему «воплощение того, чем человек должен стать... через сотни лет»²³. Подобными же образцами для подражания видятся ему Иван Каляев и Мария Спиридонова, с которой Созонов вместе был на каторге. Особенно близкие отношения сложились у него с Борисом Савинковым.

Они познакомились в феврале 1904 г., когда оба уже состояли в Боевой организации. Вплоть до убийства Плеве террористы тесно общались и составили достаточно определенное мнение друг о друге. «Фанатик революции, ничего не видевший и не признававший кроме нее»²⁴, — таким показался Савинкову Созонов. Впечатление это было во многом неверным, что, однако, не свидетельствует о том, что Савинков был плохой психолог, а объясняется тем, что Созонов в то время усиленно старался походить на «ригориста-народовольца». Правда, в дальнейшем, Созонов пришел к выводу о том, что Боевая организация партии социалистов-революционеров должна была действовать более самостоятельно, независимо, чем «Народная Воля»²⁵.

Созонов считал Савинкова одним из тех людей, встречи с которыми «обогатили» его «вкус в распознавании красоты и ценности человека»²⁶. В письме к Прокофьевой в 1908 г. Созонов писал, что Савинков «чутко... к людям и благороден. Блестяще талантлив. Его я очень любил, любовался им, учился у него пониманию жизни, оценке ее». Савинков видится ему чудесным цветком, откуда-то занесенным; он «широкий и мятежный, как море, есть в нем что-то языческое, панское», и «боролся он так, что всем нам мог послужить образцом». Но Созонов считал, что у Савинкова мало любви к

ближнему, что он «слишком много индивидуалист и мало общественник», и «что может настать такой момент, когда мы резко разойдемся»²⁷. Несмотря на некоторые идейные разногласия, горячая симпатия и любовь к Савинкову сохранялись у Созонова до конца жизни. В предсмертном письме к Прокофьевой от 23 ноября 1910 г. Созонов писал, что память о Савинкове уносит «как самое прекрасное, что ... знал в жизни»²⁸.

Необходимо отметить некоторую отстраненность Созонова от участия во многих формах партийной жизни, отличных от боевой работы, и его несогласие со многими решениями, проводимыми ЦК. Так, он считал ошибочным решение о приостановке боевого дела во время деятельности II Думы (из письма от 3 апреля 1908 г.). Он также осуждал партию за полуотречение от покушения на коменданта Севастопольской крепости генерал-лейтенанта Неплюева, за порицание взрыва на Аптекарском острове, за отказ ЦК брать ответственность за многие боевые предприятия из-за политической конъюнктуры. Для Созонова каждый этот шаг является «новым грехопадением партии»²⁹.

Он задумывается над вопросом о возможности выхода из партийных рамок, в которых так хорошо живет Виктору Чернову и другим партийным «олимпийцам»³⁰, отмечает, что его симпатии всегда на стороне рядовых участников террора. Но, будучи социалистом и воспринимая партийную общественность как атмосферу, дыша которой только и можно жить, Созонов приходит к выводу, что должен всегда оставаться человеком партии³¹.

Однако моменты острого недовольства партийной работой все чаще возникали у Созонова, особенно в кризисные периоды. Так, известие о смерти Гершуни кажется ему «треском крушения», и каждая новост с воли уже к 1908 г. для него становится свидетельством процесса разрушения. В письме к Прокофьевой от 3 апреля 1908 г. Созонов говорит о своем депрессивном состоянии — «в голове — хаос, в сердце — пустота, и в ней, этой пустоте, холодным эхом отдается прежде заветный клич „партия“». Это говорит об эмоциональной опустошенности Созонова, так как любое неприятное сообщение заставляет его видеть вместо естественного хода партийной жизни «развалины прежней прекрасной и священной хранины»³².

Тому способствовала и драматическая история с делом Азефа. Нимало не подозревая о связях Азефа с полицией, Созонов относился к нему как к старшему товарищу по Боевой организации. Во всех письмах до 1909 г. Созонов подчеркивает свое уважение к Азефу, участие которого в террористических актах в глазах боевика являлось гарантией успеха. Показательна следующая фраза из письма Созонова: «Мир или действительно вверх ногами, или Азеф то, чем он, по-моему, не может не быть: я не представляю себе основной разницы между ним и Гр[игорием] Гершуни»³³. Поэтому так был страшен удар от известия о виновности Азефа. Вначале Созонов ожидал, что процесс по делу Азефа кончится оправданием главы Боевой организации, однако вскоре в его письмах появляются пессимистические нотки. Но еще в январе 1909 г., не имея точных известий с воли, Созонов пишет, что он хотел бы обнимать ноги Азефа «за то великое страдание, жертвой которого он сделался». Лишь к марту Созонов начинает постигать истинный смысл происшедших событий. Он совершенно верно замечает, что удар по партии, по каждому члену Боевой организации был нанесен не извне, а изнутри, из самого сердца, поэтому основной партийной задачей должно стать выявление того, что моральная сила террора существовала не благодаря, а несмотря на «скверное спекулирование» Азефа и Департамента полиции³⁴.

Тем не менее бывший эсеровский боевик переживает тяжелейший психологический и мировоззренческий кризис. Можно даже констатировать определенное помутнение его сознания, отсутствие логических связей в мышлении. Созонов начинает видеть замысел Азефа в том, что именно он, Созонов, как «слабовольный», по мнению Азефа, способный выдать сообщников, человек был направлен на покушение против Плеве, упрекает себя в «недостойном» поведении на следствии и суде. К нему опять возвращаются сомнения, не выдал ли он в своем бреде товарищей. Прошлое теперь предстает перед ним как груда черепков, бывших прежде драгоценностями. Думается, что самоубийство Созонова в ноябре 1910 г. в значительной степени стало следствием шока, пережитого после разоблачения Азефа. От этого потрясения Созонов так и не смог полностью отойти. В марте 1909 г. он так пишет о своем душевном состоянии: «И жизнь, и люди смотрят на меня механической стороной: движения, звуки... больше ничего... Скучно до смерти... И холодно...»³⁵.

И все же спустя несколько месяцев Созонов сумел найти в себе силы, чтобы преодолеть нервное напряжение. Немалую роль в этом сыграла опубликованная тогда повесть Савинкова «Конь бледный». Сначала Созонов не увидел в сочинении товарища по партии особых достоинств, а напротив, констатировал «недостаток художественного чутья правды». Однако его не устроило и категорически отрицательное отношение к повести его товарищей по заключению, увидевших в ней лишь «клевету, подлость и глупость»³⁶. Созонова же произведение взволновало до глубины души, он чувствовал, что

оно «написано слезами и кровью сердца», что в нем «нет ни одного невыстраданного слова»³⁷. Он выступил с рефератом перед каторжанами, в котором утверждал, что повесть Савинкова, видимо, вполне соответствует действительности, но ее основная задача не в точности зарисовок портретов героев повести, а в постановке автором важнейшего вопроса: «... Почему можно убить человека? Где оправдание?» Без ответа на этот вопрос человек не сможет определиться революционер он или нет. Требование неприкосновенности человеческой личности, основное для революционеров, возможно лишь в «те светлые времена всечеловеческого братства, которого мы чаем»³⁸. И утверждение Савинкова, что для совести это требование должно оставаться ненарушимым во веки веков, даже если жизнь часто вынуждает человека нарушать его, заставило Созонова солидаризоваться с ним. В письме к родным от 15 августа 1909 г. он отмечает, что его доклад помог товарищам признать частичную правоту повести, так как на них возымел действие довод Созонова, что «за автором — все ищущие своей выстраданной правды»³⁹. А в письме к П. Карповичу от 4 июля 1910 г. Созонов пишет, что в данном случае для него вопрос шел не только об «эстетической и философской оценке художественного произведения, но о том, чтоб защитить один из оставшихся... устоев, на которых покоилась моя вера в человека»⁴⁰. Защита автора повести для Созонова стала ассоциироваться с отстаиванием ценности собственной жизни, и не случайно, что в письме к Савинкову от 6 июня 1909 г. он признается, что читает и перечитывает «Коня бледного», с «неослабевающим, все более захватывающим интересом, как скорбную исповедь дорогой мне души»⁴¹.

В письме к родным от 15 августа 1909 г. Созонов пишет, что его старая вера умерла и что на ее месте вырастает новая. Он теперь убежден, что партия эсеров все делала не так, как следовало бы; однако конечный идеал — социалистическое переустройство общества — остается для Созонова прежним. Нет, правда, былого убеждения в близости его осуществления. Прежние методы достижения цели остались, но Созонов требует привнесения в них новых элементов, а именно: прежде чем человек возьмется за переустройство жизни, он должен устроить себя самого внутри себя⁴². Он говорит, что для этого требуется прежде всего просвещение, но соединенное также с боевой работой, специально оговариваясь, что это не есть переход на позицию кадетов.

Подобные сомнения Созонов выражает и в письме к Савинкову в июне 1909 г., где он констатирует, что не знает, «что в конце концов останется от старых слов», за которые он еще держится по привычке⁴³. Но доверие к избранному пути и к бывшему товарищу по боевой работе сильнее сомнений, и Созонов остается верен прошлому, сообщая Савинкову, что, «если бы пришлось выбирать между Вами и другим, который берется за дело во всеоружии ортодоксии, я был бы с Вами»⁴⁴.

И все же, видимо, этот синтез новых ценностей со старыми представлениями не мог оформиться в душе заключенного, так как в письме к Карповичу от 4 июля 1910 г. он признается, что чувствует «страшную усталость от нового», и полоса увлечений теориями, до того неизвестными, кажется Созонову пройденной, а «старое, отодвинувшееся было на задний план, дорогим и здоровым». Но, восстановив прежние идеалы, Созонов остается в смятенном состоянии духа, и в этом же письме замечает: «... Последнее время ничего не читаю, не могу читать»⁴⁵.

К лету 1910 г. душевный надлом, переживаемый Созоновым, достиг своего пика. Думается, причин тому было несколько. Во-первых, ослабление в России революционной борьбы, свертывание террора. Азефовские предательства 1907—1908 гг., расстраивавшие почти все планы террористов, а затем и общий партийный кризис после вскрытия многочисленных фактов провокации тяжело воспринимались Созоновым. Он не смог пережить прекращения террора. Во-вторых, долгое пребывание на каторге, отрыв от любых форм деятельности заставляли Созонова предполагать, что он не сможет найти себе места в новой жизни, жизни на свободе.

Все эти настроения ярко выражены в его последних трех письмах к Прокофьевой. 8 мая 1910 г. он пишет, что перестал понимать тех, для кого есть солнце и радость — «моя душа не с ними и не хочет к ним, это — чужие, слепые, глухие. Как телята не заливном лугу. Ну их к Богу». До выхода на поселение остается девять месяцев, и Созонова страшит его уход с каторги, он не хочет расставаться с дорогими тенями, не может позабыть их. 24 июля он пишет Прокофьевой, бывшей его единственным другом, с которым он делился самым сокровенным, что «осознал факт взаимного отчуждения между нами». Также он готовит ее к тому, что ей придется разочароваться во многих надеждах на будущее, и сообщает, что намерен прекратить переписку⁴⁶.

В письме от 17 октября уже явно звучит мотив о полной исчерпанности сил, о том, что все они оказались потрачены «на ожидания и на... бумажную жизнь». Созонова также чрезвычайно угнетают доходящие до него сведения о конфликте Савинкова с партийными лидерами. Он предвидит будущий

разрыв Савинкова с партией и пишет, что сам тогда бы «раскололся в себе самом и вряд ли остался бы человеком»⁴⁷. Постоянным лейтмотивом звучит страх перед возможным выходом на волю.

Весь этот комплекс причин — невозможность вести деятельную и полноценную жизнь, тяжесть отрыва от воли, возрастающая неуверенность в собственных силах, физическая и психологическая истощенность и желание в последний раз бросить вызов тюремному режиму — все это говорит о по-своему закономерном итоге жизни Созонова, о решении покончить с собой. В прощальных письмах, адресованных брату, родителям и М. А. Прокофьевой, Созонов подчеркивает, что его выбор есть протест против применения на каторге телесных наказаний, и, несмотря на то, что душа его стала «несвободной для радостей», последнее решение вызвано отнюдь не страхом, а «борьбой», в которую он по-прежнему верит. Во всех предсмертных письмах Созонов уверяет близких в том, что его «уход не освобождает их от обязанности жить», и что его последний шаг есть одно из «средств бороться за традицию» каторжного сопротивления, «поступок личности, которая не может жить иначе, не краснея»⁴⁸.

В заключение, говоря о Егоре Созонове, как об одной из наиболее ярких и характерных фигур Боевой организации партии социалистов-революционеров, необходимо подчеркнуть, что по мировоззренческим и тактическим вопросам эсеры-боевики считали себя прямыми преемниками народовольцев. Однако эсеровский террор вспыхнул двумя десятилетиями позже, и за это время изменился не только мир, но и духовный облик людей, желавших этот мир изменить. Террор эсеров был не только бунтом против социальных институтов общества, он скорее являлся вызовом всему существующему мироустройству. Мечта о воплощенной социальной справедливости на земле, об истинно братских отношениях между людьми, об изменении природы каждого человека — таковы были импульсы, заставляющие действовать российских террористов. Мировоззрение отдельных их представителей отличалось необычайной широтой. Они пытались ответить на вопросы, поставленные их великими современниками, писателями и философами.

Самые яркие эсеры-террористы — Е. С. Созонов, Б. В. Савинков, И. П. Каляев, Л. И. Зильберберг, Б. У. Вноровский — осознавали себя членами единой семьи. Боевая организация была для них не только частью эсеровской партии, но и учреждением, в рамках которого они утверждали новые ценности. Представляется, однако, безнравственным и бессмысленным оправдывать террор как способ решения любых политических проблем. «Кровь родит кровь» — справедливость этого утверждения доказывает весь ход человеческой истории. Но нельзя забывать и о том, что, по мнению видных представителей российской революционной интеллигенции, «спокойно веку повелось: сначала кровь проливали мучители, деспоты и тираны, и лишь затем лилась ответная кровь»⁴⁹. Многие террористы начала XX в. считали вполне оправданным этически отдавать свои жизни в обмен на другие. Они служили своей идее бескорыстно, полагая, что их борьба будет залогом создания более совершенных форм человеческого общежития. Практическая невоплотимость идеалов Созонова и многих его соратников, трагическая судьба российских террористов, переосмысливших позднее свои деяния, является еще одним аргументом в пользу построения общества, гражданам которого никогда бы не пришлось задумываться о нарушении вечных законов морали, основой которых являются принцип «не убий».

Примечания

¹ Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. Кн. 5. СПб., 1914; С л е т о в С. Н. К истории возникновения партии социалистов-революционеров. Пг., 1917; С п и р и д о в и ч А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг., 1918; Н и к о л а е в с к и й Б. И. История одного предателя. М., 1991; Г у с е в К. В. Рыцари террора. М., 1992; G e i f m a n A. Thou Shalt Kill. Princeton, 1993; Б у д н и ц к и й О. В. «Кровь по совести»: терроризм в России (вторая половина XIX — начало XX в.) // Отечественная история. 1994. № 6 и др.

² Письма Егора Созонова к родным (1895—1910). М., 1925.

³ Исповедь Созонова. СПб., 1906. С. 42—43.

⁴ Письма Егора Созонова к родным. С. 47.

⁵ Егор Созонов: Материалы для биографии. М., 1919. С. 21.

⁶ Исповедь Созонова. С. 54.

⁷ Егор Созонов: Материалы для биографии. С. 27—30.

⁸ Исповедь Созонова. С. 59—60.

⁹ Там же. С. 62.

¹⁰ Г е р ш у н и Г. А. Из недавнего прошлого. М.; Л., 1929. С. 103.

¹¹ Исповедь Созонова. С. 63.

¹² Воля России. 1930. № 2. С. 154.

¹³ Там же. № 4. С. 343.

¹⁴ Там же. С. 350, 351.

¹⁵ Там же. № 9. С. 741, 743.

- ¹⁶ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 76—76 об.
- ¹⁷ Воля России. 1930. № 4. С. 353.
- ¹⁸ Там же. С. 349.
- ¹⁹ Письма Егора Созонова к родным. С. 84.
- ²⁰ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 545, л. 7 об.
- ²¹ Воля России. 1930. № 7—8. С. 641.
- ²² ГАРФ, ф. 5931, оп. 1, д. 545, л. 1, 4.
- ²³ Воля России. 1930. № 3. С. 241.
- ²⁴ С а в и н к о в Б. Воспоминания. М., 1990. С. 56.
- ²⁵ Воля России. 1930. № 3. С. 239.
- ²⁶ Там же. С. 242.
- ²⁷ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 30 об.
- ²⁸ Письма Егора Созонова к родным. С. 369.
- ²⁹ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 18 об.
- ³⁰ Там же, л. 30.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же, л. 18.
- ³³ Воля России. 1930. № 3. С. 238—239.
- ³⁴ Там же. № 11—12. С. 973—975.
- ³⁵ Там же. С. 976, 977.
- ³⁶ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 530, л. 161, 162.
- ³⁷ Письма Егора Созонова к родным. С. 268.
- ³⁸ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 164.
- ³⁹ Письма Егора Созонова к родным. С. 266; ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 532, л. 164 об.
- ⁴⁰ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 544, л. 3.
- ⁴¹ Там же, д. 545, л. 9.
- ⁴² Письма Егора Созонова к родным. С. 265.
- ⁴³ ГАРФ, ф. 5831, оп. 1, д. 545, л. 8 об.
- ⁴⁴ Там же, л. 9 об.
- ⁴⁵ Там же, д. 544, л. 3 об.
- ⁴⁶ Там же, д. 532, л. 190 об.— 191.
- ⁴⁷ Там же, л. 192 об.— 193 об.
- ⁴⁸ Письма Егора Созонова к родным. С. 367, 369.
- ⁴⁹ В и ш н я к М. В. Годы эмиграции (1919—1969). Париж, Нью-Йорк, 1970. С. 235.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ РОССИИ XVIII ВЕКА: СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

**В. И. МОРЯКОВ. РУССКОЕ ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XVIII ВЕКА (Из истории общественно-политической мысли России). Изд-во Мос-
ковского ун-та, 1994. 216 с. Тир. 2000**

История русской общественной мысли — одна из тех тем, что навсегда остаются актуальными и одновременно очень сложными для изучения. Это в особенности справедливо по отношению к общественной мысли XVIII в., когда, как верно отмечено в рецензируемой книге, «использование идей Просвещения было характерно для представителей всех направлений» (с. 18) и «порой трудно отделить просветительство от дворянского либерализма, консерватизма и идейной реакции» (с. 20). Но если это так, то возникает закономерный вопрос: в какой мере вообще к русской общественной мысли этого времени применимо понятие «направление» и сколько, например, мыслителей должно обладать единством взглядов, чтобы вместе они составили целое «направление»? Автор этот вопрос не ставит, по-видимому, считая его достаточно ясным. Однако характер и объем использованного в книге материала таков, что реконструкция взглядов собственно просветителей оказалась возможной лишь методом исключения — по контрасту с их идейными противниками и, таким образом, вопрос о значении понятия «направление» вновь и вновь встает перед читателем.

Поскольку рассматриваемые в книге проблемы имеют богатую историографию (к сожалению, вне поля зрения автора осталась как богатейшая русская эмигрантская литература, так и зарубежная), В. И. Моряков, естественно, не мог не коснуться ряда дискуссионных проблем. Одна из них связана с разграничением понятий «Просвещение» и «просветительство». По мнению автора книги, «просветительство не адекватно Просвещению». Просвещение, полагает он, это «тип общественного сознания периода перехода от феодализма к капитализму, комплекс общественно-политических, философских, культурных, художественных идей и представлений». Просветительство же — «одно из направлений общественно-политической мысли эпохи Просвещения» (с. 14). Однако

очевидно, что даже в «период перехода от феодализма к капитализму» Просвещение, особенно в России, не было единственным «типом общественного сознания», а представляло лишь часть весьма широкого спектра идей и представлений. Далее, любое направление общественно-политической мысли — это также комплекс идей и представлений, причем вряд ли целесообразно ограничивать их круг лишь суждениями о власти и государстве: они теснейшим образом связаны и с философскими, и с художественными, и с культурными идеями¹.

Обратим внимание и еще на одну деталь. Автор солидаризируется с А. С. Мыльниковым в различении трех типов Просвещения. Правда, не очень ясно, как «тип общественного сознания» можно подразделить на *типы*. Но дело, конечно, не в классификационной терминологии. Существеннее, что первый из этих типов характерен для стран, где «были наиболее зрелые буржуазные отношения» (с. 13. Подчеркнуто мной. — А. К.). Но как же тогда быть с тем, что Просвещение существовало в период перехода от феодализма к капитализму, когда зрелыми буржуазные отношения никак быть не могли?

Концепция В. И. Морякова вкратце такова. В начале XVIII в. в России утвердился абсолютизм, «явившийся высшим этапом эволюции государственной надстройки феодального общества». Во второй половине века началось формирование капиталистического уклада, на пути которого стал абсолютизм, который есть «форма открытой диктатуры дворянства» (с. 3). Поскольку в первой половине века «капиталистические отношения находились еще в зачаточном состоянии», а «абсолютистское государство еще могло способствовать и способствовало развитию страны» (с. 14), просветительство как направление общественно-политической мысли возникнуть не могло. Следовательно, о таких мыслителях, как В. Н. Татищев, Феофан Прокопович, А. Д. Кантемир и И. Т. Посошков,

можно говорить лишь как о «предтечах русского просветительства» (с. 17). Что же касается М. В. Ломоносова, то он «стоял у истоков русского просветительства» (с. 117).

Собственно просветительство как направление общественно-политической мысли зарождается с 60-х гг. XVIII в. — «со времени формирования капиталистического уклада» (с. 17). Оно есть «антифеодальная идеология, подготовившая в России возникновение идеологии революционной» (с. 11). Именно «антикрепостническая, антифеодальная направленность» представляет собой «системообразующее в просветительстве» и, следовательно, к числу просветителей может быть отнесен тот мыслитель, в чьих произведениях «есть резкая критика крепостничества, помещичьего произвола, протест против сословных прав и привилегий, обоснование необходимости изменения государственного аппарата» (с. 17). Для просветительства характерны такие «программные идеи и установки», как «рационализм, теория естественного права и общественного договора, идея народного суверенитета, теория разделения властей, энциклопедизм, идеализм в понимании развития исторического процесса, признание главенства политики и права над остальными сферами общественной жизни» (с. 29).

В своем развитии просветительство прошло два этапа. Первый пришелся на 60—70-е гг. XVIII в., второй — на 80—90-е гг. Уже в 60—70-е гг. «крестьянский вопрос вышел на первый план», но противоречия между помещиками и крестьянами хоть и были сильны, но не так остры, как позднее, и потому «размежевание на различные направления в общественной жизни России не было завершенным» (с. 20). В это время просветители все свои надежды возлагали «на всесильное просвещение и деятельность „мудреца на троне“». На втором этапе по мере разложения феодально-крепостнической системы и углубления противоречий между помещиками и крестьянами происходит «идейная поляризация», просветительство «радикализируется» и «в лице А. Н. Радищева оно выдвигает идею народной революции как средства уничтожения самодержавия и крепостничества» (с. 21). Наряду с просветительством во второй половине XVIII в. в России существовало еще одно направление общественно-политической мысли — консервативное, в рамках которого было два течения: умеренно-консервативное (оно же либеральное) и охранительное (с. 18). Либерализм этого времени «закключался в стремлении совершенствовать монархическое правление путем реор-

ганизации центральных государственных учреждений, смягчения отношений между дворянством и крестьянством, внедрения в массы идеи необходимости осознания каждым сословием своего предназначения и места в государстве, что привело бы к прекращению социальных конфликтов» (с. 58).

На первый взгляд, концепция В. И. Морякова выглядит стройной, логичной и достаточно традиционной, а потому прочной. Однако при ближайшем рассмотрении, по мере того как на страницах книги она наполняется конкретным содержанием, это впечатление оказывается обманчивым. Начнем с того, что для более позднего периода истории русской общественно-политической мысли такие ее направления, как консервативное, либеральное и охранительное, обычно рассматриваются как самостоятельные. Если в XVIII в. дело обстоит иным образом и они составляли лишь части единого целого, то, по-видимому, это требует обоснования. Не может не возникнуть снова и вопрос о смысле, вкладываемом автором в понятие «направление», если выясняется, что на втором этапе просветительство представлено лишь одним именем. Наконец, можно принять суть тех признаков, по которым автор относит того или иного мыслителя к лагерю просветителей, но вряд ли удачно они сформулированы. Как определить, например, степень резкости критики крепостничества? И что такое «изменение государственного аппарата»?

Речь тут не о придирке рецензента к неудачному словесному обороту. За этими словами серьезная проблема, которую пытается решить В. И. Моряков: отделить просветителей от либералов. Задача эта нелегкая по причинам, о которых сказано выше. И либералы, и просветители (на первом этапе своего существования) «критиковали лишь отдельные черты существовавшего строя, предлагали исправить пороки общества путем реформ» (с. 19). Более того: «у просветителей России второй половины XVIII в. мы не встретим радикального разрешения аграрного вопроса — безвозмездного наделения крестьян землей... Претворение в жизнь этого варианта было утопично в российских условиях второй половины XVIII в., так как объективно крестьянское хозяйство не могло еще стать самостоятельной единицей» (с. 141).

Как же решает эту проблему автор книги? По существу, он выдвигает два критерия. Прежде всего, это мотивы, по которым те и другие критиковали реалии своего времени. Либералы, «выступая за меры, объективно подрывающие основы существующего строя, шли (или готовы

были идти) на уступки крестьянству из своих субъективных, сословных интересов». Просветители же, напротив, «отстаивая внесословную ценность человека, выступали в защиту угнетенного крестьянства» (с. 20). Просветительству в принципе были присущи «классовое бескорыстие, демократизм и т. п.» (с. 29). Иначе говоря, критерием в данном случае являются выражаемые тем или иным мыслителем классовые интересы. Другим критерием, по мнению В. И. Морякова, является адресат предложений либералов и просветителей. Первые апеллировали к Екатерине II, а вторые — «к общественному мнению», поскольку не отождествляли императрицу с «мудрецом на троне» (с. 20).

Но ведь речь идет не об истории политической борьбы, а об истории общественно-политической мысли и именно мысли, представления, идеи людей должны интересовать нас в первую очередь, а не их отношение к личности того или иного монарха. Что же касается мотивов, по которым высказывались те или иные мысли, выдвигались те или иные предложения, то они, конечно, важны и интересны, но именно их определить чрезвычайно сложно. Так, например, если князь Д. А. Голицын в своих письмах к князю А. М. Голицыну, а фактически — к Екатерине II доказывал полезность освобождения крестьян для самих помещиков, то достаточное ли это основание, чтобы считать его небескорыстным?

Проблема отнесения того или иного деятеля второй половины XVIII в. к определенному направлению общественно-политической мысли вообще оказывается для автора самой сложной. Конкретно-исторический материал упорно сопротивляется и не желает подчиняться навязываемой ему схеме. Так, А. П. Сумароков сперва причисляется к либералам (с. 18, 58), но затем выясняется, что его взгляды на крепостничество практически не отличались от взглядов М. М. Щербатова — «одного из лидеров охранительного течения» (с. 19). Видимо поэтому Сумароков далее характеризуется просто как выразитель позиции «идеологов консервативного направления» (с. 142).

Консервативное направление, по мнению В. И. Морякова, возглавляла сама русская императрица (с. 45). Вместе со Щербатовым она отнесена автором к охранительному течению (с. 58)². Такое соединение вызывает по меньшей мере удивление, ведь хорошо известно, что Щербатов был одним из самых ярких критиков Екатерины и как человека, и как политика. Но в данном случае важнее всего, что он обличал императрицу за то, что «мораль ее состоит на основании новых фило-

софов, то есть не утвержденная на твердом камени закона Божия»³. Весьма существенно различались взгляды императрицы и Щербатова на крестьянский вопрос. Если последний был откровенным сторонником сохранения крепостничества, то Екатерина (и этому есть немало свидетельств) выступала если не за его одновременную ликвидацию, то, по крайней мере, за его постепенное ослабление. Она ратовала за наделение крестьян собственностью хотя бы на движимое имущество и предоставление им личной свободы. В этом она мало чем отличалась от многих из тех, кого автор относит к либералам и просветителям.

Екатерине II в рецензируемой книге вообще не повезло. Трактовка автором ее взглядов не учитывает ни новейших работ отечественных историков, ни тем более многочисленных трудов зарубежных коллег, а изобилует привычными и давно устаревшими штампами. Так, например, вопреки очевидным фактам В. И. Моряков утверждает, что обсуждение крестьянского вопроса в Уложенной комиссии явилось для Екатерины «полной неожиданностью» (с. 129), а в результате журнальной полемики начала 70-х гг. императрица «подверглась публичным нападкам, осмеянию и оказалась в крайне неловкой ситуации» (с. 93). Автор книги считает, что «вместо обновления правовых норм задачей реформы (Екатерины II. — А. К.) было провозглашено установление „законной монархии“» (с. 46). Но это утверждение находится в явном противоречии с фактами. Ведь именно разработкой принципиально нового законодательства императрица и занималась практически все свое царствование. Да и создание «законной монархии» возможно было лишь через обновление правовых норм. Весьма обширный материал об этом имеется в последней работе О. А. Омельченко⁴, а непредвзятый анализ этого материала ясно показывает несостоятельность утверждений вроде того, что «императрица как в законодательной, так и в журнальной деятельности преследовала одну цель: добиться угодного ей единомыслия общества». Что же касается приводимых В. И. Моряковым слов Екатерины «чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит, и чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить», то это отнюдь не призыв к единомыслию. Под ними мог бы подписаться любой здравомыслящий человек вне зависимости от своей партийно-политической ориентации.

В. И. Моряков полагает, что историческая заслуга просветителей в том, что «они поставили вопрос о крепостном праве и судьбе кре-

постного крестьянства» (с. 17). Но разве не по инициативе императрицы был затеян знаменитый конкурс Вольного экономического общества и разве не он положил начало обсуждению в России крестьянского вопроса? Автор цитирует депутата Уложенной комиссии «просветителя» Г. С. Коробьина: «Где никто не имеет собственного имени, там земледелие процветать или в хорошем состоянии быть не может». Но разве та же мысль не была выражена более четко, пусть и не бескорыстно, «либералом» Д. А. Голицыным: «Право собственности составляет необходимое условие процветания наук и искусств, так как основанием этого процветания должно служить земледелие и внутренняя торговля, а земледелие не может развиваться, пока плоды труда не составляют собственности крестьянина»⁵. Эту же мысль находим и в Наказе «охранителя» Екатерины II: «Всякий человек имеет более попечения о своем собственном и никакого не прилагает старания о том, в чем опасаться может, что другой у него отымет». В одной же из записок Екатерина прямо писала: «Великий двигатель земледелия — свобода и собственность»⁶. Формула Наказа много осторожнее, но, оценивая ее, следует помнить, что включение в Наказ общих формул о значении свободы собственности на том этапе могло быть интерпретировано как свобода собственности и над крепостными душами, к чему Екатерина явно не стремилась⁷.

Вообще надо заметить, что В. И. Моряков, по существу, не делает различия между взглядами (именно о них должна идти речь при обсуждении истории общественно-политической мысли) Екатерины II и ее политикой. Так, мнению дореволюционных историков, отмечавших «возвышенные идеи» Наказа и утверждавших, что лишь сопротивление дворянства заставило ее отказаться от своих планов, автор книги противопоставляет «реальную политику» императрицы. Вместе с тем он справедливо замечает, что «Екатерина II понимала, что пойти на какое-либо решение крестьянского вопроса — значит, вызвать взрыв дворянского негодования» (а следовательно, добавим, и лишиться короны), да к тому же и «Россия была экономически не готова к такому повороту» (с. 130). Оставим в стороне вопрос о готовности России к отмене или хотя бы ограничению крепостничества — он увел бы нас слишком далеко от обсуждаемой темы. Но если автор стоит на подобных позициях, то почему бы не признать, что политика Екатерины была попросту хорошо продуманной и реалистичной, а заодно и отделить эту политику от взглядов и идей императрицы, изложенных ею в мно-

гочисленных документах? Может быть, тогда окажется, что она принадлежала не к охранительному направлению, а какому-то иному. Правда, в этом случае, несомненно, нарушится стройность концепции В. И. Морякова.

Остановимся еще на одном вопросе, затрагиваемом в книге. Речь идет о трактовке людьми XVIII в. понятия «равенство». Автор справедливо отмечает, что «французские идеологи буржуазии, провозглашая лозунг равенства... говорили только о равенстве перед законом, так как при сохранении частной собственности об ином равенстве не могло быть и речи». Далее он утверждает, что «дворянские идеологи России» заимствовали у французских просветителей «идеи монархии как возможной формы правления», но при этом «начисто отбрасывалась идея равенства» (с. 43—44). О каком равенстве здесь идет речь? Если о равенстве перед законом, то о нем вполне ясно было сказано в Наказе Екатерины («Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам»). Если же о равенстве имущественном, социальном, то его идею заимствовать у французских просветителей было невозможно, поскольку именно такую форму равенства Вольтер и называл «самой естественной и самой химерической вещью». Позднее эти слова были повторены Екатериной II в письме к А. А. Безбородко, а затем и самим Безбородко в его «Записке для составления законов российских»⁸. Иначе смотрел на эту проблему А. Н. Радищев, полагавший, что «равновесие во властях, равенство в имуществах отъемлют корень даже гражданских несогласий». Однако явной натяжкой выглядит попытка В. И. Морякова доказать тождество этого высказывания русского мыслителя с замечанием Руссо о том, что под словом равенство «не следует понимать, что все должны обладать властью и богатством в совершенно одинаковой мере» (с. 75).

Можно было бы указать еще на ряд подобных натяжек в монографии В. И. Морякова, однако, полагаю, уже и так очевидно, что его концепция имеет немало уязвимых мест. В чем причина этой уязвимости? На мой взгляд, прежде всего в том, что при изучении русской общественно-политической мысли второй половины XVIII в. автор использовал привычные и давно знакомые стереотипы. За исключением отдельных частных сюжетов книга не вносит в представления читателя ничего нового. Автор не сделал даже попытки выйти за рамки традиционно для этой проблематики круга имен и источников. В. И. Моряков убежден, что «архивные материалы немногочисленны, раз-

рознены и касаются лишь второстепенных вопросов» (с. 5). Но разве, например, хранящиеся в наших архивах десятки неизданных и по преимуществу неизученных проектов и записок по самым различным вопросам не могут служить источником по истории общественной мысли? Причем, не исключено, что в этом случае расширился бы и социальный состав представителей общественной мысли. То же можно сказать и о десятках трудов историков, в том числе провинциальных, о мемуарах того времени и т. д. И где гарантия, что расширение источниковой базы не изменило бы в корне наши представления по рассматриваемым проблемам? А постоянно говоря лишь об одном-двух десятках лиц, не обедняем ли мы общественную мысль XVIII в.? Где, например, в схеме В. И. Морякова место Павла I, несомненно обладавшего вполне определенными взглядами по всем затрагиваемым в книге вопросам, или такого незаурядного политического деятеля, как Е. И. Пугачев? Разве манифесты вождя самого мощного казацко-крестьянского восстания в истории России не являются источником по истории общественно-политической мысли? Не ставит книга и новых вопросов. Между тем, как представляется, пришло время, когда развитие общественной мысли нельзя уже рассматривать в отрыве от не только философской мысли, но и национального самосознания, имперской идеологии и других проявлений того, что в современной науке принято называть менталитетом.

Изложенная в книге концепция базируется на восходящих к марксистско-ленинской историографии представлениях о феодализме, капитализме, абсолютизме и непременном стремлении определить классовую сущность всяких общественных идей. Книга изобилует ссылками на Маркса, Энгельса, Ленина, о которых автор пишет как об историках (с. 10). Конечно, В. И. Моряков, как и всякий исследователь, вправе пользоваться той методологией и теми теоретическими положениями, которые считает верными и наиболее для себя приемлемыми. И дело не в том, что его представление об абсолютизме не бесспорно, как не бесспорны и хронологические рамки перехода от феодализма к капитализму в России и многое другое. Вопрос в том, в какой мере основанная на жестких социологических схемах методология вообще применима к изучению общественной мысли, менталитета, в какой мере историю общественной мысли можно увязывать со сменой общественно-экономических формаций. Менталитет, сознание отдельного человека и целого общества определенного исторического периода

слишком сложны, слишком многомерны, чтобы анализировать их при помощи столь грубого инструмента. Книга В. И. Морякова, на мой взгляд, убедительно показывает необходимость поиска новых подходов и новых источников, выработки нового взгляда на ставшие уже привычными сюжеты и кажущиеся хорошо изученными тексты, постановки новых проблем.

А. Б. Каменский

Примечания

¹ Ср.: История общественной жизни «включает в свое рассмотрение социально-политические, экономические, правовые, нравственные, философские, эстетические и литературные учения и идеи определенного времени» (Методологические проблемы истории философской и общественной мысли. М., 1977. С. 28).

² Впрочем, в специально посвященной Екатерине II статье, вышедшей уже после опубликования книги, В. И. Моряков пишет об императрице только как о консерваторе, не упоминая о ее принадлежности к охранительному течению (Моряков В. И. Политические и социальные идеи консерватизма в «Наказе» Екатерины II // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1995. № 1. С. 3—10).

³ О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Факсимильное издание. М., 1984. Приложения. С. 119.

⁴ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.

⁵ Цит. по: Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888. С. 31.

⁶ Записки императрицы Екатерины Второй. СПб., 1907. С. 646.

⁷ См. подробнее: Каменский А. Б. Словесная политика Екатерины II // Вопросы истории. 1995. № 3.

⁸ См.: Каменский А. Б. «Записка для составления законов российских» князя А. А. Безбородко в контексте истории реформ в России // Россия в X—XVIII вв.: Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1995. С. 212.

Выход в свет новой книги, посвященной истории общественной мысли XVIII в. в России — явление, имеющее не только научное, но и общественное значение вследствие глубокого интереса к истории политических учений и отечественной культуры, а также в связи с развернувшейся в нашей стране широкой дискуссией о путях развития России как в прошлом, так и в ближайшем будущем.

Определяя свою исследовательскую задачу, В. И. Моряков подчеркивает, что, несмотря на обширнейшую историографию темы, «нет исследований, дающих целостное представление о русском просветительстве второй половины XVIII в. как направлении общественно-политической мысли» (с. 4). Именно такую задачу взял на себя автор рецензируемой монографии.

Одной из важнейших проблем при этом было определение круга источников. Помимо традиционных для названной темы источников — политических, философских, педагогических сочинений, литературных произведений, публицистики — автор привлек материалы Уложенной комиссии 1767—1768 гг. и Вольного экономического общества. Это позволило не только расширить источниковую базу исследования, но и, что чрезвычайно важно, проследить непосредственную связь между философскими и этическими концепциями и попытками их реализации, т. е. воплощения в политической практике, а это, в свою очередь, положительно повлияло на уровень научных наблюдений и обоснованность выводов. Говоря об источниках, привлеченных В. И. Моряковым, следует также подчеркнуть, что в монографии очень широко используется метод сопоставительного анализа, как текстуального, так и концептуального, памятников просветительской мысли России XVIII в. и сочинений французских просветителей (Д. Дидро, Вольтера, Ж. Ф. Мармонталя, Ж. Ж. Руссо, Г. Т. Р. Рейналя), которые наряду с источниками русского происхождения органически включены в ткань исследования.

Естественно, что перед автором стоял целый ряд весьма сложных методологических и историографических проблем, связанных с определением фундаментальных понятий, характеризующих эпоху Просвещения, ее общие черты и региональные особенности, социально-политические факторы развития, структуры общественного сознания, хронологические рамки и основные этапы развития. Именно эти вопросы стали предметом рассмотрения в первой главе — «Основные проблемы изучения русского просветительства».

При формировании концепции истории русского просветительства В. И. Моряков исходит из преемственности российской историографии. Он выделяет следующие этапы: 1) конец XIX — начало XX в., когда просветительская тенденция в России рассматривалась исключительно как результат европейского влияния и как единый литературный поток, главными чертами которого были постепенное осознание национального

единства культуры и критика нравов, в том числе и в социально-политической области (последнему аспекту особое внимание уделили Г. В. Плеханов и М. Н. Покровский, которые указали также на внутреннюю противоречивость просветительства в России); 2) 1920—1930-е гг., когда был отвергнут тезис о «несамостоятельности» русского просветительства; 3) 1940 — первая половина 1950-х гг., когда во взглядах на просветительство утвердилась марксистская концепция, в которой, правда, проявились и элементы поверхностного, догматического подхода; 4) со второй половины 1950-х гг. по настоящее время, когда эпоха Просвещения и русское просветительство стали предметом широкого и многопланового исследования. Такая позиция автора представляется не только обоснованной, но и плодотворной, ибо его исследование базируется на достижениях и критическом осмыслении опыта отечественной историографии. В связи с этим нельзя не сказать об отношении автора к марксистской концепции Просвещения и к вопросу о влиянии взглядов В. И. Ленина на изучение данной проблемы. Думается, что замалчивание марксистской концепции, так же как и ее голословное осуждение едва ли будут полезны для науки хотя бы уже потому, что ее развитие осуществлялось поколениями ученых и она не сводится к толкованию тех или иных цитат, а явилась следствием многолетней творческой исследовательской работы, результаты которой, безусловно, нуждаются в аргументированной научной критике, но никак не должны стать предметом необоснованного отрицания. В. И. Моряков в своей концепции Просвещения исходит из марксистского понимания соотношения общественного бытия и общественного сознания, а также классовой природы идеологии. Такая позиция отражает принципиальность ученого, его монистический подход к анализу такого исторического явления, как Просвещение, в отличие от свойственного сейчас некоторым исследователям эклектического соединения элементов формационной и цивилизационной моделей исторического развития.

Давая определение Просвещения, автор подчеркивает, что «это не стадия развития культуры, а тип общественного сознания периода перехода от феодализма к капитализму... Он строился на материалистическом сенсуализме в теории познания, направленном против провиденциализма, на признании великой силы человеческого разума. Идеи Просвещения отражали сущность XVIII в. и воспринимались представителями всех направлений тогдашней

общественно-политической мысли» (с. 12—13). По мнению В. И. Морякова, Просвещение и просветительство представляют собой различные, несовпадающие явления. В отличие от Просвещения просветительство выступает «как антифеодалная, по сути своей буржуазная идеология, рождается в различных странах и в разное время, но, как правило, в условиях разложения феодальной системы. Его развитие определяется прежде всего уровнем социально-экономического развития страны, степенью остроты социальных противоречий» (с. 14).

Эти два определения имеют для автора принципиальное значение, ибо с ними связаны и периодизация Просвещения и просветительства, и представление о причинах их региональных и национальных особенностей, в первую очередь тезис о национальном характере русского просветительства, наконец положение о консервативной, охранительной идеологии, противостоящей просветительству. Эта концепция является ведущей в отечественной историографии. Вслед за своими предшественниками В. И. Моряков развивает ее на основе конкретно-исторического исследования обширного и яркого материала источников.

Однако в связи с этим возникает ряд дискуссионных проблем. Во-первых, обращает на себя внимание всеевропейское звучание идей Просвещения, которые существуют как бы вне государственных границ. Более того, идеальное общество в представлении просветителей было лишено какого-либо национального своеобразия: различия между народами, обусловленные ныне природой и уровнем воспитания, должны исчезнуть в будущем. Как нам представляется, это объясняется тем, что идеология эпохи Просвещения отражала в первую очередь кризис европейской феодально-абсолютистской системы, по-разному выразившийся в различных странах, например, во Франции и в России, и для ряда стран ее связь с внутренними противоречиями была в той или иной мере опосредованной. Во-вторых, как справедливо замечает сам автор, идеи Просвещения воспринимались представителями всех направлений тогдашней общественной мысли. Это всеобщее восприятие, универсальный характер идей Просвещения наводят на мысль о том, насколько правомерно исключение из области просветительской мысли различных консервативных концепций или клерикальных теорий. Поэтому можно, наверное, рассматривать комплекс идей, образующих мировоззренческую систему эпохи Просвещения не как идеологию в ее законченном виде, а как некую форму, в рамках которой

происходило становление и идеологическое оформление различных по своей как идейной, так и социально-политической направленности общественных движений. В. И. Моряков совершенно прав, когда указывает на принципиальное неприятие просветителями крайних форм феодальной реакции, которые они обозначали понятиями «тирания» или «рабство». Однако вполне допустимы были, по их мнению, теории «истинной монархии» или же сословное неоправдание, что делало просветительские концепции при определенных условиях весьма приемлемыми как для сторонников равенства и братства, так и для защитников феодальных привилегий, что, в свою очередь, нередко затрудняет классификацию этих теорий по признаку их социально-политической ориентации.

Связывая возникновение просветительских идей в России с началом разложения во второй половине XVIII в. феодально-крепостнического строя и постановкой «крестьянского вопроса» в общественной жизни страны, автор обосновывает хронологические рамки и этапы развития просветительства в России: 1) начало 1760—1770-е гг.; 2) 1780—1790-е гг.; 3) начало XIX в., до восстания декабристов. Однако следует подчеркнуть, что предложенная В. И. Моряковым периодизация естественно вытекает из содержания исследования, из внутренней логики развития русского просветительства, отразившейся в источниках, а не является простой данью традиции. Совпадение же хронологических рубежей социально-политической истории и истории общественной мысли является еще одним свидетельством научной корректности проведенного исследования. Полемизируя со сторонниками мнения о возникновении просветительских идей в России на рубеже XVII—XVIII вв., автор обоснованно определяет время формирования русского просветительства началом 1760-х гг., когда в общественной мысли возникает критическое отношение к существующему общественному строю и его ключевым элементам: крепостничеству и абсолютизму. Завершается исследование 1790-ми гг., когда идеи века Просвещения, казалось бы, нашли путь к своему воплощению в деяниях Великой Французской революции, а в России впервые с революционными идеями выступил А. Н. Радищев. Крестьянская война в России под руководством Е. И. Пугачева делит исследуемый период на два этапа.

Рассматривая историю русского просветительства второй половины XVIII в., В. И. Моряков сосредоточил внимание на тех проблемах, которые были, с одной стороны, характерны для просветительства в целом, а с другой —

являлись ключевыми для русской просветительской мысли, ибо были в первую очередь обусловлены внутренними противоречиями тогдашнего российского общества. Это — представления о взаимоотношениях государства и общества, о роли воспитания и просвещения в общественном развитии и о путях решения «крестьянского вопроса». Названным проблемам посвящены II—IV главы. Именно указанные проблемы, по сути дела, в течение столетия, до середины XIX в., если не далее, определяли внутриполитическое развитие России, кардинально влияли на размежевание направлений общественного движения. Зародились эти проблемы в 60-е гг. XVIII в.; у их истоков стояли русские просветители. Это обстоятельство, пожалуй, наиболее убедительно подтверждает обоснованность избранных автором для рассмотрения центральных вопросов. В. И. Моряков исходил из внутренней логики, структуры просветительских идей, однако, как показало исследование, она оказалась вполне адекватной общественно-политическим процессам в России, что убедительно свидетельствует в пользу авторской концепции.

Итак, конкретный анализ русского просветительства ученый начинает с рассмотрения теорий общественного договора в России, проводя детальный сопоставительный анализ по данному вопросу взглядов русского и французского «классического» просветительства. Хочется обратить внимание на мысль автора о том, что само по себе представление о естественном праве и общественном договоре означало отрицание сословного строя через развертывание понятия его историчности, а следовательно, и конечности (с. 39—40). Именно сформулированное просветителями отношение к сословному строю, выраженное антиномиями: «рабство» — «свобода», власть — суверенитет монарха или народа, их синтез в рамках договорной теории послужили основой для формирования направлений общественно-политической мысли в России. В. И. Моряков определяет их как консервативно-охранительное, выразителями которого были Екатерина II и М. М. Щербатов, умеренно-консервативное (Н. И. Панин, А. П. Сумароков и др.), просветительно-реформаторское (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, А. Я. Поленов, С. Е. Десницкий и др.) и революционное (А. Н. Радищев). Думается, что характеристика направлений общественной мысли и их представителей, данная автором, является одним из существенных достижений рассматриваемой книги по ряду причин: во-первых, развитие направлений и взглядов их представителей проанализированы исторически, т. е. в развитии и в

рамках принятой периодизации; во-вторых, на основе единой системы критериев и общего методологического подхода; в-третьих, в сопоставлении с аналогичными концепциями европейской просветительской мысли. В. И. Моряков убедительно обосновал наличие двух фундаментальных направлений общественно-политической мысли: консервативного и прогрессивного. Только второе, по мнению автора, может быть отнесено к просветительству, исходя из его фундаментального свойства как идеологии, утверждающей свободу личности, равенство людей и отрицание сословного строя. Вместе с тем представляется дискуссионным внутреннее деление основных направлений, предложенное автором. Признавая его правомерность, хотелось бы высказать все же ряд соображений.

Существование среди консерваторов тех или иных группировок объяснялось не столько идейными расхождениями, сколько придворной борьбой, различными представлениями о мере дворянских привилегий и способах их установления или сохранения. Борьба за влияние на императора или манипуляция с его стороны своим окружением еще не свидетельствуют о борьбе общественной. Появление общественных движений, их идейная и структурная дифференциация связаны, по нашему мнению, с разложением сословного строя, когда на этой основе все больше и больше развивается несовпадение интересов реальных сложившихся или складывающихся социальных групп со становящимися все более формальными сословными объединениями. При феодализме общественная борьба выражается в столкновении сословных интересов, в буржуазном обществе — общественных движений. Во второй половине XVIII в. Россия была лишь в самом начале перехода от первого ко второму. Поэтому едва ли можно ожидать от данного этапа зрелых форм дифференциации общественных движений и общественно-политической мысли.

Исследуя взгляды русских просветителей на роль просвещения и воспитания в развитии общества, В. И. Моряков не ограничился узкоспециальным анализом поставленных проблем, а рассмотрел их в контексте основных тенденций развития культуры, в связи с фундаментальными проблемами этики эпохи Просвещения, воплощенными в понятиях «свобода», «вольность», «покорность». Соединение этики и политики в воззрениях русских просветителей наиболее полно и вместе с тем исторически конкретно проявилось в их отношении к крепостному праву, в их позиции по «крестьянскому вопросу».

Завершает монографию глава, посвященная

эволюции русского просветительства и отношению просветителей к революционным событиям рубежа XVIII—XIX вв. В. И. Моряков верно указал на непосредственное воздействие и опосредованное влияние революционных событий на философские и политические взгляды деятелей просветительства, на переосмысление ими ряда конкретных вопросов отношений собственности, государственного устройства, методов политической борьбы. Когда идеальное «государство разума» оказалось в действительности, как позже писал А. И. Герцен, «республикой лавочников», впервые в России, пока еще глухо, прозвучал вопрос о соотношении революционной мысли и революционной практики.

Значение революционной эпохи для русско-

го просветительства и для Просвещения в целом В. И. Моряков выразил словами: «Для выявления противоречий и слабых сторон просветительской идеологии в период мирного развития общества были необходимы годы. В период революции, когда теория проверяется революционной практикой, ее противоречивость, слабые стороны, ограниченность обнаруживают себя очень быстро» (с. 197).

Б. В. Носов

Примечание

* Об этом см.: Europäische Aufklärung (en). Einheit und nationale Vielfalt (Studien zum achtzehnten Jahrhundert). Hamburg, 1992.

О. Е. Г Л А Г О Л Е В А. РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ СТАРИНА. Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII — первой половины XIX в. Тула: Ритм, 1993. 207 с. с илл. Тир. 4000

Как известно, провинция во многом определяет лицо страны. В переломные моменты истории России именно провинция брала на свои плечи спасение Родины. Так было, к примеру, в Смутное время начала XVII в. И в наши дни, когда страна вновь оказалась перед выбором, роль российской «глубинки» трудно переоценить. Вместе с тем значительно возрос и интерес к краеведению.

Валет краеведения в 20-х гг. нашего столетия был вызван трагическими революционными событиями. В сборниках тех лет «Московский край в его прошлом» участвовали авторы, которые впоследствии стали звездами первой величины в исторической науке. Достаточно назвать имена М. Н. Тихомирова и Н. М. Дружинина. Железная рука Сталина раздавила это общественное явление, а многие историки-краеведы заплатились жизнью.

С конца 40-х гг. началось медленное возрождение отечественного краеведения. В 80-х гг. краеведение обрело широкие масштабы, о чем свидетельствуют союзные конференции краеведов.

Рецензируемая книга О. Е. Глаголевой, как и предшествующая ее работа — «Тульская книжная старина» (Тула, 1992), убедительно показывает плодотворность этого движения. Автору удалось избежать главного порока крае-

ведческой литературы — описательности — и представить весьма добротное исследование, сохранив одно из лучших качеств этой литературы — занимательность, «читабельность».

Уже Предисловие, которое в монографиях обычно посвящается источниковедческому обзору и постановке проблемы исследования, в рецензируемой работе выполняет эти же задачи занимательно, изящно, ненавязчиво. В книге — семь глав и очень ценное приложение — «Список писателей и ученых Тульской губернии XVIII — первой половины XIX в.», содержащий краткие сведения о каждой персоналии (221 фамилия). Издание содержит 57 удачно подобранных и хорошо отпечатанных иллюстраций.

Рассмотрим вкратце его содержание. В первой главе дан краткий очерк, посвященный характеристике Тульской губернии в XVIII — первой половине XIX в. В нем приводятся географические, демографические, социально-экономические показатели, в достаточной концентрации собраны и бережно препарированы сведения из соответствующей литературы.

Вторая глава целиком посвящена характеристике Тулы и двенадцати других городов губернии. Автор идет вслед за своими предшественниками (В. А. Левшиным, П. И. Малицким, Н. Ф. Андреевым, А. П. Рудаковым, Н. А. Малевановым и др.), составившими очерки об отдельных

городах губернии. Очень хорошо, что читатель, знакомясь с описаниями городов, сможет идентифицировать современные названия улиц с прежними.

Следующие три главы повествуют о развитии образования в губернии, о ее ученых и писателях, о театре и музыкальном искусстве. Все они написаны на основе тщательного изучения источников, из которых автор извлекает необходимые данные. Он подчеркивает роль известного ученого, писателя и общественного деятеля А. Т. Болотова в становлении народного образования в Тульской губернии. Можно сказать, что столь полный очерк развития образования в губернии дан впервые, ибо А. Г. Дружинин писал только о начальном образовании^{*}.

Новизной материала отличается четвертая глава. Автор различает Просвещение — систему взглядов, основанную на рационализме, где Вольтер, Екатерина II и даже Фридрих II стоят рядом, и просветительство, носившее антикрепостнический характер. Болотов — «просвещенец», Радищев — просветитель. Эта формула определяет авторское понимание терминов.

Имея такого квалифицированного предшественника, как Н. А. Милонов с его книгой «Русские писатели и Тульский край» (Тула, 1971), О. Е. Глаголева поставила задачу выявить всех писателей, а не только лучших и известных. Составленный ею список свидетельствует об успешном выполнении задачи, не столь литературоведческой, сколь историко-библиографической. Автор справедливо замечает, что широко распространенное «писательство» создавало почву для проявления наиболее талантливых и свидетельствовало об уровне провинциальной культуры и просвещенческих усилий ее деятелей. Эта сравнительно обширная глава содержит наряду с описаниями жизни и творчества таких фигур, как А. Т. Болотов, В. А. Левшин, В. А. Жуковский, братья Киреевские, А. С. Хомяков, биографии лиц полузабытых: А. П. Зонтаг (1786—1864), известной в свое время детской писательницы и переводчицы; С. Д. Нечасова (1792—1860), автора декабристских изданий, ставшего в 1833 г. обер-прокурором Синода, и целой плеяды других. О. Е. Глаголевой удалось документально доказать принадлежность романа «Семейство Холмских» Д. Н. Бегичеву

(1786—1855), авторство которого до сих пор считалось лишь предположительным (с. 112).

Особую ценность представляют приведенные в книге сведения о трудах разночинцев. К примеру, упоминается жизнеописание А. Булыгина «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работах», изданное в 1797 г. Автор — оружейник, скорее всего неграмотный, продиктовал свои мемуары в форме рифмованного народного сказа. Другой такой автор — веневский купец Д. Е. Бородин, хорошо известный как «писака и чтец превеликий» А. Т. Болотову, сочинил «Веневскую историю».

В главе, посвященной театру, выделим сообщение о серьезном увлечении оружейников игрой на музыкальных инструментах и хоровым пением. Миниатюрная глава «Дворянская усадьба как культурный центр» содержит материал, который перекликается с рассказом о дворянском быте в следующей, последней главе «Быт жителей Тульской губернии». Очевидно, выделяя в особую главу описание дворянской усадьбы, О. Е. Глаголева следовала давней традиции краеведов. Важно, что ей удалось собрать материал о быте низших сословий, в частности оружейников — особого слоя мещанства Тулы.

Очень ценное приложение, о котором уже говорилось, при придирчивом анализе обнаруживает противоречивость подхода автора к отбору персоналий. Одно дело — непосредственные деятели провинциальной, собственно тульской культурной среды, другое — выходцы из Тульской губернии, проявившие себя на иной почве. В списке этого различия нет. Правда, такому смещению можно найти оправдание: оно отражает взаимопроникновение столичной и провинциальной культур.

В Послесловии автор подчеркивает, что книга, предлагаемая на суд читателя, — плод многолетнего труда. Нужно сказать, что труд этот оправдал себя.

Б. Г. Литвак

Примечание

^{*} Дружинин А. Г. Начальное образование в Тульской губернии с 1800 по 1900 г. Тула, 1901.

А. ГЕЙФМАН. УБИЙ: РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ В РОССИИ. 1894—1917. Принстон, 1993. XII. 376 с.*

Профессор Бостонского университета Анна Гейфман написала нужную и своевременную, но и спорную книгу. Как ни парадоксально, русский революционный терроризм начала века, сыгравший огромную роль в жизни страны, потрясший современников, впечатляюще отображенный русской литературой («Рассказ о семи повешенных», «Губернатор» Л. Андреева; «Петербург» Андрея Белого; «Конь Бледный» и «То, чего не было» В. Ропшина-Савинкова и др.), был практически «не замечен» советской исторической наукой.

Но, впрочем, это и неудивительно. Признать крупную роль терроризма в политической жизни страны означало «преувеличить» значение «мелкобуржуазных» партий или, что было еще «хуже», указать на причастность к терроризму большевиков, официально индивидуальный террор отвергавших. Отсюда и соответствующие оценки: «Политические... итоги террора социалистов-революционеров оказались равны нулю»¹; «В целом эсеровский террор не оказал сколько-нибудь заметного влияния на ход революции» (1905—1907 гг.)². И лишь в последние годы в нашей литературе стали появляться более взвешенные характеристики: «В целом революционный террор не оказал в 1905—1907 гг. большого влияния на ход событий, хотя и отрицать его значение как фактора дезорганизации власти и активизации масс не следует»³. Убедительно показано неоднозначное отношение В. И. Ленина к терроризму в монографии Д. Б. Павлова⁴.

Больше внимания различным аспектам проблемы революционного терроризма в России начала века уделялось зарубежными историками. Укажу на монографии и статьи О. Радки, М. Хилдермейера, Э. Найт, А. Ашера и др.⁵ В то же время проблема терроризма как самостоятельная исследовательская задача не ставилась и надо, по-видимому, признать справедливым замечание М. Меланкона, что никто всерьез этот феномен не изучал, хотя «каждый уверенно о нем рассуждал»⁶.

Книга А. Гейфман, написанная на основе широкого круга источников, в том числе материалов из архива партии социалистов-революционеров (Международный институт социальной истории, Амстердам), архива заграничной «охранки» и собрания Б. И. Николаевского (Гуверовский институт войны, революции и мира, Стэнфордский университет) и в

незначительной степени материалов ГАРФ, в известной мере закрывает это «белое пятно» в историографии.

А. Гейфман показала подлинный размах терроризма в Российской империи. Только в период революции 1905—1907 гг. террористами было убито и ранено около 4500 государственных служащих различного уровня. «Попутно» было убито 2180 и ранено 2530 частных лиц. Всего же в 1901—1911 гг. жертвами террористических актов стали около 17 тыс. человек (с. 21). Активность террористов наблюдалась на всей территории империи, от Польши и Прибалтики до Закавказья. Автор рассматривает роль и место террора в тактике как национальных партий (дашнакцутюн, ППС и др.), так и общероссийских.

Отдельные главы А. Гейфман посвятила тактике террора в деятельности эсеров (как «ортодоксов», так и раскольников — «максималистов»), не добавляя, впрочем, существенно нового к уже известному в литературе, и социал-демократов. Автор достаточно убедительно показывает, что антитеррористическая риторика «эсдеков» периода «Искры» и «Зари» не помешала им взять на вооружение раскритикованную ими тактику в годы первой российской революции. Это касалось не только большевиков, но и меньшевиков, и «националов» — бундовцев, латышских, польских и литовских социал-демократов. Да и в теории прежняя «строгость» по отношению к терроризму сошла на нет. Достаточно, добавлю от себя, перечитать письма и статьи В. И. Ленина этого периода. После поражения революции большевики, вопреки постановлению IV съезда РСДРП, не отказались от практики экспроприаций, неизбежно сопряженной с насилием, что, как известно, привело к ряду крупных внутрипартийных и международных скандалов (с. 84—122).

Особое внимание в рецензируемой книге уделяется «террористам нового типа» (с. 123—153). Их особенностью автор вслед за П. Б. Струве считает «слияние „революционера“ с „разбойником“, освобождение революционной психики от всяких нравственных ограничений» (с. 6). Любопытно, что, цитируя Струве, А. Гейфман раскавычила слова «революционер» и «разбойник», придав его высказыванию буквальный характер⁷. К «террористам нового типа» А. Гейфман относит прежде всего

анархистов и членов различных экстремистских групп, партийность которых с трудом поддается идентификации. Для них (как, впрочем, и для многих рядов эсеров и эсдеков) средства нередко подменяли цель, террористическая деятельность становилась способом выхода природной агрессивности или «архиреволюционного» темперамента, а экспроприации, или, по более точной терминологии, которую употребляет А. Гейфман, — «идеологически мотивированные грабежи» — источником существования. Большая часть жертв терактов начала века, по ее мнению, находится «на совести» анархистов и примыкавших к ним групп, не обремененных идеологией.

Отсюда — один шаг до пересечения грани между идеологически мотивированными преступлениями и обычной уголовщиной. Автор посвящает этой «изнанке революции» специальную главу (с. 154—180), анализируя участие в террористически-экспроприаторской деятельности криминальных элементов, а также людей с психическими отклонениями и несовершеннолетних, привлеченных «робингудовской» романтикой. Одна из декларированных ею целей исследования — «демистифицировать и деромантизировать русское революционное движение» (с. 7). Решению этой задачи способствуют приводимые автором многочисленные эпизоды, свидетельствующие о весьма «легком» отношении «террористов нового типа» к пролитию человеческой крови, а также подбор фотографий — обугленные трупы или лицо, «обработанное» серной кислотой.

Моральную ответственность за разгул терроризма А. Гейфман возлагает на либералов, в особенности на кадетов, отказавшихся с трибуны Государственной думы осудить террористов (с. 207—222). Здесь очевидно влияние на автора взглядов А. И. Соложеницына, чье художественное исследование «Август Четырнадцатого» она даже включила в список использованной литературы.

Обоснованными выглядят мысли автора, что массовое насилие было не единственным, а может быть, и не главным фактором первой российской революции. Терроризм играл не меньшую (с чем я вполне солидарен) роль. Справедливо наблюдение Гейфман и о том, что террор практиковали все революционные партии. Правда, мне представляется преувеличенным мнение автора о том, что многолетний террористический прессинг настолько морально подавил государственных служащих, что они фактически без сопротивления капитулировали в марте 1917 г. (с. 249—250).

Отсутствие либеральной традиции и устойчивого среднего слоя обусловило экс-

тремистские формы политической борьбы в России. А. Гейфман солидарна с ведущим специалистом по терроризму У. Лакером, что терроризм — болезнь открытых обществ, демократий или слабых автократий. Репрессивные режимы с подконтрольными mass media от терроризма не страдают. Этим автор объясняет пассивность опытных русских террористов, противников большевистского режима, после октября 1917 г. (с. 252). Так что нас, жителей современной России, может отчасти «успокоить» то, что терроризмом «переболели» ФРГ, Япония, Италия — т. е. страны, совершившие переход от тоталитарных или корпоративных режимов к демократии.

Соглашаясь со многими выводами и наблюдениями А. Гейфман и отдавая должное проделанной ею кропотливой работе, не могу не высказать и ряд принципиальных возражений относительно ее концепции. Мне кажется, что негативное воздействие на ее труд оказало то, что обычно инкриминировалось советской исторической науке — идеологическая установка. Для нее революционеры — только экстремисты, использующие любые средства в борьбе против легитимной власти. Симпатии Гейфман откровенно на стороне этой власти, которую она иногда упрекает задним числом за непринятие своевременно жестких мер. Временами кажется, что автор смотрит на события из окна Департамента полиции. Хотя в конце книги и упоминается о взаимной ответственности сторон за события 1905 г. (с. 252), вся она, по сути, является обвинительным актом — не только против терроризма (с чем можно только согласиться), но и против террористов. А вот с последними дело обстояло гораздо сложнее. Считать их всех злодеями и убийцами по природе не приходится. Поэтому историк, как мне представляется, должен выступать не только с позиций прокурора, но и адвоката, т. е. попытаться если не оправдать, то по меньшей мере понять обе стороны.

На мой взгляд, А. Гейфман это не удалось. Отсюда и односторонний подбор (или трактовка) источников. Возможно, впрочем, что опора прежде всего на источники полицейского происхождения сыграла с автором злую шутку. Гейфман полагает, что документы «охранки», несмотря на некоторую тенденциозность, заслуживают доверия (с. 10). Но, во-первых, сведения розыскных органов могли быть, и нередко бывали, недостоверными — «источники», освещавшие деятельность революционных организаций даже изнутри, давали картину неполную в силу недостаточной информирован-

ности, а то и сознательно, не желая «подставить» себя. Далеко не все охранники могли правильно понять мотивы поведения революционеров. Во-вторых, охранники частенько преследовали цели, далекие от «государственных».

Так, Гейфман, ссылаясь на донесения ростовской «охранки», пишет, что участники еврейской самообороны, собираясь в синагогах, слушали подстрекательские речи ораторов, после чего открывали стрельбу на улицах, причем ранили нескольких прохожих, включая детей. Среди участников самообороны местные революционные лидеры «набрали» боевую группу для покушений на некоторых лиц городской администрации, включая градоначальника, и нападения на полицейских чинов.

От этой «информации» за версту несет фальшивкой. Ну с чего бы это участники самообороны, собираясь в синагоге, очевидно, расположенной в еврейском квартале, палили по прохожим? Более чем странной выглядит и вербовка террористов в синагоге. Мне пришлось читать подлинный рапорт начальника Донского охранного отделения ротмистра П. П. Заварзина, копия или изложение которого, вероятно, оказалась в архиве заграничной «охранки». Рапорт адресован ростовскому градоначальнику. Цель его совершенно ясна — Заварзин хотел «выбить» солдат и казаков для усиления охраны жандармского управления и вверенного ему отделения, для чего и нагнетал страсти⁸.

В другом месте, ссылаясь на воспоминания того же Заварзина, Гейфман приводит эпизод, когда двое юнцов, услышав на митинге, что все жандармы — враги народа, застрелили престарелого подполковника Иванова, который после 25-летней службы в железнодорожной жандармерии ни о чем, кроме пенсии, не думал и вообще политикой не интересовался (с. 326). На самом деле ситуация выглядела несколько иначе. 15 июля 1905 г., во время стычки с забастовщиками на ростовском вокзале, Иванов приказал рубить смутьянов. Один из них, рабочий В. Антипов, был убит, несколько человек ранены.

После этого группа «организованных» рабочих — социал-демократов подготовила и осуществила убийство Иванова. Полиция, как нередко бывало, арестовала не тех, и перед судом предстали люди, не принимавшие непосредственного участия в организации теракта. Этот случай, кстати, описан в литературе⁹. Приведенные эпизоды показывают, насколько осторожно нужно относиться к источникам полицейского происхождения, как, впрочем, и к революционным «житиям».

Приведу еще один образец того, как отно-

шение исследователя приводит, скажем так, к не совсем точной расстановке акцентов. Гейфман пишет, что Е. А. Измайлович, тяжело ранившую адмирала Г. П. Чухнина, расстреляли разгневанные матросы (с. 68). На самом деле по приказу легко раненого адмирала (по другой версии, его жены) террористку привязали к дереву во дворе адмиральского дома и расстреляли¹⁰. Этот трагический эпизод показывает, что противоборствующие стороны, были, увы, «достойны» друг друга.

Одна из центральных идей автора — то, что в начале XX в. господствовал новый тип террористов, скорее предшественников современных экстремистов, нежели преемников российских террористов XIX в. Они не слишком интересовались теорией, нередко действовали исходя из своих собственных побуждений, а не по решению какой-либо партии. Наиболее характерный пример — убийца П. А. Столыпина Д. Г. Богров. Полагаю, что Гейфман нарисовала несколько одностороннюю картину. Терроризм начала XX в. имел как бы два слоя, два этажа: террор партийный, централизованный, организаторы и исполнители которого исходили из определенных идейных и этических установок, и террор массовый, низовой. Террористические идеи, попав на почву нищеты, озлобленности, примитивного мышления, приобрели формы, неожиданные вероятно, даже для авторов, что, конечно, не снимает с них ответственности. И не снимает с исследователей задачи изучать идейные основы революционного терроризма. Гейфман уделяет теориям террора подчеркнуто незначительное внимание, посвящая, к примеру, идейным основам эсеровского террора две странички. Она полагает, и во многом справедливо, что между возвышенной риторикой теоретиков и кровавой реальностью российской революции — достаточно большая дистанция. Думаю, все же, что она гораздо короче, чем это представлено в книге Гейфман. Вначале все-таки было слово. Еще в 1898 г. один из основателей партии эсеров Х. О. Житловский писал, что народовольческий террор оказался безрезультатным потому, что не был «политическим террором рабочей партии». Успех придет к революционерам в том случае, если террор станет «орудием борьбы целого общественного класса, который не переловишь и не перевешаешь, как переловлен и перевешан был „Исполнительный комитет“»¹¹. Эсеры извели много бумаги, стремясь показать, как можно соединить терроризм и массовое движение. Материал, приведенный в том числе и в книге Гейфман, убеждает, что извели они ее не зря.

Довольно отчетливо прослеживается и связь терроризма 70—80-х гг. XIX и начала XX в. Не только в идеологии, но и в практической области. Увы, уже народовольцы не больно считались с возможностью гибели посторонних людей при терактах. Это проявилось не только при взрыве в Зимнем дворце и царевубийстве 1 марта. Лишь чудом обошлось без жертв при взрыве царского поезда 19 ноября 1879 г. Вряд ли обошлось бы без многочисленных жертв, удайся задуманный Исполнительным комитетом взрыв Каменного моста в Петербурге при проезде царя и т. д. Появление террористов «ниоткуда», действовавших под влиянием атмосферы, настроения — тоже не феномен XX в. Напомню покушение И. О. Млодецкого на М. Т. Лорис-Меликова, причем совершенное тогда, когда о характере деятельности только что назначенного «диктатора» еще трудно было судить.

Иногда автор, как мне кажется, утрачивает историческую перспективу, объявляя, к примеру, брошюру одного из идеологов максимализма — И. Павлова — «Очистка человечества» беспрецедентной не только для русской революционной традиции, но и для современной радикальной мысли вообще. Свирепые идеи Павлова о разделении человечества на две расы — не по этническому, а по этическому принципу, и последующей изоляции и истреблении испорченной расы эксплуататоров, конечно, вызывают оторопь (с. 81—83). Но Павлов, увы, был не первым, предлагавшим столь крутые меры для улучшения человеческой породы. Его брошюра — едва ли не парафраз известного эссе Карла Гейнцена «Убийство» (1849), в котором человечество также делилось на две «партии» — «партию свободы» и «партию варваров», причем для торжества «партии свободы» «партию варваров» предлагалось физически уничтожить. По подсчетам Гейнцена, необходимо было истребить 2 млн. человек¹².

Совершенно правомерен психологический (скорее, даже психоаналитический) анализ, которому Гейфман подвергает некоторых из «героев» своей книги. Террористический акт, вслед за которым следовала почти неизбежная гибель террориста, требовал колоссального напряжения психики. Пойти на убийство и самопожертвование мог далеко не каждый. Среди террористов были и люди со стальными нервами, и приближающиеся по типу к религиозным фанатикам и, бесспорно, лица с заметными психическими отклонениями. Правда, «ставить диагноз» мы можем теперь в основном по косвенным данным. Поэтому те или иные заключения требуют от историка сугубой осторожности.

Возможно, что некоторым из боевиков

действительно была свойственна страсть к разрушению, а иным — к саморазрушению, возможно, что участие в теракте было скрытой формой самоубийства. Однако, даже если поведение некоторых революционеров, к примеру, Камо или Фрумы Фрумкиной, действительно кажется неадекватным, основываться только на косвенных данных, думаю, некорректно. Какое заключение можно вывести из свидетельства, что Зинаида Конопляникова «шла на смерть как на праздник» (с. 169). Означало ли это тягу к смерти или воплощение в жизнь фразы из программной статьи в «Революционной России» «Террористический элемент в нашей программе», что террористическая борьба «подняла бы высоко престиж революционной партии в глазах всех окружающих, доказав на деле, что революционный социализм есть единственная нравственная сила, способная наполнять сердца таким беззаветным энтузиазмом, такой жадной подвигам самоотречения, и выдвигать таких истинных великомучеников правды, радостно отдающих жизнь за ее торжество!»¹³ И не есть ли воспоминания о «радостно взшедших на эшафот» — соблюдение норм партийной этики, а не свидетельство их тяги к суициду? Что касается конкретно Конопляниковой, напомню, что до нее была казнена по суду в России за политическое преступление лишь одна женщина — Софья Перовская. Поэтому, идя на теракт, Конопляникова скорее могла рассчитывать на снисхождение, нежели на виселицу.

Можно было бы поспорить с Анной Гейфман и по другим вопросам — и принципиальным, и частным. Но нельзя не отдать должное проделанной ею работе и бескомпромиссности ее позиции. Полагаю, что ее книга еще долго будет служить стимулом к исследованиям феномена российского терроризма, и — шире — политического экстремизма в истории нашей страны.

О. В. Будницкий

Примечания

* Geifman Anna. *Thou Shalt Kill/Revolutionary Terrorism in Russia, 1894—1917*. Princeton University Press; New Jersey, 1993. XII, 376 p.

¹ Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1992; ср. е го же. Рыцари террора. М., 1992. С. 34—35.

² Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984. С. 78.

³ Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Первая российская революция 1905—1907 гг. // Вопросы истории КПСС. 1991. № 7. С. 65.

⁴ Павлов Д. Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции. М., 1989. С. 157—160.

⁵ Radkey O. H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N. Y., 1958; Hildermeier M. Die Sozialrevolutionary Partei Russlands. Cologne, 1978; Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party//Russian Review. № 38/2/. April 1979; Ascher A. The Revolution of 1905. V. 1—2. Stanford, 1988—1992, etc.

⁶ Geifman A. Op. cit (суперобложка).

⁷ Ср.: Струве П. Б. Из статьи «Преступление и жертва»//Убийство Столыпина: Свидетельства и документы. Рига, 1990. С. 290.

⁸ Государственный архив Ростовской области, ф. 826, оп. 1, ед. хр. 42, л. 20—20 об., 33, 36, 53—53 об.

⁹ Гурвич С. 1905 год в Ростове-на-Дону. Ростов н/Д, 1905. С. 27—28; Зрелов А.

Убийство жандармского подполковника Иванова//1905 год в Ростове-на-Дону. Ростов н/Д; Краснодар, 1926. С. 73—75; Баторгин М. П. Перед судом царского самодержавия. М., 1964. С. 59—67.

¹⁰ Ивановская П. Покушение на Чухина//Каторга и ссылка. 1925. № 3. С. 113—114.

¹¹ Григорович С. [Х. О. Житловский]. Социализм и борьба за политическую свободу. Лондон, 1898. С. 119, 62.

¹² The Terrorism Reader: A Historical Anthology/Ed. by Walter Laqueur. L., 1979. P. 59, 64.

¹³ [Чернов В. М.]. Террористический элемент в нашей программе//По вопросам программы и тактики: Сборник статей из «Революционной России». [Б. м.], 1903. С. 79.

ВЕДОМСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ

Новая книга английского историка Е. А. Риза¹ продолжает его исследования, посвященные деятельности отдельных советских ведомств в предвоенный период². На этот раз речь идет об одной из важнейших хозяйственных инстанций страны — Наркомате путей сообщения (НКПС) СССР.

Деятельность этого наркомата рассматривается на нескольких уровнях. С одной стороны, автор подробно анализирует развитие самого наркомата — изменения в его руководстве и кадровом составе, конфликты между сторонниками различных подходов к развитию железнодорожного транспорта и т. д. С другой — значительное место в книге занимает выяснение взаимоотношений НКПС с другими наркоматами (Наркоматом тяжелой промышленности, военным ведомством) и с высшим руководством страны (Политбюро, Совнаркомом). Один из главных героев книги — Сталин, в котором Е. А. Риз видит инициатора многих важнейших решений, предопределявших как развитие железнодорожного транспорта, так и НКПС как ведомства.

Результаты такого исследования позволили автору сделать некоторые общие выводы по поводу функционирования системы власти и государственного управления предвоенного периода в целом. Разбирая различные способы описания сталинской системы: тоталитарную модель с ее преимущественным акцентом на сверхцентрализованную диктаторскую власть; «плюралистический» подход, сторонники которого сосредоточены на институциональных и

социальных интересах и конфликтах; наконец, корпоративное видение системы, соединяющее изучение роли сильной центральной власти и влияния относительно автономных государственных и экономических институтов, — автор отказывает каждому из них в праве на универсальное объяснение сути проблемы, по крайней мере применительно к предвоенному периоду. Тоталитарная модель, по мнению Риза, игнорирует такие реально существовавшие обстоятельства, как воздействие на «большую политику» различных внутренних и международных факторов, механизмы функционирования партии-государства и разрешения их внутренних конфликтов, управление социальными конфликтами. «Плюралистический» подход во многом игнорирует возможности Сталина и его окружения реально предопределять политические приоритеты, создавать институты, способные укреплять эти приоритеты, а равно и мобилизовывать те социальные силы, которые получают некоторые преимущества от провозглашенного курса. Корпоративный подход открывает куда большие перспективы для изучения сталинского СССР. Однако эта методика более приспособлена к анализу функционирования капиталистической системы. В советском случае различные институты были неотъемлемой частью партии-государства, их и без того ограниченная автономия в отдельные периоды сводилась на нет.

По мнению Риза, влияние ведомств было относительно ощутимым в периоды стабилизации, например, в 1933—1936 гг. В

кризисные же и поворотные моменты их возможности и власть существенно ограничивались. Более того, по предположению автора, само ужесточение политической линии, в частности, массовые репрессии 1937—1938 гг., в какой-то мере было вызвано стремлением ликвидировать влияние ведомств. «...Сталин, кажется, был убежден, что более высокие показатели экономического развития могут быть достигнуты путем сокращения власти укрепившихся ведомственных интересов, выдвижения нового поколения специалистов и управленцев...» (с. 224). Все эти проблемы в книге прослеживаются на примере деятельности НКПС.

Главный критерий оценки влиятельности любого наркомата для автора — распределение капиталовложений. Этот подход представляется вполне обоснованным. Капиталовложения, раздел «государственного пирога» были и остаются главной проблемой для любого ведомства. Именно по поводу финансирования капитального строительства в 30-е гг. (как и в последующие периоды) происходили бурные споры и конфликты между различными наркоматами, руководством правительства и Госпланом. Не находя согласованного решения, ведомства выносили эти споры на Политбюро, выступавшее высшим арбитром. Окончательное решение во многом зависело от возможностей, которыми располагал руководитель наркомата.

Е. А. Риз показывает, что на начальном этапе индустриализации НКПС рассматривался как второстепенное ведомство и постоянно обделялся при распределении ресурсов. Быстро сменявшие друг друга в начале 1930-х гг. наркомы (Я. Э. Рудзутак, М. Л. Рухтмович, А. А. Андреев) не могли вывести транспорт из кризисного состояния не в последнюю очередь потому, что не располагали для этого необходимыми средствами. Наркомат был вовлечен в многочисленные столкновения с ВСНХ, Госпланом, Совнаркомом, находился под жестким воздействием разного рода контролирующих и карательных инстанций.

Существенное изменение отношения к НКПС — резкое увеличение капиталовложений в железнодорожный транспорт — произошло на рубеже 1934—1935 гг. Это обстоятельство, как отмечает Риз, было предопределено не столько давлением НКПС, сколько решениями Политбюро, точнее, И. В. Сталина, которого беспокоили транспортные проблемы, ставшие существенным препятствием на пути экономического развития и укрепления обороноспособности. Сталин, как показано в книге, и во многих других случаях играл ведущую роль при решении транспортных проблем, распреде-

лении ресурсов и определении плановых заданий для железных дорог.

Относительная автономия и значение наркомата возросли в связи с выдвижением на пост наркома в феврале 1935 г. Л. М. Кагановича. Как подчеркивает автор, он пришел к руководству наркоматом в самый благоприятный период — значительное увеличение капиталовложений позволяло решить многие проблемы железных дорог. В стране и партии Каганович был известен как один из ближайших соратников Сталина. В течение нескольких лет, после перехода Молотова в конце 1930 г. на пост Председателя СНК СССР, Каганович фактически был заместителем Сталина по партии. Все эти обстоятельства позволяли Кагановичу чувствовать себя уверенно и на новом посту. При нем, как выяснил Риз, существенно сократилось вмешательство в дела наркомата всякого рода контролирующих органов и НКВД.

Нарком Каганович, можно сказать, главный герой книги. О его деятельности в работе приводится ряд новых наблюдений и материалов. Внимательное изучение доступных документов позволило Ризу сделать новые предположения по поводу позиции Кагановича в период, предшествующий «большому террору» 1937—1938 гг. Он выяснил, например, что, став наркомом, Каганович демонстрировал определенную заинтересованность в кадровой стабильности, пытался контролировать уровень репрессий в своем ведомстве, не полагаясь исключительно на аресты при решении, например, такой важнейшей для наркомата проблемы, как высокий уровень аварийности на дорогах.

В публичных высказываниях Кагановича, по крайней мере до сентября 1936 г., Риз прослеживает те же мотивы нацеленности на относительную кадровую стабильность и осуждения «необоснованных» репрессий против хозяйственников, которые звучали в публичных выступлениях руководителя другого крупнейшего ведомства — наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Известные факты о взаимоотношениях между Кагановичем и Орджоникидзе наталкивают Риза на предположение, что эти два руководителя сумели на определенном этапе установить негласный статус-кво с НКВД, которым руководил Г. Г. Ягода. Баланс был нарушен в конце 1936 г. с назначением на пост наркома внутренних дел Н. И. Ежова.

Эта версия имеет некоторые основания. Как свидетельствуют письма Кагановича, адресованные Орджоникидзе за 1932—1936 гг. и сохранившиеся в фонде Орджоникидзе в РЦХИДНИ, между ними действительно существовали

близкие дружеские отношения, которые автоматически переносились на решение тех или иных ведомственных и межведомственных проблем³. О том же свидетельствуют и позднейшие высказывания Кагановича («С Ворошиловым мы были друзьями. А самый близкий друг мой — Орджоникидзе», — вспоминал Каганович в 1980-е гг.⁴).

Вряд ли, конечно, можно говорить о том, что между Орджоникидзе и Кагановичем существовал какой-либо политический союз на почве неприятия резкого усиления роли НКВД. Оба они были верными сторонниками Сталина, во многом благодаря ему сделали свою политическую карьеру и не обладали качествами самостоятельных политиков. Каганович и Орджоникидзе, как и другие члены Политбюро, в середине 1930-х гг. чувствовали, что очередной поворот «генеральной линии» грозит им, по крайней мере, ослаблением прежних позиций. Оба, несомненно, болезненно относились к арестам своих родственников и ближайших сотрудников. Разной была лишь их реакция. Кагановича эти события заставили еще более верно служить Сталину. Без малейших колебаний он полностью и активно поддержал новую линию. Благодаря этому, Каганович сохранил жизнь и пост в Политбюро, хотя утратил позиции второго человека в партии, которые занимал в первой половине 1930-х гг., был оттеснен на второй план молодыми сталинскими выдвиженцами. Орджоникидзе, как это неоднократно случалось и в предшествующие годы, проявил характер, но, загнанный в угол, по всей вероятности, покончил жизнь самоубийством.

Наблюдения Риза еще раз подтверждают,

что у историков пока недостаточно оснований придерживаться распространенной концепции о борьбе в руководстве партии в 30-е гг. двух группировок — «радикалов» и «умеренных», к первой из которых якобы принадлежал Орджоникидзе (а также Киров, Куйбышев), а ко второй — Каганович (вместе с Молотовым и Ежовым).

В целом новая книга демонстрирует перспективность «ведомственного» направления изучения советской истории. Многочисленные документы наркоматов, учреждений, фонды руководящих партийно-государственных инстанций, содержащие огромную переписку с ведомствами, могут стать важным источником для более подробного и тонкого исследования советской системы, существенно уточнить многие представления, сложившиеся на основе общих, умозрительных построений и предположений.

О. В. Хлевнюк

Примечания

¹ Rees E. A. Stalinism and Soviet Rail Transport. 1928—1941. L.; N. Y. Macmillan Press. St. Martins Press. 1995. 307 p.

² I d e m. State Control in Soviet Russia. The Rise and Fall of the Workers' and Peasants' Inspectorate. 1920—1934. L.: Macmillan Press, 1987.

³ РЦХИДНИ, ф. 85, оп. 27, д. 93, л. 1—23; оп. 29, д. 430, л. 1—12; д. 433, л. 1—4.

⁴ Ч у е в Ф. Так говорил Каганович. М., 1992. С. 62.

В. С О Г Р И Н. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ, 1985—1994. ОТ ГОРБАЧЕВА ДО ЕЛЬЦИНА. М.: «Прогресс-Академия», 1994. 192 с. Тир. 10 000.

Сейчас, 10 лет спустя после начала процесса эрозии и краха советской авторитарно-тоталитарной партократической системы, любой ученый или политик, готовый заявить, что ему (и только ему) ведомы причины, обусловившие этот процесс и его остро болезненный, маятникообразный, мало предсказуемый характер, неизбежно встретит раздраженно-апатичное недоверие публики. Десять лет — срок немалый, но, как выясняется, явно недостаточный, чтобы вынести бесспорное суждение о корнях и харак-

тере трансформации такого «большого общества» (А. С. Ахиезер), как Россия.

Другое дело, что уже сейчас очевидна ошибочность односторонних и прямолинейных интерпретаций «перестройки» и ее последствий, вызванных к жизни политическими пристрастиями и личными амбициями. Познание истины в России и о России может быть облегчено и ускорено отсечением этих интерпретаций. Автор данного труда придерживается именно такого подхода, и уже это побуждает внимательно прочесть «Политическую историю современной России».

В. В. Согрин убедительно и ясно разъясняет свои исходные позиции во Введении, сразу завоёвывая единомышленников в кругу тех исследователей, которые предпочитают осторожные, взвешенные выводы категоричным, но скоропелым. Почему, в самом деле, концепция политических заговоров, войну которой с первых строк объявляет автор, до сих пор используется для объяснения радикальных общественных перемен? В первую очередь потому, что сама эта концепция всегда являлась (и является) мощнейшим инструментом политики: она персонифицирует импульсы перемен, обозначает «виноватых» и «праведных», в предельной своей простоте и доступности извлекать общественное мнение от глубоких социологических раздумий и, в конечном счете, рекрутирует свежие силы в ряды противников реформ и революций.

Параллель с событиями 1917 г., которую проводит автор, несет в себе очевидный урок как для современных консерваторов, так и для современных либералов в России. Либералам было бы небесполезно понять, что, видя в крахе коммунизма советского образца проявление исторически неизбежных тенденций, они не имеют достаточных научных оснований оценивать причину краха монархии и хилой буржуазной демократии в России начала XX в. исключительно в категориях большевистского заговора. Коммунисты же обязаны признать, что, поскольку в течение семи с лишним десятилетий они отвергали обвинения своих политических противников в сговоре с внешними силами и настаивали на объективной обусловленности смены парадигмы развития России в 1917—1920 гг., сейчас, сводя корни системной трансформации в стране к сговору «кучки демократов», они ничтоже сумяшеся изменяют собственной методологии исторического процесса.

Конечно, любой исследователь-обществовед знает, что в истории объективные и субъективные факторы теснейшим образом переплетаются. Именно поэтому игнорирование одной группы факторов и абсолютизация другой служат политике, а не науке. Схематический подход ряда демократов к посткоммунистической либеральной перспективе России обернулся переоценкой степени готовности российского общества к осуществлению радикальных экономических и политических реформ, призванных интегрировать страну в рамки современной западной цивилизации. С другой стороны, заявления коммунистов-догматиков и национал-патриотов, будто Горбачев, а вслед за ним Ельцин несут единоличную ответственность за крах коммунизма и распад Советского Союза, так же далеки от истины, как и утверждения, будто Ленин и несколько десятков тысяч большевиков в Пет-

рограде и Москве круто изменили судьбу доселе благополучной и стабильной державы. Иными словами, если исследователь исходит из того, что в историческом процессе, где многое кажется необъяснимым и случайным, все же просматриваются определенные причинно-следственные связи и логика общественного масштаба, он не может удовлетвориться банальными ссылками на устремления и козни отдельных личностей.

Вместе с тем оставить за лидерами роль эталонных исполнителей предначертаний истории и классовых интересов значило бы предельно схематизировать исторический процесс — чем безоглядно грешили все представители советской (государственной) ветви марксизма. В. В. Согрин, как и подобает пишущему политическую историю (т. е. соединяющему в одном лице историка и политолога), отводит большое, если не сказать превалирующее, место фигурам Горбачева и Ельцина. Особенно первому, что указывает на завершенность авторского осмысления этой фигуры и незавершенность осмысления второй. Горбачев предстает в книге как политик-новатор, задумавший реформы во имя улучшения и укрепления той системы, которая воспитала его, но оказавшийся неспособным удержать руль управления страной и реформами, когда возникла необходимость пойти дальше, чем позволяло системное воспитание. Такой портрет Горбачева абсолютно реалистичен. Ряд формулировок автора привлекают своей сжатостью и точностью. Прежде всего это касается характеристики горбачевского центризма, который, как мы теперь видим, отражал и пределы его реформаторских устремлений, и естественное для вождя нации желание оставаться балансом между арбитром между противоборствующими политическими силами. Суть этого центризма определяется так: «если не быть впереди, то не отставать от радикалов идеологически, политически же и организационно поддерживать альянс с консерваторами, дабы сохранить численное превосходство над теми же радикалами» (с. 77).

Легко осудить такой центризм как беспринципный и безнравственный. Однако ведь главный принцип центризма, идеально сочетающий в себе объективный и субъективный императивы, — сохранить политическую стабильность в обществе и тем самым удержаться у власти. Второе невозможно без первого, как первое без второго, и что из них главенствует в побудительных мотивах центристски ориентированных политиков — вопрос столь же безответный как пресловутая дилемма курицы и яйца.

Автор не клеил Горбачева, ибо понимает, что на крутых переломах истории центристам гораздо труднее, чем фланговым политикам, которым во всяком случае нечего терять. Поэтому логман-центрист в кризисной ситуации чаще всего действует оппортунистически — пытается «оседлать» сильные течения, когда они возникают, и выворачивает руль, если государственный корабль чересчур заносит в сторону. Беда центризма в том, что острейшие системные кризисы (а именно такой кризис поразил Советский Союз сначала в скрытой, а затем и в открытой форме в последней четверти XX в.) не поддаются лечению тактическими средствами. Как указывается в книге, «красивые слова, демократические фразы повисали в воздухе в условиях постоянно углубляющегося дефицита и скрытой инфляции» (с. 59).

Слишком много трудноразрешимых макро-социальных проблем поставила история перед политиками, которые десятилетиями, защищая Систему и сами будучи ею защищены, решали только микросоциальные проблемы. Ни перед Хрущевым, ни перед Косыгиным, ни перед Андроповым — а это были единственные сколько-нибудь реформаторски мыслящие лидеры в капэссэной колоде — никогда не стоял вопрос о выборе пути общественного развития. Путь был задан, путь левототалитарный, супердержавный, мессианский. Поняв, что «так дальше жить нельзя», Горбачев не осилил поиска ответов на вопросы, как жить дальше, ибо внутри самой Системы ничто — абсолютно ничто! — не помогало ему. Ни опыт Ленина, тянувший назад к нэпу, осуществимому лишь в условиях международной изоляции, державной второстепенности и наличия мощного слоя товаропроизводителей в так называемой «группе Б». Ни опыт Андропова, который смог сделать ставку на производственную дисциплину только при сохранении идеологического пуризма и отсутствии социальной критики. Ни опыт Дэн Сяопина, чей курс на экономические реформы не был осложнен имперским наследием и латентными амбициями национальных элит, статусом супердержавы и всесторонней ангажированностью в Европе — эпицентре всех мировых конфликтов, а также, не в последнюю очередь, обвалом трудовой этики большинства населения страны. Ни тем более югославский опыт самоуправления трудящихся, поскольку он даже в условиях небольшого государства высветил невозможность преодолеть экономический эгоизм отдельных групп производителей и углубление социального неравенства.

Вероятно, единственное, что Горбачев мог бы использовать из чужого опыта — это решимость лидера литовских коммунистов

А. Бразаускаса расколоть собственную партию, дабы опереться исключительно на реформаторское крыло во имя привлечения на свою сторону колеблющейся беспартийной массы. Но, как верно отмечает В. В. Согрин, «Горбачев не решился стать советским и российским Бразаускасом, что в исторической перспективе выглядит как политический просчет» (с. 74).

Поистине велик список ошибок Горбачева. Чего стоит одна личная неприязнь к Ельцину, которую автор не без оснований именует «патологической». В результате, подчеркивается в книге, у инициатора «перестройки» возник «губительный для реформатора комплекс — страх новых радикальных начинаний. И если, вступая в 1985 г. в должность Генерального секретаря, Горбачев предложил целую серию реформ, то, заняв президентскую должность, он не смог фактически выдвинуть ни одной новой идеи» (с. 64). Даже в области национальной и федеративной политики, где после радикализации общественного мнения и роста антикоммунистических настроений (что во многом обусловило победу Ельцина на президентских выборах в России) у Горбачева «оставался один шанс сохранить себя в качестве влиятельного политического деятеля — завершить успешно процесс реформирования СССР» (с. 91), реализовать этот шанс он не смог, так как фактически с самого начала перестройки не имел «сколько-нибудь продуманной национальной политики» (с. 100).

Целиком соглашаясь в этом с автором, хочу еще раз акцентировать значимость аморфного и боязливого лидерства Горбачева внутри собственной партии: не расколов ее, не поведя за собой реформаторскую партийную элиту в союзных республиках под лозунгами более свободной федерации или конфедерации, он не мог преуспеть и в предотвращении националистических, центробежных и сепаратистских тенденций, в сохранении Союза вообще.

Таким образом, сейчас, десять лет спустя после начала процесса перемен, первый президент СССР оказывается уязвимым перед критикой со всех сторон. Он виноват перед ортодоксами-сталинистами в том, что вообще инициировал перемены; перед умеренными коммунистами-реформаторами — в том, что позволил им выйти из-под контроля; перед реформаторами-шестидесятниками — в том, что не направил их в русло демократического социализма; перед либералами — в том, что сопротивлялся радикальной трансформации государства и общества; перед державниками — в

том, что попустительствовал развалу СССР; перед националистами — в том, что пытался сохранить Советский Союз.

Ни один разумный современник не в состоянии допустить, что политик (Горбачев, Ельцин или любой другой) может быть одновременно виноват во всех этих грехах. Сама их несовместимость — прекрасная исходная посылка к осознанию того простого факта, что логика событий или, если хотите, исторические закономерности выше и сильнее воли самых благонамеренных реформаторов. Поэтому совершенно естественно искать корни событий 1985—1991 гг. в предшествующей истории страны. Автор указывает на то, что не только массовое сознание, но и состояние просвещенной общественной мысли в СССР обрекали потенциальных лидеров-новаторов на тяготение к естественному догматизму и ограниченность кругозора (с. 23, 108). Однако читатель вправе ждать от книги большего — анализа причинно-следственной связи между самой «перестройкой» и предшествующим состоянием государства и общества, обусловленным как особенностями российской истории, так и коммунистическим экспериментом. Это помогло бы понять справедливость многих других выводов автора — например, о том, что демократические начинания XIX партийной конференции означали смертный приговор КПСС и унитарному Советскому Союзу (с. 101); а крах коммунизма сам по себе не принес россиянам ни желанного благосостояния, ни социальной стабильности (с. 184—185), и в этих условиях Россия еще с конца 1992 г. стала склоняться к латиноамериканскому варианту модернизации (с. 131).

Само обращение автора к теории модернизации дает определенную «наводку» читателям, стремящимся найти объяснение зигзагообразной истории России XX в. Потребность модернизировать политические, экономические и социальные институты явилась мощным стимулом ускоренного развития десятков стран во второй половине нынешнего столетия. Такая задача стояла и перед Россией еще с начала века. Сам коммунистический эксперимент был попыткой осуществить модернизацию средствами авторитарной и тоталитарной власти (поэтому, кстати, не совсем точно утверждение, что в последние десять лет в России были испытаны три модели модернизации, включая командно-административную — эта модель апробировалась, начиная с введения «военного коммунизма» осенью 1918 г.). Совокупный опыт человечества показывает, что действительно успешной, обеспечивающей стабильное развитие модернизация бывает при ее сопряженном пос-

тупательном осуществлении во всех основных сферах общественной жизнедеятельности. Быстрый экономический рост в условиях авторитарных и тоталитарных режимов, конечно же, возможен, что доказывает пример не только советской этатистской модели, но и таких стран, как Аргентина, Бразилия, Чили, Испания, Португалия, Южная Корея. Однако за начальным этапом роста неизбежно должна следовать стадия более тесной интеграции в систему международных хозяйственных связей и мирового сообщества в целом. Именно этот интеграционистский императив неизменно диктовал затем необходимость политической демократизации в названных странах. С этой точки зрения эрозия тоталитарных институтов и методов в долгосрочной перспективе выглядит закономерной повсюду — рано или поздно она должна была начаться в СССР и точно так же рано или поздно начнется в Китае. Открытым в истории всегда остается вопрос о ее темпах, формах и степени.

Существенная проблема, касающаяся перспектив посткоммунистических обществ, заключается в том, прививает ли неудача модернизации левоавторитарными и левототалитарными методами иммунитет к авторитаризму вообще, или перед окончательным выбором демократических ценностей их ждет еще фаза правоавторитарной модернизации. Автор прав, говоря о сохранении высокой степени альтернативности в российском политическом процессе, допускающей не только демократический, но и авторитарно-вождистский варианты политической системы.

Этим выводом автор завершает книгу, и представляется уместным еще раз подчеркнуть отсутствие в ней претенциозной дидактики и категорических оценок в черно-белых тонах. Автор стремится взвешенно и неангажированно (может быть, в ряде мест даже слишком отстраненно) изложить основные события российской политической жизни с 1985 по 1994 г. — «от Горбачева до Ельцина». В этом — главное достоинство книги, написанной в жанре хорошо документированного, но живого исторического повествования, побуждающего читателя лишний раз окинуть мысленным взором прожитое десятилетие и задуматься о будущем России. Это, собственно, и есть каноническая политическая история, родившаяся из курса лекций, прочитанных в России и США, и предназначенная для использования в учебно-познавательном процессе сегодня, завтра, послезавтра, еще десять лет спустя.

Ю. И. Игрицкий

ИСТОРИЯ РОССИИ: ДИАЛОГ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ИСТОРИКОВ. Материалы российско-американской конференции (г. Саратов, 18—22 мая 1992 года). Изд-во Саратовского ун-та, 1994. 1500 экз. 254 с.

Встречи бывших «идеологических противников» давно перестали быть редкостью. В 1992 г. тем не менее произошло примечательное событие: в Саратове состоялась представительная международная конференция «Политика и общество в России и на Западе», организованная без какого бы то ни было «координирующего» участия столичных центров. В некогда закрытый для иностранцев город прибыло восемь американцев и даже один австралиец, которые вместе с российскими специалистами приняли участие в конференции.

В рецензируемом сборнике опубликовано лишь 24 статьи-доклада по отечественной истории, представленных на этой конференции.

У истоков этого события — оказавшееся дальновидным историографическое «безрассудство» Дональда Рэйли: в 1986 г. в США вышла его книга «Революция на Волге: 1917 год в Саратове». Не имея доступа к местным архивам, исследователь из университета в Чэпел Хилле (Северная Каролина) написал первую на Западе монографию, посвященную «провинциальному Октябрю» в Европейской России. Сегодня его книга признана классической. В 1990 г. американский профессор впервые вступил на саратовскую землю, а через два года стало возможным проведение здесь международной конференции.

Обращаясь к сборнику, следует сразу же отметить: диалог отечественных и западных исследователей оказался содержателем, плодотворность его связана прежде всего с отысканием конкретных тем для дискуссии. Выделяются группы докладов, посвященных общеметодологическим вопросам и проблематике нэпа. Другие работы носят скорее взаимоознакомительный характер.

Как известно, разговоры о кризисе отечественной историографии ведутся уже давно. В отличие от тех, кто путает кризис с катастрофой, связывая его то ли с некомпетентностью газетчиков, то ли с падением собственного статуса и пошатнувшимся материальным положением, А. В. Родионов резонно указывает, что кризисность исторического знания коренится в самой его природе: налицо бесконечно изменчивый, принципиально неточный идентификационный процесс, разрывающийся между рационализаторством и мифологизаторством. Как бы продолжая его мысль о необ-

ходимости «очеловеченного» взгляда на историю с определенной временной «высоты», Д. Рэйли напоминает, что в конце 80-х гг. на Западе ярко проявила себя «новая культурная история» (фактически анализ смены психоментальных состояний социумов), а для возрождения российской исторической науки рекомендует использовать эмпирические резервы «локальной истории».

Думается, что подобный подход принципиально важен. Нельзя не признать, что кризис исторического знания в СССР и России был производным от двуединого процесса: марксистской телеологизации сознания и бюрократически-централистского удушения краеведения. Последнее, на мой взгляд, нанесло наиболее ощутимый урон: отрыв от «почвы» не только еще более подстегивал доктринальное неистовство, но и провоцировал эвристически безнадежное обывательское любопытство к «тайнам кремлевского двора». Не случайно иные историки и сегодня безоглядно рвутся в центральные архивы, не допуская мысли, что ключ к пониманию российской системы можно было бы отыскать в более доступных местных хранилищах документов. К слову сказать, многие историки давно это поняли. Весьма к месту в сборнике оказывается и статья Р. Марвика (Университет Сиднея), посвященная недолгой деятельности возглавлявшегося М. Я. Гефтером сектора методологии Института истории АН СССР. Намеченные в этом центре «вольномудства» три десятилетия назад пути преодоления кризиса (сравнительно-исторический метод, взаимодействие обновляющейся теории с накапливаемым документальным материалом) ничуть не утратили своего значения.

Конференция, проведенная в 1992 г., никак не могла обойти проблематику российского тоталитаризма. К счастью, статьи Л. И. Мерзлякова и Л. С. Михайловой достаточно далеки от набивших оскомину политологических штампов. Так, авторы, в сущности, предлагают отказаться от конъюнктурного псевдопонятия «административно-командная система» (с. 60, 72): из их работ видно, что и пресловутый «тоталитаризм» существовал в СССР скорее как самоубийственная тенденция, нежели как сколь-либо устойчивое состояние.

Чрезвычайно интересны статьи, посвященные нэпу. А. А. Куренышев (Москва, Государст-

венный Исторический музей) показал, что переход к нему вовсе не носил «поворотного» для большевистской власти характера, ибо преследовал ограниченную цель — разгрузить госбюджет за счет самофинансирования госпредприятий. Основываясь на материалах о деятельности в Поволжье организованных властями крестьянских комитетов взаимопомощи, автор показал, что «пролетарское» государство использовало при этом такой архаичный институт, как община, сделав очередной шаг по огосударствлению некоторых привычных ее социально-патерналистских функций. Вывод о том, что внешнее разгосударствление сферы социального обеспечения на деле оказалось фикцией (с. 103), представляется принципиально важным для понимания того, что объективно нэп явился не столько разрывом с политикой «военного коммунизма», сколько шагом к насильственной коллективизации. Статья Э. Льюиса (Чэпел Хилл) о введении нэпа в Поволжье, написанная на основе материалов саратовских архивов, в сущности, укрепляет эту точку зрения, несмотря на утверждение, что правительство стало «активно возрождать рыночную экономику» (с. 109). Автор показывает, что начало нэпа в регионе приобрело характер хозяйственной катастрофы: последовала почти полная остановка промышленного производства и безработица; положение в сельском хозяйстве из-за голода удалось стабилизировать только в 1924 г.; ни сельская, ни городская кооперация так и не смогли стать на ноги; противоречия между городом и деревней стали социально угрожающими из-за «ножниц цен». Власть почувствовала, что повсеместно накопилось слишком много «антисоветских» элементов — как «антинэповских», так и «пронэповских». Налицо еще одно подтверждение того, что введение нэпа «всерьез и надолго» при существующей и демократической системе было невозможно.

Другие статьи добавляют ряд важных штрихов к характеристике нэпа как своеобразной «провокации сверху». Так, Д. Лонг (Колорадский ун-т), основываясь на материалах Американской администрации помощи голодающим (АРА), высказывает предположение, что голод не случайно имел особо трагические последствия для Поволжья: власти, отождествляя немецкое население региона с «кулацким элементом» и видя в нем подозрительную в этническом отношении массу, не спешили с ликвидацией его последствий. К. Траншел (Чэпел Хилл) полагает, что правительственные замыслы по борьбе с пьянством и алкоголизмом

стали еще одним участком борьбы с политической оппозицией, а затем обернулись намеренной алкоголизацией голодающих районов страны (с. 90, 91). Э. Рослоф (Чэпел Хилл) показывает, что в целях раскола Русской Православной Церкви большевики искусственно взращивали так называемое «обновленчество», а затем целенаправленно свернули его развитие (с. 120). А. И. Аврус (Саратовский ун-т), исследуя историю такой забытой организации, как созданный германскими социал-демократами Шахматный Интернационал, доказывает и убеждает, что и его большевики пытались использовать исключительно в политико-пропагандистских целях. Наконец, даже стоящая несколько особняком статья Б. Уокера (Мичиганский ун-т) о деятельности дома М. Волошина в Коктебеле также весьма показательна для характеристики психологической атмосферы нэпа: люди, не вписывающиеся в создаваемую государством утилитарную социальную структуру, активно консолидировались по «семейно-этическому» принципу.

Целый ряд тематически почти не связанных между собой статей также позволяет по-новому взглянуть на специфические взаимоотношения народа и власти в России. Н. А. Троицкий (Саратовский ун-т) проанализировал процесс становления адвокатуры в России и показал, что эта достаточно чуждая российскому типу правосознания структура стала социально авторитетной в силу того, что ее деятельность объективно стала приобретать характер политического противостояния власти. П. Маккинси (Мичиганский ун-т) на основании архивных материалов проследил взаимоотношения рабочих и социалистических пропагандистов и пришел к выводу, что квалифицированные рабочие категорически отвергали социалистические идеи, к их восприятию оказались предрасположены выходцы из деревни. В. А. Соломонов (Саратовский политехнический ун-т) показал, что студенческая забастовка 1899 г. в Московском университете по своим первоначальным задачам носила академический характер, но используемые средства придали ей политическое звучание. Г. А. Герасименко (Москва, Академия управления) пришел к выводу, что консолидировавшееся в марте 1917 г. российское общество довольно быстро дошло до раскола в силу слабостей государственного управления.

Отдельные статьи по-своему демонстрируют неиспользованные возможности исторической науки. В. Н. Семенов (председатель Саратовского историко-краеведческого общества) представил обстоятельный очерк о се-

мействе крупнейших саратовских мукомолов Шмидтов — такого типа работы весьма важны для воссоздания целостного представления о конфессионально-этнических параметрах класса-сословия российских предпринимателей. Д. М. Легкий (Кустанайский ун-т) и И. В. Порох (Саратовский ун-т) по-новому осветили спорные моменты в жизни и деятельности А. И. Герцена. Х. Грехэм (Калифорнийский ун-т) проанализировал некоторые неизвестные материалы, оказавшие решающее влияние на представления Запада о личности Ивана Грозного. Источниковедческий характер носят также статьи Я. Г. Солодкина (Кустанайский ун-т) и С. А. Мезина (Саратовский ун-т), важные для разоблачения некоторых исторических легенд, утвердившихся в местном краеведении. Наконец, Е. Н. Ардабацкий (Саратовский ун-т), обратившись к истории взаимоотношений государства и Церкви на земских соборах XVI — начала XVII в., подводит к осмыслению историков кризисной природы российского ав-

торитаризма: тенденция к созданию теократической государственности одновременно и ослабляла Церковь, и десакрализовала власть; соблазн использования внешней угрозы для борьбы с внутренней оппозицией оборачивался деспотизмом, а манипулирование принципом соборности препятствовало формированию независимой общественности.

Итак, диалог российских и западных авторов на «провинциальном» уровне оказался весьма конструктивным и многообещающим. К сожалению, не все в сборнике удачно: порядок расположения статей грешит избытком демонстративного гостеприимства, а между тем перевод отдельных статей западных авторов оставляет желать лучшего. Тем не менее не будет преувеличением сказать, что выход подобного сборника — лучшее свидетельство того, что «кризис» отечественной историографии преодолим.

В. П. Булдаков

НАУЧНЫЙ СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ ЭМИГРАНТОВ

В мае 1994 г. Группа по истории российского зарубежья Института российской истории РАН провела симпозиум московских ученых, посвященный проблемам истории адаптации россиян-эмигрантов в различных странах в XIX—XX вв. Он вызвал интерес специалистов институтов РАН, МГУ и других вузов Москвы.

Заседание открыл руководитель группы — член-корреспондент РАН, действительный член Российской академии естественных наук Ю. А. Поляков. В докладе «Адаптация — глобальная проблема исторической науки» он отметил, что распад СССР, ставший причиной усиления миграционных процессов, обострение на территории СНГ межнациональных конфликтов, провоцирующих массовые переселения, появление в России новых юридических возможностей для выезда в любую страну диктуют необходимость исследования темы. Проблемы миграции и адаптации имеют приоритетное значение для исторической науки и носят глобальный характер, так как касаются десятков миллионов людей планеты.

Ю. А. Поляков связывает типы адаптации с различными видами миграции: переселением, колонизационной миграцией, эмиграцией. Он подчеркнул, что, изучая ее, необходимо учитывать экономические, юридические, психологические, бытовые и другие аспекты приспособления людей к новым условиям жизни, временной и географической факторы.

К эмиграции докладчик отнес организованное и насильственное переселение, депортации отдельных народов СССР и других стран.

Эмиграцию из России в 1917—1922 гг. Ю. А. Поляков определил как добровольно-вынужденную, после Второй мировой войны — как преимущественно добровольную. Современные переселения, в том числе беженцев в пределах бывшего СССР, он считает добровольно-вынужденной миграцией.

В докладе отмечалось, что необходимо анализировать иммиграционные системы разных стран, деятельность этнических общин иммигрантов, правовой статус иммигранта или вселенца, особенности адаптации различных социальных, профессиональных групп, проблемы освоения языков, преодоления психологического барьера, взаимоотношения разных поколений эмигрантов.

В 17 докладах и сообщениях, заслушанных на заседании, были затронуты понятийный аппарат темы, ее источниковедческие и историографические, общественно-политические, культурные и научные аспекты.

В докладе Г. Я. Тарле (ИРИ РАН) отмечалось, что понятие «адаптация эмигрантов» часто подменяется понятием «ассимиляция». Специально адаптацией российских эмигрантов историки пока не занимались, косвенно они касались этой темы лишь в некоторых работах. Докладчик обратила внимание на то, что степень адаптации зависит от готовности к ней мигрантов, в частности, от освоения ими языка страны переселения. Неспособность или нежелание приспособиться к новым условиям жизни служили причиной повторной эмиграции или стремления возвратиться на родину.

К определению понятия «адаптация» и соотношению между процессами адаптации и ассимиляции выходцев из России обращались также В. М. Селунская, Ю. В. Бойко, А. Л. Райхцаум, Ю. В. Ткаченко и другие участники заседания.

Доклад В. М. Селунской (МГУ) «Проблемы социальной адаптации эмигрантов из России в мемуаристике 20—30-х гг.» показал возможности мемуаров эмигрантов 20-х гг. как массового источника. В докладе представлен итог анализа мемуаров 100 авторов, проведенного с применением новых методик.

А. Л. Райхцаум (ГАРФ) раскрыл значение материалов Русского зарубежного Исторического архива (РЗИА) для изучения истории адаптации эмигрантов.

Ю. В. Ткаченко (ИРИ РАН) попыталась ответить на вопрос, почему Франция стала в конце 20—30-х гг. центром притяжения русской эмиграции. Оценивая белую эмиграцию как движение бежен-

цев, докладчик показала, что во Франции они нашли емкий рынок рабочей силы. Поскольку французский национализм, по ее мнению, не был связан с принципами наследственности, родства, языка, правительство этой страны охотно принимало выходцев из России, стремясь тем самым несколько исправить неблагоприятную послевоенную демографическую ситуацию. В выступлении был поднят также вопрос о юридическом статусе выходцев из России во Франции.

Ю. В. Б о й к о (Российский институт культурологии Министерства культуры Российской Федерации и РАН) поделился итогами изучения влияния смешанных браков на процессы социокультурной адаптации россиян во Франции в 20-е гг. Мерой и критерием социокультурной адаптации, сказал докладчик, принято считать «социальное самочувствие некоренного населения с учетом всех его взаимосвязей с окружающим миром или степень его удовлетворенности проживанием в другой стране, степень его интегральной субъективной встроенности в новые общественные структуры, степень его самоидентификации с этими структурами». По мнению Ю. В. Бойко, российская эмиграция, составляя небольшую часть населения, оказывала значительное влияние на культурную и политическую жизнь Франции. Он считает, что правящие круги Франции планомерно вели политику ассимиляции русского населения, поощряя смешанные браки.

В отличие от Франции история жизни российской диаспоры в Великобритании изучена слабо. Эта страна никогда не распахивала широко свои двери перед выходцами из России. Е. Б. К у д р я к о в а (ИНИОН РАН), основываясь на материалах архивов Великобритании, исследовала судьбы российских эмигрантов в Англии после Второй мировой войны. Основное внимание в выступлении было уделено истории «Русского общества помощи беженцам», возникшего в Великобритании в 1921 г. и в 1946 г. (после длительного перерыва) возобновившего свою деятельность. Содействуя в получении работы, компактному поселению соплеменников и в удовлетворении других их нужд, общество стало посредником между новыми российскими эмигрантами и британскими властями.

Е. А. Е л ф и м о в (РИК МК РФ и РАН) предложил вниманию собравшихся тему о судьбах эмигрантов-меньшевиков, профессиональных партийных функционеров, которые, обосновавшись в Берлине в начале 20-х гг., были обособлены от основной массы российских выходцев, враждебно настроенных по отношению к социалистам. Эта часть переселенцев имела прочные связи с зарубежными организациями социалистов, которые помогли им обеспечить относительно стабильные материальные условия жизни. Однако, живя обособленно, они не смогли по-настоящему адаптироваться к условиям жизни ни в Берлине, ни позднее во Франции и США.

А. И. С и з о н е н к о (Ин-т Латинской Америки РАН) отметил, что до недавнего времени исследователи истории Латинской Америки вообще не уделяли внимания российским эмигрантам. Между тем первые переселенцы прибыли в Бразилию, Аргентину в 70-е гг. XIX в., а к 1914 г. их число достигло 200 тыс. В настоящее время диаспора представлена всеми поколениями российских выходцев XIX—XX вв. Она насчитывает сотни тысяч человек, среди которых наиболее организованы украинцы и белорусы, имеющие дееспособные землячества. Собственно российская эмиграция разобщена. Заметен приток в эти страны в 80—90-е гг. XX в. новых российских эмигрантов, в том числе ученых.

А. И. Сизоненко обратил внимание на необходимость помощи соотечественникам в сохранении родного языка. Вместе с тем, по его мнению, Россия не использует возможности делового сотрудничества с соотечественниками, занявшими прочные позиции в бизнесе ряда стран Латинской Америки.

Т. Л. В л а д и м и р с к а я (Ин-т Латинской Америки РАН) обратила внимание на то, что в русскую диаспору в странах Латинской Америки наряду с этническими русскими входят многие выходцы из России и бывшего СССР, предпочитающие называть себя русскими. Это — украинцы, белорусы, молдаване и др. Они объединяются в русские клубы, которые не делят своих членов по этническому происхождению. Это характерно, в частности, для Парагвая, принявшего два потока эмигрантов из России: крестьян, живущих там в так называемых колониях, и российских белоэмигрантов, прибывших из европейских стран, где они поначалу осели. Последние в своем большинстве — хорошо подготовленные технические специалисты. В Парагвае большинству из них удалось отказаться от первоначально предложенного непосильного крестьянского труда и найти работу по специальности. Однако их судьбу можно расценивать как счастливое исключение, оказавшееся возможным только в условиях Парагвая, где многие российские выходцы достигли самого высокого положения.

Вопрос о профессиональной адаптации эмигрантов, по мнению Т. Л. Владимирской, требует всестороннего исследования. Необходимо в этой связи изучение роли таких эмигрантских объединений в странах Латинской Америки, как общины, колонии, колхозы (в Парагвае), отвечавшие стремлению соотечественников к сплочению.

Е. Н. Д и к (ИРИ РАН) в своем выступлении отметил, что в Мексике преобладала политика

недопущения в страну русских эмигрантов. Шанс на благоприятные условия адаптации здесь при отсутствии сплоченной диаспоры имели только высокооплачиваемые специалисты.

Г. В. М е л и х о в (ИРИ РАН) считает важной особенностью пребывания русских в Китае, например, в Шанхае, дружественное отношение к ним местного населения. Языковые и расовые отличия способствовали складыванию здесь крупных русских анклавов. Г. В. Мелихов показал, что, хотя трудоустройство в Китае русских переселенцев, число которых достигало 400 тыс., не было легким из-за избытка местной дешевой рабочей силы, наличие среди них значительного числа высококвалифицированных специалистов укрепляло позиции диаспоры в Китае.

Из всех тем, связанных с историей адаптации российских эмигрантов, более полное отражение в литературе получила история культурной адаптации. А. В. К в а к и н (РИК МК РФ и РАН) в докладе «О свободе творчества российской интеллигенции в условиях эмиграции (20-е гг.)» коснулся мифа о духовной миссии российской эмиграции на Западе. Докладчик заметил, что авторы, рассуждающие о высокой духовности эмиграции, не сумели даже определить понятие «духовность». Их целью было противопоставить высокую духовность россиян «бездуховному миру Запада», что некорректно.

А. Б. Р у ч к и н (МГУ) поставил вопрос о роли «агентов по адаптации», то есть о тех организациях, которые были посредниками между эмигрантами и принимавшим их государством. Наиболее значительной такой организацией он считает объединение российских земских и городских деятелей (Земгор). А. Б. Ручкин, а также и В. Л. Т е л и ц и н (ИЭ РАН) посвятили значительную часть своих выступлений положительному опыту Чехословацкого государства в поддержке и помощи российским эмигрантам в 20-е гг. вообще и в сфере научной и образовательной — в особенности. Развертывание в этой стране русских научных и образовательных, культурно-просветительных центров создало условия для сохранения научных кадров из среды россиян. Ученые гуманитарного и экономического профиля смогли продолжить там свою исследовательскую работу. Некоторые их труды были посвящены изучению проблем развития Советской России и способствовали сохранению связей с Родиной.

Г. А. К у з н е в а (РИК МК РФ и РАН) отметила, что проведение во многих странах с 1924 по 1939 г. «Дней русской культуры», которые приурочивались к дням рождения А. С. Пушкина, стали одной из форм сохранения традиций русского просветительства.

Ю. Н. Р а к ч е е в а (Международный центр по изучению русской культуры) поставила практический вопрос об адаптации и устройстве жизни современной русскоязычной диаспоры в Израиле, о необходимости государственной и общественной помощи эмигрантам со стороны России.

В заключительном выступлении Ю. А. Поляков оценил работу симпозиума как плодотворную и творческую.

Не все выступавшие одинаково понимают суть процессов адаптации и их отличие от процессов ассимиляции. Это обстоятельство вынуждает вернуться к тщательной отработке понятийного аппарата.

Г. Я. Тарле

«ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К ТОТАЛИТАРИЗМУ»

(Заметки с научной конференции)

Конференция на такую тему состоялась в мае — июне 1994 г. в Москве. Она была подготовлена Центром «Россия, СССР в истории XX века» Института российской истории РАН. В ее работе приняли участие представители многих научных учреждений Российской Федерации. Все доклады были объединены одной большой темой — «Общество и власть» и были построены по тематически-хронологическому принципу, включая три блока проблем: 1917—1920, 20-е, 30-е годы. В рамках конференции проходило и заседание «круглого стола» «Террор и репрессии в 20—30-е гг.»

Конференцию открыл заместитель директора ИРИ РАН В. П. Д м и т р е н к о, который обосновал необходимость создания новой концепции истории нашего государства в первой трети XX в. Это — сложный путь от самодержавия к тоталитаризму. Контуров новой власти вырисовывались постепенно на фоне распада старой российской государственности. Для понимания истории этого периода важно

проследить роль различных партий, принципы формирования новых органов власти при отсутствии корней и опоры в старой системе управления, самостоятельный характер Советов и их неизбежное превращение в придаток правящей партии, массовый приток в органы власти низов с их новыми ориентирами, эволюцию власти в рамках белого движения, кризис западной демократии, доктринальные основы большевистской партии. Уникальность происходившего процесса заключалась в том, что новая власть была вынуждена создавать собственность «под себя», т. е. «властную» собственность. Отсюда — ее нетерпимость, директивность, агрессивность, вытеснение других форм собственности. В такой обстановке возникает и решается вопрос становления философии власти, государственного управления. Все слои общества подчиняются решению этих задач. У населения страны как бы нет прошлого, есть только настоящее и будущее. Советская власть в своем развитии проходит несколько этапов. При их изучении надо осмыслить роль первого кризиса советской власти 1920—1921 гг., носящего тотальный характер (экономический, политический, социальный, моральный). Выход из этого кризиса происходит за счет существенного укрепления власти. Новый глубокий кризис конца 20-х гг. ставит вопрос: или сдача позиций советской власти и дальнейшее отступление в сфере экономики (нэпа), или «полная и окончательная победа» новых отношений. Тактика временного отступления сменяется фронтальным наступлением во всех областях общественной жизни, в основе которого — интерес удержания и стабилизации власти, оформления господствующих позиций нового правящего слоя (класса) и защитника и выразителя его корпоративных интересов — ВКП(б).

В. П. Булдаков (ИРИ), выступивший с докладом «XX век в истории России: алгоритм имперства?», критически отнесся к использованию термина «тоталитаризм», вынесенного в название конференции. По его мнению, следует осторожно относиться к терминам, рожденным иной политической культурой.

В контексте российской истории ставить во главу угла антитезу «тоталитаризм — демократия» весьма рискованно, так как мы имеем дело с явлением более сложного порядка. Уместнее исходить из противопоставления империи и хаоса, определяющих общий кризисный ритм российской истории. Исследователями давно замечено, что российскую историю можно представить как череду кризисов: режимных (попытки «перестроек» со стороны власти) и системных (охватывающих все сферы жизни империи). В том и другом случае это — кризисы самосохранения сложно организованной имперской системы. «Классические» случаи системного кризиса — «смута» начала XVII и начала XX в. Оба они были спровоцированы предшествующими режимными кризисами и усугублены геополитическим вызовом. Системные кризисы включают в себя ряд политических переворотов (революций). Выход из кризиса связан не с формальной политической стабилизацией — последняя обусловлена возобладанием имперского подсознания масс.

Дело в том, что империя периодически впадает в состояние своеобразного ступора: бюрократический аппарат блокирует систему обратной связи. В сочетании с десакрализацией верховной власти это порождает состояние депрограммированности во всех слоях общества. С этим и связано состояние хаоса. Последний, будучи психологически трудно переносимым, вызывает реакцию активной самоорганизации, которая определяется имперским инстинктом на всех уровнях социальной пирамиды. В результате происходит возрождение имперской системы, которая может прибегнуть к своеобразной идейной мимикрии. К примеру, возрождение империи Сталиным связано не с официальной социалистической доктриной, а с возрождением традиционной патерналистской парадигмы власти. Кризисный ритм российской империи, безусловно, связан с реформаторскими усилиями власти.

Но кризисы XX в. — столетия становления гражданского общества — в громадной степени определяются имперским сознанием масс, подпитывающим внешнеполитические амбиции власти. Выход из кризиса начала века произошел в первой половине 30-х гг. Вплоть до середины 60-х гг. продолжалось агрессивное самоутверждение имперства, пик которого, по-видимому, следует отнести не к эпохе «холодной войны», а к карибскому кризису. Период «застоя» — это, скорее, имперская «норма», которая была нарушена неуклюжими попытками «ускорения» — этой неадекватной реакции на внешнеполитический вызов. Современный системный кризис развивается пока что в привычном имперском русле. Выход из «имперского алгоритма» до сих пор остается проблематичным.

В центре доклада Г. А. Герасименко (РАУ) — проблема эволюции власти в России весной 1917 г. на путях ограничения демократии и усиления авторитаризма. Причем в период коренной реорганизации общества демократия и диктатура шли бок о бок и выступали как две стороны медали. Диктатура следовала за демократией.

Главная мысль доклада К. В. Гусева (РАУ) «Учредительное собрание и уход от парламентаризма» сводится к следующему. Если бы не было распущено Учредительное собрание, то не было бы советской

власти, Россия же стала бы демократическим государством. Но Учредительное собрание не хотело брать власть, да и реальной силы (за исключением Чехословацкого корпуса, потерпевшего поражение) за ним не было и поэтому Учредительное собрание утратило свою актуальность. Создание Советов означало отказ от принципов парламентаризма.

С. В. Леонов (РГПУ), выступивший с докладом «Особенности российской и советской государственности», подчеркнул, что, по его мнению, термин «тоталитаризм» — правильный, соответствующий реалиям того времени. Он отметил, что особенностью советской власти являются, во-первых, условная сословность и, во-вторых, особая персонализация власти. Уже в 1919 г. появляются здравицы в честь В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого. Прослеживается и преемственность власти. Например, царский Совмин — Совнарком. В Совете Труда и Обороны оставалось 97—98 % старых чиновников, в Красной Армии — до 76 % старых «спецов». Обновление кадрового состава власти, конечно, происходило, но степень преемственности оставалась высокой, хотя были и значительные отличия.

Доклад Е. Г. Гимпельсона (ИРИ) был посвящен начальному этапу административно-командной системы власти в 1917—1920 гг. Докладчик отметил, что организация и функционирование советской государственной власти на протяжении 70 лет претерпели изменения, пройдя ряд этапов развития. Их общие черты, признаки принято суммировать термином «административно-командная система» (АКС). Существуют две точки зрения относительно времени формирования АКС. По мнению докладчика, эта система в основном сложилась в годы Гражданской войны, а не к началу 30-х гг., как утверждают некоторые историки. Объективные условия сохранения этой системы следует искать в противоречиях нэпа. Препятствием реформирования политической системы и отказа от административно-командных методов управления явилась также фактическая диктатура партии. Считалось, что в условиях нэпа речь должна идти не об ослаблении, а об усилении диктатуры пролетариата, а значит, и партии. Играли роль сложившиеся силовые традиции и стереотипы «вождей». Таким образом, незавершенность, неадекватность политических изменений экономическим реформам создавали почву для сохранения основ АКС, по сути своей противоречившей новой экономической политике.

Выступление А. В. Голубева (ИРИ) было посвящено мало изученной у нас проблеме тоталитаризма в контексте российской истории. Существует точка зрения, что тоталитарный режим в России является воспроизведением старой имперской доминанты российской истории. Однако, по мнению выступавшего, режим, возникший после революции 1917 г. и оформившийся на рубеже 20—30-х гг., обладал рядом принципиально отличных черт.

Наиболее важными для понимания сущности тоталитаризма являются две его характеристики, тесно связанные между собой. Первая: тоталитарные режимы отличаются «объемом власти», стремлением контролировать не только действия, но даже эмоции и мысли населения, как в политике, так и в частной жизни. Вторая: тоталитарный режим способен создавать для себя массовую поддержку, мобилизуя общество (или значительную его часть) во имя единой — «тотальной» цели, имеющей общенациональное значение. Другие черты тоталитарных режимов — однопартийная система, контроль над средствами массовой информации, особая роль тайной полиции, даже массовый террор — являются вторичными. Тоталитарные режимы, как показывает историческая практика, могут возникать на различной социально-экономической базе и в различном историко-культурном контексте. Возникновение тоталитарного режима в российской истории тесно связано с особенностями процесса модернизации, который был в определенной степени искусственным и, следовательно, несбалансированным. Попытки правящей элиты провести «модернизацию сверху» привели к взаимному отчуждению двух пластов российской культуры — культуры высшего слоя — «европеизированной» и народной, т. е. традиционной. Не было «третьей силы» — того «среднего слоя» культуры, который доминирует в индустриальном обществе, проникая практически во все другие его слои. Несмотря на определенные успехи в экономике, и в меньшей степени — в социальной сфере, нарастало пассивное сопротивление процессу модернизации. Тоталитаризм нашел опору в механизмах массового сознания, характерных для нашей страны.

Одним из условий существования тоталитарного режима является разрушение гражданского общества, которое в послереволюционной России прошло ряд этапов, в перспективе явившихся своеобразными ступенями к тоталитаризму. «Великий перелом» помимо утверждения социалистической идеологии привел к разрушению традиционного деревенского социума. Одновременно этот «перелом» означал и огромное увеличение социальной мобильности, создавая тем самым активную базу поддержки режима. В обществе шел распад традиционных социальных и культурных связей, что вызывалось не только субъективными, но в какой-то мере и объективными причинами. Массы, вырванные из традиционной социальной среды, зачастую владевшие лишь элементарной грамотностью, представляли

собой благоприятную почву для восприятия официальной идеологии через централизованную пропагандистскую систему. Тоталитарный режим, пройдя свой апогей, стал разлагаться, исчерпав свой исторический потенциал, но оставил весьма разнообразное наследие. Главным его следствием является отсутствие гражданского общества, по крайней мере, в его развитой форме.

Л. А. Жукова (ГАУ) посвятила выступление проблемам либеральной демократии и земской реформы 1917 г. В центре ее внимания — восемь месяцев 1917 г. — период, когда Временное правительство приступило к созданию местного самоуправления на основе демократических принципов, и прежде всего на основе всеобщего избирательного права. Самоуправление в результате реформ Временного правительства стало аппаратом госуправления на местах. Февральская революция дала яркий пример попытки перехода общества от авторитаризма к демократии. После Октября 1917 г. земские учреждения постепенно все больше скатывались к оппозиции власти, пытаясь «удержаться на беспартийной демократической позиции». В ноябре 1917 г., когда сословность в России была упразднена, земства (исторически будучи сословными) «обескровились», народные массы более активно участвовали в Советах и сельских сходах, чем в земствах: парламентская форма демократии в России в 1917 г. не состоялась. Последние земства были ликвидированы летом 1918 г.

А. С. Покровский (ИРИ) обратился к вопросу о представительстве местных Советов на II Всероссийском съезде Советов. Он подчеркнул, что в результате анализа источников был уточнен список делегатов съезда, а также их общая численность, партийный состав, перечень организаций, которые они представляли. Большевики не только стремились послать на съезд «своих», но и помогали делегировать тех представителей соперничающих партий, которые в тот момент были для них удобнее. Документы свидетельствуют о том, что при выборах делегатов II съезда Советов постоянно нарушались нормы демократии. Ясно также, что меньшевики и эсеры совершили непоправимую ошибку, объявив бойкот съезду. Они переоценили силу права в революционной ситуации, уповав на Учредительное собрание. Их отказ от борьбы внутри Советов способствовал снижению их влияния в массах и в конечном счете — появлению в обществе тоталитарной системы власти. Докладчик считает, что повсеместное участие всех советских организаций в тылу и на фронте по строго соблюдаемым единообразным нормам представительства в выборах дало бы большевикам на II съезде Советов не намного больше голосов, чем они получили при выборах в Учредительное собрание.

А. Г. Кушнин (МГРЭА) остановился на проблеме советского федерализма. Вначале, сказал он, Российская Федерация мыслилась и создавалась как объединительная, сохраняющая единство государства. Россия формировалась как добровольная федерация (союз) административных областных объединений — губерний, могущих включать в свой состав и нацавтономии. Анализ Конституции 1918 г. приводит к выводу о компромиссе, допускающем не только ее различное толкование, но и диаметрально противоположное применение. Эти противоречия и другие причины позволили активизировать процесс, направленный на ликвидацию одного из основных признаков советской власти — на уничтожение автономности (самостоятельности) субъектов добровольной Федерации, на усиление роли центра, т. е. на возрождение административно-бюрократической системы, вертикальной организации власти и управления. В итоге в начале 1919 г. Россия перестала быть федерацией чего-либо вообще, так как административные власти исчезли под давлением центра и республики были упразднены постановлениями ВЦИК или войсками белогвардейцев и интервентов. Докладчик сделал вывод о том, что неизбежностью исторического бытия России является именно федерация регионов, а не только этносов.

О. Г. Обчикин (МГИМО) выступил с докладом «Противоречия однопартийной системы в СССР». Он отметил, что репрессии против небольшевистских партий начались сразу же после победы Октябрьской революции и не прекращались вплоть до их полного исчезновения. О формировании однопартийной системы в нашей стране можно говорить уже с июля 1918 г. Тогда же начинается формирование явления, получившее название «диктатуры партии», нашедшей свое выражение и в номенклатурной системе назначения и утверждения руководителей и ответственных работников госаппарата. Располагаемая всей полнотой власти, правящая этика поддерживала свое руководящее положение не силой авторитета, а «силой власти», с помощью репрессивных органов. В 1922—1923 гг. был окончательно поставлен крест на многопартийности. Борьба мнений и внутри партии к концу 20-х гг. сменилась внешним единомыслием. Однопартийность и «монolithicность» единственной партии до предела упростили проблему политического руководства, сведя все к администрированию. Была создана всевластная и всепроникающая вертикаль, работающая в одностороннем режиме — от центра к массам, лишенная обратной связи. Уже в начале 20-х гг. сложилась система жесткой регламентации духовной, общественной и личной жизни коммуниста, которая была поставлена под надзор ячеек и контрольных комиссий. Особую роль в насаждении конформизма в партии сыграли «чистки» личного состава партии.

В докладе Т. Ю. Красицкой (ИРИ) рассматривался опыт формирования политики учета общегосударственных и национальных интересов в 20-е гг., прежде всего в культурном аспекте. Вступая в борьбу с объективными законами общества, отступая перед их неумолимостью, Ленин нащупывал политико-прагматические пути разрешения конфликтов. Революция, разрушая традиционный уклад жизни, имперское насилие над многонациональным обществом, создавала условия «для грандиозно-жесточкого опыта». Реформа Наркомпроса РСФСР, проведенная весной 1921 г. под руководством Ленина, учитывала зарождавшийся федеральный вектор устройства РСФСР, создавала базу для создания адекватной системы руководства многонациональной культурной сферой. Образование Союза ССР отодвинуло на задний план решение весьма актуальных проблем собственно Российской Федерации. Разнородность ее компонентов была не способна обеспечить плодотворность и долговечность самой Федерации и явилась основой той деструкции государственности, которую мы наблюдаем в наши дни.

И. В. Быстрова (ИРИ), посвятив свое выступление экономическим аспектам формирования командно-административной системы, высказала мысль, что эта система имела глубокие исторические корни, в том числе и в массовой психологии. Первая «революционная» попытка скачка к социализму выразилась в системе «военного коммунизма» 1917—1920 гг. с крайней степенью централизации управления, распределения, сферы труда и т. д. Большая же часть 20-х гг., так или иначе прошла под знаком нэпа, одного из самых противоречивых периодов в отечественной истории XX в. Как ни парадоксально, но именно в это время относительной экономической «свободы» в общих чертах сформировалась система административно-планового управления народным хозяйством. С другой стороны, именно эта «свобода» дала возможность системе укрепиться, набрать силу, а затем и уничтожить остатки «свободы». Движение к социализму рассматривалось прежде всего как тотальное огосударствление, создание единого госсектора народного хозяйства с поглощением им «негосударственного» сектора. С политической точки зрения гарантом такого пути развития было сохранение и упрочение власти партийно-государственной номенклатуры, скрывающейся под демагогической формулировкой «диктатура пролетариата». Экономическим приоритетом было развитие промышленности — основной опоры режима, «вытеснение» всех «негосударственных» элементов, крестьян-единоличников и частных торговцев. В годы нэпа можно говорить о двух «ипостасях» системы управления экономикой, двумя ее секторами — государственным и частным. В управлении госхозяйством применялись как экономические, так и административные методы. Система административно-командного управления народным хозяйством в общих чертах сложилась в 20-е гг.; вместе с тем этот период относительной экономической свободы был использован как передышка, во время которой были выработаны основные принципы, формы и методы государственного управления экономикой.

Л. Н. Суворова (Калужский пед. ун-т) остановилась на проблеме государства и рынка в экономической модели российского развития 20-х гг. Задача восстановления экономики после Гражданской войны стала основой для консолидации всех социально-экономических укладов. Соотношение государственного и рыночного воздействия на хозяйственные процессы менялось на протяжении 20-х гг. Причем сложившаяся ситуация (на начальном этапе восстановления рынка и товарно-денежных отношений) привела к тому, что государство было не в силах регулировать восстановительный процесс, он шел в большей степени стихийно. Возможности экономического регулирования были ограничены в силу экономической слабости государства. Но, разрешая и делая уступки, государство уже на этапе перехода к рынку определило свою политическую линию на устранение рынка из хозяйственной практики, которая была четко зафиксирована в документах конца 1920 — начала 1922 гг. и оставалась неизменной в основном до конца 20-х гг. Государственное вмешательство в регулирование цен в 1929 г. привело к торговому оживлению, а через него — к товарному голоду. ВСНХ, понимая логику рыночного развития, вынужден был в силу общей политики все более склоняться к силовым методам регулирования рынка. Механизм воздействия рыночного и государственного регулирования экономики на практике не складывался. Курс на утверждение государственного монополизма в экономике вел к созданию замкнутой хозяйственной системы. Попытка отказаться от рыночных методов и возвести в абсолют плановые привела к быстрому утверждению АКС. Смешанная государственно-рыночная модель, которая могла бы стать альтернативой АКС, не сложилась в России в 20-е гг. из-за догматических пристрастий в теории, в политике и чрезмерного госвмешательства в экономику.

В выступлении М. М. Кудюкиной (ИРИ) «Крестьянство и советская власть во второй половине 20-х гг.» отмечалось, что с середины 20-х гг. до начала сплошной коллективизации политика по отношению к крестьянству эволюционировала от лозунга «Обогащайтесь!», выдвинутого Н. И. Бухариным до ликвидации кулачества как класса, от оживления деятельности Советов и демократизации обществен-

ной жизни к сведению функций местных органов власти к чисто административно-регистрационным, уничтожению традиционного крестьянского самоуправления. Естественно, менялось и отношение крестьянства к власти. К середине 20-х гг. стало ясно, что массовой социальной опоры и активной поддержки советская власть в деревне не имеет. Поэтому попытка разрешить противоречие, существовавшее между экономическими и политическими целями нэпа во второй половине 20-х гг., потерпела неудачу. Кризис в отношениях крестьянства и власти сопровождался общим кризисом в стране, сложилась ситуация, в чем-то сходная с 1921 г. Выход был найден в укреплении АКС, в усилении репрессий.

На вопросе отделения Церкви от государства и становления патриаршества остановилась А. Ю. Юрчикова (РГГУ), подчеркнувшая, что восстановление патриаршества и принятие декрета об отделении Церкви от государства стало новым этапом на пути формирования взаимоотношений государства и Церкви. Принятие этого декрета в январе 1918 г. означало также и то, что государство перестало рассматривать православие как основу государственной идеологии.

Т. Г. Архипова (РГГУ), выступившая с докладом «Унитарный характер устройства СССР», отметила наличие в историографии в настоящее время трех точек зрения на СССР как государство. Первая: СССР — советская социалистическая федерация, созданная на иных по сравнению с буржуазными федерациями принципах. Вторая, полярная первой: было создано не содружество суверенных независимых государств, а мощное унитарное государство. Третья точка зрения представляет собой нечто среднее между двумя первыми: в условиях тоталитаризма федерация быстро превратилась фактически в унитарное государство. Провозглашение федерации как формы государственного устройства России было декларативным. На деле это было унитарное государство, созданное сверху по инициативе правящей партии путем присоединения отвоеванных в ходе Гражданской войны территорий. Разграничение полномочий между федеральными и местными органами в РСФСР строилось на принципах исключительной компетенции центра и остаточной — местных органов власти. Российская Федерация, по мнению ее основателей, должна была стать моделью более крупного социалистического государства, позволяющего восстановить бывшую Российскую империю. Политика центра после создания СССР была направлена на сокращение прав республик. В праве выхода республик из состава Союза, по мнению Сталина, был заложен суверенитет республик. Фактически это был запрет на выход. Видя в федерации переходную форму от буржуазного унитаризма к унитаризму социалистическому, идеологи национальной политики сначала в РСФСР, а затем в СССР пытались соединить две противоположные тенденции — интеграционную и сепаратистскую. Конституция 1936 г. пошла еще дальше по пути усиления централизации. Анализ ее содержания свидетельствует о том, что это был прежний союз «суверенных» государств по форме и унитарное государство по содержанию.

В докладе А. К. Соколова (ИРИ) «Противоречия и сложности советской действительности в конце 30-х гг.» выделяются некоторые события и факты, не нашедшие освещения в отечественной историографии. Не получил адекватного объяснения один из самых популярных сюжетов — массовые репрессии. Причины абстрактно приписывались сущности и природе тоталитарной власти в СССР. Докладчик не придерживается тоталитарной модели при анализе социально-политических процессов ввиду ее идеологической заданности, а призывает искать корни событий в состоянии самого общества и изменениях, происходивших в нем под влиянием совокупности факторов экономического порядка. Это влияние было весьма не однозначным и противоречивым. Очень много проблем породило так называемое «социалистическое наступление». Именно тогда окончательно сложилась централизованная планово-распределительная экономика с присущими ей чертами: ведомственностью, приоритетами и иерархией отдельных отраслей, однообразием и уродливым тяготением в сторону тяжелой индустрии. В последней все более усиливались позиции формирующегося военно-промышленного комплекса (ВПК). Созданная в стране в предшествующий период технологическая база во многом не соответствовала состоянию общества, порождая низкую производительность труда, слабую дисциплину. Одной из попыток преодолеть эти явления явилось стахановское движение (движение «новаторов производства»), которое в целом так и не смогло решить эту проблему, поскольку противоречило реальным и насущным интересам сформированного на базе ускоренной индустриализации рабочего класса. Характерной чертой второй половины 30-х гг. является угасание волн общественного энтузиазма. Причин для этого было предостаточно. Одна из главных — провозглашение построения социализма, закрепленное в Конституции 1936 г., т. е. цель, которую ставило «социалистическое наступление», объявлялась достигнутой. С этой точки зрения Конституция противоречила реалиям повседневной жизни. В народном хозяйстве во второй половине 30-х гг. обнаружились серьезные трудности. Производственные

затруднения списывались на «происки врагов народа». Между тем факты вредительства вытекали скорее из созданной наспех, плохо организованной экономики, из некомпетентности управленческих кадров. Одним из способов разрешения трудностей становилась репрессивная политика, не устранявшая их причин, загонявшая внутрь существовавшие противоречия и способствовавшая выдвиганию особого типа руководителей, умеющих приспособиться и выжить в складывающихся обстоятельствах. Понимание существующей тогда системы — ключ к причинам репрессий во второй половине 30-х гг. В этой сложной ситуации был взят курс на структурирование всех социальных слоев общества. Таким образом, в 30-е гг. власть пыталась овладеть всеми рычагами контроля над обществом, его гражданами. В итоге — усиление административно-командного режима, массовые репрессии.

«Интеллигенция и власть (20—30-е гг.)» — тема выступления Л. В. Ярушиной (ИРИ), подчеркнувшей, что судьба интеллигенции, особенно ее элиты, после Октября противоречива, неоднозначна и во многом трагична. Позитивная политика новой власти по отношению к интеллигенции нашла свое отражение во множестве научных исследований. Негативная сторона этих отношений, если и рассматривалась, то весьма однобоко и упрощенно. Объективность оценок, как правило, отсутствовала. Сегодня российские исследователи, имея в своем распоряжении новый архивный материал, работы зарубежных коллег, анализируя и сопоставляя их, пытаются дать объективную многомерную картину взаимоотношений власти и интеллигенции, ответив на ряд сложных вопросов. В их числе, например, такие: чем была предопределена трагическая судьба российской интеллигенции, в чем состоит ее собственная вина и беда, какие факторы оказывали непосредственное влияние на взаимоотношения власти, народа и интеллигенции, на неоднозначный выбор ее пути, какова вообще роль интеллигенции в советском обществе, в частности, какая роль отводилась новой народной интеллигенции, формирование которой началось после Октября, какова ее судьба в 20-е и особенно в 30-е гг.? Фактически все процессы 30-х гг.: против троцкистов, «Промпартии», «Шахтинское дело», «Трудовой крестьянской партии» и, безусловно, «Академическое дело» (дело историков) и т. п. были прежде всего направлены против интеллигенции. Но, отмечая это, нельзя забывать, что советская система власти смогла привлечь на свою сторону, подготовить, а затем мобилизовать и использовать для своего самоподдержания и укрепления лучшие интеллектуальные научные и творческие силы во всех сферах жизни, особенно в области точных наук и подготовки инженерно-технических кадров. Одновременно власть стремилась к полному контролю над обществом, что составляло ее силу и ее слабость.

В своем докладе Г. Б. Куликова (ИРИ) подчеркнула закономерности и противоречия в развитии государства в 30-е гг., отметив прежде всего, что 30-е гг. стали кульминацией в формировании политической модели советского общества. Конституция СССР 1936 г. провозгласила установление народовластия в лице Советов депутатов трудящихся, однако в реальной жизни нарастало всевластие верхушки партийно-государственного аппарата в центре и на местах, во всех структурах власти и управления была осуществлена предельная концентрация полномочий в руках узкого круга должностных лиц с доведенными до предела единообразием и авторитарностью. Идея превращения государства в диктатуру и собственника средств производства, а всего населения, как определял Ленин, в служащих и рабочих одного «всемирного государственного синдиката», могла воплотиться на практике лишь в форме жесткой, иерархически стройной административно-командной системы. Эта система не только отражала все основные характеристики и особенности периода, его объективные и субъективные параметры, его сложности и противоречия. Она своим обликом, своим образом действий точно отвечала социальному заказу, выданному обществом того времени и была идеально приспособлена к запросам правящей элиты. Законы огосударствленной экономики диктовали линии поведения в политике, однако и политика влияла на экономику в заранее заданном направлении. Вот эта чрезвычайно мощная сцепка экономических и политических факторов предопределила не только многолетнюю выживаемость советской системы, но и трудность ее демонтажа во второй половине 80-х гг. Сколько ни издавалось законов, сколько ни изобреталось форм оживления активности масс, все они не могли не носить поверхностного характера, так как не затрагивали корневую систему — экономические отношения. Структуры же, отражающие интересы и потребности общества, защищающие права граждан, представительные органы, оказались крайне неразвитыми.

В. С. Кожурин (РАУ), посвятив свое сообщение проблемам Великой Отечественной войны, подчеркнул, что она активизировала внутреннее брожение в советском обществе, породив ряд процессов большого исторического радиуса действия. Переоценке, по мнению докладчика, были подвергнуты основополагающие, базовые ценности и принципы общественного устройства, что в общем само по себе в переломные периоды истории является нормой. Но глубина и масштабность переоценки, происшедшей в годы войны, ее влияние на последующее развитие общества придают этому явлению особую

значимость. Сомнения в справедливости государственного порядка, в совпадении правды жизни с официальной «правдой», усилившиеся в годы войны, порождали зачатки качественно нового состояния внутренней жизни советского общества — всеобщего конформизма, пришедшего на смену ощущениям социалистического первородства, сопричастности к великим переменам в судьбах общества.

С. В. Журавлев (ИРИ) осветил вопрос о создании «закрытого» общества в 30-е гг., с которым связан и такой аспект проблемы, как зарубежная эмиграция. Социалистическое строительство вызвало поток эмигрантов в СССР, но в середине 30-х гг. начались массовые репрессии, направленные против иностранцев, в том числе их выселение, особенно из Москвы.

«Троцкий и советская действительность» — тема выступления А. А. Овсянникова (ИРИ). Он отметил, что эта проблема, несмотря на обилие публикаций, все еще слабо разработана по ряду существенных аспектов. Особенно это относится к периоду высылки Троцкого за рубеж в 1929 г. В ряду таких вопросов можно назвать происхождение и характер источников информации Троцкого о положении в СССР, характер и эффективность связей Троцкого и его сторонников с нелегальными организациями в СССР в 30-е гг. и их деятельность по налаживанию подобных контактов. Источники, отложившиеся в архиве Троцкого в США, содержат достаточно фактов об устойчивых связях коммунистической оппозиции по обе стороны советской границы, по меньшей мере до конца 1934 г. Косвенные же свидетельства говорят о попытках вести такую работу даже в условиях массовых репрессий второй половины 30-х гг. Резкий поворот в советско-германских отношениях после 1939 г. создавал идеологическую основу для возможного усиления влияния коммунистической оппозиции внутри СССР. Троцкий, который имел информацию о реальной экономической и политической ситуации в Советском Союзе, в многочисленных документах, публиковавшихся в открытой печати, предвидел возможные неудачи в предстоящей войне с фашистской Германией. Свои наблюдения он по различным каналам доводил до сведения советского руководства, продолжая, таким образом, оставаться лидером критиков режима. Данное обстоятельство и стало существенной причиной ликвидации Троцкого именно накануне войны с Германией.

В выступлении В. Б. Жиромской (ИРИ) рассматривался демографический портрет советской бюрократии в 30-е гг. На материалах переписей 1937 и 1939 гг. были показаны непрерывный и быстрый рост численности аппарата власти в России и ее регионах и в то же время отставание его качественных характеристик: уровня образования, профессионализма, даже грамотности. Например, не имели высшего и законченного среднего образования и при этом вообще нигде не обучались 21% руководителей самого высокого уровня общесоюзных, республиканских и областных учреждений и 56% всего руководящего персонала. Исследование половозрастной структуры показало молодость состава административного аппарата, что объяснялось лихорадочной сменяемостью кадров. Женщины были представлены в аппарате формально, в соответствии с установленной тогда нормой. Такой демографический состав был необходим для обеспечения функционирования командно-административной системы.

Тема выступления А. С. Сенявского (ИРИ) — «Российский тоталитаризм: урбанизация в системе факторов становления, эволюции и распада» — проблема сложная и по сути новая. По мнению докладчика, к термину «тоталитаризм» надо относиться спокойно, как к рабочему инструменту, не преувеличивая, но и не преуменьшая его значение. Понятие «тоталитаризм» в конечном счете можно свести к единому признаку: это — разновидность авторитарного (антидемократического) государства, характеризующаяся полным (тотальным) контролем над всеми сферами жизни общества. Под такое определение попадают и коммунистические, и фашистские режимы, т. е. тоталитарные общества левой и правой ориентации. Надо отметить, что абсолютный тоталитаризм, т. е. полное слияние общества и государства, — теоретическая абстракция, в реальной истории не существовавшая. Советское общество в период расцвета сталинского террора также нельзя отнести к этой категории, так как всегда существовал «черный рынок», атеизм не смог до конца вытеснить религиозность, социальная однородность была недостижима и даже внутри партии сохранялась некая видимость демократии — критика и самкритика, выборность и т. д. Социально-политическая модель вырастает из тех возможностей (и вероятностей), которые ситуационно представляет национальная и социально-культурная историческая почва. Для демократии в России в 1917—1918 гг. не было реальной исторической почвы. Тоталитаризм оказался наиболее адекватной формой перехода России к городскому обществу. Урбанизация в России в ранней стадии породила тоталитаризм, в средней — способствовала его укреплению, в развитой — привела к сокращению базисного потенциала тоталитаризма и к его крушению. Главным фундаментальным явлением был переход от сельского общества к городскому, он совершался в форме тоталитарного коммунистического государства. Причина в том, что Россия позже других государств вступила на

путь урбанизации, она вынуждена была идти более быстрыми темпами с неизбежными издержками в виде повышенного уровня маргинализации общества. В России для ее существования в силу комплекса ряда центробежных факторов (огромной территории, низкой плотности населения, национальной пестроты, особенно окраин, наличия сильных и агрессивных соседей и т. д.) степень государственного начала всегда объективно требовалась выше, чем в других государствах. И особенно эта потребность проявилась в XX в. При общем снижении потенциала тоталитарности к концу 80-х гг. за счет прежде всего фундаментальных процессов (стабилизации социальной структуры, высокого удельного веса потомственных горожан и жителей крупных городов, высокого культурного уровня населения и др.) к середине 90-х гг. мы имеем взрывной рост потенциала тоталитарности, превышающий уровень 1917 г. Это произошло за счет действия не базисных, а ситуационных факторов. Так называемый революционный прыжок в капитализм создал угрозу еще одного витка по тоталитарной дороге.

В дискуссии принял участие В. Ф. З и м а (ИРИ), осветивший некоторые особенности управления аграрным сектором в конце 30-х гг. и подчеркнувший особое значение опыта тех лет для современников. В ходе дискуссии выступили и другие участники конференции.

Обсуждение проблем, связанных с террором и репрессиями, открыл своим выступлением В. П. Д м и т р е н к о. Он подчеркнул, что историки начинают смотреть на террор и насилие как на сложное общественное явление. Сегодня мы уже многое знаем о носителях, механизмах действия, формах насилия и жертвах и т. п. потерях общества. Известно, что террором широко пользовались и противники советской власти. Мы нередко трактуем террор и насилие как временную беду, которыми отмечены пройденные этапы истории страны. Но за последние годы многое изменилось, а насилие осталось. Террор снова присутствует при очередном историческом сломе. Значит, это не просто временная беда, а застарелая болезнь общества, которая присуща ему при скачкообразном развитии. Чтобы понять природу этого явления, целесообразно иметь в виду ряд факторов. 1. Приход после Октября к власти новых социальных слоев, обусловивший изменение власти и форм собственности. Универсальный механизм удержания того и другого — террор. 2. В целом — низкий профессиональный уровень кадров управленцев всех уровней, доказывавших свое право на власть репрессиями против противников и критиков. 3. Усиление и расширение роли и функций маргиналов, не связанных нравственными и моральными нормами. 4. Значительная роль новой «советской» интеллигенции в идеологическом обосновании принципов управления. 5. Массовое доноительство как метод личного утверждения в структурах власти, поощряемый «сверху». 6. Падение политической культуры, изменение отношения к историческим традициям прошлого, к насилию. 7. Международная обстановка (последствия Первой мировой войны, нарастание военной угрозы, подготовка ко Второй мировой войне). 8. Инерция состояния гражданской войны, подогреваемая воспоминаниями о дореволюционной каторге и ссылке. 9. В итоге — часть общества начинала отвечать вождям революции насилием на насилие. Учет как отмеченных, так и возможных иных подходов к теме позволяет более всесторонне и объективно оценить природу и роль насилия и террора в жизни общества.

Доклад Г. М. И в а н о в о й (ИРИ) был посвящен вопросу становления репрессивных органов тоталитарного государства. В докладе подчеркивалось, что советская репрессивная система, главную и неотъемлемую часть которой составлял ГУлаг, создавалась в течение ряда лет. Своими корнями она уходит в хаос революции и Гражданской войны. Возникнув не на пустом месте, она органически включала в себя не только все пенитенциарные учреждения Российской империи, но и впитала ее богатый репрессивный опыт. Официальным проводником так называемой исправительно-трудовой политики советской власти стал Наркомат юстиции с его специальным карательным отделом. НКЮ постепенно закладывал основы последующего ведомственного беспредела в области применения репрессий. Кроме существовавшей системы мест заключения после Октября начала формироваться сеть новых карательных учреждений, неизвестных ранее в России, — лагерей принудительного труда, ставших впоследствии основным каналом реализации карательной политики государства. Первые два лагеря появились летом 1918 г. для «провокаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов и спекулянтов». Начало правовому регулированию деятельности лагерей положил декрет ВЦИК «О лагерях принудительных работ», опубликованный в «Известиях» 15 апреля 1918 г., а затем постановление, детально регламентирующее порядок и условия организации лагерей. Численность лагерей быстро росла, в 1922 г. в лагерях принудительного заключения содержалось почти 30 тыс. человек. 7 апреля 1930 г. СНК СССР принял «Положение об исправительно-трудовых лагерях». Авторитарная власть получила в свое распоряжение великолепный инструмент для политического и экономического воздействия на общество — ГУлаг, ставший зловещим символом жизни на грани смерти, символом каторжного труда, бесправия и беззакония.

В докладе В. Д. Е с а к о в а (ИРИ) «Общее и особенное в репрессивной политике государства в 20—30-х гг.» отмечалась необходимость разделения понятий «репрессивность политики» и «политика репрессий». Общие принципы, которые были присущи всему развитию Советского государства, поддерживали постоянную напряженность в обществе и оказывали существенное воздействие на проведение репрессивной политики, являлись утверждением положений о классовой борьбе как движущей силе в развитии общества и ее продолжения в новых формах, а также о необходимости борьбы против пережитков капитализма и буржуазного влияния. Это привело к широкому распространению в партийной пропаганде лозунга «Революция продолжается!» и поддержания как ее следствия психологии гражданской войны, что неизбежно аккумулировалось в формуле: «Если враг не сдается, его уничтожают». Под политикой репрессий длительное время подразумевался период 1937—1938 гг., позднее получивший название «великого террора». Затем эта политика была распространена на весь период господства сталинщины с конца 1920-х до 1953 гг. — от «шахтинского дела» до «дела врачей». В последнее время понятие «политика репрессий» получило более широкое толкование и распространено на всю историю Советского государства.

«Репрессии в отношении Церкви и верующих в 20—30-х гг.» — тема доклада О. Ю. В а с и л ь е в о й (ИРИ), в котором прослеживается антирелигиозная политика Советского государства. После революции Церковь лишилась всего, что имела: собственности, юридических прав и т. п. Начало этого было положено декретом 1918 г. об отделении Церкви от государства. Гибель большого числа церковно-служителей, убийство отдельных представителей церковной иерархии — яркое свидетельство репрессивной политики новой власти по отношению к Церкви. Общее число жертв постоянно увеличивалось, усилилось гонение на епископат. С 1922 г. особенно усиливаются репрессии против Церкви: изымаются церковные ценности, арестовывается митрополит Тихон. Вся антицерковная деятельность передается в руки спецкомиссии по антирелигиозной пропаганде, работающей под строгим контролем ГПУ. Шло расслоение Русской Православной Церкви, приведшее фактически к ее расколу.

Цель выступления А. В. К р у ш е л ь н и ц к о г о (РГГУ) — показать поле деятельности органов безопасности СССР в 30-х гг., и прежде всего дать определенную концепцию процесса становления и кристаллизации административно-командной системы, зрелость и расцвет которой приходится на 30-е г. Но, как считает докладчик, значительный крен в исследованиях в сторону репрессивной политики органов госбезопасности (ОГБ) уводит от анализа о репрессивности самого государства. Нельзя забывать, что в 20—30-х гг. ОГБ играли и позитивную роль. Современная отечественная и зарубежная наука не дает (и не может дать) по ряду причин цельной картины деятельности ОГБ как важнейшей составной части всей госсистемы. К середине 30-х гг. происходит окончательное оформление органов госбезопасности: все соответствующие госорганы были включены в систему ОГБ. По мнению докладчика, только с 1937 г. репрессии становятся массовыми и положено начало и тотальному надзору над обществом.

В докладе Е. В. П ч е л о в а (РГГУ) «Индивидуальный террор большевиков против политических противников» было отмечено, что террор вошел в практику РКП(б)/ВКП(б)/КПСС как инструмент ее господства практически с первых месяцев существования советской власти. Борьба с врагами путем физического их уничтожения началась уже с конца 1917 г., набирая силу в годы «красного террора», который становился в большинстве случаев абсолютно открытым и весьма значительным. Его жертвами стали 17 членов императорской династии, многочисленное духовенство, погибли представители старого госаппарата (5 министров внутренних дел; 2 министра юстиции, военный министр, начальник Департамента полиции, деятели правого движения, кадетской партии и т. д.). Террор продолжался и после окончания Гражданской войны: уничтожали тех, кого не успели убить раньше и кто не успел эмигрировать. Широкий размах приобрели репрессии против лидеров бывших левых партий — меньшевиков, эсеров, левых эсеров. С 1920-х гг. началась полоса репрессий большевиков против большевиков. Официальный террор начался позже и продолжался до середины 50-х гг. Другим направлением деятельности карательных органов было осуществление террора против «врагов советской власти», скрывавшихся за рубежом. Речь идет о тайном индивидуальном терроре, к которому ВЧК приступила за границей с 1921 г. В результате деятельность карательных органов оказалась весьма плодотворной: фактически удалось устранить всех наиболее видных и популярных белоэмигрантских военных деятелей.

И. Л. К о р н а к о в с к и й (ИРИ) в докладе о массовых репрессиях 30-х гг. высказал мнение, что нужно говорить не только о репрессивности государства, а прежде всего об образе мыслей в обществе, способствовавших возникновению этого феномена.

Интересный источник — «расстрельные» списки, показывающие характер и этапы репрессий. В стране побеждает (в силу ряда причин) идея революции: одна масса людей получает власть над другой. Чем глубже причины революции, тем сильнее репрессии. Возникает массовое насилие. Система

репрессий рождает страх, доноительство, что вызывает новые репрессии. Динамика 20—30-х гг. показывает их умножение. Людей уничтожают и за инакомыслие. Налицо противопоставление государства и личности: интересы государства выше интересов личности. При этом репрессии охватывают все звенья госсистемы.

В основу доклада В. Н. Земскова (ИРИ) «Полемика по проблеме политических репрессий в СССР (1917—1990 гг.)» был положен анализ статистических материалов, полученных в результате работы комиссии по выяснению потерь населения СССР (во главе с чл.-кор. РАН Ю. А. Поляковым), созданной в начале 1989 г. Историки впервые получили возможность ознакомиться со статистической отчетностью ГПУ/НКВД/МВД/МГБ в спецхране Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Эти отчеты содержат цифры, имеющие, по мнению докладчика, значительную степень достоверности. Однако некоторые исследователи приводят другие цифры потерь, резко отличающиеся от этих, — от 40 до 110 млн. человек, которые получены в основном косвенным путем. Такая статистика, считает докладчик, не имеет строгой научной аргументации и вызывает множество вопросов. По доступным сегодня статистическим материалам можно сделать вывод о том, что число осужденных за контрреволюционную деятельность и другие особо опасные государственные преступления в 1921—1953 гг. составило более 4 млн. человек. Из них к высшей мере были приговорены около 700 тыс. человек. Остальные попали в лагеря, колонии, тюрьмы, в ссылку или были высланы. Причем пик репрессий приходится на 1937—1938 гг. Самый высокий показатель высшей меры наказания падает на эти же годы.

М. И. Хлусов (ИРИ) в своем докладе остановился на деятельности Главного управления лагерей ОГПУ/НКВД/ в 1930—1938 гг., в период его наибольшей активности. Власть поставила перед ГУлагом две главные задачи: подавления и принуждения, которые были решены. Только за 1930—1938 гг. число заключенных лагерей увеличилось более чем в 10 раз. Узники лагерей особенно много сделали для осуществления индустриализации страны, развития экономики ее северных и восточных регионов. Власть ГУЛага над людьми проявилась и опосредованно, его существование создавало и психологическое напряжение для всех граждан страны, помогая режиму держать в повиновении многомиллионную державу.

Н. К. Петрова (ИРИ) в докладе «Кремль и еврейское дело» отметила слабую изученность истории и гибели Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) в СССР, входившего в структуру Совинформбюро. ЕАК был создан осенью 1941 г., начал действовать в начале 1942 г. Цель его создания — активизация работы по мобилизации мирового общественного мнения, евреев за рубежом против сущности фашизма и его злодеяний, пропаганде достижений СССР, героизма советского народа в войне. ЕАК в годы Великой Отечественной войны содействовал активизации зарубежного еврейского населения на борьбу с фашизмом, оказанию всемерной помощи СССР и Красной Армии. В конце 1948 г. комитет был распущен. Акт о его роспуске совпал с усилением процессов, связанных с «холодной войной», борьбой с космополитизмом. Большая часть руководства ЕАК и его активисты были арестованы. Поводом для репрессий послужило обвинение в шпионаже, в передаче антисоветской информации органам иностранных разведок, в сионистской деятельности, антисоветской пропаганде. Было репрессировано 110 человек, приговорено к расстрелу десять. Расправа над ЕАК была организована по типу политических процессов 30-х гг.

Выступивший в дискуссии А. К. Соколов особо выделил пик террора и репрессий, приходящийся на 1937—1938 гг., назвав это гигантской социальной аномалией, кампанией «охоты на ведьм», продуктом самой системы. Надо искать причину, почему такое стало возможным. Цифры жертв массовых репрессий — объект манипулирования. Особенности советской статистики являются наличие особой закрытой статистики, ее многоканальность, нерасчлененность численности политических и уголовных дел. Требуется тщательный и объективный анализ статистики НКВД, Наркомфина, Наркомюста и других органов.

С заключительным словом на заседании выступил В. П. Дмитренко, подчеркнув необходимость обратить особое внимание на скачкообразное развитие страны в XX в. Взятые темпы преобразований — одна из граней ответа России на исторический вызов. Отсюда — цена того, что было сделано. Важно видеть, что в ходе т. н. «социалистического» строительства решался ряд общенациональных задач. Закономерно резко возрастала роль государства, что вело к обострению взаимоотношений государства и общества. Утопии и иллюзии определяли важнейшие цели проводимой политики, что во многом усложняло и драматизировало движение общества. Сложность изучаемого процесса — в его многомерности и многоуровневости. Лишь учет всей совокупности факторов, обуславливающих природу и динамику массового террора, позволит осмыслить (а не только осудить) эту трагическую сторону советской истории.

Г. Б. Куликова, Л. В. Ярушина

ЧТЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ 840-летию г. ДМИТРОВА

3—4 ноября 1994 г. в подмосковном городе Дмитрове в связи с его приближающимся 840-летием состоялась конференция, в которой, кроме хозяев, приняли участие археологи, историки, географы, архивисты, искусствоведы, краеведы и музейные работники из Москвы, Ростова (Ярославского), Сергиева Посада, Звенигорода, Клина, Истры. На пленарных заседаниях и секциях — исторической, искусствоведческой, природоведческой и краеведческой — было заслушано более 40 докладов и сообщений.

Во вступительном сообщении Р. Ф. Х о х л о в (г. Дмитров) охарактеризовал основные этапы изучения истории города, начатого первым заведующим Музея Дмитровского края М. Н. Тихомировым и историком-архивистом М. С. Померанцевым в 1917—1918 гг. Первые научные труды по истории города были опубликованы во второй половине 20-х гг. Эта работа была прервана в начале 30-х гг., и новый этап историографии Дмитрова совпал со временем «оттепели». 60—80-е годы отмечены значительными успехами в изучении удельного периода истории Дмитрова и памятников искусства тех лет. Тогда же был открыт и опубликован интересный источник, датируемый последней третью XVIII — началом XIX в. — «Журнал» дмитровского купца И. А. Толченова.

Практически до самых последних лет хуже обстояло дело с изучением новейшей истории, исследователи только на подступах к раскрытию таких тем, как кооперативное движение в городе (с начала века до 1920 г.), периоды нэпа, «великого перелома», не говоря уже о строительстве канала Москва — Волга (1932—1937 гг.). Многие из этих тем нашли отражение в выступлениях на конференции.

В докладе В. И. В и ш н е в с к о г о (Сергиев Посад) были охарактеризованы материалы раскопок городища раннего железного века близ с. Кикино, на берегу р. Вели — притока Дубны. Полученные данные позволили автору выдвинуть гипотезу о существовании здесь укрепленного центра Повельского стана Дмитровского княжества.

Все найденное при раскопках селища Пуриха-3, открытого в 1993 г. в окрестностях укрепленного центра Вышгородского стана на берегу р. Яхромы, по мнению другого докладчика — М. А. О в ч и н н и к о в а (Сергиев Посад), дает возможность осветить важные проблемы материальной культуры древнерусской деревни и этапы освоения данной территории восточными славянами.

Культуру и быт XV—XVI вв. помогают представить находки на селище Пуриха-2, в окрестностях того же Вышгорода, охарактеризованные в докладе А. Е. Б у ш у е в а (Сергиев Посад). Об этом и более позднем периоде можно судить по материалам раскопок 1993 г. в районе слободы Березовец, которые, по мнению С. А. И в а н о в а (Сергиев Посад), вполне подтверждают выводы М. Н. Тихомирова в его работах о Дмитрове, опубликованных в 20-е гг., и в то же время позволяют пересмотреть и дополнить материалы раскопок Н. П. Милонова 1933—1934 гг.

С. М. К а ш т а н о в (Москва) подверг критическому анализу трактовку и датировку жалованных грамот Дмитровскому Борисоглебскому монастырю удельных князей Юрия Васильевича и Юрия Ивановича. В своем докладе он также идентифицировал и определил местоположение ряда сел и деревень, находившихся во владении монастыря в XV—XVI вв.

О кладах русских монет XVI—XVIII вв., найденных в разное время в Дмитрове и его окрестностях, сообщалось в докладе А. С. М е л ь н и к о в о й и О. С. Д я д ч е н к о (оба — Москва). К XVI — началу XVII в. — времени быстрого экономического роста города относится 10 кладов, к XVII в. — всего 2. К следующему периоду подъема города — XVIII в., когда развивающийся Петербург все решительнее притягивал торговых людей Дмитрова, — относится находка 7 кладов медных монет второй половины XVIII — начала XIX в.

К. В. Б а р а н о в (Москва) сделал обзор документов столбцовой формы XVII — начала XVIII в. из Дмитровского Борисоглебского монастыря, хранящихся в фонде Иосифо-Волоколамского монастыря в РГАДА (ф. 1192). Значительная их часть посвящена выполнению государственных повинностей, в первую очередь — ежегодному платежу налогов в «государеву казну», а также разного рода экстраординарным сборам: от «немецких кормов» до участия в «кумпанстве» по постройке галер в первые годы царствования Петра I.

Характеристике документов из архива Лужиных в собрании Ростовского музея (115 документов 1652—1720 гг.) был посвящен доклад А. Е. В и д е н е в о й, С. В. С а з о н о в а, Е. И. С а з о н о в о й (все — г. Ростов). Коллекция позволяет подробно осветить историю дмитровских вотчин Лужиных, денежных и натуральных сборов с владений, отношений вотчинников и зависимых от них крестьян (отпускные «памяти» для выхода замуж, записи о побегах крестьян и т. д.). В «сказке» 1658 г. содержатся сведения о переводе крестьянских семей из различных поместий и вотчин Лужиных в сельцо Григорково

Дмитровского уезда. Для переезда каждой крестьянской семье выдавалась «ссуда на хлеб и лошадей, и на корову, и на овцы, свиньи, куры и на всякую мелкую живность, и на дворовое строение 50 рублей». Такого рода сведения, важные для оценки состояния крестьянского хозяйства, редко встречаются в дошедших до нас архивах.

Обзору коллекции рукописных книг в собрании Дмитровского музея был посвящен доклад О. В. Т ю р е н к о в о й (г. Дмитров). Наиболее значительная часть этой коллекции поступила в музей в первые полтора десятилетия его существования (до 1932 г.), из усадеб и закрытых монастырей, а также в качестве даров (М. Н. и Т. Н. Поливановых). В ее состав входят такие ценности, как синодики дмитровского Успенского собора (1650 г.), Борисоглебского монастыря (1654 г.), князя Долгорукова (первая половина XVII в.) и Г. Ф. Карсакова (1704 г.). Коллекция содержит и интересные памятники поздней летописной традиции — богато иллюстрированные рукописи, созданные иеромонахом Николо-Пешношского монастыря Иеронимом (Сухановым) в 30—50-е гг. XIX в. В 1987—1988 гг. музеем было приобретено также 7 рукописей из некогда знаменитого собрания архимандрита Амфилохия (Казанского).

В. Л. Т е л и ц ы н (Москва) посвятил свой доклад деятелям земской статистики Московской губернии конца XIX в., в том числе тем, работы которых в настоящее время незаслуженно забыты.

П. А. Кропоткин являлся одним из немногих революционеров, которые одновременно были и крупными экономистами-теоретиками. Так начал свое сообщение о месте П. А. Кропоткина в истории мировой экономической мысли, П. Б. Д е й н е к а (Москва). Современная экономическая мысль, считает докладчик, вновь обращается к проблеме «кооперационного эффекта» и, безусловно, не может не вспомнить об идеях П. А. Кропоткина, изложенных в целом ряде его книг, и о практике его сотрудничества с дмитровскими кооператорами в 1918—1920 гг.

История отечественной кооперации первых десятилетий нашего века еще не написана, сказал в своем докладе Р. Ф. Хохлов, но в ней найдет, конечно, свое достойное место и краткий по времени, но значительный по результатам опыт дмитровских кооператоров и их взаимопользовного общения с таким замечательным теоретиком и неутомимым пропагандистом идей солидарности и взаимной помощи, каким был П. А. Кропоткин. В 1918—1920 гг. он не раз принимал участие в собраниях уполномоченных Дмитровского союза кооперативов, тесно сотрудничал с организованным Союзом музеем Дмитровского края. В выступлениях перед кооператорами, статьях и интервью этих лет, отмечая успехи кооперации в деле распределения, в частности, на примере хорошо знакомой ему Англии, Кропоткин постоянно подчеркивал, что большую роль кооперация призвана играть в деле организации производства. Перспективным представляется в этой связи исследование вопроса о влиянии идей Кропоткина на теоретиков сельскохозяйственной кооперации и экономистов — А. В. Чаянова, Н. П. Макарова, А. Н. Челинцева, Н. Д. Кондратьева и др.

Судьбы интеллигенции на строительстве канала Москва — Волга, когда г. Дмитров стал центром одного из крупнейших в истории ГУЛага «исправительно-трудовых лагерей» Дмитлага ОГПУ (с 1934 г. — НКВД), стали темой доклада Н. А. Ф е д о р о в а (г. Дмитров). Докладчик впервые, используя ранее секретные архивы КГБ, восстановил вехи трагической судьбы участников «великой сталинской стройки», осужденных по печально знаменитой 58-й статье, — талантливых художников — Г. С. Куна, К. С. Соболевского, журналистов, писателей и других «врагов народа», расстрелянных вскоре после окончания строительства, в 1937 г. Такая же судьба в 1940 г. постигла и Н. В. Некрасова, известного политического и государственного деятеля, министра в трех составах Временного правительства, крупного специалиста в области мостостроения, опыт которого был использован советской властью как на Беломорстрое, так и на строительстве канала Москва — Волга.

Судьба еще трех интеллигентов — К. А. Половцовой, А. А. Мейера, Г. С. Габаева, оказавшихся в 30-е гг. в качестве заключенных в Дмитрове, по новым архивным документам — тема сообщения Я. В. Л е о н т ь е в (Москва). Эволюцию ГУЛага ОГПУ в хозяйственную производственную систему в период строительства канала Москва — Волга показал в своем сообщении И. Ю. В о р о н о в (г. Дмитров).

О судьбе преследуемых за принадлежность к старинному аристократическому роду князей Голицыных рассказал в своем докладе член-корреспондент Российской Академии художеств И. В. Г о л ы ц ы н (Москва), который, будучи еще ребенком, в 1931 г., попал в Дмитров в составе большой семьи, высланной в 1930 г. из Москвы.

На основе ранее засекреченных данных построены также доклады и сообщения Л. Р. В а й н т р а у б а (Москва) «Церковь и государство в Дмитрове и Дмитровском уезде в 20—30-е гг. XX в.», А. Н. П о л и в а н о в а и Н. В. Т а б у н о в о й (оба — г. Дмитров) «Судьба художника» (А. Т. Гревцева) и др. К началу чтений была приурочена выставка «Творчество «дмитровских чудаков»» (В. М. Голицын, А. Т. Гревцев, А. П. Любимов), на открытии которой выступили Р. Ф. Хохлов, М. В. и И. В. Голицыны.

В решении по итогам «Чтений» была отмечена необходимость продолжения традиции подобного рода многопрофильных конференций с периодичностью 1 раз в 2—3 года, создания в г. Дмитрове постоянно действующих археологической и архитектурно-реставрационной служб, а также издания периодического органа — альманаха (журнала) или сборников трудов, посвященных изучению истории и культуры края, публикации памятников и документов, в том числе хранящихся в Отделе письменных источников Дмитровского историко-художественного музея. В числе первоочередных задач участники «Чтений» рассматривают также необходимость воссоздания в г. Дмитрове Дома-музея П. А. Кропоткина, существовавшего в 20—30-е гг. в качестве филиала Музея Дмитровского края, а также создание здесь Музея канала Москва — Волга и Дмитлага ОГПУ/НКВД и увековечения в Дмитрове и районе памяти строителей канала.

Все эти задачи приобретают актуальность в связи с приближающимся 850-летием Москвы, а затем и 840-летием ее «младшего брата» — Дмитрова, города, бесспорно, неординарной судьбы.

Р. Ф. Хохлов

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ (1895—1917 гг.): ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Конференция в Пензе и совещание в Петербурге

Изучение рабочего движения в Российской империи в конце XIX — начале XX в. является одной из важных задач исторической науки, поскольку анализ его позволяет глубже осмыслить причины и сущность насыщенного катаклизмами общественного движения в стране и дает возможность по-новому взглянуть на происходящие перемены. Яркое подтверждение тому — проводимые в последние годы международные историографические конференции, на которых исследовательский Проект создания «Хроники», разработанный еще в 80-х гг., неизменно признавался приоритетным. В настоящее время несколько международных фондов финансируют издание годовых выпусков «Хроники».

Подведению предварительных итогов и обсуждению вопросов дальнейшей исследовательской и публикаторской работы в связи с изданием первых трех выпусков «Хроники» (за 1895, 1896, 1897 гг.) была посвящена научно-практическая конференция, состоявшаяся в конце 1994 г. в Пензе. В ее работе приняли участие представители научных и архивных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, Республики Татарстан, Волгоградской, Воронежской, Ивановской, Калужской, Нижегородской, Пензенской, Ростовской и Самарской областей. Не смогли приехать по финансовым причинам, хотя и были заявлены в программе, представители Краснодарского и Ставропольского краев, Астраханской, Курганской, Новгородской и Челябинской областей.

Открывая конференцию, ответственный редактор издания Ю. И. К и р ь я н о в (ИРИ РАН) подчеркнул, что, несмотря на организационные и финансовые трудности, все же удалось собрать материал за 1895—1904 гг. по всем регионам бывшего Союза. Более того, архивы ряда государств СНГ (Белоруссии, Азербайджана) выразили готовность наряду с архивами Российской Федерации продолжать эту работу. Ю. И. Кирьянов отметил, что подписанное ранее «Соглашение о подготовке „Хроники“ за 1895—1917 гг.» было пролонгировано Государственным архивом Российской Федерации и Институтом российской истории РАН 20 июля 1994 г. В последнее время вышел в свет целый ряд региональных хроник: А. С. Касимова — по Центрально-Черноземному району (пять губерний), Л. С. Юдиной — по Уралу (четыре губернии), коллективная работа по Карелии, В. Н. Огнева — по Москве и др. Сибирские исследователи — одни из зачинателей работы — издали «Хронику общественного движения в Сибири в 1895—1917 гг.».

Известно, что объективность исследования в значительной степени зависит от полноты источниковой базы. В этой связи представляют большой интерес некоторые фонды, рассекреченные недавно, а также материалы бывших партийных архивов, которые теперь переданы в ведение государственных архивов. Сведения, имеющиеся в этих фондах, ранее при составлении «Хроники» не учитывались.

Поэтому предстоит дополнительная работа, ход и результаты которой будут освещены в особых разделах последующих годовых выпусков.

Участники конференции с вниманием выслушали содержательный доклад ответственного редактора первых выпусков И. М. П у ш к а р е в о й (ИРИ РАН), подчеркнувшей важность издания хроник для исторической науки. Прошлые издания по истории рабочего движения, в том числе и хроники, отметила она, были подвержены значительным перекосам, проявлявшимся в утверждении тезиса о неуклонном и прямолинейном усилении влияния революционной социал-демократии на рабочих; массовые выступления рабочих представлены в них не более как фон классовой борьбы. К тому же, история рабочего движения в этих изданиях показана в основном на примерах Петербурга и Москвы. Кроме того, она преподносилась изолированной от выступлений рабочих в западных губерниях и в Польше. Количество стачек и особенно количество участвующих в них неоправданно завышалось, сгущались краски и при описании мер наказания, идеализировался облик рабочих, их культурный уровень, их духовные и политические запросы. Причина всех этих недостатков — в определенной идеологической заданности. Свою лепту внесла в это и мемуарная литература, также подвергнувшаяся идеологическому давлению.

В первых трех выпусках «Хроники» представлена наиболее полная, не имеющая аналогов в литературе панорама развития рабочего движения в стране в целом и в отдельных ее регионах. Об этом красноречиво говорят цифры. Так, для издания этих выпусков были проведены поиски более чем в 100 архивах бывшего СССР. Материалы первой книги (за 1895 г.) базируются на документах 86 фондов из 29 архивов, второй (за 1896 г.) — на 106 фондах из 36 архивов, третьей книги (за 1897 г.) — на 120 фондах из 32 архивов.

Выявленный обширный материал, особенно документально зафиксированные требования рабочих, позволяют судить об условиях их труда, отношении к рабочему человеку в России. Грубость мастеров, нередко переходящая в рукоприкладство, ужаснейшие условия быта вполне объясняют причины не совсем «мирных» выступлений рабочих. В целом фактический материал «Хроники» — хорошая основа для объективного изучения истории рабочего движения.

В сообщениях и тезисах, опубликованных к началу работы конференции (Пенза, 1994), нашли отражение различные аспекты изучения рабочего движения, а также публикаторской деятельности.

С. И. П о т о л о в (С.-Петербургский филиал ИРИ) отметил, что в Северо-Западном регионе работа по сбору данных закончена и все карточки отправлены в Москву. Устанавливаются контакты с федерацией С.-Петербургского отделения профсоюзов, которая готова выделить на исследовательские цели средства. Некоторые международные фонды предлагают с помощью особой методики обработать архивы фабричной инспекции, а частное Санкт-Петербургское издательство «Блиц» предложило изготовить компьютерные блоки данных. В таком банке данных, как выяснилось, заинтересованы и готовы их закупить библиотеки и информационные агентства из стран дальнего зарубежья. Может быть, и наши соседи по СНГ и Балтии проявят интерес к этим выпускам, поскольку централизованная система снабжения библиотек и научных организаций сегодня не действует.

Б. Ф. Д о д о н о в (ГАРФ) на основании присланных в ГАРФ как головную организацию по составлению «Хроники» материалов охарактеризовал полноту использования областными государственными архивами своих фондов, особо отметив фонды, наименее обследованные в работах по данной тематике: фонды предпрятий, не подведомственных фабричной инспекции: железных дорог, горнозаводских, металлургических заводов, горных шахт, торфяных разработок, строительства, речного пароходства, ремесленных и кустарных мастерских, коммунального городского хозяйства и др.

А. С. К а с и м о в (Пензенский гос. пед. ин-т) подробно охарактеризовал динамику роста разнообразных форм социального протеста в Центрально-Черноземном регионе. Составленная и опубликованная им «Хроника» по ЦЧР позволяет более точно выявить не только число различных форм выступлений рабочих, но и получить сведения о стачках и волнениях сезонных, срочных и поденных рабочих, что существенно дополняет общую картину социального сопротивления трудящихся России.

В. С. К о н о в а л о в (ИНИОН РАН) представил реферат книги Ч. Винна о беспорядках и погромах, которые сопутствовали многим выступлениям рабочих в Донбасско-Днепровском регионе.

К. Е. Б а л д и н (Ивановский гос. ун-т) рассказал о работе над хроникой-перечнем рабочих потребительских обществ в России второй половины XIX — начала XX в. Этот перечень опубликован.

Н. В. М и х а й л о в (СПб. ФИРИ РАН) остановился на персональном составе Петербургского совета безработных, как одной из специфических рабочих организаций.

Н. Д. Е р о ф е в (МГУ) поделился своими архивными находками, а также наблюдениями о влиянии народников и эсеров на рабочее движение, весьма активно действовавших на территории ЦЧР.

А. Н. К у р а е в (Российский ин-т дружбы народов) говорил о нелегальной печати Бунда конца XIX — начала XX в. как одном из важных источников для составления «Хроники».

На конференции выступил и. о. главного редактора журнала «Отечественные архивы» Ю. Б. Ж и в ц о в. Он призвал участников активнее сотрудничать с журналом, выходящим с 1923 г. В частности, журнал проявил интерес к обнародованным на конференции оригинальным сведениям о формах социального протеста и различного рода организациях рабочих, а также о листовках.

Н. А. П е т р о с о в а (Росархив) говорила о поддержке Архивной службой Российской Федерации выполнения Проекта создания «Хроники». Эта работа, подчеркнула она, включена в рекомендации архивам России. В связи с рассекречиванием некоторых фондов и привлечением материалов партийных архивов объем такой работы резко увеличивается, поэтому остро встает вопрос о подборе кадров, в том числе и научных консультантов.

Большой интерес вызвали сообщения с мест. В них особое внимание обращалось на специфику материалов региона и на трудности заполнения некоторых реквизитов в карточках учета. В качестве примера Б. М. П у д а л о в (Госархив Нижегородской обл.) упомянул о периоде массовых волнений в Н. Новгороде и губернии в июле и октябре-декабре 1905 г., когда митинги и сходки шли чуть ли не каждый день, а то и по несколько раз в день, при этом митинги переходили в демонстрации и наоборот. Такие события трудно поддаются учету.

В ряде выступлений (Н. В. Ч е т к и н о й — Госархив Воронежской обл., М. А. З о р и н о й — Госархив Калужской обл., Т. В. С у д н и к — Госархив Волгоградской обл., Л. С. Ю д и н о й — Челябинский ун-т, Е. Л. А р у т ю н о в о й — Госархив Ростовской обл.) содержался конкретный анализ источниковой базы областных архивов. Документы, хранящиеся в фондах, свидетельствуют, что выступления рабочих в этих регионах в конце XIX — начале XX в. носили разрозненный характер. Требования рабочих в основном касались только улучшения экономических условий. Забастовки и митинги, как правило, не доходили до кровопролитных столкновений с полицией, хотя к 1905 г. администрация заводов и фабрик все чаще стала вызывать казаков. Сельское население этих губерний оставалось политически пассивным.

На конференции были заслушаны и сообщения о материалах, хранящихся в фондах пароходства и судокомпаний (Л. М. С е с е л к и н а — РГИА), а также о мемуарных источниках периода 1905—1907 гг. (С. В. К а з а к о в а — РГИА), о материалах Российского госархива ВМФ (Т. С. Ф е д о р о в а), издания «История фабрик и заводов» и фондов истории профессионального движения (О. Н. К о п ы л о в а — ГАРФ).

По итогам работы конференции была принята резолюция, одобрявшая договор о творческом сотрудничестве ИРИ РАН и ГАРФ — головных организаций по подготовке «Хроники рабочего движения в России».

Конференция рекомендовала редколлегии издания обратиться к архивным и научным учреждениям стран СНГ и Балтии с предложением продолжить научное сотрудничество, а также к отечественным и международным спонсорам с целью получения необходимых средств для проведения работы по материалам рассекреченных фондов.

А. С. Касимов, С. С. Лыкин

* * *

22 декабря 1994 г. в Санкт-Петербургском филиале Института российской истории РАН состоялось годовое собрание Петербургской (Северо-Западной) проблемной комиссии по подготовке «Хроники рабочего движения в России (1895—1917 гг.)». В собрании приняли участие сотрудники Института, архивов, музеев, вузов С.-Петербурга и Новгорода, работающие над «Хроникой».

Открывший заседание председатель комиссии, директор СПб. ФИРИ член-корреспондент РАН В. А. Ш и ш к и н отметил, что, несмотря на значительные трудности, работа над «Хроникой» продолжается, уже опубликованы два первых выпуска «Хроники» за 1895—1896 гг. и идет подготовка новых.

С докладом выступил заместитель председателя комиссии С. И. П о т о л о в (СПб. ФИРИ). Он подвел итоги ее деятельности за полтора года, подчеркнув, что сейчас она вступила в новый решающий этап. Одновременно с работой над документальными материалами в архивах, музеях и библиотеках ведется издание первых выпусков самой «Хроники». С. И. Потолов отметил значительный интерес, проявляемый за рубежом к вышедшим выпускам «Хроники», что в немалой степени объясняется самим характером всего этого масштабного проекта, когда всеобъемлющие сведения о различных формах рабочего движения в России с конца XIX в. включаются важной составной частью в банк данных о

стачечном движении в индустриальных странах Европы и США, создаваемый в Доме наук о человеке в Париже.

Петербургская комиссия по подготовке «Хроники», функционирующая с 1986 г. и объединяющая до 30 участников в Санкт-Петербурге, Новгороде и Пскове, разделяет вместе с московскими коллегами основную тяжесть этой работы, что объясняется, с одной стороны, ролью Петербурга как ведущего центра рабочего движения в стране, а с другой — тем, что здесь в архивах, прежде всего в РГИА (равно как и в московском ГАРФе), сосредоточен основной массив документальных, в том числе общероссийских, материалов. В настоящее время закончены выявление и обработка материала по периоду 1895—1904 гг. и подготовка к его изданию. В ряде архивов эта работа полностью завершена до 1917 г., но материалы бывших партийных архивов только начинают обследоваться. Активно помогает в работе над листовками и Музей политической истории России (бывш. Октябрьской революции). К сожалению, из-за недостатка средств не могут сотрудничать с комиссией коллеги из Российской национальной библиотеки.

Требуется серьезная помощь РГИА, где собран огромный массив еще необработанных документов, начиная с 1905 г. Петербургская комиссия тесно взаимодействует с руководителем работы в РГИА С. В. Казаковой — в ее группе сотрудничают также ученые из СПб. ФИРИ, Гуманитарного университета профсоюзов. Большую помощь в работе комиссии оказывает Федерация профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которая с октября прошлого года выделяет средства на оплату нештатных сотрудников для работы над «Хроникой». Председателем федерации Е. И. Макаровым была также обещана помощь в публикации материалов по истории рабочего движения и профсоюзов.

Нужно упомянуть и о финансовой поддержке со стороны фонда Дж. Фельтринелли (Италия), на средства которого изданы первые выпуски «Хроники». В настоящее время «Хроника» печатается в Санкт-Петербурге на базе издательского и информационного центра «Блиц», руководитель которого С. В. Цветков активно содействует в распространении «Хроники» за рубежом, прежде всего в США.

К международному colloquium по теме «Рабочие и интеллигенция в России в начале XX в.» Отделом современной истории СПб. ФИРИ недавно издан сборник статей «Рабочие и российское общество (вторая половина XIX — начало XX в.)». В сотрудничестве с Мичиганским и Иллинойским университетами (США) Петербургская комиссия вместе с московскими коллегами участвует в подготовительных работах по расширению рамок «Хроники» рабочего движения и доведения ее до 1929 г. (руководитель проекта с американской стороны проф. У. Розенберг). Готовятся обзоры документальных материалов за 1917—1929 гг., планируется также совместное издание документов. К сожалению, до сих пор не удалось завершить переговоры с финскими историками и архивистами об их участии в работе над «Хроникой».

И. М. Пушкарёва (ИРИ РАН) подробно рассказала о работе по подготовке «Хроники» к изданию. В Москве эту работу ведет небольшая группа историков и архивистов, которым начиная со второго выпуска помогают члены петербургской комиссии. В связи с тем, что интерес к изучению истории рабочего класса и рабочего движения в последнее время заметно упал, важность работы над «Хроникой», которую отличают и новизна исследовательских приемов, и источниковая фундаментальность, несомненна. Отсюда и пристальный интерес к этой работе за рубежом.

И. М. Пушкарёва отметила определенные трудности в работе над аналитическими карточками, отдельные сведения из которых необходимо перепроверять и уточнять по архивным делам. Сама специфика издания превращает «Хронику» в первоклассный вторичный источник, поэтому необходимо точно и полно заполнять аналитические карты. Что касается «петербургского» материала, то наиболее полную и точную информацию содержат карточки, составленные в ЦГИА (СПб.). И. М. Пушкарёва рекомендовала, учитывая большое количество фондов, указывать не только их номер, но и название.

В обмене мнениями приняли участие В. Ю. Черняев (СПб. ФИРИ), Г. Н. Федоров (РГА ВМФ), С. В. Казакова (РГИА) и др. Были обсуждены методические вопросы, в частности, относительно отбора сведений об организациях, листовках и выступлениях не в рабочей среде. В. Ю. Черняев просил Росархив составить список современных названий архивов и фондов.

Н. В. Михайлов, С. И. Потолов

340 лет ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЫ

Российско-украинская конференция

31 января 1995 г. Президиум РАН, Отделение истории РАН и Институт российской истории РАН, Национальная академия наук (НАН) Украины и Институт истории Украины НАН провели в Москве совместную научную конференцию в связи с 340-летней годовщиной Переяславской рады (8 января 1654 г.), итогом которой стало объединение Украины и России.

Кроме сотрудников названных институтов среди участников конференции были представители Института славяноведения и балканистики (ИСИБ) РАН, других научных учреждений Москвы, Киева, г. Каменца-Подольского. Ученые России и Украины довольно часто встречаются на конференциях, организуемых каждой из сторон (I и II международные конгрессы украинистов, ежегодные конференции ИСИБ РАН «Славяне и их соседи» и др.), но давняя традиция приурочивать такие встречи к важным датам российско-украинской истории оказалась полностью забытой. Тем приятнее ее возрождение на принципиально новой, не официальной и пропагандистской, а на сугубо научной основе (прежде научные интересы выступали нередко в виде подпорки к идеологическим конструкциям; при этом украинским историкам пришлось гораздо труднее из-за различных «местных инициатив»). Хотелось бы, чтобы подобные встречи, посвященные богатой истории российско-украинских взаимоотношений, действительно обрели бы системность. Поводом для ближайшей встречи мог бы стать в 1995 г. 400-летний юбилей Б. М. Хмельницкого, человека, сыгравшего выдающуюся роль в истории Украины и России.

Переяславская рада положила начало более чем трехсотлетней истории русского и украинского народов в рамках единого государства. На этом долгом пути было немало горьких страниц, но много и таких, которыми можно гордиться. Осмысление пройденного — вот лейтмотив конференции.

Открывая заседание, член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров (Москва) отметил, что, несмотря на интенсивное издание источников и обширнейшую историографию по этой проблематике, подлинно научное, неидеологизированное раскрытие темы потребует от исследователей еще многих усилий. В этой связи он подчеркнул особую важность сотрудничества ученых двух стран.

В докладе «Переяславская рада 1654 г.: мифы и реальность» член-корреспондент НАН Украины В. А. Смолый (Киев) четко сформулировал основные положения, выдвинутые в последние годы украинскими историками при изучении освободительной войны XVII в. на Украине. Первое — это оценка ее как движения, по сути своей способствовавшего становлению в гетманстве буржуазного, фермерского уклада. Второе — тезис, согласно которому в ходе войны было создано независимое государство, а объединение с Россией должно рассматриваться под углом зрения перспектив его эволюции. Переяславская рада (вместе с «мартовскими статьями» 1654 г.) означала, по мнению докладчика, международное признание украинского государства с ограниченным суверенитетом. Спорной представляется форма объединения: номинальный вассалитет, протекторат или конфедерация? В любом случае это объединение позволяло продолжить в союзе с Россией борьбу с Речью Посполитой, а также противостоять агрессии Крымского ханства и Османской империи. При этом Рада 1654 г. определяется не как завершение освободительной войны, а как один из ее этапов. Выделяются рубежи: январь 1654 г. — сентябрь 1658 г., сентябрь 1658 г. — октябрь 1660 г., ноябрь 1660 г. — 1667 г.

В докладе В. С. Степанкова (г. Каменец-Подольский) об основных аспектах украинской геополитики русского правительства (1654—1667 гг.), восстание на Украине определялось как национальная революция, а стремление к созданию независимого государства — не только как генеральная линия политики гетмана и старшины, но и императив действий масс. Докладчик выдвинул тезисы о полной самостоятельности (с небольшими ограничениями) Украины в составе России и о постепенном расхождении их интересов уже со времени первой кампании войны с Речью Посполитой (1654/55 г.), поскольку основная часть царских войск действовала на территории Белоруссии. По мнению В. С. Степанкова, противоречия особенно усилились с конца 1655 г. и стали совершенно очевидными через год, когда украинская делегация не была допущена к польско-русско-австрийским переговорам под Вильно, а достигнутые тогда соглашения означали признание Россией возвращения Правобережной Украины под власть Речи Посполитой. Позже разногласия усугублялись (например, антиукраинская позиция А. Л. Ордин-Нащокина во время львовских обсуждений с представителями Речи Посполитой в 1663 г.). Результатом этого были поиски украинскими политиками альтернатив (например, «шведской»).

Те же положения развивались и в докладах украинских исследователей Т. В. Чухлиба и А. И. Гуржия (оба — Киев). В частности, в них отмечалось, что гетманы, возглавлявшие Войско

Запорожское после Б. М. Хмельницкого, были продолжателями его политической линии (например, во взаимоотношениях со Швецией). Подчеркивалась и неоднозначность позиции Украинской Православной Церкви относительно объединения с Россией.

В докладах российских ученых А. Л. Хорошкевич, Г. А. Санина, Л. В. Заборовского (все — Москва) и в выступлениях участников конференции в ходе дискуссии ряд положений украинских историков был поддержан. Так, многие московские ученые разделяют мнение о существовании независимой от Речи Посполитой Украины после 1648 г. Некоторые из них согласны и с тем, что пора отказаться от термина «воссоединение» в пользу другого, например, «объединение» (другие полагают, что нет смысла поспешно отказываться от устоявшейся терминологии). Признается и не завершённый характер освободительной войны 1654 г., однако вряд ли правомерно далеко относить ее конечную дату: слишком отличная ситуация возникла в 60-х, а тем более 70-х гг. XVII в. Спорной остается проблема определения сущности возникшего в 1654 г. государственного образования: фактический союз, вассалитет (но какого типа?), конфедерация? Всяческой поддержки заслуживает энергичная деятельность украинских археографов (киевской, днепропетровской, львовской школ) по расширению источниковой базы для дальнейших исследований — эту сторону деятельности украинских археографов основательно осветила А. Л. Хорошкевич. Ею также были сформулированы некоторые актуальные задачи сравнительно-исторической разработки темы. Г. А. Санин отметил, что царское правительство в условиях войны не ущемляло украинской государственности; что же касается назначения воевод в некоторые города Украины, то эта мера в условиях почти постоянной войны была оправданной. События 1654 г., подчеркнул докладчик, нужно рассматривать не просто как объединение двух государств; они имели фундаментальную подоснову: этническое, религиозное и иное единство восточнославянских народов. А. Л. Хорошкевич, отметив общность их геополитических судеб, высказала мнение о том, что юридическая форма соглашения 1654 г., не являясь моментом формальным, нуждается в дальнейшем осмыслении.

Г. А. Санин заострил внимание на положительных для обоих народов результатах объединения сил для защиты своих рубежей, сформулировал положение о превращении Украины в буферную зону, рассмотрел функционирование оборонительной системы до конца XVIII в. В. А. Артамонов (Москва) указал, что сделанный гетманством в 1654 г. выбор с военной точки зрения был оптимальным. В данной связи Л. В. Заборовский подчеркнул важность объединения Украины и России для борьбы с Крымским ханством и Османской империей, агрессия которых препятствовала нормальному развитию этих стран и Польши. Он проследил этапы внешней политики царского правительства в доперелавский период, отвергнув старый миф о возникновении курса на войну с Речью Посполитой уже с Земского собора 1651 г. и обосновав тезис о готовности московского двора посредничать для достижения мира между Речью Посполитой и Украиной вплоть до львовских переговоров посольства во главе с Б. А. Репниным-Оболенским в августе 1653 г.

Конференция прошла в атмосфере сугубо научного обмена мнений специалистов, тем не менее она была далека от идиллии. Не все подходы и оценки, выдвинутые нашими украинскими коллегами, можно принять. А. Л. Хорошкевич, подчеркнув, что российские историки отказались от прежних суждений, связанных с представлениями о «вечной дружбе», «старших и младших братьях» и т. п., вместе с тем выразила обоснованную обеспокоенность приматом «государственного подхода» в современной украинской историографии, нередким «обратным советизмом», что несовместимо с подлинной наукой. Она отметила терминологическую пестроту в определении сущности украинской державы 1654 г., что свидетельствует о нечеткости основных понятий, неразработанности конкретно-политической истории, а также отрыве концепций от документального обоснования.

Г. А. Санин не согласился с тезисом о расхождении российско-украинских интересов чуть ли не с 1654/55 г. (к примеру, концентрация в тот момент главных царских армий в Белоруссии, а не на Украине вытекала из конкретной боевой обстановки и общих согласованных оперативных планов). В этой связи Л. В. Заборовский коснулся истории виленских переговоров и соглашения осени 1656 г., которые нередко произвольно интерпретируются украинскими исследователями как одна из важнейших причин Гадячского договора 1658 г. Украинская делегация, прибывшая в Вильно, не была допущена к обсуждению скорее всего из-за довольно низкого официального статуса казацких представителей сравнительно с другими послами, но едва ли по инициативе царских дипломатов. Однако во время переговоров русские посланцы неизменно категорически отклоняли все попытки польской стороны ставить вопрос о возвращении Украины в состав Речи Посполитой. Единственное, что допускалось — уточнение границ Украины после общего урегулирования в случае избрания царя на трон Речи Посполитой.

Несколько дополнительных замечаний. Признание курса на обеспечение независимости Украины главной линией политики Б. М. Хмельницкого в отношениях с Россией, Крымом и Османской империей только постулируется и требует масштабных научных исследований. В еще большей мере это относится к анализу устремлений широких масс Украины. Переяславская рада была только одним из политических этапов, за ней последовали присяга царю на территориях всех полков, а позже — обращения городов и духовенства за подтверждением прав и проч. Подобное массовое волеизъявление было редкостью в те времена. Великий гетман и украинское население верным политическим чутьем избрали тогда правильный путь: наши предки понимали требования своей эпохи лучше нас. Альтернативы проверялись на деле. Сомнительность «шведской» альтернативы стала очевидной уже осенью 1655 г., когда Карл X Густав, рассчитывая на соглашение с польской магнатерией и шляхтой, пытался изолировать Западную Украину от казаков, и в 1657 г. после вывода им без согласия союзников своих войск в Данию. «Польская» и «крымско-османская» альтернативы прошли проверку позже, итогом стала Руина. Украина оказалась разделенной, положение казачества в Левобережье ухудшалось, и причиной тому во многом были «альтернативы», за которые России пришлось дорого расплачиваться (это отмечал еще Ю. Крижанич). Тем не менее антиукраинская позиция А. Л. Ордин-Нащокина отвергалась царским правительством.

Доклады В. А. Артамонова и А. И. Путро (Киев) были посвящены военной тематике.

В первом содержался анализ состояния украинских войск от середины XVI в. до конца XVIII в. и рассмотрена их эволюция в связи с изменениями политического статуса Украины, а также даны характеристики важнейших этапов их развития. В период «роста» (середина XVI в. — 1657 г.) казацкие силы выполняли в целом оборонительную функцию в своих этнических границах и имели высокий потенциал боеспособности, что представляло крайнюю опасность для Речи Посполитой в 1648—1654 гг. На этапе «раздробления» (1657—1709 гг.) группировка украинских войск в Левобережье была наиболее крупной, достаточно мощной, но со времени Руины и особенно при Петре I «федерализм» этих сил постепенно был ликвидирован, они стали выполнять восточноевропейские задачи Российской империи, которые в «польском» и «крымском» секторах совпадали с интересами народа Украины. Третий этап характеризовался переводом украинского войска в состав вооруженных сил России, где они были вторым по численности национальным формированием и имели ряд привилегий.

А. И. Путро рассмотрел особенности развития казацких армий, преимущественно в XVIII в., особо подчеркнув их значимость для существования украинской государственности и их национальный характер (в том числе командного состава). Он отверг принятые в советской историографии стереотипные оценки тех гетманов, чья деятельность не уместилась в рамки политики царских властей, как «изменников». По мнению докладчика, история превращения казачества как войска в часть (далеко не главную) российской регулярной армии была драматичной и даже трагической. Согласно А. И. Путро, такое превращение ослабило обе составляющие, что негативно сказалось на ходе русско-турецких войн. Думается, для большей убедительности подобных выводов требуются дополнительные исследования.

С. Г. Агаджанов (Москва) обосновал необходимость системно-типологического сравнительного подхода к изучению длительного процесса образования Российского многонационального государства с учетом разнообразия способов вхождения народов в его состав и рассмотрел в этом контексте объединение Украины с Россией. Докладчик различает три ведущих типа присоединения — мирный, военный и колонизационный, связанный с освоением соседних территорий. В особую подгруппу выделяется присоединение в форме протектората на основе межгосударственных соглашений. В этом ряду Украина оказывается среди немалой группы владений, избравших мирный, добровольный путь присоединения на договорных началах по историческим, этническим, конфессиональным причинам и для обеспечения в будущем безопасных условий жизни. С. Г. Агаджанов обращает при этом внимание на исторические факторы, связанные с необходимостью обеспечения с помощью «великого государя Московского» защиты православия от католичества и угрозы ислама.

С. Г. Агаджанов путем историко-типологического анализа выделяет два главных вида автономий в структуре Российского государства — политическую и административную. Первый из них, по мнению автора, отличался от второго наличием своего, в определенной мере не делегированного правового статуса, который закреплялся исторической традицией, юридической практикой или соответствующим правовым актом. В качестве подвида политической автономии докладчик рассматривает автономные государства, не обладавшие полным суверенитетом. Левобережная Украина после 1654 г. принадлежала к числу политических автономий с несколько ограниченными внутренними и внешними функциями.

В. Н. Горобец (Киев) проанализировал эволюцию политики Петра I в украинском секторе, выделив несколько ее этапов. Е. В. Русина (Киев), проведя тонкий источниковедческий анализ

документов о взаимоотношениях русских властей с монастырями (в том числе Киево-Печерским), охарактеризовала политику царского правительства относительно Украины в XVI в. Л. Н. П у ш к а р е в (Москва) вышел за рамки доминировавшей проблематики, обратившись к истории культуры. Он отметил характерную черту историографии — чрезмерное внимание к роли русской стороны в процессе взаимопроникновения культур при одновременной недооценке значимости украинской, указал на необходимость новых подходов и привлечения свежих материалов. Докладчик дал общий очерк русско-украинских связей после 1654 г. в разных сферах культуры, в особенности подчеркнув роль украинского барокко в развитии культуры в России.

Подводя итоги, В. А. Смолий выразил удовлетворение работой конференции, которая шла в нужном направлении — совместный поиск истины, объективное рассмотрение исторических фактов. В этом смысле регулярный обмен результатами научных исследований особенно важен. Освещение истории взаимоотношений Украины и России требует новых методологий, новых дефиниций. Эти процессы могут пойти плодотворнее при взаимном сотрудничестве, а в результате исследователям удастся выработать единые подходы к изучению прошлого российско-украинских отношений на новой основе. В. А. Смолий высказал мнение, что примат «государственного видения» в нынешней украинской историографии — явление естественное и закономерное.

Заключая конференцию, А. Н. Сахаров особо отметил стремление участников прошедших дискуссий к глубоко научному анализу обсуждаемых проблем, несмотря на различие в подходах при освещении ряда конкретных вопросов российско-украинских взаимоотношений. В какой-то мере участникам удалось сформулировать те новые идеи, которые могут стать базой для воссоздания неискаженной картины прошлого. Успешное решение этой задачи возможно только при активном сотрудничестве ученых двух стран. Особого внимания заслуживает изучение реальной роли отдельных личностей в истории отношений России и Украины. Нынешний форум, отметил А. Н. Сахаров, показал, что на сей день интерес исследователей главным образом сосредоточен на изучении контактов по государственной линии, а связи народов России и Украины, как и в прежнее время, изучаются в несравненно меньшей степени.

Л. В. Заборовский

Докторские диссертации по историческим наукам, утвержденные ВАК России в первом квартале 1995 г. (специальность 07.00.02 — отечественная история и 07.00.09 — историография, источниковедение и методы исторического исследования)

1. *Березовая Лидия Григорьевна*. Самосознание русской интеллигенции начала XX века. 07.00.02. Выполнена и защищена в Российском государственном гуманитарном университете.

В диссертации интеллигенция предстает как относительно самостоятельный субъект общественно-политической жизни России в период «разлома эпох». Самосознание русской интеллигенции рассматривается в контексте национального сознания как процесс на трех этапах истории России: первая российская революция, период 1907—1914 гг., Первая мировая война. Внимание автора сосредоточено не столько на социальном поведении интеллигенции, сколько на истории ее духовной деятельности. Центральная линия работы — история «веховства» и полемика вокруг него.

2. *Бердинских Виктор Аркадьевич*. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860—1890-х годов. 07.00.09.

Работа выполнена в Кировском государственном педагогическом институте, защищена в Российском государственном гуманитарном университете.

В диссертации детально исследована практически не изученная русская провинциальная историография второй половины XIX в. Выявлена роль губернских статистических комитетов как базы научно-исторической деятельности в российской провинции и в организации краеведческого движения. Показано формирование типа историка-любителя и становления так называемой «частной» науки, во многом не зависимой от официальной университетской исторической науки.

3. *Богданов Андрей Петрович*. Русские историки последней четверти XVII века: от летописания к исследованию. 07.00.09.

Диссертация выполнена в Институте российской истории РАН, защищена в Московском педагогическом университете.

В диссертации прослеживается становление русской исторической науки (допетровской историографии) на примере исторических исследований Игнатия Римского-Корсакова, Сильвестра Медведева и Андрея Лызлова. Анализируемый материал опровергает концепцию, согласно которой становление исторической науки в России явилось результатом «европеизации» страны Петром I, было заимствованным явлением.

4. *Козлова Наталья Вадимовна-Игоревна*. Русский абсолютизм и купечество (20-е — начало 60-х годов XVIII века). 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова.

В диссертации исследуется малоизученный аспект крупной научной проблемы «Абсолютизм и сословия». Выясняется место, которое занимали проблемы коммерции и купечества в социально-экономической политике абсолютизма, рассматривается положение купца в структуре государственного управления России XVIII в. Политика абсолютизма раскрывается через историю создания, функционирования и определение характера деятельности тех органов управления, посредством которых эта политика осуществлялась.

5. *Кочетов Алексей Николаевич*. Роль профессионального образования в развитии социальной структуры советского общества (60—80-е годы). 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН.

В диссертации в историко-социологическом плане анализируется проблема взаимосвязи между развитием профессионального образования и динамикой социальной структуры советского общества. При этом акцент сделан на социально-экономическом аспекте этой проблемы. Автор раскрывает причинно-следственную связь между образовательной политикой государства, разбалансированностью структуры занятости, возникновением скрытой и открытой безработицы, упрочением социального неравенства; показана губительность некоторых устоявшихся приоритетов в этой политике, в частности смещения функций общеобразовательной и профессиональной подготовки для системы занятости.

6. *Плугин Владимир Александрович*. Андрей Рублев и духовная жизнь России конца XIV — первой трети XV века. 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в МГУ им. М. В. Ломоносова.

В работе дан анализ идейного содержания творчества Андрея Рублева. Автором предложены оригинальная методика исследования древнерусской живописи как исторического источника, методика общенаучного, общеисторического и источниковедческого характера. Посредством интеграции данных источниковедческого и художественно-стилистического анализа автор воссоздал целостную картину творчества великого художника в неразрывной связи с духовными исканиями его современников.

7. *Погодин Сергей Алексеевич*. Городское население СССР: историко-демографический анализ (середина 40-х — конец 50-х гг.). Диссертация в виде опубликованной монографии (Саратов, 1994. 14 п. л.). 07.00.02.

Диссертация защищена в Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

Историческое исследование развития городского населения СССР дано через призму социально-экономической и политической ситуации в стране. В диссертации анализируется во взаимосвязях и взаимодействии влияние на демографическую ситуацию в городе широкого спектра факторов: экономических, политических, социальных, этических, духовных, психологических, экологических. Работа базируется на большом массиве источников, в значительной мере архивных материалах, впервые вводимых в научный оборот.

8. *Черепанов Виктор Вениаминович*. Всенародная помощь фронту в годы Великой Отечественной войны. Историографическое исследование. 07.00.02—07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Военном университете (Гуманитарная академия ВС РФ).

В диссертации комплексно и всесторонне проанализирована историография проблемы. Прослежен процесс накопления и осмысления фактических знаний по теме на протяжении пятидесятилетнего периода и установлена степень их использования отдельными поколениями историков, показаны эволюция концептуальных подходов к изучению темы, логика развития исторической мысли, намечены пути дальнейшего изучения проблемы.

9. *Шебзухов Мухамед Хаджибекирович*. Трудовая активность народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Опыт. Проблемы. 07.00.02.

Диссертация выполнена в Адыгейском республиканском институте гуманитарных исследований, защищена в Институте истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН.

В диссертации на основе конкретного исторического анализа материалов Северного Кавказа показаны основные направления, формы и методы работы государственных и общественных организаций по мобилизации трудящихся на помощь фронту; проанализированы результаты развития народного хозяйства региона в период войны; определен конкретный вклад тружеников тыла в обеспечение победы над фашизмом.

М. И. Копашева,
главный специалист ВАК России

СОДЕРЖАНИЕ

К 50-летию окончания Второй мировой войны

Бобылев П. Н. — К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?	3
Пережогин В. А. — Г. К. Жуков и партизанское движение	21
Сенявская Е. С. — Героические символы: реальность и мифология войны	30
Зима В. Ф. — Послевоенное общество: голод и преступность (1946—1947 гг.)	45

Стаферова Е. Л. — Министерство народного просвещения и печать при А. В. Головине (60-е гг. XIX в.)	60
Иванов Л. М. — Страховой закон 1912 года и его практическое применение	73
Бортневский В. Г. (Санкт-Петербург) — Белая разведка и контрразведка на Юге России во время Гражданской войны	88

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Данилевский И. Н. — Замысел и название Повести временных лет	101
Флоря Б. Н. — Историческая традиция об общественном строе средневекового Полоцка	110
Бейрон С. Г. (США) — Плеханов, утопизм и российская революция	117
Зайнетдинов Ш. Р. — Революция, насилие, прогресс (Американский историк о проблемах российской истории)	129

Публикации и сообщения

Томпкинс Стюарт Рамсей (США) — Триумф большевизма: революция или реакция? Вступительная статья А. Н. Сахарова	137
Кротов П. А. (Санкт-Петербург) — К истории российского флота: матросы-«заморяне» при Петре Великом	162
Городницкий Р. А. — Егор Созонов: мировоззрение и психология эсера-террориста	168

Критика и библиография

Общественная мысль России XVIII века: спорные проблемы

Каменский А. Б.; Носов Б. В. — В. И. Моряков. Русское просветительство второй половины XVIII века (Из истории общественно-политической мысли России)	175
Литвак Б. Г. — О. Е. Глаголева. Русская провинциальная старина. Очерки культа уры и быта Тульской губернии XVIII — первой половины XIX в.	183
Будницкий О. В. (Ростов-на-Дону) — А. Гейфман. Убий: революционный терроризм в России. 1894—1917	185
Хлевнюк О. В. — Ведомственные интересы в советской истории	189
Игрицкий Ю. И. — В. Согрин. Политическая история современной России, 1985—1994. От Горбачева до Ельцина	191
Буддаков В. П. — История России: диалог российских и американских историков. Материалы российско-американской конференции (г. Саратов, 18—22 мая 1992 года)	195

Научная жизнь

В Институте российской истории РАН

Тарле Г. Я. — Научный симпозиум по проблемам истории адаптации российских эмигрантов	198
--	-----

Куликова Г. Б., Ярушина Л. В. — «От самодержавия к тоталитаризму» (Заметки с научной конференции)	200
Хохлов Р. Ф. (Дмитров) — Чтения, посвященные 840-летию г. Дмитрова	211
Касимов А. С. (Пенза), Лыкин С. С. (Коломна), Михайлов Н. В., Потолов С. И. (Санкт-Петербург) — Хроника рабочего движения в России (1895—1917 гг.): итоги, проблемы и перспективы. Конференция в Пензе и совещание в Петербурге	213
Заборовский Л. В. — 340 лет Переяславской рады. Российско-украинская конференция	217

Оргкомитет симпозиума по аграрной истории Восточной Европы сообщает, что XXV сессия симпозиума состоится в сентябре 1996 г. в г. Арзамасе. Общая тема сессии:

Аграрные технологии в России. Общие тенденции и своеобразие.

Крайний срок присылки тезисов 1 января 1996 г. (по штампу на отправлении). Адрес Оргкомитета: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова 19. Ком. 42.

Оргкомитет симпозиума
по аграрной истории
Восточной Европы

РЕДАКЦИЯ:

Секиринский С. С. — Отдел новейшей истории
Петров Ю. А. — Отдел новой истории
Французова Е. Б. — Отдел древней и средневековой истории
Костина Р. В. — Отдел истории народов
Елисеева Н. В. — Отдел историографии, источниковедения методов исторического исследования
Юрасовский А. В. — Отдел истории за рубежом
Новикова М. А. — заведующая редакцией
Полторацкая Л. Н. — старший литературный сотрудник
Вострова А. Г. — младший редактор

Технический редактор Глинка Л. И.

Сдано в набор 05.06.95	Подписано к печати 11.07.95	Формат бумаги 70x100 ¹ / ₁₆
Офсетная печать.	Усл. печ. л. 18,2	Усл. кр.-отт. 139,7 тыс.
	Тираж 7547 экз.	Уч.-изд. л. 24,5
		Бум. л. 7,0
		Зак. 2869

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

Телефон: 123-90-10

Московская типография № 2 РАН, 121099, Москва, Шубинский пер., 6